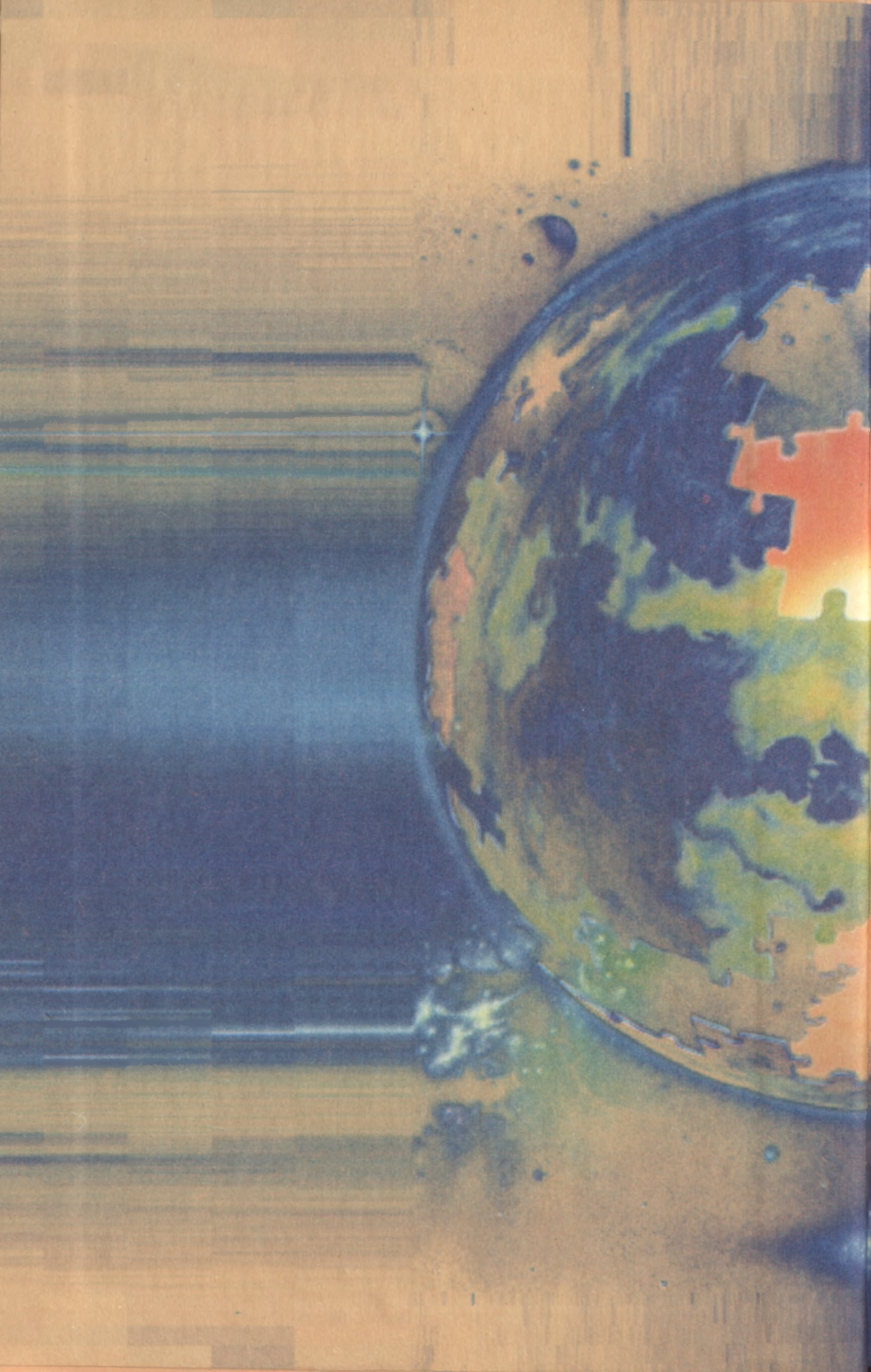

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume sixteen

THE TERRAN EMPIRE

**NOVELLAS AND SHORT
STORIES**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том шестнадцатый

ТЕРРАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Пола Андерсона. Т. 16 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 398 с.

В очередной том, продолжающий «историю будущего» по Полу Андерсону, вошли повести и рассказы о приключениях велико-
лепного тайного агента Доминика Флэндри.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Вниманию!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»
БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039 Рига, д/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»		
4	«Челн на миллион лет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
5	«Враждебные звезды» «После судебного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»		
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

**В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В шестнадцатый том собрания сочинений Пола Андерсона вошли рассказы и повести из цикла «Терранская Империя», повествующие о невероятных приключениях несравненного Доминика Флэндри, одного из самых хитроумных и обаятельных секретных агентов во всей научной фантастике.

Эти повести охватывают немалую часть жизни Флэндри. Если действие первого из них — «К тигру в клетку» — происходит непосредственно после неудачного мятежа Мак-Кормака в секторе альфы Южного Креста (Флэндри похищают едва ли не из штаба сектора), то последний рассказ — «Воины из ниоткуда» — уже захватывает период междуцарствия, за которым последовало установление династии Моллиторов.

Между этими датами — десять лет, и неумолимый ход времени ощутимо меняет характер главного героя. Если в начале книги Флэндри обводит своих противников вокруг пальца с почти юношеской легкостью (хотя трудно назвать юношей тридцатидвухлетнего капитана разведки), то с течением лет все яснее становятся разочарованность и горечь. Если в рассказе «К тигру в клетку» Флэндри изящно разрушает целое царство варваров-шотлан, то чем дальше, тем больше его деятельность превращается в жестокую, несмотря на показную вежливость, дуэль с самым опытным и могущественным агентом противника — Айхарайхом с затерянной планеты Херейон, наследником почти вымершей расы, телепатом, способным подчинить своему влиянию даже чуждых всему человеческому имирцев, водорододышащих обитателей газовых гигантов. Но даже за собственную жизнь Флэндри сражается скорее по привычке. Он предпочитает действовать не ради себя, а ради других, походя устраивая чужое счастье... или хотя бы беспечивая выживание. Неизменной остается только одна цель — отодвинуть Долгую Ночь, приближение которой окрашивает

отчаянием всю жизнь Флэндри, лишает его любви, привязанностей и веры.

И до определенной степени ему удастся достичь своей цели. Наступление эпохи мрака отодвинуто благодаря его усилиям почти на столетие. Именно вмешательство Флэндри помогло сохранить жизни и цивилизации аборигенов Старкада и Талвина (и еще поможет жителям Рамну), ввести в зону влияния Технической цивилизации жителей Ардазира и Шотлы, вернуть к культуре Терры затерянные колонии на Алтае и Юнан Бизар. Однако избежать падения было уже невозможно. Через четыре века после смерти Флэндри Империя перестала существовать, а ее падение увлекло в небытие и ее извечного противника — Мерсейю. Новую цивилизацию людей заложат жители планет, не входивших в Империю, но тоже обязанных своим существованием Доминику Флэндри — таких, как заселенный виксенитами Новый Виксен.

Однако пока Империя еще сильна. Она может остановить любого противника, достаточно дерзкого, чтобы угрожать ей. И не последняя роль в поддержании ее могущества принадлежит Доминику Флэндри — разведчику, плейбою, герою и сердцееду, последнему рыцарю, сражающемуся с ветряными мельницами...

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

К ТИГРУ В КЛЕТКУ

1

Капитан Флэндри открыл глаза и увидел металлический потолок. Одновременно с этим до его сознания дошел монотонный гул и легкая вибрация, означавшие, что он находился на борту разгонявшегося космического корабля, идущего под гипердрайвом.

Он сел так резко, что голова пошла кругом от всколыхнувшейся алкогольной мути. Завалившись спать в комнате какого-то борделя в Катавраннисе, он даже и не думал о том, чтобы в обозримом будущем покинуть город — не говоря уже о планете! А теперь...

По коже побежали мурашки, когда до него дошло, что корабль этот принадлежит не людям. Судя по размерам и форме предметов, они, несомненно, были изготовлены гуманоидами, но ничего похожего не могло быть создано в пределах Империи, да и, насколько ему известно, у ее соседей тоже.

Достаточно было одного взгляда на эту маленькую каюту. Койки обычные, на одной из них он прекрасно поместился, но постельное белье не из пластиковой ткани, а как будто — он наклонился, чтобы получше рассмотреть, — из какого-то растительного волокна, а одеяло из мха с длинным серо-голубым ворсом. Посреди комнаты — деревянные стол и несколько стульев, знавшие, судя по всему, лучшие времена — их украшали замысловатые резные орнаменты, совершенно незнакомые Флэндри — при всем его увлечении инопланетным искусством. То, как уложена металлическая обшивка, также указывает на...

Он снова сел на место. Голова шла кругом; стиснув ее руками, Флэндри попытался сосредоточиться. В висках стучало и во рту был отвратительный вкус, от спиртного такого обычно не бывало — во всяком случае от того, что он обычно употреблял. Теперь ему стало ясно, что сонливость одолела его подозрительно быстро, если же учесть, что девчонка была такой смазливой...

Накачали — о, только не это! *«Неужели я оказался таким же безмозглым, как какой-нибудь герой из стереофильма! Что угодно, но только не это!»*

Так ведь кто мог такого ожидать, кто мог предвидеть такое? Люди и существа, которых он пытался вычислить, никогда не пошли бы на такие фокусы. Кроме того, никого из них не было поблизости, в этом он уверен. Его занимало в тот момент всего лишь создание сложной сети полусветских знакомств и источников информации, которая должна была в конечном итоге невероятно окольными путями привести его к тем, кого он искал. Он просто хорошо проводил время — действительно хорошо, между прочим — и вот...

И вот теперь он в руках непонятно кого, кто явился из-за пределов Империи. Ну и что же теперь будет?

Он нетвердо встал на ноги и огляделся в поисках одежды. Никаких следов. А этот наряд ему, между прочим, стоил добрых три сотни. Он свирепо затопал к двери. Фотоэлементов не было; пришлось рывком открыть ее — чтобы уткнуться носом в дуло бластера.

Оружие было незнакомой ему конструкции, но ошибиться насчет назначения этой штуковины было невозможно. Капитан Флэндри вздохнул, расслабил мускулы и внимательно посмотрел на ее владельца.

Он был в очень высокой степени гуманоидом: возможно, немного коренастее среднего терранина — если подумать, искусственная гравитация здесь заметно выше земной — с очень белой кожей, длинными рыжеватыми волосами, бородой и раскосыми фиолетовыми глазами. Уши имели заостренную форму, а над тяжелыми надбровными дугами росли два небольших рога. В целом он производил вполне человеческое впечатление. В приличной одежде и с капюшоном вполне мог бы сойти за человека.

Но, конечно, не в таком наряде — костюм его состоял из юбки-килта, форменной рубашки, сверкающих лат из бериллиевой бронзы, шлема, высоких ботинок со шнуровкой на голых ногах и устрашающего кинжала. Не хватало разве что пары скальпов на пояс.

Он жестом приказал пленнику вернуться в каюту, а сам протяжно протрубил в рог, подвешенный к поясу. Коридор огласился

громовым эхом, от первобытных интонаций которого у капитана Флэндри по спине пробежал холодок.

В ожидании дальнейших событий он не спеша размышлял: никакой внутренней связи по всему кораблю, нет даже переговорных труб. Плюс предметы обстановки из дерева, растительных и животных волокон плюс этот архаический костюм — никаких сомнений, это варвары. Но про такое племя он ничего не слышал.

В этом не было ничего особенно удивительного, ведь Терранская Империя и еще полдюжины других цивилизованных государств обитаемой Галактики правила несколькими тысячами разумных рас и имели контакт с еще неизвестно сколькими тысячами, большинство из которых, конечно, были до сих пор привязаны к своей планете, но уже достаточное число племен на границах Империи переняли современную технологию, не изменив при этом своего первоначального взгляда на вещи. Так всегда и происходит, когда варваров делают наемниками.

Окраинные племена все еще жили разбоем, досаждая пограничным планетам, но едва ли привлекая к себе внимание в масштабе целой Империи. От них иногда откупались, иногда сталкивали их друг с другом — а изредка Империя могла даже послать карательную экспедицию. Но если однажды сильная раса варваров сплотится в надежную коалицию под предводительством сильного лидера — тогда *vae victis!**

Появилась группа существ, захвативших Флэндри, состоявшая, очевидно, из офицеров, охранников и нескольких рабов. Их предводитель был высокого роста, мощного телосложения, с холодным высокомерием в светло-голубых глазах, выдававших расчетливый ум. Голову его украшал золотой венец, а крупное тело покрывало роскошное красочное одеяние, некоторые детали которого — Флэндри мог безошибочно сказать — были изготовлены в пределах Империи. Вероятно, награбленное.

Вся компания остановилась прямо перед капитаном, и предводитель окинул его нарочито-презрительным взглядом. Подвергаться такому осмотру в обнаженном виде другому было бы неприятно, но у Флэндри полностью отсутствовало чувство стыда, и его ответный взгляд был невозмутим.

Предводитель наконец заговорил, на английском, с сильным акцентом, но достаточно бегло:

— Вам ничего не остается, как признать себя пленным, капитан Флэндри.

Естественно, они обшарили его карманы. Он спросил ровным голосом:

---

* Горько побежденным! (лат.) (Здесь и далее примеч. пер.)

— Просто ради любопытства, вы заплатили той девчонке?

— Разумеется. Уверяю вас, шотланы совсем не такие безмозглые дикари, как это обычно представляют на Терре, хотя, — по его лицу мелькнула тень улыбки, — это убеждение нам только на руку.

— Шотланы? Что-то не припоминаю, чтобы имел удовольствие...

— Вы скорее всего ничего о нас не слышали, хотя у нас бывали контакты с Империей. Мы сочли разумным оставаться в тени, с точки зрения терран, пока не придет наше время. Но что, по вашему мнению, заставило алларийцев вторгнуться в ваши пределы пятнадцать лет назад?

Флэндри мысленно перенесся в прошлое. Он тогда был еще мальчиком, но, конечно же, с живейшим интересом следил за сообщениями о том, что ужасные полчища кораблей наводнили приграничную полосу и даже напали на Вегу. Только тяжелейшее сражение при Мирзане остановило алларийцев. Однако оказалось, что они сами спасались бегством от какого-то племени, дикого и могущественного народа, который прошелся огнем и мечом по их собственной системе. Это было вполне обычным явлением для беспокойных звездных миров, заселенных варварами. Данный конкретный случай привлек внимание Империи только потому, что беженцы попытались в свою очередь завоевать ее. Политические бури внутри собственных владений не позволили терранам разобраться в этом вопросе подробнее, а потом обо всем этом благополучно забыли.

— Значит, это вы гнали перед собой алларийцев? — спросил Флэндри, стараясь, насколько позволяло его положение, выдерживать интонацию вежливого интереса.

— Да. И не только их. У шотланов теперь своя небольшая империя в дикой части Галактики. Но так как сами терране к нам никогда не прилетали, мы, как я уже сказал, остались для них практически неизвестными.

Так, значит, шотланы переняли технологию у какой-то иной расы, возможно, у других варваров. Знакомая картина. Флэндри легко мог это себе представить. Космические корабли приземляются в первобытном мире, первоначальный священный трепет туземцев уступает место осознанию того, что люди, явившиеся с неба, в конечном счете мало чем отличаются от них самих — их так же можно убить; торговцы, студенты, наемные рабочие и воины отправляются в более развитые миры и, возвращаясь, привозят с собой новые научные знания и технологии; строятся фабрики, появляются машины, затем какой-нибудь местный царек решает воспользоваться новым могуществом, чтобы подчинить себе всю планету; затем, чтобы как-то объединить своих

беспокойных подданных, он обращает их внимание на звезды, суля славу и богатую добычу...

Шотланы лишь добились большего, чем все остальные. К тому же, находясь вдали от имперской границы, они смогли достичь страшного могущества, не привлекая к этому факту внимания самодовольной, одержимой политикой Империи. Настанет их день, и тогда...

Vae victis!

2

— Давайте поговорим начистоту, — сказал вождь варваров. — Вы пленник на военном корабле, который уже находится на задворках Империи, на расстоянии многих световых лет от Ллинатавра, и держит курс прямо на Шотлу. Шансов на то, что вас спасут, — никаких, снисхождение вы можете заслужить лишь собственным поведением. Сделайте из этого выводы.

— Можно спросить, почему вы выбрали именно меня? — в голосе Флэндри не было и тени враждебности.

— Вы благородного происхождения и являетесь офицером высокого ранга в имперской службе разведки. Это придаст вам некоторую ценность в качестве заложника. Но в первую очередь нас интересует информация.

— Но я же...

— Я знаю, — в ответе прозвучало отвращение. — Вы типичный представитель своей опустившейся расы. Я достаточно долго следил за деградацией Империи, чтобы понимать это. Вы просто испорченный маменькин сынок, которого посадили на тепленькое местечко, где можно носить пижонскую униформу и играть в войну. Полное ничтожество.

Флэндри позволил себе вспыхнуть, якобы от гнева.

— Послушайте, вы...

— Все совершенно очевидно, — сказал варвар. — Вы приезжаете на Ллинатавр с целью выследить опасных заговорщиков. И в такой-то ситуации вы регистрируетесь в крупнейшем отеле Катаврянниса как капитан Доминик Флэндри из имперской службы разведки и отправляетесь шляться в своей дорогой униформе, бросая туманные намеки о своих интересах и роде своих занятий — которые состоят из выпивки, азартных игр, амурных походов ночью и мертвого сна днем! — Голубые глаза смотрели на него с холодной иронией. — Хотя, может быть, вы рассчитываете на то, что враги Империи надорвут себе животы от смеха, наблюдая все это, и подохнут?

— Если все это так, — неуверенно начал Флэндри, — тогда почему...

— Ну, что-нибудь вы все-таки должны знать. Вращаясь в определенных кругах, вы даже помимо своей воли могли набраться всякой случайной информации. Несомненно, вы знакомы с организацией и характером деятельности собственного ведомства, что нам совсем не помешает знать. Мы выжмем из вас все, что вам известно! Затем вы нам понадобится для других целей — для контакта с людьми из Империи, перевода документов, для различных поручений, а в конечном итоге у вас даже есть шанс выйти на свободу, — варвар потряс огромным кулаком. — А если вам вздумается что-то скрывать, то помните — заплечных дел мастера с Шотлы знают свое ремесло.

— Обойдемся без мелодраматических угроз, — утрюмо произнес Флэндри.

Просвистел кулак, и Флэндри упал на пол, успев почувствовать только, как потемнело в глазах. С трудом поднявшись на четвереньки, размазывая по полу капающую с лица кровь, он словно в тумане услышал голос:

— С этой минуты, убожество, ты будешь обращаться ко мне, как подобает обращаться рабу к наследному принцу Шотлы.

Терранин неуверенно встал на ноги. На какое-то мгновение кулаки его непроизвольно сжались. Принц ухмыльнулся и новым ударом сбил его с ног. Подняв глаза, Флэндри увидел мускулистые руки на прикладах бластеров — никаких шансов, абсолютно никаких. Кроме того, принц вряд ли был садистом. Такого рода жестокость среди варваров была в порядке вещей — если подумать, в пределах Империи с рабами обращаются скорее всего так же.

Главной проблемой было все-таки выжить.

— Слушаюсь, сэр, — пробормотал он.

Принц повернулся и ушел.

Ему вернули одежду, правда, кто-то уже успел содрать с нее золотые галуны и ордена. Флэндри посмотрел на испачканную и изодранную форму и вздохнул. Сшито на заказ!..

Во время бритья он обозревал себя в зеркале. Оттуда на него смотрело лицо с широкими скулами, прямым носом и квадратной челюстью, с тщательно уложенными рыжеватыми волосами и щегольскими усами. «Пожалуй, даже слишком красив», — подумалось ему, но что делать — он был молод, когда пошел в косметический кабинет делать себе лицо. «Наверное, после того как весь этот бардак закончится, стоит придать себе слегка потрепанный вид в соответствии с возрастом». Ему ведь было как никак за тридцать, — совсем большой мальчик, Доминик.

Кости черепа и лица были все-таки его собственными, как и глаза: большие и ясные, слегка раскосые, того странного серого цвета, который кажется то голубым или зеленым, то черным, то

золотистым. И подтянутое, среднего роста тело было тоже дано ему от природы. Он ненавидел физические упражнения, но прилежно выполнял дневную норму, так как его работа требовала физической силы и ловкости. Ну и конечно, человек в хорошей физической форме всегда выделялся на фоне обычно хилых земных аристократов; благодаря своей фигуре он никогда не скучал во время отпуска.

«Ладно, хватит любоваться собой, старик». Он натянул рубашку, брюки и куртку поверх шелконового белья, надел сверкающие сапоги, нахлобучил офицерскую фуражку с тщательно рассчитанной небрежностью и отправился на встречу со своими новыми владельцами.

Шотланды, как он вскоре узнал, в сущности были не такими уж плохими ребятами. Большие, шумные, сильные дикари, жадные до приключений, добычи и воинской славы; ему понравилась их отвага, преданность и неожиданные проявления чувств. Но в то же время они могли впадать в буйную ярость, жестоко обращались со всеми, кто стоял у них на пути, и их интеллект, по мнению Флэндри, оставлял желать лучшего. Да и мыться им не мешало бы почаще.

Этот военный корабль был одним из дюжины ему подобных, отправившихся под предводительством наследного принца Сердика в поход за добычей. Они опустошили немало городов, среди которых были даже официально подчинявшиеся Терранской Империи, а на обратном пути послали человека на Ллинатавр, чтобы выйти на связь с агентом Сердика. Узнав, что там появился специальный агент с Терры для какого-то расследования, Сердик приказал его похитить. Вот и вся история.

Теперь они держали путь домой, набив трюмы добычей, а головы — планами новых набегов. Может, этому и не стоит придавать особого значения, но — как бы это сказать — Сердик и его отец Пенда не были похожи на заурядных вождей, а Шотландия — на заурядное первобытное государство.

Неужели кто-то среди далеких звезд наконец собрал силу, способную сокрушить Империю? Неужели Долгая Ночь действительно стояла на пороге?

Флэндри решительно выкинул из головы эту мысль. Не до того сейчас. Даже его работу на Ллинатавре, какой бы важной она ни была, сможет и будет выполнять кто-то другой — хоть и без присущего Флэндри блеска, подумал он с грустью — а ему нужно решать свои неотложные проблемы здесь и сейчас. Он должен оценить могущество и амбиции шотланов; разузнать их планы и передать информацию на Терру, а может, даже попытаться каким-то образом расстроить их. А вот потом можно будет подумать и о спасении собственной шкуры.

По приказу Сердика его привели в капитанскую каюту. Это было типичное логово вождя дикарей, с головами диких животных на стенах и их же шкурами на полу. На почетном месте древние щиты и мечи, в углу сияла золотом ваза, украденная с какой-то планеты художников. Но были и бросающиеся в глаза современные детали: аппарат для чтения микрофильмов и множество книжных роликов из Империи, астрографические таблицы, компьютер и речевой принтер. Принц сидел в массивном резном кресле, небрежно набросив на плечи шелконовую мантию. Он кивнул довольно дружелюбно.

— Первым делом ты должен выучить шотланский, — начал он без предисловий. — Пока что никто из наших людей, даже из высшего сословия, не овладел англиком, а очень многие захотят поговорить с тобой.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Флэндри. Это было как раз то, чего он и сам очень хотел.

— Тебе стоит как-то упорядочить свои знания, чтобы ясно изложить их, — сказал принц. — А я, имея опыт жизни в Империи, смогу оценить твою правдивость, — он невесело усмехнулся. — Если будет повод заподозрить тебя во лжи, то готовься к пыткам. И тогда один из наших сенсоров доберется до истины.

Значит, у них и сенсоры есть. Телепаты, которые могут определить, врет ли то или иное существо, после того как боль в достаточной степени дезорганизует его разум. Неизвестно, что хуже — они или имперские гипнозонды.

— Я буду говорить правду, сэр, — сказал он.

— Я надеюсь. Если ты будешь с нами сотрудничать, то мы в долгу не останемся. Когда мы вторгнемся в Империю, нас ждут несметные богатства. При этом люди, осуществляющие нашу связь с их расой, приобретут значительное влияние.

— Сэр, — начал Флэндри, слабо пытаясь возразить, — я даже в мыслях не могу...

— Да все ты можешь, — мрачно произнес Сердик. — Знаю я вас, людей. Я путешествовал инкогнито по всей вашей Империи и был даже на самой Терре. Приходилось выдавать себя за одного из вас или, по мере надобности, за представителя других имперских народов. Я *знаю*, что такое Империя — с ее полным разложением, с самодовольными политиками и жадными до удовольствий толпами, взятками и интригами на каждом шагу, крушением моральных ценностей и чувства долга, превращением искусства в ремесло, а науки — в стоячее болото. Когда-то вы, люди, были великой расой, вы одни из первых обратили взгляд к звездам, и, я полагаю, мы вам кое-чем обязаны. Но теперь вы изменились до неузнаваемости.

В такой точке зрения было много тенденциозного, но и достаточно правды, чтобы заставить Флэндри поморщиться. Сердик продолжал, все более возвышая голос:

— За вашими границами растет новая сила, молодой народ, полный энергии, мужества и честолюбивых замыслов, и ему суждено смести остатки прогнившей Империи и построить заново нечто лучшее.

«Но только сперва, — подумал Флэндри, — наступит Долгая Ночь, смертельный мрак и конец цивилизации, ревущие дикари на развалинах наших храмов и мириады мелких тиранов на осколках Империи. Не говоря уже о том, что будет с хорошей музыкой, хорошей кухней, вкусом в одежде, умением разбираться в женщинах и светской беседой как высоким искусством».

— У нас есть то главное, что вы утратили, — сказал Сердик, — и я думаю, что в конечном итоге это будет решающим. Честность. Флэндри, шотланды — это народ честных воинов.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, сэр, — произнес Флэндри.

— Да, конечно, у нас есть свои злодеи, но их немного, и обычай личных поединков скоро сведет их количество к минимуму, — сказал Сердик. — Но даже их зло — это нечто явное и откровенное: алчность, беззаконие и тому подобное. Это совсем не то, что взяточничество, интриги и предательство ваших вонючих политиков. Большинство из нас живет по закону чести. Ни одному настоящему шотландцу даже в голову не придет нарушить клятву, бросить товарища, дав честное слово, соврать, или совершить какой-либо подобный позорный поступок. Наши женщины не шляются, строя глазки первому встречному; до свадьбы их место дома, а потом они становятся матерями и ведут хозяйство. Наши мальчишки с детства учатся уважать богов и короля, сражаться и говорить правду. Смерть мало что значит, Флэндри, она неизбежно приходит к каждому, но честь остается навечно. Мы не позволяем себе разлагаться. Мы охраняем честь дома и огнем и мечом искореняем всякую мерзость. Мы живем в соответствии с тем, во что верим. Именно поэтому победа будет за нами.

«Военные корабли тоже не помешали бы», — подумал Флэндри. И затем, взглянув в холодные ясные глаза: — Он фанатик. Но чертовски сообразительный. Из таких получаются самые опасные враги».

Вслух он осторожно спросил:

— Разве любая военная хитрость не подразумевает ложь, сэр? Ваш собственный маскарад во время путешествия по Империи...

— Естественно, некоторая свобода действий необходима, — не очень охотно ответил принц. — К тому же по отношению к

чуждым расам можно делать все что угодно. Тем более когда они настолько лишены понятий о чести, как терране.

«Еще и старый добрый комплекс расового превосходства. Ну-ну».

— Я все это тебе говорю, — признался Сердик, — в надежде, что ты все обдумаешь, поймешь, что наше дело правое, и прикнешь к нам. Нам понадобится много инородцев, особенно из людей — для связи, разведки и тому подобных вещей. Ты еще не все потерял в этой жизни.

— Я подумаю об этом, сэр, — сказал Флэндри.

— Тогда можешь идти.

Флэндри не нужно было два раза повторять.

С тех пор как корабль взял курс на Шотлу, прошло уже больше трех недель. Флэндри хватило двух из них, чтобы в совершенстве овладеть разговорным языком, но он сознательно симулировал косноязычие и просил говорить помедленнее. Подумать только, сколько интересного можно узнать, притворяясь, что ничего не понимаешь. Речь не идет, конечно, о военных тайнах, но те общие замечания, обрывки частных бесед, отдельные обычаи и представления, которые Флэндри старательно фиксировал в памяти, изумительно складывались при сопоставлении с уже имеющейся информацией в цельную картину.

Сами шотланы вели себя вполне дружелюбно, с охотой слушая его рассказы про сказочные достижения имперской цивилизации и с не меньшей охотой бахвались своими захватывающими прошлыми и будущими свершениями. Держать Флэндри под усиленной охраной в таких условиях было бессмысленно, и он мог практически свободно передвигаться по кораблю. Спал и ел он вместе с воинами, перебрасывался с ними солеными шутками, пел разудалые песни, успешно участвовал в импровизированных борцовских поединках, чем завоевал немалое уважение, доверие и даже друзей среди молодежи.

Азарт был у этого народа в крови. Флэндри быстро обучился их играм, в свою очередь распространив новые забавы из Империи, и вскоре отыграл назад украденные у него аксессуары, да сверх того еще несколько нарядов и приятно звенящий кошелек. Даже как-то стыдно было отбирать у этих взрослых детей их игрушки. Им просто не приходило в голову, что с игральными костями и картами можно жульничать.

Картина пополнялась все новыми деталями.

Дикие племена Шотлы уже несколько поколений объединены под властью фритийских царей. Теоретически это абсолютная монархия, хотя в действительности все сословия, за исключением рабов, являются свободными. Они уже покорили не меньше сотни систем, довольствуясь данью с одних и податью с других, а

кроме того, распространили свое влияние на всю доступную им область космоса. В коалицию, возглавляемую Пендой, вошла еще дюжина мелких варварских государств, провозгласивших своей целью вторжение в Империю, захват Терры, уничтожение имперской армии и установление собственного господства. Большинство из них не думает ни о чем, кроме добычи, хотя некоторые, вроде Сердика, мечтают об укреплении и расширении могущества Империи при новой власти.

В их распоряжении имеется внушительный флот — его точную численность Флэндри установить не удалось, — причем по организации и технологии ему нет равных среди варваров. Плюс развитая промышленность, где трудятся в основном рабы, под присмотром шотланов. Плюс трезвые лидеры, располагающие всей информацией и готовые выждать, пока очередной политический кризис не ослабит Империю. Все это не предвещает ничего хорошего!

Тем более что выждать дальше было уже невозможно. Несмотря на беспрецедентное благополучие, возникшее благодаря промышленности, дани и пиратству, вся Шотла напряглась перед прыжком на горло Империи: аристократы, воины — весь сектор Галактики был одержим одним свирепым желанием. Когда именно они сорвутся с цепи — остается только гадать. Военная мощь Империи, несомненно, значительнее, но удастся ли мобилизовать ее вовремя? Не придут ли другие соперничающие империи с радостью на помощь Пенде? Разве нельзя себе представить, что банда бесстрашных оголтелых фанатиков возьмет верх над инертной массой самодовольных офицеров и безразличных наемников, из которых по большей части и состоит сегодня имперская армия?

Неужели Долгая Ночь действительно уже на пороге?

3

Шотла оказалась во многом похожей на Терру — только чуть больше, чуть дальше от своего солнца, и три маленькие луны были расположены к ней ближе, что вызывало сильные морские приливы. Флэндри представилась возможность детально рассмотреть планету в телескоп — увеличительных экранов на корабле не было, — и он с тщательно скрываемым энтузиазмом ею воспользовался, пристально глядяваясь в очертания континентов на гигантском, величественно вращающемся среди звезд диске.

Планета была еще сравнительно мало заселена, большую ее часть занимали девственные леса и равнины, и лишь изредка мелькали городки и деревни, лепившиеся у высоких стен феодальных замков. Большая часть промышленных предприятий

находилась на других планетах, однако все крупнейшие военные базы размещались на самой Шотле и ее спутниках. Флэндри прикинул, что численность всех шотланов едва ли достигает миллиарда, даже если учесть всех тех, кто занят управлением звездными колониями. Впрочем, это не уменьшает исходящую от них угрозу. Массы слабоумных кретинов не только не дают никаких преимуществ Империи, но скорее от них можно ждать всяческих неприятностей.

Корабли Сердика перестроились, каждый из капитанов направился в свое владение. Флагман же приземлился на большом поле близ столицы, Ютагара. После помпезной, как обычно, церемонии встречи принц послал за Флэндри.

— Как ты теперь к нам относишься? — спросил он.

— Ваш народ мне очень импонирует, сэр, — сказал терранин, — не зря вы говорили мне о сильных и честных людях.

— Значит, ты решил активно помогать нам? — холодно поинтересовался принц.

— Мне, вообще-то, не приходится выбирать, сэр, — пожал плечами Флэндри. — Я в любом случае останусь пленником, если только не сумею завоевать доверие. А единственный путь добиться этого — добровольное сотрудничество.

— А как же твой собственный народ?

— Человек прежде всего хочет жить, сэр. Непокойное сейчас время.

Сердик с презрением скривил рот.

— Я почему-то был о тебе лучшего мнения, — произнес он, — но, в конце концов, чего можно ждать от представителя человеческой расы? Все вы готовы на любое предательство ради собственной выгоды.

— Разве не этого вы от меня хотели, сэр? — с неподдельным удивлением спросил Флэндри.

— Да-да, все правильно. Идем со мной. Но держись на расстоянии — меня от тебя слегка тошнит.

Они поднялись к огромному серому замку, вознесшему свои витые остроконечные башни над городом, и вскоре Флэндри была предоставлена аудиенция у самого короля Шотлании.

В огромном слабо освещенном зале, увешанном знаменами и древними щитами, было довольно прохладно, несмотря на несколько пылавших костров. Пенда сидел в конце помещения, кутаясь в шубу и поеживаясь на непомерно большом троне с резными драконами. Он походил на своего старшего сына — та же суровость, те же белесоватые глаза, лишенные, правда, его цепкой проницательности. «Крепкий мужик, — подумал Флэндри, — сильный, безжалостный, но вряд ли большого ума».

Сердик сел справа от отца. Королева стояла слева, поеживаясь в сырой прохладе зала, а по обеим стенам выстроились гвардейцы. Отблески огня играли на их латах, шлемах и алебардах; они казались ожившей легендой, но, впрочем, Флэндри тут же отметил, что у каждого на поясе был бластер.

Присутствовали также увенчанные сединами генералы и советники, аристократы, явившиеся с визитом, а также несколько младших сыновей Пенды. Некоторые из посетителей были представителями других рас, и отношение к ним было несколько пренебрежительным. Во всяческих зеваках, бардах, танцорах и снующих туда-сюда рабах тоже недостатка не было. Если не принимать во внимание размеры — и исходящую отсюда угрозу, — это был типичный двор повелителя варваров.

Флэндри преклонил колено как полагается, но тут же выпрямился и посмотрел в глаза королю. Его положение было не очень определенным; официально он пленный раб Сердика, а реально — кто? И кем ему суждено стать со временем?

Пенда задал несколько самых тривиальных вопросов, а затем медленно произнес:

— Ты должен будешь побеседовать с присутствующим здесь генералом Нартеофом, главой нашей разведки, и рассказать ему все, что знаешь. Можешь также вносить предложения, если захочешь, но помни, что тайные намерения будут непременно раскрыты и повлекут за собой суровое наказание.

— Я буду честен, ваше величество.

— Разве есть честные терране? — бросил Сердик.

— А вот хотя бы я, — не смущаясь ответил Флэндри. — Пока мне платят, я служу верой и правдой. Так как я уже не нахожусь на содержании у Империи, то ничего не поделаешь — приходится искать нового хозяина.

— Я не уверен, что от тебя будет большая польза, — сказал Пенда.

— Мне кажется, что будет, ваше величество, — смело возразил Флэндри. — Причем даже в мелочах. Вот в этом восхитительно украшенном зале, например, так холодно, что руки немеют и приходится надевать шубу. Я же запросто мог бы показать вашим техникам, как установить отопительную систему, от которой здесь будет тепло как летом.

Пенда вскинул густые брови. Сердик откровенно усмехнулся:

— Типичные терранские фокусы. Неужели мы, отважные охотники за *воргарами*, станем нежиться в роскоши как мягкотелые жители Империи?

Флэндри украдкой посмотрел на присутствующих и отметил на многих лицах разочарование. Улыбнувшись про себя, он решил, что суровые идеалы принца были не очень-то популярны в

среде этой варварской аристократии. Если бы они только осмелились...

Осмелилась вставить слово королева, хотя и не очень уверенно:

— Ваше величество, что плохого в том, что будет тепло? Я, например, в последнее время постоянно мерзну.

Флэндри взглянул на нее повнимательнее. Ему уже было кое-что известно о королеве Гунли. Молодая третья жена Пенды была родом из Южной Шотлы, из-за Ютагара; ее соплеменники были несколько более цивилизованны, чем господствующие фритийцы. Она была необычайно хороша собой, с темными густыми волосами и огромными глазами цвета фиалок на нежном лице. В ее фигуре чувствовалась подавленная жизнерадостность; интересно, проклинала ли она судьбу за свою благородную кровь и, вследствие этого, за неизбежный брак по расчету?

Их глаза на какое-то мгновение встретились.

— Не вмешивайся, — сказал Сердик.

Гунли легким движением коснулась ладони Пенды. Король вспыхнул.

— Не смей так говорить со своей королевой, Сердик, — сказал он. — На самом деле этот имперский фокус просто другой, лучший тип костра, который никто не называет роскошью. Мы разрешаем терранину сделать его.

Флэндри поклонился с едва сдерживаемой иронией. Бросив исподлобья взгляд на королеву, он поймал озорную искорку в ее глазах. Она все поняла.

Нартеоф старательно строил из себя хвастливого рыцаря, но в его суровых маленьких глазах, поблескивавших на обросшем лице, скрывался пронизательный ум. Откинувшись назад и заложив руки за голову, он вопросительно посмотрел на Флэндри:

— Если ты говоришь правду ...

— Это чистая правда, — сказал терранин.

— Вполне возможно. Твои сообщения пока что подтверждаются тем, что нам уже известно, и проверить остальное тоже не составит большого труда. Если ты не врешь, то структура управления Империей фантастически совершенна, — он улыбнулся, — чего и следовало ожидать, благодаря этому она покорила звезды в стародавние времена. Но от структуры зависит не больше, чем от людей, которые в ней задействованы, а всем известно, какими малодушными и трусливыми стали нынче граждане Империи.

Флэндри промолчал, но про себя вспомнил благородное поведение сирианских отрядов на Гарраполи и несгибаемое мужество Валацийского Легиона, и... да что толку продолжать? Надменный

шотлан, похоже, просто не в состоянии понять, что государство, деградировавшее настолько, насколько они себе это воображали, не просуществовало бы достаточно долго, чтобы быть их врагом.

— Нам придется все перестраивать, — сказал Нартеоф. — Мне все равно, правду ты говоришь или нет, но в твоих словах много здравых мыслей. Организация нашей армии полностью устарела. Просто смешно, например, назначать людей на командные должности, исходя из их благородного происхождения или проявленной безрассудной отваги, вместо того чтобы смотреть на бесспорную силу интеллекта.

— Вы полагаете, что из отличного солдата получится столь же отличный офицер, — сказал Флэндри. — Это совсем не обязательно. Сильный и жестокий воин может сильно завысить свои требования к подчиненным. Не могут же все быть суперменами.

— Еще одно ценное замечание. И обязательно нужно отметить фехтование; мечи в наши дни совершенно бесполезны. Гораздо нужнее будет математика для расчета траекторий и многого другого. — Нартеоф поморщился. — Даже подумать страшно, что могло произойти, если бы мы три года назад последовали совету некоторых горячих голов и вторглись в Империю. В лучшем случае оставили бы после себя довольно много развалин, но не более того.

— Вам нужно подождать по крайней мере еще лет десять или двадцать, чтобы как следует подготовиться.

— Это невозможно. Аристократов это не устраивает. Кто хочет быть герцогом планеты, когда впереди маячит титул наместника целого сектора? Но год или два у нас еще есть. — Нартеоф нахмурился. — С твоей помощью я могу сделать что-то более путное из своей собственной службы. В смекалистых ребятах у меня недостатка нет. Но что касается других родов войск — Боже, какие тупицы ими командуют! Я довел себя до хрипоты, споря с Норнагастом, но все это бесполезно. Этот идиот просто не в состоянии понять своими мозгами, что космическому флоту такого масштаба, как наш, просто необходим специальный навигационный отряд, оснащенный семантическими калькуляторами... И что хуже всего, он приходится двоюродным братом королю и равен мне по званию. Выше головы я прыгнуть не могу.

— С Норнагастом всякое может случиться, — пробормотал Флэндри.

— Что? — открыл рот Нартеоф, — О чем это ты?

— Да так, ни о чем, — непринужденно сказал Флэндри. — Но чисто теоретически представьте себе, что хорошо владеющий мечом человек решит затеять ссору с Норнагастом. У него, без сомнения, много врагов. Если он, к несчастью, погибнет на

дуэли, вы сможете первым добиться аудиенции у короля и убедить его назначить достойного преемника. Конечно, в этом случае о дуэли нужно будет узнать заранее.

— Подлое предательство!..

— Я всего лишь строил предположения, — спокойно произнес Флэндри. — Однако я мог бы вспомнить ваши собственные слова. Едва ли справедливо, чтобы командная должность, почести и богатства доставались глупцу, когда есть гораздо более способные люди, оказавшиеся по воле случая ниже ступенью на сословной лестнице. Вы сами сказали, что Шотла в целом только страдает от этого.

— Я даже слышать не желаю о подобных гнусностях.

— Ну и не нужно. Я же просто размышляю вслух. Ничего не могу с собой поделать. У терран на уме одни гнусности. Но мы все же однажды завоевали звезды.

— Так можно дойти до... нет! — Нартеофа передернуло. — Воин не должен марать себе руки в навозе.

— Конечно, не должен. Но он мог бы воспользоваться вилами. Инструменты безразличны к грязи. Человек, держащий их в руках, может даже не вникать в подробности... Давайте вернемся к делу. — Флэндри чувствовал себя все более непринужденно. — Вот еще некоторая информация, которой располагают только высокопоставленные официальные лица. У Империи имеется много арсеналов и складов, охраной которым служит только их засекреченность. Император не доверяет охрану таких источников могущества первому попавшемуся отряду, а надежных легионов на все не хватает. Поэтому для этих целей используются затерянные необитаемые планеты. — Нартеоф теперь не сводил с него глаз. — Мне известно только об одной, но зато вполне доступной. Это необитаемая заброшенная система в нескольких парсеках по ту сторону границы, вторая планета, изрытая подземными шахтами и напичканная космическими кораблями, атомными бомбами, топливом — хватит, чтобы уничтожить весь мир. Небольшой флот из скоростных кораблей мог бы проникнуть туда, забрать большую часть припасов и вооружений, а остальное уничтожить, прежде чем ближайший гарнизон успеет прибыть на место.

— Ты не врешь?

— Можете легко проверить. Если я обманываю, то вам это будет стоить небольшого отряда, только и всего — а мне, я вас уверяю, совсем не хочется быть замученным до смерти.

— О боги! — Нартеофа трясло от волнения. — Я должен сообщить Сердику, немедленно...

— Можете сообщить. А можете просто отправиться туда самостоятельно, никому не говоря. Если Сердик узнает, то именно он

будет руководить операцией. А так вы можете стяжать себе славу — и могущество...

— Сердику это не понравится.

— Будет уже поздно. Победителей не судят.

— Да, он что-то слишком возгордился. Неплохо было бы его немного проучить, — усмехнулся Нартеоф, — Да! Клянусь бородой Волтама, я это сделаю! Давай координаты...

Через некоторое время генерал оторвал взгляд от записей и озадаченно посмотрел на Флэндри.

— Если все так, как ты говоришь, а я верю, что все именно так, — медленно произнес он, — это будет самая настоящая катастрофа для Империи. Почему ты на нашей стороне, терранин?

— Вероятно, ваши цели мне несколько ближе, — пожал плечами Флэндри, — а возможно, я просто реалистично оцениваю свое положение. Мы, терране, живучие твари — везде приспосабливаемся. Но у меня здесь есть враги, Нартеоф, и, судя по всему, появятся еще. Мне понадобится могущественный покровитель.

— Можешь считать, что он у тебя есть, — пообещал варвар. — Ты слишком полезен для меня, чтобы отдать тебя на растерзание. И... черт возьми, терранин, не знаю почему, но ты мне нравишься.

4

Игральные кости с грохотом разлетелись по столу и замерли. Принц Торрик незлобно выругался и придвинул горку монет к Флэндри.

— Похоже, мне никогда не суждено выиграть, — засмеялся он. — Ты любимчик богов, терранин.

«Для раба у меня дела идут совсем неплохо, — подумал Флэндри. — Я становлюсь богатым».

— Удача улыбается слабым, ваше высочество, — улыбнулся он, — сильные в ней не нуждаются.

— В Тиздгар эти титулы, — сказал молодой воин. Он был пьян; лицо его залилось краской от вина, вино лужицами растекалось по столу. — Мы с тобой стали хорошими друзьями, Доминик. С тех самых пор, как ты привел в порядок мои дела...

— У меня способности к счету, да и терранское образование помогает, Торрик. Тебе, однако, нужны деньги.

— Когда Империя будет в наших руках, их хватит на всех. Мне же достанется в управление целая звездная система.

Флэндри изобразил удивление:

— Всего лишь одна система? Сын короля все-таки...

— Надо сказать спасибо Сердику, — Торрик резко помрачнел. — Грязный *авагар* убедил отца, что только один — он сам, конечно же — должен унаследовать трон. По его словам, ни одно королевство не может пережить разделения власти между сыновьями.

— По-моему, это очень несправедливо. И почему Сердик так уверен, что он лучше всех?

— Он старший. И это главное. А при его высокомерии ему даже в голову не придет в этом сомневаться. — Торрик опустошил еще один кубок.

— В Империи все устроено гораздо лучше. Преемник выбирается из большого круга семей, учитывая исключительно личные качества.

— А у нас все по старинке, что я могу поделаться?

— Разве так должен говорить настоящий воин, Торрик? Сразу же расписываться в своем поражении — я был о тебе лучшего мнения!

— Но что я могу сделать?..

— Есть варианты. Власть Сердика, как и власть любого вождя, основана на преданности тех придворных, которые его поддерживают, и личной гвардии. Его не очень-то любят. Будет не так уж сложно расположить к себе многих из его друзей.

— Но это же предательство — ты что, хочешь сделать из меня убийцу брата?

— Разве я хоть что-нибудь сказал об убийстве? Это можно назвать просто смещением. Всегда можно выделить ему в управление пару систем, как он собирался поступить с тобой.

— Но послушай, у меня нет никакого опыта в этих ваших терранских интригах. Если я правильно понял, ты предлагаешь перени... переманить его союзников, посулить им больше, чем он... Как это называется — подкупить? — я в этом ничего не смыслю, Доминик. Не умею я такие дела проворачивать.

— Этого от тебя не потребуется, — пробормотал Флэндри, — достаточно содействия. Что может быть достойнее, чем помогать своим друзьям?

Граф Моргар, получивший во владение покоренные планеты Зантуди, был аристократом, могущество и влияние которого далеко превосходило его официальное положение. Жадность его также превосходила все разумные пределы.

Он сказал капитану Флэндри:

— Терранин, твой совет отдать на откуп сбор налогов почти удвоил мои доходы. Но теперь туземцы взбунтовались против меня, при первой возможности убивая моих солдат и предпочитая

сжигать свои фермы, чем платить оброк. Как поступают в Империи в таких случаях?

— Но ведь вам, конечно же, не составит большого труда подавить восстание, сэр, — сказал Флэндри.

— Все верно, но с покойников уже ничего не возьмешь. Неужели нет лучшего способа? Всем моим владениям грозит хаос.

— Есть несколько вариантов, сэр, — Флэндри стал перечислять некоторые из них: марионеточные местные советы, пропаганда, возлагающая всю вину на какого-нибудь козла отпущения, и прочие сценарии. Не упомянул он только о том, что все эти методы эффективны только при искусном применении.

— Достаточно, — произнес наконец граф, бросив на невозмутимо улыбавшегося Флэндри суровый испытующий взгляд. — Ты успел оказать услуги многим шотланским лидерам, не так ли? Особенно это касается Нартеофа — захватив имперский арсенал, он стал большим человеком. Про других тоже есть что сказать. Однако создается впечатление, что от этого страдают скорее другие шотландцы, чем Империя. Мне все еще непонятна смерть Норнагаста.

— История показывает, что перспективы большой наживы всегда вызывают внутренние конфликты, сэр, — сказал Флэндри. — В подобной ситуации сильный воин должен сконцентрировать в своих руках как можно больше власти и тем самым объединить народ перед лицом общего врага. Именно таким образом первым терранским императорам удалось прекратить гражданские войны и стать властителями всей доступной в их времена Вселенной.

— Гм-м, да. Нажива — власть — богатство — да, да, какой-нибудь действительно достойный воин...

— Так как нас никто не слышит, сэр, — сказал Флэндри, — рискну заметить, что Шотла сама видела много династических переворотов.

— Да... я, конечно, давал присягу королю. Но если предположить, только предположить, что подлинному благу Шотлы могла бы послужить свежая сильная кровь...

Подробностям этого дела они посвятили весь следующий час. Флэндри предложил принца Кортана в качестве возможного ценного союзника, но предостерег от сближения с Торриком, у которого есть свои честолюбивые планы...

В день зимнего солнцестояния состоялся большой пир. Город и дворец утопали в ярком свете под оглушительный хохот и звуки музыки. Облаченные в лучшие из своих нарядов воины и аристократы хвастались друг перед другом будущим разорением Империи. Примечательно, что число пьяных стычек с кровавым исходом в этом году заметно выросло, особенно в высших слоях общества.

Неосвященных углов все-таки было достаточно. Флэндри стоял в одной такой нише у большого открытого окна и смотрел мимо городских огней на огромные белые холмы, освещенные бешено несущимися по небу лунами. Над головой по-зимнему ярко сверкали звезды; казалось, до них можно было достать рукой и снять с небосвода. Снаружи веяло холодом. Флэндри поплотнее закутался в плащ.

Послышались чьи-то легкие шаги. Обернувшись, он увидел королеву Гунли. Ее высокую юную фигуру скрывала тень, но зато лунный свет падал на лицо, от которого исходило призрачное сияние. Настоящая красавица по терранским меркам, если не считать маленьких рогов и...

«Это все-таки не совсем люди. В них много человеческих черт, но ни один терранский народ никогда бы не проявил такой прямолинейности! — Улыбнувшись про себя, он подумал: — Но от женщин нигде не приходится ждать особого умения вести политическую игру, ни на Терре, ни на Шотле. Так что женщины здесь вполне человечны, с какой меркой ни подходи».

Шутливый цинизм сменился необъяснимой грустью. Черт возьми, ему нравилась Гунли. В последние месяцы они часто смеялись вместе, и ее искренность и доброжелательность... ладно, лучше не надо об этом.

— Что ты здесь делаешь в таком одиночестве, Доминик? — спросила она совсем тихо, и ее глаза в мертвенно-бледном лунном свете показались еще огромнее.

— Мне вряд ли следует веселиться вместе со всеми, — с горькой усмешкой ответил он. — Я стану причиной слишком многих стычек. Добрая половина из них до смерти меня ненавидит.

— А вторая половина не может жить без тебя, — улыбнулась она. — Ладно, мне самой не очень-то хочется там быть. Эти фритийцы такие дикари. Дома... — она посмотрела в окно, и слезы внезапно навернулись ей на глаза.

— Не надо плакать, Гунли, — тихо произнес Флэндри. — Только не сегодня. Ведь этой ночью солнце заново начинает свой путь. В новом году всегда есть место новым надеждам.

— Я не могу забыть былые годы, — сказала она с поразившей его горечью.

Внезапно он понял:

— Был кто-то другой, да?

— Да. Молодой рыцарь. Но он был ниже меня по происхождению, и в результате я оказалась замужем за немощным старым Пендой. А Джомана погиб в одном из походов Сердика... — она обернулась к нему со слабой улыбкой. — Дело не в Джомане, Доминик. Он был очень дорог мне, но даже самые глубокие раны

со временем заживают. Но я думаю о всех других юношах и их любимых...

— Мужчины сами стремятся к этому.

— Мужчины — может быть, но не женщины. Только бы не ждать изо дня в день корабль, на котором может оказаться лишь его щит. Только не качать на руках младенца, зная, что через несколько лет он превратится в окоченевший труп на одной из безвестных планет. Только не... Ладно, — она расправила изящные плечи, — все равно ничего не поделаешь.

— Ты очень смелая и красивая женщина, Гунли, — сказал Флэндри, — такие, как ты, вошли в историю, — и он негромко запел сочиненную им в манере шотланских бардов песню:

Вот ты стоишь передо мною,
Омраченная печалью.
Но в лунном свете превратились
Слезы девичьи в алмазы
В окаймлении волшебном
Из волос посеребренных.
Красота твоя, о Гунли, —
От богов подарок щедрый.

Внезапно она оказалась в его объятиях...

Свифаш, король Ситафара, был в гневе. Он расхаживал взад и вперед по внутренним покоям, хлеща себя хвостом по кривым ногам и изрыгая из клыкастой пасти картавые шотланские слова.

— Они обращаются со мной как с каким-то *крайксом*! — шипел он с сильным акцентом. — Я, король планеты и повелитель разумной расы, должен склоняться перед этим грязным варваром Пендой. Наши корабли занимают самые невыгодные позиции в строю, где меньше всего шансов на добычу. Чванливые шотланцы на Ситафаре относятся к моему народу не как к военным союзникам, а как к закабаленным крестьянам. Это невыносимо!

Флэндри уважительно помалкивал. Он бережно взращивал недовольство короля рептилий с того самого момента, как тот прибыл на Шотлу на совет, но важно было, чтобы Свифаш приписывал все эти идеи себе одному.

— Клянусь Темным Богом, я бы при первой возможности перешел на сторону терран! — выпалил Свифаш. — Ты говоришь, они достойно обращаются со своими подданными?

— Верно, опыт показал, что расовые предрассудки слишком большая роскошь, ваше величество. В действительности гражданами Терры являются не только люди. И конечно же, все вассальные

государства Империи имеют внутреннюю автономию, не распространяющуюся лишь на некоторые торговые и военные вопросы, требующие единой политики. Кроме того, их правители могут рассчитывать на помощь и поддержку со стороны несметно богатой и могущественной Империи.

— Моя знать меня поддержит, — сказал Свифаш. — Они бы с гораздо большим удовольствием грабили не имперские, а шотланские планеты, если бы не страх перед мстостью Пенды.

— Многие другие союзники Шотлы испытывают сходные чувства, ваше величество. А другие присоединились бы к восстанию просто ради соблазнительной добычи, им нужна только уверенность в победном исходе. Остается только всех собрать и договориться...

— А у тебя ведь широкие связи, терранин. Ты как паук, плетущий паутину. Но в случае провала я, конечно, останусь в стороне и расплачиваться ты будешь один.

— Естественно, ваше величество.

— Но если получится — ха! — черные глаза без век засверкали, а раздвоенный язык заметался во рту, — ха, пограбить Шотлу — это по мне!

— Нет, ваше величество. Шотлу необходимо пощадить. С лихвой хватит ее колоний.

— Почему же? — с прохладцей спросил король.

— Дело в том, ваше величество, что у нас будут шотланские союзники, готовые сотрудничать только на этом условии — некоторые жадные до власти аристократы... Кроме того, существует южное националистическое движение за отделение от фритийского севера... и могу даже намекнуть, что оно имеет тайного лидера в лице самой королевы...

Глаза Флэндри были так же холодны, как и голос:

— Если вы и убьете меня, герцог Асдагаар, вам это ничем не поможет. Я оставил надежному человеку все уличающие вас документы. Он передаст их прямо королю в том случае, если я не вернусь.

Шотлан добела сжал кулаки на подлокотниках кресла. Его голос дрожал от бессильного гнева:

— Ты исчадие ада! Презренный червь!

— Человеку с вашей биографией глупо обзывать, — сказал Флэндри. — Герцог Асдагаар — отцеубийца, предатель, клятвопреступник, богохульник, обо всем этом свидетельствуют факты. Кое-что из этого подтверждается бумагами, но есть еще имена отдельных свидетелей и сообщников, знакомых с некоторыми деталями вашей карьеры. Человеку без чести на Шотле лучше умереть. И он умрет, можно не сомневаться.

— Но как ты узнал? — в голосе герцога зазвучали нотки отчаяния, дрожь овладела его телом.

— У меня свои способы. Например, я много узнал, заведя знакомства среди ваших рабов и слуг. Знатные люди вроде вас забывают, что у представителей низших сословий тоже есть глаза и уши, да к тому же язык, чтобы разговаривать друг с другом.

— Ну что же... — герцог едва дышал, — чего ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы вы помогли нескольким людям. В ваших руках сосредоточена большая власть...

Деревья в саду шелестели на легком весеннем ветру. Воздух был напоен ароматом свежей зелени; где-то в сумерках пела птица, и в крови бродило старое как мир ожидание лета.

Флэндри пытался отдаться чувствам, которые вызывал у него восхитительный вечер, но напряжение было слишком велико. Нервы натянулись как струны, тело исхудало, глаза ввалились. С Гунли происходило то же самое, но это как будто даже обостряло ее красоту; все, что в ней было незнакомого и странного, проявилось с особой отчетливостью.

— Ну вот, корабль стартовал, — сказал он. В голосе чувствовалась усталость, — Этагир не должен встретить препятствий на пути к Ифри, да и вообще он умный малый. Так или иначе, адмирал Уолтон получит мое письмо, — он нахмурился, его левый глаз задергался в нервном тике, — но самым критическим фактором является время. Если наши силы опередят события или запоздают, это может иметь роковые последствия.

— Я не беспокоюсь об этом, Доминик, — отозвалась Гунли. — Ты знаешь, как устраивать такие вещи.

— Мне никогда раньше не приходилось управляться с империей, прекрасная моя. В ближайшие несколько дней все будет висеть на волоске. Вот почему я хочу, чтобы ты на время покинула Шотлу. Возьми корабль с надежной охраной и отправляйся на Алаган или Гимли, или на какую-нибудь другую отдаленную планету, — он улыбнулся уголком рта. — Кому будет нужна победа, если ты погибнешь, Гунли?

— Я должна умереть. Я изменила своему господину — я обещена... — отрешенно произнесла она.

— Ты спасла свой народ — своих родных южан, и в конечном счете, всю Шотлу.

— Но нарушенные клятвы... — Она заплакала, тихо и безнадежно.

— Клятва — это только средство. Оно не должно заслонять собой цель.

— Клятва есть клятва. Но, Доминик, необходимо было выбрать между Пендой и... тобой.

Он изо всех сил старался утешить ее. Но про себя угрюмо отметил, что еще никогда не чувствовал себя таким подлецом.

Невооруженному глазу война в космосе была едва заметна — лишь краткие вспышки излучения среди звездных скоплений, изредка — темный силуэт корабля на фоне Млечного Пути. Но адмирал Уолтон улыбался со сдержанным удовлетворением, получая весь объем информации через семантический интегратор.

— Мы добиваем их, — произнес он, — наша оперативная группа имеет двукратный численный перевес, не говоря уже о том, что они дезорганизованы и деморализованы.

— С кем мы сражаемся? — поинтересовался старший помощник Чанг.

— Точно не известно. Они разбились на такие мелкие группы, что невозможно понять, кто есть кто. Но, судя по донесению Флэндри, это должен быть — никак не могу запомнить его чудное имя — герцог Маркаграв со своим флотом. Он удерживает этот сектор и верен королю. Но не исключено, что это Келри, тоже враждебный Империи — но воюющий с Маркагравом и выступающий против короля.

— Клянусь солнцами, кометами и маленькими зелеными астероидами! — вырвалось у Чанга. — Похоже, что вся шотланская гегемония рассыпалась. Полный хаос! Происходит война всех против всех не на жизнь, а на смерть! Как ему это удалось?

— Не знаю, — усмехнулся Уолтон, — но Флэндри ас имперской разведки. Для него творить чудеса не в диковинку. О чем говорить, если до того, как его похитили дикари, он самостоятельно управлялся с проблемами Ллинатавра. И знаешь, как ему это удалось? Заявившись туда чуть ли не под фанфары, он прекрасно сыграл роль политического назначенца, использующего свое положение, чтобы пуститься в крутой разгул, и в результате вышел на заговорщиков благодаря контактам со всевозможными подонками общества. Им и в голову не могло прийти, что он представляет какую-либо опасность — это все выяснилось после того, как целый отряд оперативников полгода бился над тайной его исчезновения.

— Значит, шотланы все это время держали в плену считай что целую армию и даже не догадывались об этом?

— Совершенно верно, — кивнул головой Уолтон, — захватив капитана Флэндри, они совершили роковую ошибку. Безопаснее было бы взять в дом кобру!

Ютагар был охвачен огнем. Дикие ревушие толпы бесчинствовали на улицах, движимые яростным безумием и страхом перед нависшей катастрофой. Остатки армии Пенды покинули город и

бежали на север, преследуемые наступающими силами восставших южан. Там их ждали неприятности от партизан Торрика, представлявших в свою очередь остатки армии, разбитой графом Моргаром после убийства Пенды наемниками Кортана. Самого Моргара уже не было в живых, а его сторонники потерпели поражение от Нартеофа. Дружина же самого графа, развращенная алчностью и коррупцией, пала под ударами оправившихся роялистов.

Но Нартеоф, в свою очередь, погиб от руки мстительных родственников Норнагаста. Захват им верховной власти и попытки провести реформы не вызвали ничего, кроме смятения, после его смерти только усилившегося. Теперь роялисты терпели в космосе поражение за поражением, как от бывших союзников и взбунтовавшихся планет, так и от беспощадно наступавшего флота терран.

Шотланская империя развалилась на сотни обломков, терзавших друг друга в отчаянных попытках вернуть свое и окончательно забывших об интересах целого. Запутавшись в непостижимой сети интриг и предательств, великие лидеры погибали или выходили из игры, наскоро заключив мир с Террой. Война и анархия перекидывались с одной звезды на другую — но на самом деле война была ограниченной, а борьба — мелочной. Ресурсов и организационных возможностей для настоящей войны и сопутствующего ей разрушения уже явно не хватало.

В оставленном почти всеми дворце еще находилось несколько гвардейцев, ожидавших появления терран и конца всех мучений. Им ничего и не оставалось, кроме как ждать.

Капитан Флэндри стоял у окна и смотрел на город. Радостной приподнятости не было. Да и опасность еще не миновала. Сердик находился где-то на планете, а уж он наверняка догадался, кто стоял за всем этим.

Гушли подошла к терранину. Ее лицо было бледным как никогда. Смерть Пенды застала ее врасплох и причинила жестокие страдания. Но теперь ничего не оставалось, нужно было довести дело до конца.

— Кто мог подумать? — прошептала она. — Кто мог вообразить, что мы дойдем до такого? До того, что могучая Шотла будет лежать у ног завоевателя?

— Я мог, — безучастно произнес Флэндри. — Такие наспех сложенные империи, вроде вашей, никогда не утверждаются. Варварам просто не хватает знаний и способностей, чтобы управлять ими. Им ведь нужно только грабить, а не строить. Конечно же, Шотла была особенно уязвима для подобных подрывных действий. Ваша хваленая честность сыграла вам плохую службу. Полностью избегая даже намеков на бесчестные поступки, вы пребываете в полном невежестве как относительно их тонкостей, так и

относительно защитных мер. Ваша честь всегда была лишь скрытой склонностью к бесчестью. Мне пришлось лишь продемонстрировать вашим людям выгоды предательства. Будь они по-настоящему людьми чести, мне пришел бы конец после первого же предложения. Вместо этого они с жадностью ухватились за предоставленные возможности. Так что не составило особого труда натравить их друг на друга до такой степени, что взаимное доверие стало невозможным, — он невесело улыбнулся. — Мало кто из шотланов протестовал против подкупа, убийства или предательства, убедившись, что им это выгодно. Уверю тебя, большинство терран оказались бы более дальновидными и осознали бы неизбежный крах, к которому все это ведет.

— И все же честь есть честь, и я ее потеряла вместе со своим народом. — Гунли посмотрела на него со странным огоньком в глазах. — Доминик, позор смывается только кровью.

Его нервы и мускулы вдруг напряглись от ощущения смертельной опасности:

— О чем это ты?

Она утатила у Флэндри его бластер из чехла и отскочила, прежде чем он успел шевельнуться.

— Нет... стой там! — завизжала она, — Доминик, ты хитроумный человек. Но хватит ли у тебя мужества?

Он не двигаясь стоял под прицелом.

— Мне кажется... — ему не хватало слов. *«Нет, она не помешалась. Но все-таки она не была до конца человеком, в ней тоже сидел варвар-фанатик. Спокойно, Флэндри, спокойно, иначе верная смерть».* — Мне кажется, я не раз рисковал жизнью, Гунли.

— Да. Но ты никогда не сражался. Ты никогда не встречался с противником в открытом бою, как подобает воину. — Ее тонкое красивое лицо исказилось от боли, дыхание сбивалось. — Это важно для тебя не меньше, чем для него, Доминик. Он должен получить шанс отомстить за отца — за себя, — за павшую Шотлу, и у тебя тоже должен быть шанс. Если победишь — значит, ты сильнее и право на твоей стороне.

Кто сильнее, тот и прав. Это оказалось единственным нерушимым законом Шотлы. Старое как мир испытание поединком — здесь, на чужой планете, вдалеке от зеленой Терры...

Вошел Сердик, держа в каждой руке по мечу и свирепо сверкая налившимися кровью глазами.

— Я впустила его, Доминик, — сказала Гунли, уже не сдерживая слез. — Я не могла иначе: Пенда был моим господином — но убей же его, убей!

Судорожным движением она выбросила бластер в окно. Сердик вопросительно посмотрел на нее. Почти беззвучно она объяснила:

— Я могла бы не выдержать и застрелить тебя, Сердик.

— Благодарю! — свирепо прорычал он, — С тобой я разберусь позже, изменница. А пока... — он едва не подавился от смеха, — я нарежу тебя, дружище, на ма-а-ленькие кусочки. Ибо кто из вас — цивилизованных терран — умеет обращаться с мечом?

Гунли чуть не упала.

— О боги, о всеильные боги — я не подумала об этом...

Внезапно она набросилась на Сердика, царапаясь, кусаясь и пытаясь выхватить у него клинок.

— Бей его, Доминик! — завизжала она. — Бей его!

Принц размахнулся мускулистой рукой, послышался глухой удар. Гунли тяжело упала на пол.

— А теперь, — ухмыльнулся Сердик, — выбирай оружие!

Флэндри сделал несколько шагов вперед и взял один из узких, изящных мечей. Как ни странно, его мысли больше всего были заняты королевой, распростершейся на полу. Бедняжка, на нее навалилось такое напряжение, которое не под силу простому смертному. Но если обстоятельства сложатся удачно, для нее еще не все потеряно.

Глаза Сердика стали почти мечтательными. Скрестив клинок с Флэндри, он улыбнулся.

— Это будет расплата за все, — произнес он. — Прежде чем умереть, ты перестанешь быть мужчиной, терранин...

Звон стали эхом отозвался в огромном зале. Флэндри парировал смертоносный выпад и, в свою очередь, рассек принцу щеку. Сердик с рывком бросился вперед, мастерски орудуя клинком. Флэндри отступил, отражая удары, и уперся спиной в стену.

На какое-то мгновение они замерли, клинок к клинку, истекая потом, но понемногу более сильный шотлан начал клонить руку Флэндри к полу. Внезапно терранин поддался и увернулся в тот самый момент, когда меч принца просвистел около лица.

Он отбежал назад, а Сердик снова бросился в атаку. Шотлан полностью раскрылся для простого встречного удара, но Флэндри не хотел убивать его. Они еще раз сошлись, скрестив клинки, и терранин только ждал случая.

Долго ждать ему не пришлось: на одно неловкое движение Сердика он ответил мастерски исполненным вращением клинка. Меч принца, закрутившись, полетел через всю комнату, а сам он оказался безоружным с острием клинка Флэндри у горла.

Какое-то мгновение он просто ничего не мог понять. Флэндри хрипло засмеялся и сказал:

— Мой дорогой друг, ты забываешь, что сознательное влечение к архаике — одна из характерных черт загнивающего общества. Вряд ли найдется хоть один имперский аристократ, не занимавшийся *научным* фехтованием.

Только тяжесть поражения слышалась в упрямом голосе принца:

— Тогда убей меня. Покончи с этим.

— Достаточно уже было убийств, а кроме того, ты еще можешь быть полезен. — Флэндри отбросил свое оружие и сжал кулаки. — Но кое о чем я давным-давно мечтаю!

Несмотря на мощное, но неуклюжее сопротивление шотлана, Флэндри бил его до тех пор, пока на нем не осталось живого места.

— Мы спасли Шотлу, всю Шотлу, — сказал Флэндри. — Ты только подумай, девочка. Что бы произошло, если бы вы проникли дальше в Империю? Даже если бы вы победили — в чем я всегда сомневался, ибо Терра могущественнее, чем вы думали, — это привело бы лишь к новой гражданской войне. Вы просто не умеете управлять империей. То, что ваши собственные союзники и колонии восстали при первом же удобном случае, — самое лучшее тому доказательство. Вы бы начали грызться за добычу, вмешались бы более могущественные силы, и перспектива для Шотлы была бы одна — разорение. Через какое-то время даже память о вас стерлась бы из истории Галактики. То, что произошло, на самом деле очень незначительно; погибло намного меньше людей, чем могло бы погибнуть при успешном вторжении в Империю. А теперь Терра принесет сюда мир, о котором ты мечтала, Гунли.

— Да, — прошептала она, — мы заслужили это завоевание.

— Но только не ты, — возразил он. — Южане сейчас удерживают Шотлу, и Терра признает их в качестве законного правительства, а тебя — в качестве королевы, Гунли. Да, вы станете еще одним вассальным государством Империи, но сохраните все свои права и свободы, кроме свободы грабить и убивать другие народы. А торговля с остальной частью Империи принесет вам большее богатство и стабильность, чем любая война.

Я полагаю, что Империя действительно находится в упадке. Но это не значит, что она не может в один прекрасный день пережить очередной Ренессанс. Когда энергичные молодые народы вроде вашего начнут руководствоваться древней мудростью Терры, Галактика может достичь вершин процветания.

На ее лице появилась улыбка, пускай слабая, но уже свидетельствующая о возвращении бывшего душевного равновесия.

— Мне кажется, Империя не так уж чужда нам, Доминик, — сказала она. — Особенно когда в ней есть такие люди, как ты, — она взяла его руки в свои, — что ты теперь собираешься делать?

Он посмотрел ей в глаза, и вдруг в глубине души почувствовал себя страшно одиноким. Она была так красива.

Но из этого никогда не могло ничего получиться. Лучше не задерживаться, пока яркие воспоминания не поблекнут от ежедневного общения глубоко чуждых друг другу людей. Со временем она забудет его, найдет кого-то другого, а он...

— У меня есть моя работа, — сказал он.

Их взгляд был устремлен в ясное небо. Высоко над ними блеснул на солнце, словно падающая звезда, первый идущий на посадку корабль Империи.

ЧЕСТНЫЕ ВРАГИ

1

Дверь позади резко распахнулась, и чей-то голос мягко проговорил:

— Добрый вечер, капитан Флэндри.

Он круто обернулся, рефлекторно хватаясь за станнер, — и уставился на ствол бластера. Тогда он медленно, не делая резких движений, опустил руку и напряженно замер; взгляд его скользнул с бластера на узкую шестипалую руку, державшую оружие; потом капитан внимательно оглядел высокое худощавое тело и сардонически усмехающееся лицо вошедшего.

Это было лицо гуманоида — тонкое, с ястребиным носом, золотистой кожей, с блестящими янтарными глазами под голубыми пучками перьев на месте бровей и с пышным хохолком блестящих синих перьев на узком лысом черепе. Существо было одето в простую белую тунику, в какие одевались представители его народа, — она оставляла открытыми когтистые, похожие на птичьи, ноги; однако на шее чужака висела сверкающая драгоценностями лента, означающая его высокое положение в обществе, а широкие плечи укрывал плащ, похожий на поток крови.

Но ведь все, все должны быть на празднестве, под приглядом... Флэндри сам проследил за этим. Как же могло случиться такое?..

Сделав над собой усилие, Флэндри слегка расслабился и изобразил на лице кривую улыбку. Теперь неважно, кто во всем виноват; его поймали с поличным в жилых помещениях мерсейцев, и сейчас нужно думать лишь о том, как унести ноги. Мысли вихрем неслись в голове капитана. Он вспомнил... да, перед ним

стоял не кто иной, как Айхарайх с Херейона, лишь несколько дней назад присоединившийся к составу мерсейского посольства и, похоже, выполнявший здесь задание, сходное с заданием самого капитана Флэндри.

— Прошу извинить за вторжение, — сказал капитан. — Это чисто профессиональное действие. Я никого не хотел оскорбить.

— Никто и не подозревает вас в подобных намерениях, — вежливо откликнулся Айхарайх.

Он говорил на безупречном английском, лишь чересчур резко, как и все представители его расы, выделяя слоги.

Капитан мельком подумал, что взаимная вежливость шпионов не значит ровно ничего. Ведь так легко пристрелить чужака — а потом выразить безграничное сожаление по поводу того, что один из асов разведки Терранской Империи убит по ошибке, всего лишь из-за того, что его приняли за грабителя.

Но почему-то Флэндри решил, что вот этот стоящий перед ним херейонит не способен на столь грубую выходку. Загадочная раса его планеты была слишком старой, слишком холодной и цивилизованной, а сам Айхарайх имел репутацию существа на редкость коварного. Флэндри приходилось слышать о нем прежде; Айхарайх, безусловно, придумал бы что-нибудь посложнее...

— Совершенно верно, — кивнул Айхарайх. Флэндри вздрогнул: как смогло это существо так точно угадать его мысли?.. — Но — надеюсь, вы меня извините за мои слова — вы совершили ошибку, попытавшись столь бесцеремонно обыскать наши апартаменты. Есть и лучшие способы добывать информацию.

Флэндри взглядом оценил расстояние и взаимную позицию. Совсем под рукой на столе стояла ваза. Если схватить ее и швырнуть в руку, держащую бластер...

Бластер небрежно качнулся.

— Я не советую вам даже пытаться, — сказал херейонит и отошел в сторону. — Доброй ночи, капитан Флэндри.

Терранин шагнул к двери. Он не мог допустить, чтобы его вот так запросто выставили — во всяком случае сейчас, когда успех всей его работы зависел от того, выяснит ли он, что замышляют мерсейцы. Если бы удалось сделать резкий выпад, проходя мимо херейонита...

Капитан бросился в сторону — и очутился под прицелом бластера. Айхарайх, не привыкший к местному притяжению, куда более сильному, чем на его родной планете, просто не мог отреагировать с такой скоростью. Вместо этого он убийственно-точно ударил Флэндри стволом бластера в челюсть. Терранин покачнулся и, получив еще один удар — на этот раз по основанию черепа, — свалился на пол.

Несколько мгновений Флэндри лежал, задыхаясь, и по его лицу струилась кровь. Сквозь гудящую тьму до него донесся насмешливый голос Айхарайха:

— Ну, в самом-то деле, капитан Флэндри, я был о вас лучшего мнения. А теперь уходите, пожалуйста.

Терранин с трудом поднялся на ноги и вышел за дверь. Айхарайх проводил его взглядом; на костлявом, длинном лице херейонита мелькнула едва заметная улыбка.

По бесконечному коридору, выложенному полированным камнем, Флэндри добрался до апартаментов посольства Терры. Почти все люди находились сейчас на празднике, и нарядные комнаты были пусты. Флэндри упал в кресло и позвонил своему личному рабу, чтобы тот принес выпить. Покрепче.

За спиной капитана послышались легкие шаги и соблазнительный шорох длинной мягкой юбки. Флэндри обернулся — и увидел Элайн Чанг-Ли, госпожу Марсианского Сырта, свою коллегу по работе, одного из лучших агентов разведки Сола.

Элайн была высокой и гибкой, темноволосой и темноглазой, с высокими скулами и кожей цвета слоновой кости — этот удивительный цвет был теперь присущ большинству обитателей Терранской Империи, он явился следствием долгого смешения рас; туалет цвета морской волны удачно подчеркивал ее красоту. Флэндри нравилось смотреть на Элайн, хотя у него давно уже выработался иммунитет к женской красоте.

— Что случилось? — сразу спросила Элайн.

— Что это тебя занесло сюда? — ответил вопросом Флэндри. — Я думал, ты давно на вечеринке, привлекаешь всеобщее внимание.

— Я просто хотела немного отдохнуть, — сказала она. — В системе Сола официальные приемы невероятно скучны и унылы, а вот на Бетельгейзе впадают в другую крайность. Я хотела побыть в тишине. — И с искренним беспокойством добавила: — Но у тебя неприятности.

— Черт его знает, как могло такое случиться, ума не приложу, — сказал Флэндри. — Смотри... мы из кожи лезли, чтобы Сартаз пригласил всех и со всеми поссорился. Мы абсолютно убеждены, что каждый мерсеец, присутствующий на этой планете, находится на празднике. Они совершенно уверены, что их кибер-замки надежно охраняют квартиры — им и в голову не могло прийти, что я нашел способ открывать двери... И что происходит? Не успеваю я войти, как следом является Айхарайх с Херейона — с бластером в своей куриной лапке! Он предвидел все мои действия и просто указал мне на дверь. Конец сцены.

— Айхарайх... где-то я слышала это имя. Но оно звучит совсем не по-мерсейски.

— Верно. Херейхон — незаметная, но очень старая планета Мерсейской империи. Ее жители — полноправные члены содружества, наравне с основной расой... ну, как в Терранскую Империю вошли многие негуманоиды. О нем слышали очень немногие — именно потому, что он весьма хорош в своем деле. Да и я прежде никогда с ним не сталкивался.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — кивнула Элайн. — Если он именно таков, как ты говоришь, и если он здесь, на Альфзаре, — это дурные новости.

Флэндри пожал плечами:

— Просто мы должны принять его в расчет. Как будто у нас без него мало хлопот!..

Он встал и подошел к двери балкона. Две луны Альфзара уже взошли, заливая медно-красным светом необъятные дворцовые сады. Теплый ветерок доносил ароматы странных цветов, какие никогда не распускались под лучами Солнца, и слышались звуки непонятной, лишенной мелодии музыки, так любимой монархом Бетельгейзе...

Флэндри смотрел на красноватый свет, на роящиеся в небе звезды — и на краткий миг его вдруг охватила грусть. Галактика слишком велика. Даже те четыре миллиона звезд, что входят в Терранскую Империю, — слишком много для одного человека, ему не познать их за всю жизнь. А где-то там, вдали, во тьме Пространства — империи-соперники... Горразан, и Ифри, и Мерсейя... похожие на голодных хищников...

Слишком много, слишком много. А личность значит слишком мало в безграничном хаосе современной цивилизации. Флэндри подумал об Элайн — в ее обязанности входило знать все о существах вроде Айхарайха; однако один человеческий мозг не может вместить в себя Вселенную. Ему не хватает для этого знаний и сил.

И слишком много взаимно чуждых друг другу рас; слишком много сил сталкиваются в космосе, и так безнадежно мало тех, кто понимает ситуацию в целом и пытается свои крохотные силки использовать в лучших целях... Это похоже на то, что некто голыми руками пытается остановить гигантскую лавину.

Элайн подошла к Флэндри и дотронулась до его руки. На ее лице, смутно различимом в лунном свете, появилось такое знакомое выражение... Капитану следует избегать Элайн, когда — или если — они вернутся на Терру; ему не хотелось бы понапрасну тревожить девушку: он не может позволить себе слишком привязываться к одному-единственному человеку...

— Неужели тебя так обескуражила неудача? — беспечно спросила Элайн. — Доминик Флэндри, в одиночку победивший Шотландию, встревожен из-за одной костлявой птишки?

— Просто я не понимаю, как он мог узнать, что я намерен обыскать их квартиры, — пробормотал Флэндри. — Я прежде не попадался на подобном, даже в те времена, когда был всего лишь паршивым щенком в разведке. И еще... кое-кто из лучших наших людей в свое время спасовал перед Айхарайхом. Я уверен, что исчезновение Мак-Мерти в районе Полярной — его лап дело. Возможно, теперь наша очередь.

— Ох, да оставь ты! — рассмеялась девушка. — Должно быть, когда тебе рассказывали сказки о нем, ты наглотался соргана.

— Соргана? — Флэндри вздернул брови.

— А, наконец-то я могу рассказать тебе нечто, чего ты не знаешь! — Элайн отчаянно старалась казаться веселой. — Но тут нет ничего слишком интересного; просто я как-то слышала о соргане, от одного парня из команды по борьбе с наркотиками на Альф-заре. Эта штука производилась на одной из местных планет — на Сингеторе, кажется; и у соргана есть любопытное свойство: он подавляет некоторые центры мозга, а в результате жертва теряет способность критического мышления. И верит абсолютно всему, что ей говорят.

— Хм-м. Для нашей работы эта штука может оказаться полезной.

— Не слишком. Гипноз при допросе лучше, а чтобы производить фанатиков — есть куда более надежные пути. К тому же действие соргана можно снять — есть противоядие, дающее постоянный иммунитет. Так что на деле пользы от него не слишком много, к тому же Сартаз уже запретил его производство.

— Ну, думаю, наша разведка не отказалась бы припрятать немножко такого средства — на всякий случай, — задумчиво сказал капитан. — И, конечно, вельможи любой империи, включая и нашу, сочли бы такой препарат надежным помощником при обольщении...

— О чем это ты? — поддразнила его Элайн.

— Да ни о чем. Мне он не нужен, — самоуверенно ответил он.

Но перемена темы помогла Флэндри избавиться от мрачного настроения.

— Идем, — сказал он. — Пора на праздник.

Девушка отправилась за ним. И вид у нее был крайне задумчивый.

2

Обычно у гигантских звезд бывает много планет, и Бетельгейзе, вокруг которой их вращалось целых сорок семь, не являлась исключением. На шести планетах обитали разумные коренные расы; и объединенные ресурсы этой планетной системы были весьма

значительными — даже для тех, кто привык мыслить в масштабах тысяч звезд.

Когда в систему Бетельгейзе прибыли первые представители Терранской Империи — а было это без малого тысячу лет назад, — они обнаружили, что жители Альфзара уже освоили межпланетные путешествия и начали завоевание дальних миров — и этот процесс весьма ускорился после того, как они познакомились с технологией земного человечества. И тем не менее альфзарцы совсем не стремились к устройству гигантской империи по примеру Терры или Мерсейи, удовлетворившись господством над соседними звездными системами — им этого было достаточно для того, чтобы чувствовать себя защищенными. У них были отдельные стычки с неудержимо расширяющимися империями, но хитрые Сартазы — поколение за поколением — лишь извлекали выгоду из того, что их враги дрались друг с другом; а гигантские объединения, в свою очередь, находили целесообразным использовать Бетельгейзе как буфер между собой и как дополнительную защиту от варваров с окраин Галактики.

Однако растущее напряжение между Террой и Мерсейей в конце концов придало позиции Бетельгейзе первостепенную важность. Бетельгейзе располагалась как раз посередине между этими двумя империями, и, вступи она в союз с одним из противников, — это стало бы серьезным ударом для другого. Если бы договориться с Бетельгейзе удалось представителям Мерсейи, то это скорее всего оказалось бы последним шагом перед началом войны с Террой. А если бы Бетельгейзе вступила в альянс с Террой — позиции Мерсейи ухудшились бы настолько, что ей поневоле пришлось бы пойти на уступки.

И поэтому обе империи имели на Альфзаре представительства, убеждавшие Сартаза в правоте своего дела и выгоды союза. Давление оказывалось всеми возможными путями; обе империи не скупилась на взятки официальным лицам, и Альфзар буквально кишел шпионами обеих сторон — они собирали любые крохи информации, трудясь для своих правительств, — которые мгновенно отказывались от этих самых шпионов, случись тем попасться.

Все это было, конечно, нормальной и естественной дипломатической жизнью — но, поскольку в последнее время положение стало слишком серьезным, Терранская Империя направила на Бетельгейзе двух своих лучших агентов, Флэндри и Элайн, чтобы они приложили все силы к убеждению Сартаза, узнали обо всех его слабостях и как можно энергичнее ставили палки в колеса мерсейцам. Элайн особо успешно действовала в среде представителей земного человечества, давным-давно осевших в системе Бетельгейзе и ставших ее полноправными гражданами; многие

из них занимали серьезные посты в правительстве и в армии. И Флэндри...

А вот теперь, похоже, Мерсейя прислала своего лучшего агента — и началась коварная, вежливая и смертельно опасная схватка...

Сартаз вдруг решил устроить охоту — для развлечения именитых гостей. Правителя веселила мысль о том, что заклятые враги столкнутся в обстановке, где будут вынуждены проявлять друг к другу предельное дружелюбие. Но и большинство мерсейцев были довольны: охота являлась их любимым видом спорта. Зато представители Терры — истинные горожане — совсем не были счастливы; но отказаться от приглашения они вряд ли могли.

Капитана Флэндри раздражало предстоящее действо. Он никогда не любил излишнюю физическую нагрузку, хотя поддерживал надлежащую форму, в силу необходимости. Да к тому же у него и без охоты хватало забот.

Слишком многое в последнее время шло не так, как надо. Для огромной сети его агентов (и представителей Империи, и подкупленных жителей Бетельгейзе) внезапно началась тяжелая жизнь. Один за другим они то просто исчезали, то попадались в ловушки, расставленные либо мерсейцами, либо альфзарцами; самые надежные, тщательно разработанные ходы вдруг пресекались... Флэндри не мог вычислить, откуда шла напасть, но, поскольку проблемы начались с момента прибытия Айхарайха, он догадывался, где кроется причина неприятностей. Этот херейонит был до неправдоподобия умен и быстр. «Чтоб ему сгореть, — думал Флэндри, — ведь никто, никто не мог знать о проекте Джуровиана, никто не мог знать, где скрывается Ямацу, или... Да еще эта чертова охота!» Флэндри в отчаянии застонал.

Раб разбудил его на рассвете. Туман, смешанный с кроваво-красными лучами восходящего светила, wpłyвал в открытые окна. Где-то прогудел рожок — первобытный зов в смутном таинственном полусвете... и Флэндри услышал, как зажужжали прогреваемые моторы.

— Иной раз, — пробормотал Флэндри, — я чувствую, что готов явиться к императору и объяснить ему, куда следует засунуть его горячо любимую Империю...

После завтрака Вселенная стала казаться капитану более терпимым местом. Флэндри оделся с обычной скрупулезностью: зеленый костюм в обтяжку, золотой плащ с капюшоном, защитные очки... прикрепил к поясу лучевой пистолет и дуэльную шпагу, а затем позволил рабу привести в идеальный вид свои каштановые усы. Затем капитан спустился по длинной мраморной лестнице, мимо королевских стражей в шлемах и латах — в обширный двор.

Участники охоты уже собирались. Явился и Сартаз собственной персоной — типичный альфзарский гуманоид, невысокий, коренастый, лысый, с голубой кожей и огромными желтыми глазами на плоском лице. Присутствовали и вельможи Альфзара и соседних планет, с множеством охранников, и вся эта публика сверкала ярчайшими красками одежд, переливающихся в лучах восходящего солнца. Флэндри увидел и представителей постоянного посольства Терры на Бетельгейзе, и членов Особой миссии — эта компания выглядела встревоженной и несчастной. И здесь же были мерсейцы.

Флэндри вежливо приветствовал их. В конце концов, Терра и Мерсейцы официально были в мирных отношениях, независимо от того, сколько гибло людей и горело городов в пограничных зонах. Серые глаза Флэндри казались слегка сонными и безразличными — однако капитан не упускал ничего из происходящего вокруг.

Аристократы Мерсейи поглядывали на Флэндри с едва скрытым презрением, которое, впрочем, они испытывали ко всем терранам. Мерсейцы были млекопитающими, однако в них сохранилось куда больше следов предков-рептилий, чем в земном человечестве. Это были огромные, двухметровые существа, с шипастым гребнем, сбегавшим ото лба до самого кончика длинного, толстого хвоста, которым они, кстати говоря, с ужасающими результатами пользовались в рукопашных схватках. Их голая кожа отливала зеленью, а местами ее покрывал едва заметный чешуеобразный слой; но лица мерсейцев были почти такими же, как у людей. И черные глаза смотрели на Флэндри из-под тяжелых надбровных дуг с явным вызовом.

«Что ж, я вполне могу понять их презрение к нам, — думал Флэндри. — Их цивилизация молода и энергична, они яростно рвутся во Вселенную... а Терра — стара, пресыщена, равнодушна... вся наша политика направлена на то, чтобы поддерживать существующее положение вещей, и не потому, что мы так уж любим мир, а просто потому, что нас все это устраивает. И мы стоим на пути мерсейцев, мешая им установить галактическое господство. Мы — первые, кого им необходимо уничтожить.

Хотел бы я знать... возможно, с точки зрения истории они и правы? Но Терра видела слишком много крови, прежде чем обрела свое равнодушие к жизни и усталость. Мы давно бросили искать успеха и славы; мы поняли, что все это — химеры... но это знание равнозначно смерти.

И все же... мне совсем не хочется видеть планеты в огне и человечество в рабстве, и чужеродную культуру — в будущем. Терра готова к компромиссу; но компромисса с Мерсейей можно достичь лишь с помощью силы. И поэтому я здесь».

За спиной капитана шевельнулся красный туман, послышался шорох — и Флэндри увидел высокую фигуру Айхарайха. Херейонит любезно улыбнулся.

— Доброе утро, капитан Флэндри, — поздоровался он.

— Ох... доброе утро, да, — ответил Флэндри, вздрогнув. Эта птичка действовала ему на нервы. Впервые в жизни капитан столкнулся с противником, превосходящим его в профессиональном плане, и ему это очень не нравилось.

И все же Флэндри не мог подавить в себе симпатии к Айхарайху. Они стояли рядом, ожидая сигнала к началу охоты, и говорили о странных мирах Полярной звезды, а потом перешли к сравнительной ксенологии, занимающейся примитивными формами разума во всей Галактике. Айхарайх обладал обширными знаниями и едким юмором, импонировавшим капитану. Когда рожок заиграл сбор, они обменялись взглядом — оба сожалели, что им придется быть врагами. *«Жаль, что мы оказались по разные стороны... Если бы дела обстояли иначе...»*

Но дела не обстояли иначе.

Охотники расселись по крохотным реактивным самолетам и пристегнули ремни. На каждом самолете был установлен тяжелый лучевой генератор — не слишком сильное оружие при охоте на борфудианских драконов. Флэндри подумал, что Сартаз получит немалое удовольствие, если охота избавит его от некоторых гостей.

Эскадрилья взвилась в воздух и понеслась на север, к горам. Внизу, в медленно тающем тумане, проплывали поля и леса, а в пурпурное небо всплывал необъятный красный диск Бетельгейзе. Несмотря ни на что, Флэндри наслаждался стремительным движением и гулом рассекаемого воздуха. В этом было нечто божественное: он несся сквозь мир, чтобы сразиться с чудовищем где-то на краю Вселенной.

Через пару часов эскадрилья достигла Борфудиановых гор — гигантских обледенелых пиков, вонзающихся в небо... и снег на их склонах походил в зловещем свете на потоки крови. По радио передали сообщение о местах, где разведчики засекли драконов, и самолеты один за другим стали сворачивать в стороны, бросаясь в погоню. Вскоре Флэндри обнаружил, что остался в компании всего лишь одного самолета.

Они с гудением мчались над скалами, ошестинившимися острыми камнями, над каньонами, устремляющимися в неведомую глубину... и вот Флэндри увидел две живые тени, и его мускулы напряглись. Драконы!

Чудовища были добрых десяти метров в длину, с чешуйчатыми змеевидными телами, с челюстями и когтями, способными разорвать в клочья сталь. Кожистые крылья несли их вверх, вздымая ветер. Огромные хищники, терроризировавшие местных

крестьян, были легкой добычей для надменных властелинов воздуха.

Флэндри резко развернул самолет и бросился за одним из драконов. Он приближался к чудищу — и чудище все росло и росло... Капитан поймал взгляд красных глаз, когда дракон развернулся и бросился ему навстречу. Нет, эти твари не пытались удрать; они, похоже, не умели бояться человека. И вот дракон совсем рядом...

Флэндри нажал курок — тонкий луч энергии вырвался из ствола и прожег чешую дракона, впился ему в брюхо. Дракон продолжал переть вперед, даже и не думая сворачивать. Капитану пришлось убраться с его пути. Могучие крылья распороли воздух в метре от самолета.

Но капитан забыл о драконьем хвосте. Хвост взметнулся бешено — и самолет встряхнуло так, что Флэндри чуть не вышибло зубы. Самолет дернулся и вошел в штопор. Дракон навис над ним, и жуткие когти впились в хрупкий корпус машины.

Флэндри отчаянно боролся с управлением, пытаясь освободиться от захвата. Он сделал «бочку», металл взвизгнул... и капитан мгновенно бросился в новую атаку. Луч энергии врезался прямо в открытую пасть, и дракон на мгновение замер в воздухе. Флэндри отлетел в сторону и снова выстрелил, опалив одно из крыльев.

Он услышал вой дракона. Чудовище бросилось напрямиком на самолет, развив фантастическую скорость — и Флэндри напрасно пытался найти путь к отступлению... Челюсти яростно сомкнулись, и часть корпуса самолета осталась в драконьих зубах. Ледяной ветер обжег пилота.

Флэндри безрассудно метнулся навстречу монстру, стремясь пронзить его лучом, как рыцарь копьем. Дракон отпрянул. С диким смехом Флэндри гнался за ним, хлеща зверя огнем.

Изуродованный самолет плохо слушался управления. Внезапно он вильнул, и дракон исчез из поля зрения прицела. И почти мгновенно кожистые крылья ударили по самолету, и самолет бросило в сторону — а дракон был совсем рядом...

Чертов зверь загонял капитана к острым скалам. Зубы камней хищно тянулись навстречу самолету, и ветер, словно злобный демон, подгонял капитана, спеша увидеть крушение... Флэндри отчаянно развернул машину, грустно думая, что в данный момент борьба за жизнь идет с явным перевесом на стороне дракона.

Да уж, это будет роскошный конец — разбитый о камни самолет и охотник, съеденный собственной добычей...

Дракон несся на него сверху, как молния. Он-то переживает это столкновение, но самолет наверняка грохнется о землю. Флэндри

снова выстрелил, пытаясь уйти от монстра. Дракон чуть свернул, уворачиваясь от луча.

Но внезапно чудовище завертелось и резко отлетело в сторону. Из-за его спины вывернул второй самолет, и он преследовал дракона, сжигая лучом, добивая... Флэндри мельком подумал, что, видимо, какой-то дракон уже убит — либо просто сбежал, и потому охотник пришел на помощь капитану... и да благословят его боги, кем бы он ни был!

Флэндри выровнял самолет и посадил его неподалеку от упавшего дракона. Капитана слегка трясло после пережитого, но в то же время его охватила глубокая печаль. Еще одно храброе существо ушло во тьму — уничтожено бесчувственной историей, у которой, похоже, одна цель — разрушение. И Флэндри отсалютовал мертвому дракону.

Второй самолет опустился в нескольких метрах от капитана. И пока Флэндри поднимал изуродованный фонарь своей кабины, пилот вышел наружу.

Айхарайх.

Реакция человека была почти мгновенной. Благодарность и честность — это совсем не те качества, которые воспитываются в разведчиках. Перед Флэндри стоял его злейший враг — ничего не подозревающий... и было бы проще простого пристрелить его прямо сейчас. Айхарайх с Херейона, пропавший во время охоты... да, такое случается... ну а раскаяние придет позже, когда на то будет время.

Лучевой пистолет Флэндри был лишь наполовину выдернут из кобуры, когда Айхарайх поднял свое оружие. Сквозь завывающий ветер до капитана донесся тихий голос чужака:

— Нет.

Флэндри поднял руки и горько улыбнулся.

— Валайте, — предложил он. — Ваша взяла.

— Ничуть, — ответил Айхарайх. — Поверьте, капитан Флэндри, я не стану убивать вас — разве что при самозащите... Но поскольку я всегда буду предвидеть ваши планы, вам лучше подобные просто забыть.

Человек кивнул; он слишком устал, чтобы осознать всю потрясающую силу наступившего его откровения.

— Спасибо, — сказал он. — То есть за то, что спасли мне жизнь.

— Вы слишком полезны, чтобы умереть, — откровенно признался Айхарайх. — Но в общем я рад.

Они отрезали голову дракона и медленно полетели ко дворцу. Мысли Флэндри путались от растущего недоумения.

Ведь только одним-единственным способом Айхарайх мог разгадать мгновенно возникшую у капитана мысль об убийстве... И тем же самым можно было объяснить, как он узнавал о каждом

действии и намерении шпионов Терры... и как ему удавалось срывать их планы, в то время как его собственной работе ничто не могло помешать...

Айхарайх умел читать мысли!

3

В красном свете, заливавшем комнату, лицо Элайн казалось белым и напряженным.

— Нет, — прошептала она.

— Да, — мрачно возразил Флэндри. — Это единственное объяснение.

— Но телепатия... всем известны ее пределы...

Флэндри кивнул.

— Да, структуры мозга различны у разных рас — настолько, что телепат вынужден выучивать для каждого конкретного случая новый «язык»... фактически этот язык свой у каждой личности, не владеющей телепатией, поскольку у каждого разумного существа — свой, отличный от других ход мысли. К тому же мысли возникают спонтанно, их «текст» нечеток. Но даже после такого изучения телепатия остается ненадежной, неустойчивой. Я никогда не позволял ни одному из наших телепатов изучать себя и поэтому считал, что я в безопасности. А тут... Херейон — очень старая планета. Те из мерсейцев, что подвержены суевериям, считают херейонитов колдунами. Но, конечно, они просто открыли какие-то свойства центральной нервной системы, о которых никто и не подозревает. В общем, ясно, что Айхарайх способен каким-то образом улавливать глубинную мыслительную структуру, общую для всех мыслящих существ. Я уверен, что он может прочитывать лишь поверхностные мысли, те, что непосредственно присутствуют в сознании. Иначе он бы уже знал о Терре так много, что Мерсейя давным-давно командовала бы Терранской Империей, как ей вздумается. Но и то, что есть, — достаточно плохо!

Элайн задумчиво произнесла:

— Нечего удивляться, что он потрудился спасти твою жизнь. Ты слишком полезен для него!

— И я абсолютно ничего не могу с этим поделать, — сказал Флэндри. — Мы с ним видимся каждый день. Я не знаю, каков предел дальности для его мозга — может быть, всего пара метров... известно ведь, что волны мысли довольно слабы и затухают с расстоянием. Но в любом случае — при каждой встрече он прочитывает все, что таится в моем мозгу, узнает обо всех моих планах — я же постоянно думаю о них... и тут же предпринимает соответствующие меры.

— Мы должны потребовать, чтобы ученые Империи взялись за работу по экранированию мыслей.

— Разумеется. Но в данный момент это нам не поможет.

— А ты не можешь просто избегать его, оставаться в своих комнатах...

— Ну конечно. И превратиться в абсолютный нуль. Я же должен бывать повсюду, встречаться с агентами, с правителями Бетельгейзе, руководить работой... Ч-черт! И все, что я смогу узнать, тяжело потрудившись, тут же становится известно Айхарайху — без малейших усилий с его стороны! — Флэндри прикурил сигарету и нервно выпустил облако дыма. — Что делать, что делать?!

— Как бы там ни было, — сказала Элайн, — мы должны действовать быстро. Сартаз проявляет все более заметную холодность к нашим людям. Пока мы спотыкаемся и падаем — Айхарайх работает. Подкупает, шантажирует, захватывает одну позицию за другой. В одно прекрасное утро мы проснемся и обнаружим, что арестованы, а Бетельгейзе стала надежным союзником Мерсейи.

— Очаровательная перспектива, — горько откликнулся Флэндри.

Красный предзакатный свет струился в комнату, падая на пол пятнами, похожими на кровавые лужицы. Дворец затих, знатные гости отдыхали после охоты, а слуги занимались подготовкой пира. Флэндри обвел взглядом странные декорации — неземной свет и необычный пейзаж за окнами... Чужой мир под чужим солнцем, а сам капитан — практически пленник чуждых и все более враждебных существ... Внезапно Флэндри почувствовал, что он зверь, попавший в крепкую ловушку.

— Полагаю, мне следовало бы сейчас придумать какие-нибудь контрмеры, — безнадежно произнес Флэндри. — А потом, само собой разумеется, мне придется отправиться на банкет и позволить Айхарайху прочесть все детали... каждая мелочь, известная мне, лежит перед ним, как на раскрытой ладони, ведь не могу же я подавить собственные мысли...

Глаза Элайн внезапно расширились, тонкие пальцы девушки, лежавшие на руке капитана, напряглись.

— В чем дело? — спросил он. — Ты что-то придумала?

— О... нет, ничего, Доминик. — Она улыбнулась. — Просто у меня есть прямой контакт с Солом, и...

— Ты мне об этом не говорила.

— Незачем тебе об этом знать. Я просто сейчас гадаю — сообщать им о новых сложностях или нет. Одному Богу известно, как эти тупоголовые бюрократы среагируют на такую новость. Вполне могут срочно отозвать нас отсюда, а то и вообще отстранить от работы за некомпетентность.

Она придвинулась к Флэндри и продолжила тихо, но очень настойчиво:

— Найди сейчас Айхарайха, Доминик. Поговори с ним, займи его чем угодно — только не позволяй приближаться ко мне и мешать. Он, конечно, все поймет, но не слишком много сможет сделать, если ты и вправду так хорошо умеешь заговаривать зубы, как я слышала. Придумай там что-нибудь, объясни, почему я не приду на банкет сегодня... ну, заболела или еще что... но держи его подальше от меня!

— Ладно, сделаю, — сказал он, слегка воспрянув духом. — Но что бы ни замышляла твоя хорошенькая головка — поспеши! Сама знаешь, он очень быстро доберется до тебя.

Капитан вышел в коридор. Элайн проводила его взглядом и чуть заметно улыбнулась.

К концу вечеринки Флэндри набрался не на шутку. На праздниках в системе Бетельгейзе вино всегда лилось рекой, и еще было море музыки, еды и танцовщиц со всех планет. Флэндри — вопреки всему — искренне наслаждался весельем и должен был честно признать, что ему очень нравилось беседовать с Айхарайхом. Это странное существо было настоящим гением, обладало огромными знаниями — и Флэндри с удовольствием забыл на время об ужасной неминуемой катастрофе.

Наконец он вернулся к себе. Элайн была в его комнате: она стояла возле маленького столика, и мягкий, приглушенный свет струился по ее распущенным волосам и мерцающему платью. Поддавшись порыву, Флэндри поцеловал ее.

— Добрый вечер, милая, — сказал он. — Как чудесно, что ты меня дождалась.

Элайн, однако, и не думала уходить. Вместо этого она взяла со стола один из стоявших на нем резных кубков и протянула капитану.

— Выпьем на ночь, Доминик, — предложила она.

— Нет, спасибо. Я и так уже перестарался.

— За меня. — Она обезоруживающе улыбнулась.

Флэндри, взяв кубок, осторожно чокнулся с ней и разом проглотил темное красное вино.

Капитана удивил странный вкус напитка... и вдруг у него закружилась голова, комната закачалась и опрокинулась. Он посидел на краю кровати, пока головокружение не прошло, но что-то... лишнее... засело в его голове и не желало оттуда выбраться.

— Забористая штука, — пробормотал капитан.

— У нас не самая легкая работа в мире, — мягко сказала Элайн. — Мы имеем право иной раз расслабиться. — Она села рядом с капитаном. — Только одна ночь, вот и все, что у нас есть. Завтра будет новый день, хуже сегодняшнего!

В другое время Флэндри вряд ли откликнулся бы на призыв девушки — он был слишком холоден и замкнут, но сейчас... все казалось ему весьма разумным и правильным. Капитан кивнул.

— И ты любишь меня, ты сам знаешь, — сказала Элайн.

И он действительно любил ее.

Потом, гораздо позже, Элайн, прижавшись к нему в темноте и щекоча его лицо своими волосами, настойчиво прошептала:

— Послушай, Доминик, я просто должна рассказать тебе, не смотря ни на что... тебе необходимо быть готовым ко всему.

Он замер, ощутив, как мгновенно вернулось прежнее напряжение. Голос Элайн звучал в темноте — чуть различимый шепот...

— Я связывалась с Солом через робота-курьера и обсудила все с Фенроссом. У него есть мозги, у этого парня, и он сразу понял, что нам необходимо сделать. Это, конечно, тяжелый выход — но он единственный. Наш флот двигается к Бетельгейзе. Мерсейцы думают, что наши основные силы собраны возле Ллинатавра, но это лишь блестящий обман... это работа Фенросса. На деле основная часть эскадры совсем рядом, и у них есть новый способ экранирования, благодаря чему они могут проскользнуть сквозь кордоны Бетельгейзе, и их не засекут. Послезавтрашней ночью мощные силы приземлятся в долине Гуназар, в Борфудиановых горах, и выбросят десант. Отряд мгновенно бросится на захват столицы, и возьмет в плен Сартаза и его двор.

Флэндри оцепенел, потрясенный.

— Но это значит — война! — задохнулся он. — Мерсейя тут же нанесет ответный удар, и нам придется воевать и с ней, и с Бетельгейзе!

— Знаю. Но Терранская Империя решила, что таким образом мы получим больше шансов. А в противном случае, похоже, Бетельгейзе окажется на стороне врагов — лишь из-за нашего бездействия. И мы сейчас обязаны все силы приложить к тому, чтобы Сартаз и его приближенные ничего не заподозрили до самого последнего момента. Десант просто запрет их во дворце. При абсолютной монархии захват лидеров означает сокрушительный удар. Фенросс и Уолтон полагают, что Бетельгейзе капитулирует прежде, чем Мерсейя перебросит сюда свои силы. В общем, Доминик, всеми правдами и неправдами нужно держать их в неведении. Это твоя работа, и в то же время — отвлекай Айхарайха, не подпускай его и близко ко мне.

Элайн зевнула и поцеловала Флэндри.

— Теперь лучше поспать, — сказала она. — У нас впереди пара нелегких деньков.

Но Флэндри не мог уснуть. Прислушавшись к ровному дыханию Элайн, он встал и вышел на балкон. Новость была слишком ошеломляющей. Так, значит — Империя, неуклюжая равнодушная

Империя, может нанести такой удар и надеется, что ей это сойдется?!

Внизу, в саду, капитан заметил движение. Тускло-красный лунный свет упал на высокую фигуру, шагавшую между двумя мерсейскими телохранителями. Айхарайх!..

Флэндри вздрогнул от испуга. Херейонит взглянул наверх — и Флэндри увидел грустную улыбку на лице телепата. Он знал.

В следующие два дня Флэндри пришлось работать так, как никогда прежде. Конечно, это не означало, что капитану достались большие физические нагрузки — нет, он занимался плетением сетей вокруг Сартаза, дабы никто из мерсейцев не мог получить у того личной аудиенции и чтобы он не умчался вдруг из столицы в очередное внезапно придуманное путешествие. И еще нужно было подготовить к предстоящим событиям тех жителей Бетельгейзе, которые продались Терранской Империи, и...

Все это держало нервы капитана натянутыми до предела. Да к тому же, в добавление к прочим трудностям, что-то происходило с ним самим: мысли частенько путались, и у него появилась странная склонность принимать все подряд за чистую монету. Что случилось?..

Айхарайх, под каким-то предлогом, исчез наутро после откровений Элайн. Он явно задумал нечто дьявольское, готовя встречу терранам, но тут уж Флэндри ничего не мог поделать. По крайней мере Айхарайх не мешал Элайн заниматься ее делами.

Флэндри знал, что флот мерсейцев не успеет добраться до Бетельгейзе к тому времени, когда приземлится эскадра Терры. Да и невозможно было бы скрыть где бы то ни было огромные военные силы так, чтобы их не обнаружили враги. Как надеялась проделать этот фокус Терра, Флэндри и вообразить не мог. Он подозревал, что оккупировать Альфзар будет не слишком большая эскадра... хотя это делало всю затею еще более рискованной.

Напряжение нарастало, часы медленно тянулись один за другим. Элайн шла своим путем, без конца совещаясь с генералом Бронсоном — этого терранина из вооруженных сил Бетельгейзе девушка давно прибрала к рукам. Возможно, он сумеет дезорганизовать местный космический флот в момент вторжения Терры?.. Мерсейские вельможи явно знали все, что было известно Айхарайху; они смотрели на представителей земного человечества с неприкрытой ненавистью, но не делали ни малейших попыток предостеречь Сартаза. Возможно, они считали, что им все равно не прорваться сквозь стену подкупленных капитаном официальных лиц... но куда больше похоже было на то, что Айхарайх предложил им лучший план. И в мерсейцах вовсе не ощущалось

того нараставшего ожидания поражения, которое постепенно захватило Флэндри.

Он чувствовал себя так, словно барахтается в паутине, сплетенной гигантским пауком, словно пытается продрасться сквозь серые липкие нити, но они заклеивают глаза, душат, и отпихнуть их невозможно... Изможденный, издерганный, Флэндри кое-как протянул два дня.

Он утыскался на карте долину Гуназар. Там никто не жил, это было уединенное, далекое логово ветров и драконов, отличное место для тайной высадки — но о какой тайной высадке могла идти речь, если Айхарайх знал все и явно готовился к встрече?

— У нас не слишком-то много шансов, Элайн, — сказал капитан девушке. — По сути, вообще ни одного.

— Но нам остается лишь продолжать. — Элайн выглядела куда более жизнерадостной, чем Флэндри, и как будто даже становилась все веселее с течением времени. Она нежно погладила волосы Флэндри: — Бедный Доминик, нелегко тебе приходится.

Огромный светлый диск опустился за горизонт — закончился второй день, и нынче ночью наступит решительный миг... Флэндри явился в большой конференц-зал и обнаружил, что там почти пусто.

— Где же мерсейцы, ваше величество? — спросил он Сартаза.

— У них какие-то особые дела, — огрызнулся правитель. Сартаз был явно недоволен бесконечными интригами, плетущимися вокруг него; он не мог о них не догадываться.

«Особые дела... О всемогущие боги!»

Вошли Элайн и Бронсон и официально приветствовали правителя.

— С вашего позволения, ваше величество, — сказал генерал, — мне бы хотелось продемонстрировать вам нечто весьма важное, что произойдет в ближайшие два часа.

— Да-да, — пробормотал Сартаз и удалился, всей фигурой своей выражая негодование.

Флэндри сел и опустил голову на руки. Элайн мягко коснулась плеча капитана.

— Устал, Доминик? — спросила она.

— Да, — ответил Флэндри. — Я себя чувствую просто отвратительно. Даже думать не могу все эти дни.

Элайн сделала знак рабу, и тот подал кубок.

— Это поможет, — сказала девушка.

Флэндри заметил в ее глазах слезы. Что случилось?..

Он бездумно проглотил напиток. Капитана словно ударили под ложечку, он задохнулся и ухватился за подлокотники кресла.

— Какого черта...

Но влага уже растекалась по жилам — и внезапная легкая прохлада охватила нервы и мозг Флэндри. И такая же легкая нежная прохлада шла от руки Элайн, легшей на лоб капитана — утешающая, нежная...

И дарящая ясность!

Флэндри вскочил. Он вдруг увидел всю нелепость происходящего — всю гротескную абсурдность, всю ужасающую нелогичность нагроможденной лжи!

Империя не могла подвести мощные военные силы к Бетельгейзе так, чтобы об этом не узнала Мерсейя. Просто не могло существовать нового энергетического экрана, о котором Флэндри ничего не слышал. Фенросс никогда не предложил бы такого фантастического плана, как оккупация столицы Бетельгейзе, разве что в совершенно безнадежной ситуации...

И он не любил Элайн. Да, она была храброй и прекрасной женщиной, но он не любил ее.

Но ведь это было. Еще три минуты назад его мучила отчаянная любовь...

Затуманенным взглядом Флэндри смотрел на девушку и прозревал невероятную правду. Элайн кивнула — серьезно, грустно, не обращая внимания на слезы, сползающие по ее щекам. Губы девушки прошептали едва слышно:

— Прощай, самый дорогой...

4

В конференц-зале установили огромный телеэкран и перед ним — ряды кресел для знатных альфзарцев. Бронсон потрудился также расставить вдоль стен охрану из людей, которым он доверял — длинные ряды сверкающей стали лат и бесстрастных голубоватых лиц; это были фигуры молчаливые и неподвижные, как колонны, поддерживающие высокий потолок.

Генерал нервно расхаживал взад-вперед перед экраном, без всякой надобности то и дело поглядывая на часы. На лбу генерала поблескивали капли пота. Флэндри сидел в небрежной позе; и лишь тот, кто хорошо знал капитана, мог заметить, что он весь — как туго закрученная пружина. Зато Элайн, похоже, совсем не интересовалась происходящим, полностью уйдя в собственные мысли.

— Если это не сработает, то, знаете ли, нас вполне могут и вздернуть, — заявил Бронсон.

— Должно сработать, — равнодушным тоном откликнулся Флэндри. — А если нет, то не один ли черт — вздернут, не вздернут...

Конечно, он слегка кокетничал: Флэндри слишком любил жизнь, несмотря на странную мечтательную задумчивость, иной раз овладевавшую им...

Но вот зазвенели трубы — и их медная музыка, оттолкнувшись от стен, взлетела к загудевшим в ответ стропилам. Все встали навстречу торжественно вошедшим Сартазу и его придворным.

Желтые глаза Сартаза подозрительно обшарили троих терран.

— Вы говорили, что можете показать мне нечто весьма важное, — со скукой в голосе проговорил он. — Надеюсь, это действительно так.

— Это так, ваше величество, — беззаботно ответил Флэндри. Он уже полностью пришел в себя и готов был вновь жонглировать словами и запутывать собеседника. — И это вопрос такой огромной важности, что вам следовало бы знать обо всем уже давно. К сожалению, обстоятельства этого не допустили — как скоро поймете вы и ваши приближенные, — а потому преданному генералу вашего величества пришлось действовать на свой страх и риск, используя всю ту помощь, какую могла предоставить ему Терра. Но наш труд благополучно завершен, и момент обнаружения истины станет одновременно и моментом спасения Альфара.

— Да уж, хорошо бы, — зловеще сказал Сартаз. — Я вас предупреждаю — всех вас, — что я слишком устал от всех этих шпионов, шныряющих в моих владениях, и от всей той дряни, которая от них исходит. Самое время изгнать зло из системы Бетельгейзе.

— Терра никогда не желала Бетельгейзе ничего, кроме добра, ваше величество, — возразил Флэндри. — И так уж случилось, что мы теперь можем это доказать. Если...

Вновь зазвенели трубы, прервав капитана, и страж возгласил:

— Ваше величество; посол империи Мерсейи просит аудиенции.

Огромное зеленое тело лорда Корваша с Мерсейи появилось в дверном проеме, пылая золотом и драгоценными огнями. А рядом с ним шел... Айхарайх!

Флэндри потрясенно замер. Если сейчас в игру вступит вот этот противник, весь план просто рухнет. Ведь Элайн выстроила слишком дерзкую и рискованную схему; малейшая случайность может ее разрушить... и грянет гром!

Во дворец никому не позволялось входить с огнестрельным оружием, но шпаги были принадлежностью парадной формы. Флэндри резко выхватил свистнувший клинок и громко закричал:

— Схватите этих людей! Они хотят убить Сартаза!

Золотистые глаза Айхарайха расширились, когда птицеподобное существо поняло, что таится в мозгу Флэндри. Айхарайх

открыл было рот, чтобы разоблачить терранина — но тут же отскочил назад, едва увернувшись от смертоносной стали.

Его собственная рапира мгновенно оказалась у него в руке.

Корваш, посол Мерсейи, тоже выхватил свой огромный меч.

— Уложите его! — кричала Элайн.

Прежде чем изумленный Сартаз успел произнести хоть звук, девушка выхватила станнер, висевший в кобуре на поясе правителя, и одним выстрелом свалила мерсейца на пол.

Быстро наклонившись над послем, Элайн незаметно достала из-за лифа собственного платья крошечный лучевой пистолет и вложила его в руку мерсейца.

— Взгляните, ваше величество, — задыхаясь, сказала она. — У него — смертельное оружие! Мы знали, что мерсейцы что-то замыслили, но чтобы такое!..

Сартаз окинул девушку хитрым взглядом.

— Может быть, нам лучше подождать и выслушать его собственные объяснения? — пробормотал он.

Поскольку раньше чем через час Корваш вряд ли смог бы дать эти самые объяснения, Элайн удовольствовалась своей маленькой победой.

Но Флэндри... глаза Элайн расширились, и девушка нервно, со всплеском вздохнула, увидав, что капитан сражается с Айхарайхом. Это была самая стремительная и самая опасная из всех дуэлей, какие ей приходилось видеть; фигуры и шпаги двигались так быстро, что невозможно было уловить их движение... они метались по залу, звенела сталь, лилась кровь...

— Остановите их! — закричала девушка и вскинула станнер.

Сартаз схватил ее за руку и отобрал оружие.

— Нет, — сказал он. — Пусть продолжают. Я уже много лет не видел ничего подобного.

— Доминик... — прошептала Элайн.

Флэндри всегда считал, что равных ему фехтовальщиков просто не существует, однако Айхарайх оказался достойным противником. Хотя херейониту сильно мешало непривычное притяжение, он все же обладал такой быстротой и четкостью движений, каких терранину до сих пор не приходилось встречать. Его рапира со свистом рассекала воздух, прорываясь сквозь защиту человека, добираясь до лица, до рук, до груди... и при этом херейонит улыбался — улыбался!..

Сейчас ему было мало проку от телепатических способностей. Бой фехтовальщиков — это работа рефлексов, здесь нет времени для осмысления действий. Но, возможно, это лишь давало Айхарайху дополнительное преимущество, освобождая силы для борьбы с притяжением.

Прыжки, столкновения, выпады, парирование... звон и грохот холодной стали, и некогда ощутить горечь близкого конца, и нарастающую усталость... и продолжается танец смерти, а придворные ликуют и веселятся, стоя вокруг...

Клинок Флэндри все чаще достигал цели, кровь стекала по худым щекам Айхарайха, и туника херейонита была располосована на кровавые ленты. План терранина был предельно простым и единственно возможным сейчас. Айхарайх устанет быстрее, его реакции замедлятся, главное — остаться в живых до того времени!

Он позволил херейониту загнать себя в дальний конец зала — шаг за шагом, отбивая удары стремительного клинка... Выпад, ответная атака, уход — *вж-жик, клинг!* Грохот стали заполнил помещение, а Сартаз следил за схваткой голодными глазами.

Все закончилось в тот момент, когда Флэндри начал уже гадать, увидит ли он еще один восход Бетельгейзе. Айхарайх сделал очередной выпад, и его клинок вонзился в плечо капитана. Однако херейонит не успел еще освободить свою рапиру, как Флэндри вращательным движением выбил ее из руки противника, и острое его шпаги коснулось горла Айхарайха.

Зал словно взорвался — вельможи Бетельгейзе приветствовали победителя.

— Разоружите их! — рявкнул Сартаз.

Флэндри глубоко, нервно вздохнул.

— Ваше величество! — сказал он. — Позвольте мне посторожить этого парня, пока генерал Бронсон продолжит наше представление.

Сартаз кивнул. Это было ему вполне понятно.

Флэндри с бешеным весельем произнес мысленно: «Айхарайх, если вы откроете рот — то, что бы ни случилось дальше, я вас убью!»

Херейонит пожал плечами и горько улыбнулся.

— Доминик, Доминик! — вскрикивала Элайн, то смеясь, то плача.

Генерал Бронсон повернулся к девушке. Он был здорово потрясен возможностью поражения.

— Вы не могли бы поговорить с ними? — шепотом спросил он. — Я что-то не в себе.

Элайн кивнула и уверенно шагнула вперед.

— Ваше величество и господа придворные, — сказала она. — Сейчас мы намерены доказать свое утверждение о вероломстве мерсейцев. Мы, представители Терры, узнали, что Мерсейя планирует захватить Альфзар и держать в плену всех вас до тех пор, пока не прибудет эскадра, дабы завершить оккупацию. Для этого они нынешней ночью собирают свои силы в долине Гуназар, в

Борфудиановых горах. Воздушный эскадрон намерен атаковать столицу и дворец...

Она подождала, пока утихнет возмущенный гул, и холодно продолжила:

— Мы не могли раньше сообщить об этом вашему величеству или кому-либо из высших чинов, поскольку шпионы Мерсейн проникли всюду, и мы имели основания подозревать, что один из них умеет читать мысли, а значит — мог прочесть и мысли вашего величества. А если бы им стало известно, что мы знаем об их планах, они бы мгновенно начали действовать. Поэтому мы связались с генералом Бронсоном, который не казался мерсейцам достаточно значимой фигурой, но у которого в распоряжении достаточно сил для того, чтобы справиться с ситуацией. И мы подготовили ловушку для врага. Прежде всего в той долине мы установили телекамеры. С вашего позволения, я покажу вам, что там происходит в это самое мгновение.

Элайн повернула выключатель, и экран ожил: обнаженные скалы и утесы поднимались ввысь, навстречу красным лунам, а в тени заметно было движение. Можно было рассмотреть закованные в броню фигуры, устанавливавшие атомные пушки, и слышать гул прогреваемых двигателей космических кораблей... и кругом сновали мерсейцы.

Сартаз зарычал. Кто-то из придворных спросил:

— А откуда нам знать, что это не фальшивка?

— Вы сможете позже лично взглянуть на останки, — сказала Элайн. — Наш план весьма прост. Мы заложили там атомные мины. Они управляются по радио. — Элайн показала всем маленькую коробочку-выключатель, соединенную проводом с телеэкраном, и сверкнула мрачной улыбкой: — Вот это. Возможно, вашему величеству захочется нажать кнопку?

— Дайте-ка... — хрипло буркнул Сартаз. И ткнул в кнопку пальцем.

Бело-голубое адское пламя залило экран. Они увидели, как взорвалась земля, как закачались скалы, как вспухли клубы радиоактивной пыли и, кипя, взлетели вверх, к лунам — а затем экран потемнел.

— Телекамеры разрушены, — тихо сказала Элайн. — Теперь, ваше величество, полагаю, вы пошлете туда разведчиков? Они могут обнаружить достаточно, чтобы подтвердить все, что мы видели. А я осмелюсь предположить, что те, кто держит тайно военные силы на вашей территории, вряд ли могут быть вашими друзьями!

Корваш и Айхарайх получили извещение о депортации — вместе со всеми мерсейцами, еще остававшимися в системе Бетель-

гейзе, — и Бетельгейзе разорвала дипломатические отношения с их империей, начав переговоры о союзе с Террой. Вечером перед отбытием дипломатов Флэндри пригласил их к себе, на вечеринку. Капитан и Элайн вдвоем встретили гостей.

— Примите мои поздравления, — сухо сказал Айхарайх. — Сартаз в таком бешенстве, что не желает и слушать никаких объяснений. Но я не могу его винить — вы и вправду выставили нас в дурном свете.

— И это при том, что вы сами не лучше! — сердито проворчал Корваш. — Черт бы вас побрал с вашей ложью, Флэндри! Вы же прекрасно знаете, что и Терра держит толпу агентов на Бетельгейзе, и немалые военные силы на необитаемых планетах и астероидах. Это входит в игру!

— Конечно, я это знаю, — улыбнулся терранин. — Но знает ли об этом Сартаз? И вы сами сказали — это часть игры. Ведь не станете вы ненавидеть того, кто обыграл вас в шахматы? Так почему вы решили возненавидеть нас за то, что мы выиграли этот раунд?

— Ну, только не я, — заявил Айхарайх. — К тому же будут и другие раунды.

— И к тому же вы потеряли куда меньше, чем могли потерять мы, — сказал Флэндри. — Новый союз укрепит Терру в достаточной степени для того, чтобы остановить ваши замыслы, по крайней мере временно. Но мы не намерены использовать свою силу для развязывания войны с вами, хотя признаю — могли бы это сделать. Но Империя хочет лишь сохранить мир.

— Потому что не осмеливается воевать, — огрызнулся Корваш.

Терране не ответили ему. Возможно, они подумали о городах, которые никто не станет бомбить, и о молодых людях, которые не будут убиты. А возможно, просто наслаждались своей победой.

Флэндри разлил по бокалам вино.

— За нашу будущую дружелюбную вражду, — провозгласил он.

— И все-таки я не понимаю, как вы это устроили, — сказал Корваш.

— Это сделала Элайн, — сказал Флэндри. — Расскажи им, Элайн.

Девушка покачала головой. Она выглядела сегодня непривычно тихой.

— Валяй сам, Доминик, — пробормотала она. — Это твой спектакль.

— Ну, — начал Флэндри, не слишком огорченный необходимостью говорить, — когда мы поняли, что Айхарайх может читать мысли, мы сначала почувствовали себя по-настоящему беспо-

мошными. Ну в самом деле, как солжешь телепату? Ответ нашла Элайн... придумав, как сообщить ему ложную информацию. В этой системе есть один наркотик... он называется «сорган», и у него имеется особое свойство. Принявший его верит всему, что слышит. Элайн подсунула мне этот сорган, а потом рассказала сказочку о том, что Терра намерена оккупировать Альфзар. И, конечно, я воспринял все как чистую правду. А вы, Айхарайх, прочли это в моем мозгу!

— Я был в недоумении, — признался херейонит. — Мне это казалось крайне неразумным; но, как вы и сказали, телепату невозможно солгать.

— После этого главной заботой Элайн было оставаться вне досягаемости телепата, — сказал Флэндри. — Вы сами помогли нам, занявшись подготовкой теплой встречи эскадре Терры. Вы собрали свои силы в долине, готовясь расстрелять наши корабли прямо в небе.

— Но почему вы не пошли к Сартазу и не рассказали ему о том, что вам известно... то есть вы думали, что известно? — укоряющим тоном поинтересовался Корваш.

Айхарайх пожал плечами:

— Я же понимал, что капитан Флэндри приложит все усилия и не позволит мне этого, и дискредитирует любую информацию, которую я попытаюсь донести наверх, — ответил он. — Вы и сами согласились, что лучше всего для нас — попытаться самим отразить атаку. Это дало бы нам преимущество в глазах Сартаза; более того, после такого столкновения война между Бетельгейзе и Террой оказалась бы просто неизбежной... ну а если бы Сартаз вовремя узнал о предстоящем штурме, он мог сделать попытку договориться.

— Да, пожалуй, — мрачно согласился Корваш.

— И, конечно, Элайн уговорила Бронсона заминировать долину, — сказал Флэндри. — А остальное вам известно. Когда же вы вдруг появились в конференц-зале...

— Чтобы рассказать обо всем Сартазу, когда развязка была уже неотвратима, — вставил Айхарайх.

— ...мы испугались, что вы испортите спектакль, ведь для этого нужно было так мало. И пришлось прибегнуть к насилию, чтобы заставить вас молчать, пока игра не закончится. — Флэндри развел руками. — Вот и все, джентльмены.

— Придут и другие дни, — вежливо произнес Айхарайх. — Но я рад, что сегодня у нас мирная встреча.

Вечер благополучно пришел к концу. Когда чужаки собрались уходить, многословно выражая уважение к хозяевам и надежду на будущие встречи (что было вызвано, пожалуй, излишним количеством выпитого), Айхарайх взял руку Элайн в свои костлявые

пальцы. Странные золотистые глаза всмотрелись в девушку, и Элайн знала, что херейонит видит все глубины ее мозга.

— Прощайте, дорогая, — сказал он так мягко, что это удивило тех, кто стоял рядом. — Пока есть женщины, подобные вам, — думаю, Терра устоит.

Элайн проводила взглядом высокую фигуру, удалявшуюся по коридору, и глаза девушки заволокли слезы. Странно было думать о том, что враг знал и понимал то, чего никак не мог понять мужчина, стоявший рядом с ней...

ЛОВУШКА ЧЕСТИ

1

Тот убитый парень на заснеженной планете дал Флэндри первый ключ к разгадке. До этого он знал немного: чудовище сбежало с Конджумара на том, что осталось от его космического корабля после ядерного взрыва; этот остов разбитого корабля мог покрыть расстояние в двадцать световых лет, прежде чем его пилот погиб бы; но, возможно, он никогда и не пересекал траектории Спики в поисках пристанища.

Проблема — даже для Терранской Империи, которая насчитывала четыре миллиона звезд, — была в том, что пространство радиусом в двадцать световых лет заключало в себе неимоверное количество солнц, а значит, и солнечных систем с их множеством планет!

Флэндри начал действовать. Он разослал столько агентов, сколько можно было отвлечь от выполнения других работ — в приграничных провинциях ужасно не хватало людей, — а в этом случае речь шла о проведении расследования на всех подозрительных планетах в указанном радиусе. Конечно, это был пустой номер. Законы вероятности работали против них. Даже если бы они действительно попали на планету, где притаился беглец, он мог временно залечь на дно.

Флэндри ругался, отзывал своих людей на более срочные задания, и постепенно дело с монстром отошло на задний план. Но не забылось. Прошло два года. За это время он был послан к Бетельгейзе и научился сопротивляться телепатии. Его угораздило попасть в империю Мерсей, где пришлось потратить массу усилий на интриги и шантаж, пока он не отыскал подходящую

планету (необитаемый террестроид, прибрегаемый в качестве охотничьих угодий для аристократов) и не добрался снова домой, между тем как Терранский космический флот тихо стал строить здесь свою передовую базу (Флэндри сильно интересовало: что, если бы подобное произошло в его собственной системе?). Он отправился в отпуск на Терру, получил приглашение на нескончаемый банкет, устраиваемый семейством Лионидов, провел там три впечатляющих месяца, но в точности не мог припомнить: то ли он соблазнил чью-то неверную жену, то ли она его. Во всяком случае, он был вынужден сражаться на дуэли, поддался соблазну, сулящему преждевременное получение чина контр-адмирала, и вновь принял назначение в провинцию Спики.

Таким образом, в конце концов он оказался на Брае. Еще два месяца назад здешний мир был более или менее независимым. Затем по военным соображениям было форсировано строительство новой базы в этом регионе. Постройка базы планировалась в другом месте, но Брае была предложена правителем провинции. Он считал, что для Брае будет полезно расширение торговли и усиление обороны. Браенский Верховный Собор, который в течение долгого времени сопротивлялся влиянию Терры, пытаясь поддерживать собственные традиции древней культуры и религии, отклонил имперское приглашение, хотя известно, что никто не волен отказываться от имперских приглашений. Его повторили. Снова последовал отрицательный ответ. Правитель провинции настаивал. Брае решила через его голову обратиться к самому императору. Правитель, не желая привлекать внимание к своему способу и методам правления, ввел в действие местные армейские подразделения.

Вот почему Флэндри брел сейчас среди руин под красным карликовым солнцем. Небо было затянуто плотными облаками, ронявшими редкие снежинки, похожие на капли крови. Он руководил обычными в таких случаях действиями: изучать и расследовать, еще изучать, еще допрашивать, до тех пор, пока диссиденты не будут выявлены и изгнаны, а добропорядочные граждане не втиснуты снова в привычные рамки. Но когда грохотал бластер, он несся на звук стрельбы, как будто в этом было его спасение.

— Сэр! — крикнул сержант из его группы. — Сэр, не туда... там снайперы, террористы, обождите!

Флэндри перепрыгнул через обломок стены, зигзагом пересекая грязную улицу и спрятался позади сбитого флайера. Его собственный автомат вышел из строя и болтался без толку; он настороженно вглядывался в пейзаж. На маленькой площади перед ним расположился отряд имперских космических пехотинцев. Они, должно быть, вели обычное патрулирование, когда по ним стали стрелять

из окружающих домов. Военные среагировали с тигриной свирепостью. Их ответные трассирующие стрелы вылетали из обоймы почти одновременно с выстрелом, оставляя за собой ионный хвост, тянувшийся к фасаду враждебного дома. В следующий момент снарядом из ручного гранатомета всю переднюю часть дома разнесло на куски. Отряд атаковал, не дожидаясь, пока рассеется дым от взрыва. Осколки сыпались на головы, громко звякая о шлемы.

Флэндри направился к площади. Он уже научился понимать, почему реакция солдат была столь яростной: таков неизбежный ответ на партизанские действия.

Он склонился над раненым. Это был молодой широкоплечий парень африканского происхождения; его кожа уже посерела. Он рефлекторно сжимал магнитную винтовку (а может, последним конвульсивным и неосознанным движением он хотел нащупать материнскую грудь, чтобы припасть к ней умирающим ртом?), уставившись в никуда сквозь лягушачьи очки шлема, напоминающего панцирь черепахи. Он еще не умер. Кровь пузырилась, вытекая из рваной раны в животе и капая на грязный снег. Под тусклым солнцем она выглядела черной. Флэндри поднял взгляд: его команда была рядом, но их тоскливые лица были повернуты в направлении выстрелов и взрывов. Эти ребята тоже были пехотинцами.

— Отправьте его в госпиталь, — сказал Флэндри.

— Бесполезно, сэр, — отозвался сержант. — Он умрет раньше, чем мы доберемся. У нас нет с собой ни оборудования для оживления, ни установки для поддержания функций организма до того, как ему вставят новые кишки.

Флэндри кивнул и наклонился к умирающему.

— Могу ли я чем-нибудь помочь тебе, сынок? — спросил он как можно мягче.

Полные губы раздвинулись, обнажив белизну сверкающих зубов.

— А-а-а, — он задыхался, — это он, в Ухунху, он знает, — его глаза закатились. — Ай! Они говорят, не встревай. Не давай вербовщикам уговорить тебя... чертова Империя... даже чтобы стать настоящим воином, не смей записываться... разве свободу дадут рабовладельцы, спрашивал он в Ухунху. Он и его учение... вот что мы должны знать, понимаешь? — рука парня вцепилась в руку Флэндри. — Ты понимаешь?

— Да, — сказал Флэндри. — Все в порядке. Поспи немного.

— Ай-ай, взгляни туда, на нее, она усмехается...

Против воли Флэндри посмотрел вверх. Его поразили вид замерзшего фонтана, покрытого ледяными сосульками. В центре его высилась стройная колонна, увенчанная статуей обнаженной

девушки. Она была не совсем человеком: у нее были слишком длинные ноги, и хвост, и сумка, как у кенгуру, и гладкий мех, но Флэндри нечасто доводилось видеть столь прелестную грацию, запечатленную в металле; она напоминала о весне и первом трепетном поцелуе в тени тополей. Побледневший солдат закричал:

— Оставь меня, оставь, ты, наверху, оставь меня! Хватит усмехаться! Да, я записался... чтобы узнать, как освободить Ньянзу, ты слышишь, не пей мою кровь так быстро. Я не виноват, что увеличил число рабов. Я тоже хотел свободы! Вынь из меня свои зубы, красotka... мама... мама, не ешь меня, мать...

Вскоре он умер.

Сэр Доминик Флэндри, капитан разведывательного корпуса Терранского космического флота, сидел на корточках под фонтаном рядом с покойником, пока пехотинцы разносили в щепки еще один или два дома для верности. Наконец рота вооруженных до зубов пехотинцев перезарядила винтовки, заученными движениями напоминая кукол. Из окна дома на другой стороне площади пронзительно зазвучал какой-то струнный инструмент; Флэндри не знал браенского звукоряда, музыка могла быть и зауспокойной песней, и вызовом, и балладой, или зашифрованным сигналом.

Он наконец спросил:

— Кто-нибудь знает, откуда этот парень?

Команда молчала.

— Он откуда-то из колоний, сэр, судя по акценту, — подал голос один рядовой. — Мы многих берем, вы знаете.

— Поговори мне, — оборвал его Флэндри. Он задумался ненадолго. — У него, конечно, должны быть документы.

Его задача вдруг изменилась. Сейчас ему нужно было оставить вместо себя замену и выяснить, где жил убитый. Делать все придется самому, настолько не хватает персонала. Бред парня мог означать или очень много или ничего. Вероятнее всего — ничего, но слой цивилизации в этих краях был слишком тонок, звезды склоняли к варварству, вокруг простиралась империя Мерсейи, а за ней — огромная, не нанесенная на карты галактическая ночь.

Он сначала и не думал о монстре, ему просто было одиноко среди этих ребят, и он рад был бы отправиться на индивидуальное задание. Должно быть, это тепленькое местечко, раз там прижились африканцы.

Он вздрогнул, поднялся на ноги и покинул площадь. Отряд ташился рядом, их стволы уставились в жидкое голубое небо. Вслед им продолжала улыбаться девушка на фонтане.

2

Планета была в пяти парсеках от Брае. Третья в системе ничем не примечательного карлика класса F5, официальное название —

Ньянза, она была колонизирована каких-то пятьсот лет назад, во время распада Галактического Содружества. В сферу влияния Империи вошла около ста лет назад, несколько попыток переворотов не увенчались успехом, сейчас здесь был только резидент, что свидетельствовало об относительном спокойствии в этом незначительном и мало посещаемом мире. Население достигло десяти миллионов человек — вот и все, что содержалось в банке данных о планете Ньянза.

Он просмотрел все материалы после того, как установил личность убитого парня. Томас Умболу, девятнадцати лет, рожденный свободным член общины Джарново на Ньянзе, иждивенцев нет, личных обязательств нет, на верность кому-либо не присягал, религия — вариант христианства, рост 1,82 м, вес 84 кг, группа крови 0+. Его послужной список был чист, но и срок службы невелик — всего один год. Обычная перед зачислением на службу гипнопроверка показала отсутствие серьезных отклонений; но, конечно, это ни о чем не говорило с тех пор, как техника глубокого кондиционирования стала общепринята, превратившись лишь в дополнительную бюрократическую процедуру.

Флэндри взял скоростной флиттер и покинул Брас. Вынужденная праздность путешествия была достаточно долгой и остро напомнила ему, что он уже несколько недель не имел женщины. В обычное время он часто посещал гимнастический зал. Занятия навевали скуку, зато тело было в отличной форме, что не раз спасало ему жизнь и упрощало поиски партнерши для постели на таких нежных планетах, как Терра.

Когда робот-пилот доложил, что они приближаются, он стал переодеваться: униформа офицера разведки допускала разные вольности, и Флэндри пользовался этим больше, чем другие. После должного размышления он облачил свое длинное тело в павлинье-синюю тунику с белыми перекрещивающимися ремнями, навесил столько золотых шнуров, сколько допускали правила, надел красный шарф и подходящие пистолеты — нидлер, стрелявшие иглами, и бластер, переливчатые брюки и мягкие черные ботинки из натуральной бычьей кожи. Затем он набросил ярко-красный плащ на плечи, а на тщательно причесанную голову надел флотскую фуражку с крылышками. Обозревая себя в зеркале, он видел худое, загоревшее под кварцевой лампой лицо, серые глаза, волосы и усы темного шатена, прямой нос, высокие скулы — да, последняя плазмокосметическая операция сделала его лицо слишком красивым, но не переделывать же все снова. Он взял в рот сигарету, нашел наиболее элегантный угол наклона, закурил и пошел к своему пилотскому месту. Хотя его участия в пилотировании сейчас не требовалось.

Ньянза сверкала перед ним. Никогда в жизни он не видел более чистой и прекрасной синевы, перечеркнутой белыми облаками, содрогающейся от гигантских сполохов северного сияния. Он заметил две луны: меньшая была ближе, та, что побольше, — дальше. Он нахмурился. Где же материки? Его робот установил радиокontakt, и на экране появился молодой человек с лицом европейского типа. На нем была рубашка с короткими рукавами.

— Капитан Доминик Флэндри, Имперская разведка, просит разрешения на посадку.

Иногда он спрашивал себя, что бы стал делать, услышав категорическое «нет» в ответ на свой вежливый запрос.

Человек на экране широко разинул рот:

— О-о... уже?

— Хм? — сказал Флэндри, но одернул себя и ответил глубоко-мысленно: — Да, естественно.

— Но только сегодня, сэр! — бубнили с экрана. — Как, мы даже не догадались еще послать курьера — это был такой кошмар! — О, слава Богу, вы здесь, сэр. Вы сами увидите, на Алгле — на всей Ньянзе — нет такого технаря, который не был бы готов жизнь отдать за его величество!

— Я уверен, его величество будет чрезвычайно доволен, — сказал Флэндри. — Но с вашего позволения, как там у нас с сигнальными огнями? — После паузы раздалось несколько щелчков и корабль стал стремительно снижаться. — Эй, между прочим, куда вы дели свои континенты?

— Континенты?!

— Ну да, континенты — такие большие грязные места, чтобы сделать посадку.

— О, сэр, конечно, я знаю! — диспетчер весь подобрался. — Мы тут в Городе не дикари. Я сам бывал на Спике.

— Ну а если бы и нет, что тут такого? — пробормотал задумчиво Флэндри, больше интересуясь акцентом парня. Неисчерпаемые варианты англик — колониальных диалектов английского — были его хобби.

— Что до континентов, сэр, я думал, вы должны знать. На Ньянзе их нет. Алгла — всего лишь остров средних размеров. И вообще здесь только скалы и рифы. Они уходят под воду во время прилива на глубину, которая меняется почти вдвое в зависимости от расстояния до Лоа..

— Да-да, я знаю, — сказал Флэндри успокаивающе. — Я вас просто проверял.

Он отключил связь и задумался. К черту эти жалкие справочники для пилотов! Нужно было слетать за подробной информацией на Спiku. Если бы вместо радио изобрели наконец суперскоростную

связь, опережающую свет! На прямые контакты между планетами требуются дни, недели и месяцы. Из-за этого каждая система в культурном отношении развивается по-своему, варится в собственном соку годами. Незаметно, пока не выплеснется наружу, нарастает местный феодализм — неизбежно, хотя и в рамках имперской структуры. Но все равно каким-то образом все это послужит цивилизации, когда Долгая Ночь настанет.

Космопорт походил на десять тысяч других малых пристаней: гравитационное ограждение, поле и несколько служебных зданий — вот и все. За ангарами с западной и южной стороны Флэндри видел зелень ухоженного леса. На востоке виднелись шпили маленького старинного городка. В северном направлении почва шла под уклон, заканчиваясь зарослями травы и россыпью гальки, пока не упиралась в белую линию прибоя и невозможно синий океан. Небо было немного темнее, чем на Терре, — в воздухе меньше пыли, рассеивающей свет, — и безоблачное, голубоватое солнце яростно слепило глаза. Сейчас здесь стояло лето: Алтла лежала на широте 35 градусов в Северном полушарии планеты, размерами напоминающей Терру, но с наклоном оси в 21 градус. Воздух казался прохладнее, чем был на самом деле, из-за свежего ветра, пахнувшего солью, а благодаря сильному ультрафиолетовому излучению солнца к нему примешивался потрясающий запах озона.

В общем, Флэндри скоро пожалел, что вырядился таким пижоном. Он с отвращением смотрел на шорты, блузу и кепку начальника космопорта. Этому блондину, также европейского типа, явно было в них вполне удобно. Мрачное утешение Флэндри нашел, рассудив, что этот комфорт был чисто физического свойства.

— Начальник порта Хайнц фон Сондербург, сэр, к вашим услугам. Естественно, никакого карантина; имперский рыцарь не нуждается. Ах, за вашим багажом присмотрят, капитан... Флэндри? Конечно. Весьма польщен. Я связался с ее превосходительством. Счастлив доложить, что вам будут оказаны положенные официально лицу знаки гостеприимства. Иными словами, мы в Городе сделаем для вас все, что в наших силах...

— Ее превосходительство? — спросил Флэндри, когда они были уже в воздухе.

— Я неправильно выразился? — фон Сондербург нервно потер руки. — О, дорогой, я очень сожалею. Это такая изолированная планета — так редко появляются возможности... Поверьте, сэр, мы только внешне такие неотесанные. В Городе, по крайней мере, царит просвещенный передовой дух абсолютной лояльности по отношению к Империи, которая...

— Я подумал всего лишь о том, что в случае, подобном вашему, когда единственные терраны на планете — это резидент и его семья, стоило бы назначить мужчину на этот пост.

Флэндри посмотрел вниз. Это был старый город, как будто случайно выросший на уступах скал, с крутыми улочками, заполненными пешеходами, машин и флайеров было немного.

Кругом, однако, виднелись большие, современно оборудованные и полные судов доки. Он обнаружил все — от пластиковых пирог до гигантских подводных лодок. В основном суда были парусные, что говорило о неторопливой эстетически-ориентированной культуре, но их совершенные в смысле гидродинамики линии свидетельствовали о том, что практической эффективности также придавалось большое значение. Мощный буксир покидал залив с длинным хвостом нагруженных барж. Широко использовался воздушный транспорт. В другом месте Флэндри узнал комплекс больших, перерабатывающих морскую воду насосных станций с примыкающими фабриками. Двухкорпусное грузовое судно разгружало тюки — с морской травой? — очевидно, для завода пластмасс. «Итак, — подумал он, — большая часть жителей Няны занимается рыболовством, охотой и хозяйничает в океане, покрывающем всю планету; сырье поступает на этот единственный остров, который снабжает металлами, химическим топливом, синтетическими стройматериалами и смолами, и стеклом, и волокнами, и машинами». Флэндри был достаточно знаком с пелагической, или морской, культурой; в наиболее перенаселенных мирах все чаще возвращались в конце концов в родную водную стихию. Но эти здесь сразу начали как моряки. Могло получиться интересное общество...

Голос фон Сондербурга привлек его внимание:

— Ну конечно, несчастный мастер Баннерджи был мужчиной. Я просто ссылаюсь на его, э-э... вдову, бедную леди Варвару. Она — урожденная Эйрс, ну, вы знаете — Эйрсы из Антарктики. Она перенесла свою утрату как подобает представителям настоящей имперской аристократии; да, мы можем гордиться, что нами управлял последний муж леди Варвары Эйрс Баннерджи.

Флэндри построил фразу так, чтобы сохранить иллюзию своей осведомленности:

— Известно точное время его смерти?

— Нет, сэр. Вы можете попытаться узнать в городской полиции, но боюсь, даже они не имеют точной информации. Это случилось прошлой ночью, он уже отдыхал. Видите ли, сэр, у нас нет ваших передовых полицейских методов. Удар гарпуна — ох, что за способ найти последний покой, — фон Сондербурга тихо передернуло.

— Орудие убийства не нашли? — бесстрастно осведомился Флэндри.

— Нет, по-моему, сэр. Убийца принес его с собой, знаете, такой... портативный. Он, должно быть, забрался по стене, используя ботинки с вакуумными присосками или перекидной крюк, чтобы зацепиться за подоконник и... его превосходительство крепко спал, а его супруга предпочитала отдельную спальню. Само собой разумеется, сэр, убийца не проходил через дом, чтобы добраться до уединенной комнаты мастера Баннерджи. Все слуги — урожденные технари, а ни один технарь никогда и помыслить бы даже...

Перед их взором возник дворец резидента, окруженный английским садом. Постройке было лет семьдесят пять, но металл и тонированный пластик этой надменной архитектуры по-прежнему составляли вопиющий контраст с массой дешевых многоквартирных домов рядовой застройки. Когда аэрокар приземлился, Флэндри заметил, что население Города в основном представлено людьми европейского типа, со смуглой кожей. Толпы их заполняли улочки, звенящие детскими голосами; толстые расстрепанные женщины торговались, возбужденно размахивая руками; те из мужчин, что не работали на производстве, сидели в неприглядных унылых магазинчиках. На посту возле дворцовых ворот стояли двое местных полицейских в шлемах и защитных жилетах. Это были высокие африканцы, без задержки пускавшие в ход электрические дубинки шокового действия в случае проявления неуважения к законной власти.

Внешность леди Варвары также напоминала о европейском происхождении, хотя примесь китайской крови в родословной Эйрсов проявлялась в ее темных волосах и тонкокости. Само совершенство, она предстала перед Флэндри в простом белом траурном платье на фоне стереопортрета своего мужа в полный рост. Харри Чандра Баннерджи был маленьким терранином средних лет, с коричневой кожей и мудрыми глазами; без сомнения, типичный законопослушный, совестливый, суетливый служака, чьи мечты о рыцарстве умирали медленно день за днем. А сейчас он и сам был убит.

Флэндри склонился над хрупкой рукой леди Варвары.

— Ваша честь, — сказал он, — примите мое самое сердечное сочувствие и даруйте мне прощение за то, что я вторгаюсь к вам в момент такой утраты.

— Я рада, что вы пришли, — прошептала она. — Так рада.

Ее ~~неприсущая~~ искренность чуть не заставила Флэндри позавидовать о великосветских манерах. Он сделал шаг назад, снова согнувшись в ритуальном поклоне:

— Вы можете больше не беспокоиться, ваша честь. Позвольте мне снестись с властями.

— С властями! — ее голос зазвенел и отозвался эхом в тонких стенках нескольких хрустальных сосудов явно терранского происхождения. Хотя в целом интерьер, полный прихотливой игры линий, был выдержан в стиле, который приобретало искусство, веками развивавшееся вдали от терранской цивилизации. — Какими властями? С вами есть люди?

— Нет.

Флэндри огляделся вокруг: комната, вытянутая в длину, с низким потолком. Вышколенный дворецкий бесшумно поставил графин и фужеры возле стеклянной трельяжной стенки, обращенной в сад. Затем он вышел, оставив их, как казалось, наедине. Флэндри достал сигареты, перевел взгляд на женщину и вопрошающе поднял брови. Он видел, что она моложе его.

Ее бесцветные губы сложились в улыбку:

— Благодарю вас, — сказала она так тихо, что он почти не услышал.

— А? За что, ваша честь? Боюсь, мое присутствие — сомнительное удовольствие.

— О нет, — отозвалась она.

Она приблизилась. Ее поведение было не совсем естественным: то слишком дружелюбным и спокойным для недавней вдовы, то внезапно и резко каким-то диковатым. «Большая доза мистицизма, — догадался он. — Совершенно в духе представителей высшего класса Империи: воздвигать стены из химии, чтобы справиться с горем, или страхом, или... А что ты делаешь, когда стены рушатся?» — подумал он.

— О нет, — повторила леди Варвара. Она говорила быстро, на повышенных тонах. — Возможно, вы не понимаете, капитан. Вы — первый терранин, которого я вижу, не считая мужа, впервые за... сколько же лет? Около трех ньянзанских лет, это почти четыре терранских. И потом, это были краснолицые военные посланники с обычными проверками. Кого мы видели кроме них? Губернатор Города и его офицеры делали несколько звонков вежливости в год. Морское начальство тоже обязано было навещать нас, вы понимаете, и не для того, чтобы снискать любовь или получить привилегии — просто потому, что было бы ниже их достоинства не соблюдать формальностей. Их достоинство! — ее щеки пылали.

Она стояла вплотную к нему, глядя снизу вверх, сжав кулаки так, что кожа на суставах пальцев натянулась, придавая им сходство с птичьими лапками.

— Как бы вы себя чувствовали, если бы вас вынудили терпеть присутствие незваного гостя?

— Итак, Империя непопулярна здесь? — пробормотал Флэндри.

— Я не знаю, — утомленно отозвалась она. — Право, не знаю. Все, что я знаю, — единственные люди, которых мы видели регулярно, наши единственные друзья — о Госюоди! Друзья! — были неотесанные простолюдины, мозгляки.

— Кто, моя госпожа?

— Это здешние горожане — технари. Розовошекие. Зовите их, как хотите. Как этот маленький жирный фон Сондербург. — Она снова вскрикнула: — Знаете ли вы, капитан, что значит общаться только с низшими классами? Это накладывает отпечаток и на вас. Ваша душа становится сальной. Фон Сондербург сейчас... всегда заискивал перед Харри Чандрой... он ни разу не прикурил сигару в моем присутствии, не спросив моего разрешения, причем в самой тяжеловесной форме — в одних и тех же выражениях, я слышала их миллион раз, хоть вой: «Моя госпожа не возражает, если я закурю?» — Варвара кружила вокруг него. Ее обнаженные плечи вздрагивали. — «Моя госпожа не возражает? Моя госпожа не возражает?» И вот вы пришли, капитан. Клянусь, ваши легкие все еще заполнены воздухом Терры... вы пришли и вынули портсигар, и приподняли брови — вот так! Ничего более. Жест, которым мы все пользуемся дома. Обычай, предполагающий, что у меня есть глаза, способные видеть вас, и разум, чтобы знать, чего вы хотите. Добро пожаловать, капитан Флэндри, будьте как дома! — она схватилась за решетку стенки обеими руками и уставилась в сад. — Вы с Терры, — прошептала она. — Я приду к вам ночью, в любое время, прямо сейчас, если хотите, просто потому, что вы терранин.

Флэндри постучал сигаретой о ноготь большого пальца, зажег ее и глубоко затянулся. Он глянул в печальные карие глаза Харри Чандры Баннерджи и произнес про себя: «Прости, старина. Я не кладбищенский вор и сделаю все, что смогу, чтобы избежать этого, но моя работа требует такта. Ради Империи и Расы!»

— Мне жаль, что я появился не вовремя, вы так утомлены, ваша честь, — сказал он. — Конечно, я сделаю все возможное, чтобы вас приняли в Управлении провинции, и если вы хотите вернуться домой...

— После всех этих лет, — пробормотала она, — кого я там знаю?

— А-а ... могу я предложить моей госпоже немного отдохнуть?

Сигнал внутренней связи спас их обоих. Варвара нетвердо произнесла: «Слушаю», и притяжение между ними исчезло. Раздался голос дворецкого:

— Прошу прощения, мадам, но я получил известие о прибытии одной известной здешней персоны. Просить перенести встречу?

— О... я не знаю, — ответила Варвара безжизненным тоном. Она не смотрела на Флэндри. — Кто это?

— Леди Тесса Хурн, мадам, сиятельная владычица Литтл Скуа в Джарново.

3

Когда они достигли Зурийского Течения, вода, которая до этого была совершенно синей, окрасилась пурпуром и покрылась пеной, сверкавшей как снег.

— Здесь, за Железной Отмелью, течение поворачивает на север и уходит дальше, мимо Рифов Скорби, — заметила Тесса Хурн. — Это прибавляет нам несколько узлов скорости. Хотя нам ведь некуда спешить, не так ли?

Флэндри, прищурясь, глядел на здешний неправдоподобный горизонт через темные контактные линзы. Солнечный свет дробился и множился мириадами маленьких смеющихся волн.

— Видимо, цвет зависит от планктона, — сказал он.

— От планктоноподобных организмов, — поправила Тесса. — Мы не на Терре, капитан. Но, да — этим питается макрель, тем — рачки, а мы используем и то и другое. — Она указала рукой: — Вон там флаги с полосами Дилоло, поделенные на четыре части, это рыбацьи лодки принца Акуанта.

Глаза Флэндри слепило от солнца, и он едва различал суденышки в этом немилосердном сиянии. Как только ветер спал, на корабле Тессы Хурн заработал вспомогательный двигатель, и теперь над ними не было тени, которую давали большие паруса. Парусиновый тент был растянут над палубой, и мускулистые матросы, похожие на выточенные из черного дерева статуи молодых богов, растянулись под ним. Иногда оттуда раздавались жуткие звуки волынки. Терранин много бы дал хотя бы за часть этой тени. Но Тесса Хурн стояла здесь, на корме, и он должен был не ударить в грязь лицом. Это было своего рода состязание в выносливости, и все преимущества были явно на ее стороне.

— Ваши люди тоже здесь рыбачат? — спросил он.

— Немного, — она кивнула. — Но в основном мы из Джарново плаваем на запад и на север, охотимся с гарпунами на морских чудовищ. Ха, эти бледнокожие никогда не могут быстро загарпунить зверя, если он больше их корабля; да и задора у них маловато. Есть и другие занятия — Т'чака Крюгер, например, выращивает бобовые водоросли на небольшом участке в Малых Саргассах. Должна заметить, у нас не только простолудины, но и некоторые прирожденные капитаны вынуждены бродить по отмелям в поисках раковин или нырять за моллюсками на дно. Еще у нас есть плотники, ткачи, инженеры, медики, машинисты — все профессии, какие надо; а еще разные фигляры, и мимы, хотя большая

часть представлений дается бродячими актерами. Они приплывают сюда на лодках — бездарный сумасшедший народец, — появляются, когда им в голову взбредет, — она передернула плечами. — Командор может перечислить вам все профессии, если хотите, начальник.

Флэндри посмотрел на нее скорее с озабоченностью, чем с удовольствием. Он не понял пока, как она к нему относится: было ли это презрением или всего лишь ненавистью?

Почти все моряки на Ньянзе были африканцами по происхождению. Это означало, что в прошлом, когда еще существовали более или менее чистые расы, примерно три четверти их предков были негроидами. В этом мире света, активность воздействия которого была несравнима с терранской и еще более усугублялась отражением от водной глади, произошел естественный отбор в пользу людей с темным цветом кожи; здесь, вне Города на Алтле, светлая кожа сразу выдавала чужака. В мелочах игра генов проявлялась довольно разнообразно, но курчавые волосы, широкие носы и полные губы составляли основу генотипа, хотя было и множество исключений. У Тессы были сильно выющиеся, мягкой шапкой окружавшие голову волосы, широкие ноздри и лицо с высоко изогнутыми бровями, переносица была с горбинкой. Если бы не взгляд, полный врожденной надменности, лицо ее было бы чрезвычайно красиво. В остальном она была еще большим совершенством: почти такая же высокая, как Флэндри, полногрудая, с тонкой талией и мускулистая, как сиамская кошка. Золотой медальон у нее на лбу свидетельствовал о высоком положении, на поясе висел нож, а за спиной неизменно — акваланг... Он, впрочем, не скрывал достоинств ее фигуры. Но даже одетая, когда в перьях, мантии и радужном плаще она входила в резидентский дворец, Тесса являла собой воплощенный вызов.

«Хотя, — подумал Доминик Флэндри, — слово “сногшибательный” имеет два значения. И я не намерен пасовать перед сиятельной владычицей Литтл Скуа».

Он осторожно спросил:

— А технари, откуда они родом?

— А, эти, — легкая усмешка мелькнула на ее красивых губах. — Видите ли, когда Ньянзу начали заселять, на Алтле народу все прибывало, места стало не хватать, поэтому люди начали осваивать океан. Это обеспечивало такой достаток, что вскоре мало кто хотел работать на земле. Поэтому образовалось довольно много вакансий и — о! — Ньянза просто закишел всяким сбродом. Большинство приехали с Дойчвельта, так уж получилось. Когда их стало слишком много — а они еще и размножались, — мы перекрыли им кислород, чтобы они не смели становиться моряками, у

них начинались кожные болезни, а Алтла — небольшое пространство.

— Я думаю, они могли бы приобрести влияние на планете, что в случае коренных улучшений...

— Нет, капитан. Алтла и ее окрестности находятся в совместном владении настоящих представителей ньянзанского народа. Технари всего лишь наемники. Хотя, сказать по правде, они ловко управляют с финансами, и на их банковских счетах часто больше денег, чем у многих капитанов судов. Вот почему мы запрещаем им быть судовладельцами.

Флэндри оглядел себя. Он избегал носить заурядную униформу. Его костюм состоял из сшитых на заказ блузы, брюк, офицерского пояса, а также фуражки с крылышками и сияющей эмблемой Империи. Но он не мог отрицать того очевидного факта, что культура, которой он сам принадлежал, имела больше сходства с культурой мозгляков-технарей. Тем не менее, если имперский агент зачастую вызывал к себе ненависть, позволить себе быть презируемым он не мог. Посему Флэндри приподнял бровь («Сардоническое выражение номер 22-С», — подумал он при этом) и сказал, растягивая слова:

— Понятно. Вы боитесь, что, как существа более разумные, они в конце концов завладеют всеми кораблями на планете?

Благодаря гладкой, лоснящейся черной коже было незаметно, вспыхнула ли она, но ее губы плотно сжались, а рука легла на нож. Он подумал, что от морского дна его отделяет немного — стоит ей подать знак команде. Наконец она воскликнула:

— Что жс, на Терре появилась новая мода — оскорблять хозяйку? Вы же сами отлично понимаете, что речь идет не о врожденных способностях, а о приобретенном искусстве. Мозгляки от рождения культивируют обращение с деньгами. Но кто из них может справиться с корабельными снастями или хотя бы назвать морские пути? Вы-то сами — можете?

Хотя Флэндри умышленно задал ей этот вопрос, продолжать в том же духе он отказался.

— Ладно, — сказал он, — Империя старается уважать местные законы и обычаи. Только вопиюще нецивилизованная практика недопустима.

Это уязвило ее, она взяла себя в руки. Большинство жителей колоний болезненно воспринимали свою изоляцию от основного русла развития Галактики. Они не отдавали себе отчета в том, что их сообщества совсем не были отсталыми в определенных отношениях — часто они были даже здоровее — почему так происходило, неизвестно; ответ на это лежал где-то в глубинах человеческого подсознания. Но сам факт можно было использовать.

Достаточно разозлив ее, Флэндри закончил холодно:

— И, конечно, Империя не станет терпеть предательских заговоров.

Тесса Хурн ответила ему напряженным голосом:

— Капитан, здесь нет заговоров. Свободнорожденные честны даже с врагами. Вы сами прибегаете к лукавству. Чтобы увидаться с вами, я оказалась на Алтле, возвращаясь домой из Коаала, и посетила дворец ради соблюдения придворного этикета. Когда вы попросили о поездке в Джорново, я согласилась: ведь у нас не принято отказывать в таких случаях. Я отлично понимаю, почему путешествие со мной для вас предпочтительней, чем час-другой полета: вы хотели составить представление обо мне и шпионить за мной. Вы не были честны, имея собственные резоны для посещения моей страны, — она уже почти рычала на него. — Эти мозгляцкие методы! Но вряд ли ваша миссия увенчается успехом, если вы будете ориентироваться на мозгляков и тех, кто им сочувствует!

Она вынула нож, взглянула на него и снова бросила в ножны. Внизу на юте команда зашевелилась, движениями их тела напоминали пантер. Стало так тихо, что Флэндри отчетливо слышал и ровный шум, с которым нос судна резал волны, и их плеск о корпус корабля, и скрип переключин высоко над головой.

Он прислонился к фальшборту и осторожно произнес:

— Я стремлюсь в Джорново из-за одного парня, который умер, держа меня за руку. Я хочу найти его родителей. — Он предложил ей сигарету и взял сам, когда она отрицательно покачала головой. — Но дело тут не в моих личных симпатиях. Имперская казна не бездонна. И, кстати, раз уж мы так откровенны, именно по этой причине я едва ли в состоянии пригласить кого-нибудь даже к себе в гости. — Он выпустил струйку дыма, почти невидимого в потоках света. — Может быть, вы и не станете устраивать заговор у кого-то за спиной, леди. Хотя, если вдуматься, кому нужно устраивать заговор у кого-то под носом? Тем не менее на Ньянзе зреет что-то ужасное. Тот парень не записался добровольцем, когда имперский вербовщик обещал ему деньги и славу; он взялся изучать современную военную технику с мыслью обратить ее потом против Империи. А умер он, лежа на затоптанном снегу, подстреленный патриотом, за которым он сам охотился. Кто увлек этого молодого человека на смерть, сиятельная госпожа? И кто взобрался по стене и убил гарпуном безобидного маленького одинокого чиновника, когда он спал? Еще спрошу вас: кто послал этого тихого убийцу и почему? Да, все это отвратительно. Я думаю, вы оцените мои усилия, направленные на то, чтобы очистить вашу планету от этой грязи.

Тесса прикусила губу. Наконец, стараясь избежать его испытующего взгляда, она сказала:

— Я не разбираюсь в таких делах, капитан. Не стану высказываться против вашей Империи, пусть мои мысли останутся при мне, но ваша правда — мы не особенно страдали, не больше, чем резидент; и некоторые налоги...

— Были, без сомнения, выше, когда каждая нация сама обеспечивала свою собственную безопасность, — подхватил Флэндри. — Да, на такие планеты, как ваша, мы назначаем одного-единственного человека. На самом деле мы бы хотели иметь здесь больше людей, потому что достаточный штат полицейских может предотвратить любые беспорядки до того, как они перерастут во что-то большее. И мы могли бы искоренить пережитки грубого варварства, оставшиеся от прежних времен независимости...

Опять она ошетибилась, и Флэндри торопливо попытался успокоить ее:

— Нет, пожалуйста, я не хотел вас оскорбить. Ньянза, в общем-то, всегда была совершенно гуманной планетой. Если вы не используете все эти последние технологические поделки, то лишь потому, что они бесполезны в условиях вашей культуры, а не потому, что забыли известное вашим предкам. Моих инженерных познаний вполне хватает, чтобы видеть: эти ваши странные паруса — чудо аэродинамики, я уверен, что параболаидный кливер использует эффект Вентури преднамеренно. Я уже почти вижу, как буколические поэты при дворе восторженно превозносят ваш образ жизни... Боюсь, правда, их сразу замучает морская болезнь, если они вкусят его, но, впрочем, это к делу не относится... Вот почему, — закончил он спокойно, — я немного больше симпатизирую Харри Чандре Баннерджи — который суетился, находил выгодные межсистемные контракты для ваших амбициозных молодых людей, строил волнорезы, заказывал вакцины, и никогда не допускался в ваши клубы — больше, чем, прошу прощения, вам.

Она посмотрела в сторону, на кипящую белоснежной пеной и пурпуром воду, и сказала очень низким голосом:

— Никто не звал сюда Империю.

— Не одна, так другая, нашелся бы кто-нибудь еще. Терранская Империя первая утвердилась в этом регионе. Мерсейский Ройдхунат был бы более требовательным хозяином — хотя бы потому, что они до сих пор сильны, воинственны, добродетельны и, в общем, неподкупны, в то время как Терра, напротив, позволяет событиям развиваться естественным путем.

Эти слова привели ее в полное изумление, как он и ожидал.

— Пока что Империя защищает свои границы, как бы Терру саму не атаковали из космоса, поэтому мы намерены оставаться. Я бы не советовал некоторым молодым горячим ньянзанским головам пытаться выходить с гарпуном на космические дред-

ноуты. А тот, кто провоцирует подобные доблестные безумства, является вашим врагом, так же как и моим.

Ее глаза, устремленные на него, были полны грусти. После долгого молчания она спросила:

— Капитан, вы когда-нибудь плавали под водой?

— Кажется, я не сказал ничего, что располагало бы к шуткам? — спросил он, сбитый с толку.

Он говорил наполовину искренне, наполовину играя, не отдавая себе отчета в том, какая из его фраз правдива, а какая — нет; он думал, что нащупал правильный тон. Но ее слова удивляли.

— Неужели ничего? Вы в полном одиночестве пребываете в мире, который живет чужой для вас жизнью и где, возможно, вынашиваются планы убийства... Капитан, я сожалею, что назвала ваш народ мозгляками.

Облегчение волной слабости охватило Флэндри. Он глубоко затянулся и весело сказал:

— Самое страшное, что мне могут сделать, — это застрелить, что, конечно, опечалит моего портного и поставщика вин. Вы когда-нибудь слышали, что трус умирает тысячу раз, а герой только однажды?

— Да.

— Так вот, после восьмьсот пятьдесят седьмой смерти мне это накусило.

Она засмеялась, и он продолжал шутливым тоном, таким подходящим сейчас, но его мысли потекли в другом направлении. Не то чтобы он всерьез подумал о возможности более близких отношений с сиятельной владычицей Литтл Скуа, у него сложилось впечатление, что народ здесь целомудренный. Но несколько дней путешествия до Джарново стали бы гораздо приятнее благодаря легкому флирту на борту корабля, и он бы узнал гораздо больше, чем от враждебно настроенных попутчиков. Он бы, например, узнал, что предпочтительнее — импортное вино, которое он заметил на камбузе, или местный джин из морских ягод? Он не был искренен, утверждая, что ему безразлично, жив он или умер: конечно, нет, когда на расстоянии вытянутой руки стояла молодая женщина, одетая лишь в солнечный свет; когда окровавленные лошади скакали по звенящим равнинам Илиона; или когда струился аромат кофе или коньяка там, на Терре. И, конечно, именно изрядная доля риска придавала такую остроту всем этим наслаждениям.

4

Когда они достигли Джарново, был прилив, и все скалы и постройки находились на несколько метров ниже поверхности воды. Корабль Тессы Хурн прокладывал путь между буями с

пестрыми выпелами к одному из стоящих на якоре плавучих доков. Там было полно людей: одни плавали, как дельфины, среди пришвартованных судов, другие лазали, как белки, по высоким мачтам. Рыба была выгружена, паруса починены, механизмы отремонтированы; сотня низких голосов распевала «Вай-о» под аккомпанемент флейты и барабана, а босые ноги отбивали ригадун. Флэндри заметил: стоило ему появиться, как всюду затихал гул голосов. Но он сошел вслед за Тессой с корабля, как только судно пришвартовалось.

Ньянзана никогда не расставались со своими аквалангами. Похоже, они сумели разработать более совершенную модель, чем те, которые Флэндри доводилось видеть прежде. Она состояла из прозрачного шлема и маленького приспособления с емкой батареей, которое носили за спиной. Способом электролиза это приспособление получало кислород прямо из морской воды и разбавляло его в нужной мере гелием, находящимся в емкости под высоким давлением. Регулируя давление каждого из газов, можно погружаться довольно глубоко.

Они плыли недолго. Плавать с аквалангом здесь было так же привычно, как на Terre ходить по мосту. Сквозь чистую зеленоватую прохладу Флэндри разглядел Джарново: город был большой — зыбкие силуэты погруженных в воду куполов и башен простирались дальше, чем он мог видеть. Кругом кипела работа: словно мошки, мелькали рабочие, выгружавшие с огромной грузовой подводной лодки тюки с сушеной морской травой в трубу склада; дети сновали среди мрачных шпилей и гротов кораллового парка; старик рассыпал зерна, приручая маленькую полосатую рыбку; мальчик и девочка плыли рука об руку сквозь океанское безмолвие.

Когда они добрались до длинного светлого помещения приемной Командора — наследного главы исполнительной власти Джарново, Флэндри был все еще так одурманен морем, вызывающей роскошью строго распланированных садов, что почти не обратил внимания на изящество галереи. Даже форма воздушного шлюза, через который они вошли, вписывалась в общую картину. Она тревожила сознание терранина непривычными контрастами ажурной каменной резьбы и величественных масс, подобно контрастам самого океана.

Когда вода из шлюза была выкачена, воздушный поток обсушил их — мерцающую одежду Флэндри и гладкую кожу Тессы. Они вошли в аванзал, стены которого были украшены абстракциями героического характера. Миновав двух воинов с неизменными гарпунными ружьями, охранявших двери, они вошли через небольшой коридор в просторный круглый зал с рядами малахитовых колонн, увенчанный светлым куполом. Там уже находилось

несколько ньянзан — представителей высшего общества. Они были разного возраста, самым молодым было около двадцати; на некоторых были только акваланги, другие были одеты в светлые рубашки и юбочки, наподобие шотландских; но чувство собственного достоинства окутывало каждого из них, как мантия. Тесса вышла вперед и четко отдала рапорт:

— Сиятельная владычица Литтл Скуа прибыла из Краала по вашему приказанию, сэр.

Командор Иньяндума III был мужчиной могучего сложения с тяжелым лицом и густыми седеющими волосами. На лбу у него сиял медальон, свидетельствующий о высоком ранге, с изображением золотой Полярной звезды.

— Добро пожаловать, — сказал он, — мы рады вам и вашему гостю. Он теперь и наш гость. Я объявляю его имя священным.

Терранин склонился в церемонном поклоне.

— Мое почтение, сэр. Я — капитан Имперского флота Доминик Флэндри. Ее светлость Тесса Хурн любезно согласилась проводить меня сюда.

Он смело встретил взгляд Командора и постарался встать так, чтобы иметь возможность краем глаза наблюдать за Тессой. Иньяндума сделал почти незаметное вопрошающее движение. Она слабо кивнула, ее большой и указательный пальцы на мгновение сложились в букву О. «Я уже выяснил, что она была в Краале с официальным заданием, — вспомнил Флэндри, — но она ни за что не сказала бы с каким и только сейчас позволила себе показать, что все прошло успешно. Слишком секретное, чтобы сообщить об этом по радиотелефону с корабля! Как простые смертные мы радовались обществу друг друга, путешествуя вместе. А как агенты, посланные нашими вождями?..»

Иньяндума обвел комнату сильной рукой моряка:

— Вы видите здесь людей, представляющих нашу законодательную власть, капитан. Когда ее сиятельство позвонила сказать, что вы направляетесь сюда, мы подумали, что причиной вашего визита послужило убийство его превосходительства, о котором сообщалось по всему миру. Это серьезное дело, поэтому я собрал наших руководителей Совета из Палаты Мужчин и Конгресса Женщин.

Шелест и шепот пробежал меж зеленых колонн в зеленой толще моря. И облегчение было в нем, и нетерпеливое ожидание. Собравшиеся здесь не были профессиональными политиками в том смысле, как это принято понимать на Терре. Это были самые достойные граждане Джарново: аристократы и судовладельцы, занимающиеся политикой по обязанности, и морские офицеры, которых выбирали путем всеобщего голосования. Даже знать имела обязанности — например, Тесса Хурн унаследовала не право, а

долг устанавливать плавучие маяки и держать связь между рифами, называемыми Литтл Скуа. Все эти люди чаще имели дело со штормами и зубами морских чудовищ, чем с парламентскими дебатами.

Флэндри произнес ровным голосом:

— Сэр, господа, мой визит имеет отношение к делу более серьезному, чем это убийство. Резидента мог убить любой чем-либо недовольный субъект; человек, представляющий метрополию, всегда рискует. Но я думаю, ни одна живая душа не испытывала ненависти к Баннерджи персонально. Именно это и заслуживает осуждения!

— Вы подразумеваете государственную измену, сэр? — прогрохотал Иньяндума.

— Да, Командор. И у меня есть веские основания. Кто-нибудь может помочь мне связаться с семьей Умболу?

Ряды советников Джарново заволновались. Затем вперед выступил молодой человек огромного роста с резкими чертами лица, шрамом на щеке и поступью льва.

— Да, — воскликнул он так, что в зале зазвенело. — Меня называют Дерек Умболу, я капитан винтового траулера «Блумфонтейн». Тесса, зачем ты притащила сюда проклятого импи?

— Отставить! — вскричал Иньяндума. — Здесь принято вести себя вежливо!

Тесса воскликнула:

— Дерек, Дерек, ведь он мог долететь до нас всего за час! И мы же не замыслиаем бунта... — Ее голос прервался, она отступила назад под его яростным взглядом. Глаза широко раскрылись, и рука непроизвольно поднялась ко рту. Невысказанный вопрос дрожал на губах: «Или замыслиаем»?

— Пусть они держатся подальше от нас! — прорычал Дерек Умболу. — Мы уплатим дань и не нарушим их проклятого покоя, но пусть и они оставят нас и наши обычаи тоже. Но ведь они не оставляют!

Флэндри вступил в общую перепалку.

— Я не обижаюсь на вас, — сказал он. — Но также должен заметить, что не делаю здесь политику. Ваши жалобы на местную администрацию должны быть адресованы правителю провинции...

— А, тому *куогу*-убийце! — фыркнул Дерек. — Я слышал о Брас и еще кое-что.

Несмотря на то что Флэндри счел определение превосходным (зная по опыту, что за отвратительный зверь был *куог*), он сказал поспешно:

— Я должен предупредить вас: воздержитесь от оскорбления властей. Лучше перейдем к моему заданию. Для меня это тоже

дело не из приятных. Капитан Умболу, имперский морской пехотинец по имени Томас — ваш родственник?

— Да. У меня есть младший брат, которого запрягли на пять лет.

Флэндри заговорил мягче:

— Сожалею. Мне не приходило в голову, что вы можете окататься такими близкими родственниками. Томас Умболу был убит в бою на Брае.

Дерек закрыл глаза. Могучая рука сжала рукоять охотничьего ножа так, что кровь показалась из-под ногтей. Когда он снова открыл глаза, голос его звучал хрипло:

— Вы опередили официальные новости, капитан.

— Я видел, как он умер, — сказал Флэндри. — Он погиб, как смелый человек.

— Но вы, вероятно, проделали такой путь не затем, чтобы сообщить об этом провинциалу?

— Нет, — сказал Флэндри. — Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз и немедленно. И с другими родственниками.

Гигант набрал полную грудь воздуха, его сильные пальцы сжались в кулаки. Он отрывисто бросил:

— Нечего мучить моего отца вашими дьявольскими домыслами; скрывать нам тоже нечего. Спрашивайте, что вам надо, здесь — при всех!

Флэндри почувствовал, как напряглись его бицепсы, будто в ожидании удара. Он посмотрел на Командора. Лицо Иньяндумы, украшенное звездами, было словно высечено из обсидиана. Флэндри сказал:

— У меня есть причины считать, что Томас Умболу был вовлечен в тайный заговор. Конечно, я могу ошибаться, в таком случае я принесу вам свои извинения. Но вначале я должен задать много вопросов и, конечно, не намерен делать это перед целой аудиторией. Увидимся позже.

— Вы оставите моего отца в покое, или я убью вас!

— Отставить! — вскричал Иньяндума. — Я же сказал, он — наш гость. — И закончил уже мягче: — Иди, Дерек, и скажи Старому Джону то, что ты должен сказать.

Гигант отдал честь, повернулся и гордо покинул собрание. Флэндри видел: в глазах Тессы блеснули слезы. Командор тяжело наклонился к нему:

— Прошу прощения, сэр. У него смелое сердце... Уверяю вас, среди его родных не может быть измены... Однако новости, принесенные вами, были слишком тяжелыми.

Флэндри ответил подобающим образом. Дальше собрание превратилось просто в светский раут, вежливую беседу с господами зрителями маяков и стражами побережья. Он был

совершенно уверен в том, что большинство из присутствовавших не имели отношения к каким-либо заговорам: революции начнутся не таким путем.

В конце концов он обнаружил себя в маленькой, но со вкусом обставленной спальне. Одна стена была полностью занята картой планеты. Он изучал ее, ища место под названием Ухунху. Он нашел его в Россале, это было к северу от Джарново; если он правильно разобрался в символах, это была территория, постоянно находившаяся под водой.

Внезапно в его мозгу вспыхнуло воспоминание. Он матерился в течение двух неповторимых минут, затем начал курить одну сигарету за другой. Если в этом была разгадка...

5

Внутренняя луна, несмотря на меньшие размеры, в наибольшем приближении к планете казалась вдесятеро больше, чем Луна с Терры; она двигалась с большей скоростью — успевала сделать пять оборотов вокруг орбиты за два ньянзанских тридцатичасовых дня, — так что происходивший отлив был эффектно быстрым. Флэндри слышал рокот волн и видел сквозь стену (по желанию она могла становиться прозрачной), как пенились водяные валы, разбивавшиеся о темную шершавую скалу. Уже близился закат; оказалось, он просидел несколько часов, погруженный в раздумья. Взглянув на электроэфемериды*, что висели над постелью, он отметил, что Лоа — внешний спутник планеты — не замочит холла до полуночи. К тому же этот прилив был довольно слабым, без воронок, опасных для мозгляков и таких, как он.

Он потушил сигарету и вздохнул. *«Должна же наконец закончиться полоса невезения»*. Поднявшись на ноги, он сбросил всю одежду, кроме шорт и акваланга, надел выданные ему ласты и пристегнул кобуру с пистолетами (они были водонепроницаемыми). Карта-указатель региона подсказала ему, где жил капитан Джон Умболу. Он записал послание, сообщив, что вызван по делу, и его хозяину не стоит ждать его к обеду. Он был уверен, что Иньяндума скорее почувствует облегчение, чем обидится. Затем он вошел в воздушный шлюз. Дверь за ним автоматически закрылась.

Закат пламенел сквозь фиолетовые воды, превращая белую пену бурунов в чистое золото; лужи, оставленные отливом на голом черном рифе, были подобны расплавленной меди. На востоке небо было глубокого синего цвета; все еще бледно-голубое

---

* Эфемериды — астрономические таблицы, указывающие заранее вычисленные положения небесных тел на определенные дни года. (Здесь и далее примеч. пер.)

над головой, оно становилось безоблачным сияюще-зеленым там, где садилось солнце. Сквозь грохот прибоя до Флэндри доносился звон колоколов с одной из розово-красных башен... а может быть, это звонил корабельный колокол среди качающихся перекладин, звуки напоминали что-то слышанное в детстве во сне. Среди океана этот звон был невыразимо мирным.

Никто здесь не пользовался лодками, если плыть было недалеко. Флэндри вошел в воду в укромном месте, широко расставляя обутые в ласты ноги, и поплыл между куполами и башнями. Другие головы качались в мелких теплых водах, никто не обращал на него внимания. Он был этому рад. Прокладывая курс по буям, через несколько минут энергичного плавания он нашел дом старого Умболу.

Дом стоял на высокой скале, окруженной камнями поменьше, вокруг которых бесновались водяные валы. Терранин осторожно продвигался в поисках безопасного причала. Он нашел его между двумя естественными волнорезами, образованными мрачными порыхелыми коралловыми вершинами. Наверх, сквозь сады, темневшие по бокам слитной массой, вела тропа. Она заканчивалась у входа в маленькую полусферу. Глубокие синие сумерки медленно убывали на западе, вечерняя планета уже погрузилась в ночной отдых.

Флэндри ступил на берег под навесом скал. Там было темно. Он не осознал в точности, какой именно рефлекс из приобретенных за годы сражений спас его. Из-за одного из высоких выступов незаметно выскользнул мужчина и выстрелил гарпуном. Флэндри упал на живот, прежде чем увидел блеск металла. Убийственный снаряд просвистел как раз там, где он только что стоял.

— Ну, раз так! — он перекатился на спину, одновременно выхватывая нидлер, заряженный иглами со снотворным. Кто-то, словно черная пантера, метнулся к нему. Он еще не успел снять пистолет с предохранителя, когда на него упало тяжелое тело. Сокрушительный, парализовавший запястье удар каратэ выбил оружие из его руки. Он увидел бородатое, искаженное ненавистью лицо... и лезвие ножа.

Флэндри блокировал удар кинжала левой рукой. Убийца отвел нож. Не дожидаясь нового удара, Флэндри ткнул большим пальцем ему в глаз. Его противник терпел это неудобство в течение нескольких секунд, но в ответ сжал запястье терранина свободной рукой. Правая рука Флэндри была еще слаба, но он смог нанести врагу несильный удар кулаком по голове и высвободил левую руку, резко дернув его за большой палец. Прижав обеими руками и коленом руку с ножом, он стал ломать ее. Противник дико закричал, скорчился и умудрился вывернуться. Оба вскочили на

ноги. Кинжал валялся между ними. Ньянзанин наклонился за ним, но Флэндри наступил на лезвие.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — сказал он, ударив барахтающегося в уху и хватаясь за свой бластер. Ньянзанин не остался в долгу. Прижатый коленями Флэндри, он внезапно сделал плечевой захват и опрокинул его. Терранин упал навзничь. Он заметил лишь, как скрюченная фигура распрямилась и человек прыгнул в воду. Флэндри выстрелил. Когда эхо от громоподобного выстрела затихло и никакого тела на поверхности не появилось, Флэндри разыскал свой нидлер. Его дыхание и пульс медленно успокаивались.

— Вот, — произнес он вслух, — тот заслуживающий осмеяния случай взаимной несостоятельности, какой когда-либо устраивали боги, ответственные за мордобой. Нас обоих следует защекотать до смерти маленькими зелеными сороконожками. Ну ладно... Если тот парень никому не расскажет, я тоже не стану особо распространяться на эту тему.

Он покосился в сумерках на нож убийцы. Обычное лезвие из нержавеющей стали, но ручка с инкрустацией была незнакомаго вида. Видел ли он когда-нибудь прежде ньянзанина с респектабельной бородкой?

Он пошел вверх по тропе и позвонил в колокольчик у двери. Воздушный шлюз открылся, и он вошел.

Помещение, по-корабельному опрятное, было наполнено моделями судов, причудливыми раковинами, чучелами рыб и другими морскими сувенирами. Но в нем царила пустота. Один старик сидел наедине со своим хламом, больше не было ни души.

Джон Умболу взглянул на гостя затуманенными глазами и кивнул:

— Да, — сказал он, — я ожидал вас, капитан, добро пожаловать, садитесь.

Флэндри опустился на кушетку, покрытую мягкой чешуйчатой шкурой какого-то исполинского плавающего существа, выловленного когда-то Джоном Умболу. Она была изрядно потерта. Старик проковылял к нему с графином привозного рома. Налив себе и гостю, он сел в массивное кресло. Мужчины подняли кубки.

— За вашу честь и доброе здоровье, сэр, — сказал Джон Умболу.

Флэндри посмотрел в морщинистое лицо и мягко сказал:

— Ваш сын Дерек должен был рассказать вам, что за новости я привез.

— Я получил известия, — кивнул Умболу. Он взял трубку с подставки и начал набивать ее медленными аккуратными движениями. — Вы видели, как он умер, сэр?

— Я держал его за руку. Его взвод попал в ловушку во время военной операции на Брае. Он... все кончилось очень быстро.

— Только в море можно умереть достойно, — прошептал ньязанин. — Моим детям, всем, кроме Дерек, посчастливилось так умереть. — Он разжег трубку и некоторое время курил молча. — Я сожалею, что Том должен был идти этим путем. Благодарю вас за то, что вы пришли сюда рассказать мне об этом.

— Он будет похоронен со всеми воинскими почестями, — неловко произнес Флэндри. *«Если у них немного трупов, они просто заравнивают их бульдозером»*. — Или, если хотите, вместо положенной денежной компенсации за утрату на поле боя вы можете получить его прах.

— Нет, — сказал Умболу. Его седая голова качалась взад и вперед. — Что пользы? Лучше я получу деньги, чтобы построить маяк на скале в его честь. — Он задумался, затем сказал неуверенно: — Позвольте мне еще раз воспользоваться вашей добротой. Может быть, вы что-нибудь знаете... Видите ли, сэр, солдаты в отпуску, в увольнении и... девушки — они встречаются... Может быть, Том оставил где-нибудь малыша?

— Сожалею, но я представления не имею, как узнать об этом.

— Ну что ж, хорошо, я не ожидал большего. Дерек должен скоро жениться. Если имени суждено жить...

Флэндри глубоко затянулся, закулив сигарету, вынутую из водонепроницаемой пачки. Он выдохнул:

— Я должен рассказать вам о том, что говорил, умирая, ваш сын.

— Да. Продолжайте свой рассказ и не бойтесь меня испугать. Станет ли рыба проклинать крючок, даже если он и причинил ей боль?

Флэндри заговорил. Когда он подошел к концу рассказа, глаза старика закрылись, как у Дерек, и он выпустил пустой кубок из пальцев.

— Я ничего об этом не знаю. Вы верите, капитан?

— Да, сэр, — ответил Флэндри.

— Вы боитесь, что Дерек может быть пойман той же сетью?

— Надеюсь, нет.

— Я тоже. Ни один из моих сыновей не связался бы с ночными убийцами, что бы они ни думали о вашей Империи. Том... Том был молод и не понимал, во что его втянули. Поверите ли вы и этому? — спросил Джон Умболу с беспокойством.

Флэндри кивнул. Ньязанин склонил голову и охватил трубку ладонями так, словно хотел согреть их.

— Но Дерек... почему? Дерек же в Совете. Дерек должен понять... О, только не это!

Флэндри дал ему время собраться с мыслями, затем спросил:
— Где молодой человек мог... впервые повстречать участников такого заговора?

— Кто знает, сэр? Получая образование, мальчик из семьи Умболу имел возможность плавать во все порты планеты. А на Ньянзе всегда есть моряки любой нации, да и в Джарново тоже.

Флэндри вынул подобранный нож.

— Этот нож принадлежит бородачу, — сказал он. — Может, что-нибудь знаете о нем?

Старик внимательно взгляделся в находку выцветшими глазами.

— Сделано в Россале, — мгновенно опознал он вещь и добавил таким же безжизненным голосом: — И россальцы носят бороды и бакенбарды.

— Когда я вышел на берег перед вашим домом, — сказал Флэндри, — мужчина с бородой — хозяин этого ножа — пытался меня убить. Он убежал, но...

Он замолчал. Старый морской волк поднялся. Флэндри увидел лицо, буквально раскаленное добела от ярости, и вдруг осознал, что Джон Умболу был просто великаном.

Гигантские кулаки сжались над головой терранина. Голос роко-тал подобно грому, одно проклятие за другим, пока ярость наконец не облеклась в осмысленную речь:

— Тайные убийцы на моей собственной земле! Против моего гостя! Клянусь священными мощами Всемогущего Господа, сэр, вы позволите мне допросить каждого россаланца в Джарново и заживо содрать с них шкуру!

Флэндри тоже встал. Его обуяла неистовая жажда деятельности, в голове родился смелый план. И в то же время внутренний голос предостерегал его: «Осторожно, парень, осторожно! Тебе не удастся наладить сотрудничество с этими ребятами, не воспользовавшись самыми фарисейскими аргументами, и придется бесстыдно сыграть на чувствах этих людей, точно так, как предписывает тот проклятый трехтомный справочник...»

«Что ж, — подумал он, — за это, собственно, мне и платят...»

6

Он провел в доме Умболу несколько часов. Они разделили трапезу, но явная усталость переполняла Флэндри. Возвращаясь к скале Командора, он плыл совсем медленно. Ступив на землю, немного отдохнул, глядя на море.

Над головой сияла Лоа, сейчас размером с терранскую Луну, почти полная, но гораздо блее и ярче ее. Высоко, в бархатной черноте неба было полно чужих созвездий. Сигнальные огни на скалах, разные цвета которых означали глубины, превращали

Джарново в огромную шкатулку с драгоценностями, переливающимися в лунном сиянии океана.

Флэндри вынул сигарету. Только это ему и оставалось, при эдаком-то освещении. Сигарета хоть немного скрашивала его одиночество. Имперским агентам тоже надо иногда расслабиться... Он глубоко затянулся.

— Вы не можете заснуть, капитан?

Низкий женский голос вернул его к реальности. Увидев лунный отблеск на коже Тессы Хурн, он спрятал пистолет.

— Кажется, вы и сами немножко страдаете бессонницей, — отозвался он. — Если только не умеете ходить во сне, нырять во сне, ну и что еще здесь делают. Но нет, конечно, все это мне снится. Не будите меня.

Луна превращала ее фигуру в колдовскую игру сумрака и света, набегающие волны закручивались у ее ног. Она плавала. Лоа отсвечивала в миллионе прохладных капель — ее единственном одеянии. Он вспомнил, как они разговаривали и смеялись, и обменивались воспоминаниями, и пели, и даже мечтали под солнечным небом или под парусами в лунном свете. Его сердце екнуло, а язык утратил свою бойкость.

— Да. Дела никак не дают заснуть... — Она стояла перед ним, опустив глаза. Впервые она отводила взгляд. В струящемся нереальном свете он видел жилку, бьющуюся у нее на шее.

— Поэтому я покинула постель и... — ее голос умолк.

— Почему вы сюда вернулись? — спросил он.

— О... мне просто было по пути. Или может быть... Нет! — Она пыталась улыбнуться, но губы ее не слушались. — Где вы были вечером, раз уж мы оба так любопытны?

— Я разговаривал со Старым Джоном, — сказал он, искренность могла быть полезной. — Это было не просто.

— Да. Я бы вашей работы врагу не пожелала, Доминик. Почему вы занимаетесь этим?

Он пожал плечами:

— Это все, что я умею делать.

— Нет! — воскликнула она протестующе. — Помогать скотине-правителю и ничтожеству-резиденту — вы же настоящий мужчина! Вы бы могли приехать... сюда, даже... Нет, небеса не позволили бы этого...

— Все это не совсем бесполезно, — отозвался он. — Империя, конечно, — он жалко улыбнулся, — еще менее совершенна, чем я сам. Это правда. Но то, что может быть взамен ее, — гораздо хуже.

— Вы так уверены в этом, Доминик?

— Нет, — с горечью ответил он.

— Вы могли бы поселиться на какой-нибудь провинциальной планете и заниматься делом, которое сочли бы достойным. Я... даже я думала, во Вселенной есть много планет и кроме Ньянзы... если бы на такой планете были океаны, я бы могла...

Внезапная догадка пришла Флэндри в голову:

— Не хотите ли вы сказать, что у вас есть ребенок, Тесса?

— Да, сын Командора, но, поскольку я пока не замужем, мальчик усыновлен.

Он смотрел на нее в замешательстве, и она объяснила, к счастью, не называя имен:

— Командор не должен жениться, но может спать с кем хочет. Это большая честь для каждой женщины, и если она не замужем, то получает от него большое приданое. Дети таких союзов воспитываются в семьях матерей; когда они вырастают, советники выбирают лучшего сына законным наследником.

Флэндри был шокирован, но не мог не признать, что терранским императорам стоило бы кое-чему поучиться у ньянзан. Он подавил смехок и сказал:

— Что ж, это делает вас прекрасной добычей, Тесса, — титулованная, богатая и мать потенциального вождя. Как вам это удалось?

— Здесь не было подходящего мужчины, — прошептала она. — Иньяндума — настоящий мужчина, видите ли, несмотря на его годы. Только он и Дерек Умболу — как вы раскусили меня, терранин! — горды настолько, чтобы не стремиться к браку из-за титула.

Она перевела дыхание и выкрикнула с отчаянием:

— Но я больше не девушка и не желаю ждать целую вечность, чтобы снова почувствовать себя женщиной!

Флэндри мог бы как-нибудь отговориться и — о черт! — удрать отсюда. Но, несмотря на жар в крови, он вспомнил, что послан Империей и что эта леди хранит в тайне от него то, ради чего ее посылали в южные моря.

Он поцеловал ее.

Она ответила сначала робко, но затем со страстью, которая захватила его. Они долго сидели под луной, не нуждаясь в словах, пока Флэндри не почувствовал с легким удивлением, что прилив лижет его ноги.

Тесса поднялась.

— Пойдем ко мне домой, — сказала она.

Это был один из тех моментов, когда он должен поступить с ней как хладнокровный мерзавец... или, возможно, как слишком благородный рыцарь, он сам не понимал. Он остался сидеть, глядя на нее снизу вверх — она стояла в короне из звезд, — и сказал:

— Мне жаль. Это невозможно.

— Не пугайте меня, — произнесла она с коротким смешком, похожим на всхлип. — Вы можете уйти, когда захотите. Я никогда не стала бы принуждать мужчину... Но я сделаю все, что смогу, чтобы вы остались, Доминик, дорогой.

Он потянулся за другой сигаретой.

— Вы думаете, я бы желал чего-то лучшего? — сказал он. — Но на этой планете на свободе находится чудовище, я совершенно уверен в этом. И я не хочу, чтобы в те часы, что я провел с вами, половина моего сознания была поглощена работой. После... — он не договорил.

Она не отвечала. Молчание затянулось...

— Я делаю это и ради Ньянзы. — Он нахмурился. — Если пускать все на самотек, это может означать конец для вашего народа.

— Да, — бесцветно произнесла она.

— Вы могли бы помочь мне. Когда с этим делом будет покончено...

— Хорошо... что вы хотите знать? — она отвернулась, чтобы не встречаться с ним глазами.

Он зажег сигарету и, сощурившись, взглянул на нее сквозь облачко дыма:

— Что вы делали в Краале?

— Я уже не так уверена, что люблю вас, Доминик.

— Но вы скажете мне, чтобы я знал, чего ожидать?

Она вздохнула:

— Россала вооружается. Они производят военную технику: ружья, торпеды — не ядерные, правда, у нас нет возможностей для этого, но все равно больше, чем нам разрешается иметь по имперским законам. Не знаю почему, но ходят слухи о сиятельном Ухунху. Шейх умеет хранить тайны. Но поговаривают о свободе. Может быть, это правда, а может, и нет. У нас никогда не было неприятностей с Империей из-за ньянзанских парней, но... мы тоже вооружаемся, на случай, если Россала опять начнет воевать. Я заключила военный союз с Краалем.

— А если Россала атакует не вас, а выступит против Терры? — спросил Флэндри. — Что будет делать ваш вновь учрежденный союз?

— Я ничего об этом не знаю. Я всего лишь частное лицо. Надеюсь, вы все разузнали?

Она защелкнула шлем своего акваланга и нырнула с обрыва в воду. Он не видел, где она всплыла на поверхность.

7

Несмотря на то что планета изобиловала экзотическими дарами моря, Командор за завтраком гостеприимно пичкал гостя импортным бифштексом. После завтрака Флэндри прогуливался среди

луж, оставленных утренним отливом, преодолевая крепкий соленый ветер, и ждал, как станут разворачиваться события.

Его фигура в переливчатой белой одежде, одиноко возвышающаяся на выступе скалы над полосой прибоя, была слишком заметна. Ничего не стоило выстрелить в него гарпуном из-под воды и исчезнуть. Флэндри не сводил глаз с синих и зеленых барашков вокруг волнорезов. Он продолжал хмуриться, думая о Тессе Хурн... Черт возьми! Он бы мог предпочесть путь Морвана и провести недельку в обители наслаждения, а потом еще и отнести все это на казенный счет. Какой смысл бороться, чтобы гниющую цивилизацию не проглотили заживо, если не иметь права на некоторые собственные слабости?

Черная тень пересекла его поле зрения. Он насторожился. Человек плыл как тюлень, направляясь прямо в полосу прибоя. В этом котле были острые скалы — только держись! Дерек Умболу подплыл, схватился за выступ мокрого камня, на котором стоял Флэндри, и выбрался наверх. Он снял шлем с таким треском, что его было слышно даже сквозь грохот моря, и навис над Флэндри как базальтовая скала. Его глаза были на тридцать сантиметров выше глаз терранина; он прорычал:

— Что ты ей сделал?

— Леди Хурн? — спросил Флэндри. — К сожалению, ничего.

Кулак поднялся.

— Ты лжешь, мозгляк! Я знаю девушку. Я видел ее на рассвете. Она плакала.

Флэндри криво улыбнулся:

— И обязательно упрекать меня? Вы мне льстите. Она довольно хорошо отзывалась о вас, капитан.

Дрожь прошла по огромному телу. Дерек отступил на шаг, прикусив губу.

— Ни слова больше, — тихо пробормотал он.

— Я бы зашел повидать вас сегодня, — сказал Флэндри. — Нам нужно многое обсудить. Например, поговорить о человеке, который пытался меня убить прошлой ночью.

Дерек плюнул:

— Жаль, что ему это не удалось.

— А вот ваш отец думает иначе, особенно из-за того, что попытка была предпринята на его территории. Он просто негодовал.

Глаза Дерек сузились. Его ноздри раздувались, как у разъяренного быка, он наклонил голову вперед:

— Итак, ты все-таки разговаривал с моим отцом после всего, да? Я предупреждал тебя, импи...

— Мы дружески поговорили, — сказал Флэндри. — Он не верит, что можно чего-то достичь, убивая спящих.

— А я думаю, ваши собственные дела бы застопорились, получи они огласку!

Поскольку такое было просто невыносимо, Флэндри сдвинул брови и продолжал:

— Я бы присматривал за вашим отцом, — правда. Мне и прежде приходилось видеть этих грязных фанатиков. Среди первых, кого они убивают, бывают местные жители, которым достаёт врожденного здравого смысла и чувства чести относиться к представителю Империи как к другу. Видите ли, такие люди вряд ли понимают, что революция на самом деле организуется каким-нибудь соперником Империи и что вы не можете победить в войне, где полем битвы является ваш собственный дом.

— А-а-р-х! — раздался в ответ хриплый звериный рык, ибо никакие слова не могли достаточно выразить его презрение.

— И мой несостоявшийся убийца, возможно, сейчас действует, — продолжил Флэндри. — Он знает, что я разговаривал с вашим отцом. Можете ненавидеть меня, сколько вам влезет, капитан Умболу, но организуйте охрану старого господина. Или, по крайней мере, поговорите с россаланцем, которого вы, естественно, знаете, в чем я вас не виню.

На мгновение пламенный взгляд карих глаз скрестился с бесстрастным ледяным взглядом серых глаз терранина. Затем Дерек надел шлем и нырнул в воду.

Флэндри вздохнул. Пора начинать официальное расследование, но... Он вернулся в дом с идеей поискать рыболовные принадлежности.

Иньяндума, сидевший за столом, заваленным грудой неизбежных государственных бумаг, бросил на него обеспокоенный взгляд.

— Вы уверены, что на Ньянзе существует настоящий заговор? — спросил он. — У нас, конечно, есть свои горячие головы, как и везде... да, я повидал другие планеты, — я в свое время был призван в Галактический Военный Флот и сейчас в запасе.

Флэндри сел и посмотрел на свои ногти.

— В таком случае почему вы не сообщили, что знаете о Россале?

Иньяндума вздрогнул:

— Вы что, телепат?

— Нет. Это было бы слишком скучно. — Флэндри зажег новую сигарету. — Я знаю, Россала вооружается, а ваш народ настолько осведомлен об этом, что запасается средствами защиты и заключает военные союзы. Империя защитила бы вас, но вы ждете, что Империя уберется с Ньянзы.

— Нет, — прошептал Иньяндума, — мы ни в чем не уверены. Это только... мы не хотим толпы детективов, не хотим вторжения терранских военных сил, угрожающих дружественной нам на-

ции... на столь ничтожном основании... И в конце концов, должна же у нас быть хоть какая-то свобода действий, в том случае, если...

— Особенно в том случае, если Россала попросит вас о союзнчестве, чтобы перерезать завязки терранского передничка?

— Нет-нет...

— Будь все так, как вам это представляется, это было бы даже трогательно, — Флэндри щелкнул языком и тряхнул головой. — Сплошное дилетантство... По-моему, мне сильно переплачивают за пребывание здесь. Но кто бы ни был тот, кто спланировал и осуществил этот заговор, — он не любитель. Он умело воспользовался вашей традиционной лояльностью. Следует ожидать, что скоро он начнет действовать. До того, как обособившаяся здесь раньше Империя выяснит достаточно, чтобы принять решение о посылке сюда десантников. Убийство резидента — это, очевидно, сигнал. У меня была возможность попасть сюда в тот самый день, когда это случилось, но кое-кому было очень нужно, чтобы я появился лишь несколькими днями позже. И чтобы не слишком копался в этом деле. Конечно, если бы им удалось меня убить, все несколько затормозилось бы, что им на руку, но мне кажется, им не нужно много времени на подготовку.

Флэндри выдержал паузу, как бы проверяя сказанное, и продолжил:

— Итак, если эту затею не предупредить, мы можем ожидать, что Россала совершит переворот самое позднее в ближайшие недели. Россала обратится к другим ньянзанским народам за помощью, и они будут искусно втянуты в гонку вооружений и необходимость создания военной организации. Если за этими приготовлениями к перевороту стоит, как я подозреваю, специалист, то такие лидеры, как вы, сомневающиеся и возражающие против идеи переворота, будут устранены и на их место придут более сговорчивые. Разумеется, Ньянзе будет обещана помощь извне; полагаю, даже Дерек Умболу не думает, что какая-то планета одна может устоять против мощи всей Терры. Не так далеко расположена Мерсейя. Если все пойдет гладко, с формальной независимостью Ньянзы, которая на самом деле является мерсейской марионеткой глубоко внутри имперского пространства, будет покончено. Если попытка переворота провалится... ну что такое для Мерсейи радиоактивный взрыв какой-то планеты?..

Оба молчали.

Наконец Иньяндума произнес мрачно:

— Возможно, я не прав, но даже тот риск, о котором вы говорите, будет лучше, чем призывать терран. По правде говоря, все наши нации нарушили ваш закон; да, мы вооружаемся, как вы

точно отметили. Империя никогда бы не оставила нам то самоуправление, которое мы имеем сейчас.

— Можно обойтись и без Империи, — сказал Флэндри. — Поскольку вы обладаете военной техникой и Городская полиция представляет законные местные вооруженные силы с ограниченным ядерным вооружением... вы могли бы сами навести порядок. Я могу возглавить операцию, сделать все как положено, а затем отослать отчет в Секретное управление. Таким образом дело можно закрыть.

Он поднялся.

— Обдумайте мое предложение, — сказал он напоследок.

На утесе все было спокойно. Катушка спиннинга Флэндри крутилась, приманка сверкала в прозрачном воздухе, прибор, словно гигантский котенок, играл с крючком... Флэндри, похоже, было безразлично, клюнет ли кто-нибудь на его приманку. Начался прилив, пора было возвращаться в дом либо сменить удочку на трезубец.

Внезапно пирога прошла над затопленными рифами, словно какая-то живая тварь. Дерек Умболу подогнал ее прямо к ногам Флэндри и посмотрел на него снизу вверх. Его лицо было мокрым от морских брызг, что было милосердно; Флэндри не хотелось догадаться, что гигант плакал.

— Кровь, — прохрипел Дерек, — кровь и стулья переломанные, я видел по кровавым следам, как его вытащили и бросили на съедение рыбам.

В сердце Доминика Флэндри была пустота. Он почувствовал, как опустились плечи.

— Я сожалею, — сказал он. — О Господи, я сожалею.

Слова рвались наружу, Дерек говорил прямо, без обиняков, торопясь и перекрывая шум нарастающего прилива:

— Их центр в Россале, но кто-то в Ухунху направляет их действия. Я должен был взять здесь власть в свои руки, когда они выступают, если Иньяндума не разрешит нам помочь революции. Я возражал против убийства старого Баннерджи, но оно было необходимо. Скоро здесь не будет эффективного контроля за космическим движением, пока они не установят свой, а через две недели сюда придут корабли Мерсейи с грузом тяжелого ядерного вооружения, которое мы не можем произвести у себя на планете. Тебя пытался убить тот, кто расправился с Баннерджи. Он — единственный профессиональный убийца в Джарново, а сосед обеспечил его алиби, поэтому я не поверил его соплям, будто он не трогал моего отца. Его имя Мамуд Шуфи. Будь оно проклято до тех пор, пока Солнце не станет холодным шлаком!

Огромная черная рука расстегнула молнию на обшивке пироги. Другая рука скользнула вниз, вынула оттуда какой-то предмет, с которого капало, и швырнула его к ногам терранина с такой силой, что один мертвый глаз выпал из отрубленной головы.

8

Где-то на Ньянзе кипело сражение, мужчины резали и стреляли друг друга, корабли шли ко дну, и дома лопались, как гнилые фрукты. Но там, где стоял Флэндри, была тишь да гладь, бирюза и кружева. Возможно, правда, некоторые из белых облаков, пришедших с запада, и припахивали дымом.

Матрос с портативным акустическим лотом кивнул:

— Мы над мелями Ухунху, сэр.

— Кончай музыку, — сказал Флэндри.

Шкипер отдал приказания, Флэндри почувствовал, как затихли двигатели, подводная лодка застыла на месте. Скользнув взглядом вдоль серой палубы в сторону рулевой рубки, напоминавшей акулий плавник, Флэндри сосредоточил внимание на собравшейся там команде. Люди были озадачены и, похоже, затаили злобу. Матросы рассчитывали принять участие в сражении, но терранин направил корабль на восток.

— А сейчас, — мрачно изрек Дерек Умболу, — не соизволите ли объяснить, почему мы избегаем контакта с Россалой?

Бровь Флэндри полезла вверх.

— Почему вы так жаждете убивать других людей? — отозвался он.

Дерек ошетинился:

— Я не боюсь рискнуть своей шкурой, импи... как некоторые, кого я мог бы назвать!

— У нас здесь больше возможностей рискнуть, чем там, — ответил Флэндри. Он сам не очень понимал, почему мелет всякий вздор из области дешевой психологии, когда чудовище притаилось под его ногами. Оттягивает момент? Он взглянул на Тессу Хурн (она настояла на своем присутствии). — Вы понимаете, что я имею в виду, ваша светлость? Вы не знаете, почему у него так чешутся руки пустить в ход гарпун?

Часть того холода, который она выказывала ему в последнюю неделю, растаяла.

— Да, — сказала она. — Возможно, знаю. Но хватит крови, пролитой нами в братоубийственной войне, когда самой нашей планете угрожает опасность.

Интересно, сколько ньянзан разделяли ее чувства? Вероятно, не так уж много. После того как Флэндри и Иньяндума слетали в столицу и получили согласие правителя на мобилизацию его полиции, был объявлен набор добровольцев. Ньянзанам сообщи-

ли, что раскрыт опасный заговор, центр которого находился в Россале; что шейх Россалы отказался впустить полицейский отряд для проверки, поэтому необходимы большие силы для того, чтобы захватить мятежников, сломить сопротивление сбитых с толку горожан и оккупировать город, а за это время специалисты выявят настоящих зачинщиков. На этот призыв откликнулось несколько тысяч мужчин со всей планеты.

Однако все обстояло гораздо хуже, по мнению тех немногих, кто знал реальную подоплеку происходившего.

Флэндри задумчиво произнес:

— Интересно, вы когда-нибудь начнете сочувствовать своим собратьям, где бы они ни жили?

— Хватит! — отрезал Дерек Умболу. — Говори, зачем ты притащил нас сюда, и закончим на этом!

Терранин закурил и уставился на плещущие и сверкающие на солнце волны, такие прозрачные, что он мог видеть, как тьма сгущается с каждым метром глубины. Он сказал:

— Там внизу, под нами, находится враг; если только его не предупредили о том, что я о нем знаю.

— А-а! — Тесса Хурн схватилась за пистолет; но Флэндри увидел (и это причинило ему легкую боль), как она инстинктивно придвинулась к Дереку.

— Но у кого может быть логово в затонувшем Ухунху?

— Имя, под которым я его знаю, — Эйю, — ответил Флэндри. — Это не человек. Он может дышать в воде так же свободно, как на суше. Думаю, его родная планета должна быть прелестным сырым местечком, хотя я и не знаю, где она расположена. Где-то в империи Мерсейи. Он, как я, принадлежит ко второй древнейшей профессии. Наши пути пересекались прежде. Я спутнул его на Конджумаре два терранских года назад; мои ребята накрыли его штаб-квартиру, а его личный космический корабль потерпел катастрофу, от него осталась груда исковерканного радиоактивного металла. Но он сбежал. Не домой — из-за поломки корабля — но сбежал.

Флэндри с удовольствием выпустил дым из ноздрей. Возможно, курить ему больше не придется.

— На основании того, что я здесь увидел, я совершенно уверен, что дружище Эйю изрядно поработал на Ньянзе: окопался, вошел в контакт с некоторыми вашими недовольными и начал готовить переворот. Чувствуется его почерк, с завитушками. Если бы не подвернулось другой возможности, то ньянзанское восстание и мерсейское вторжение дали бы ему шанс вернуться домой, а по дороге он мог причинить большой ущерб Терре.

Шумок прошел среди команды, охваченной гневом и страхом.

— Так держать, патриоты! — закончил Флэндри. — Я хочу достать, и — будь я проклят! — уверен, что мы достанем Эйю, но у него есть целое океанское дно, чтобы спрятаться, если он узнает о нас; мы же будем слишком заняты всю следующую неделю, расставляя ловушки мерзейским контрабандистам, чтобы играть в прятки очень долго. Иначе я бы, конечно, подождал, пока мы сможем подтянуть большие силы.

— Тридцать мужчин против одной бедной загнанной твари? — усмехнулась Тесса.

— Это довольно крупная тварь, — ответил Флэндри так, чтобы слышала только она.

Он посмотрел на своих товарищей: черные красавцы в ярком солнечном свете на фоне синевы, играющей тысячью оттенков, легкий ветерок касается обнаженных тел и честного оружия настоящих мужчин. Этот мир был слишком прекрасен, чтобы проиграть в мертвом Ухунху.

Флэндри точно знал, почему он возглавил эту охоту — не потому, что был храбр или желал славы; даже не для того, чтобы потом расписывать свой подвиг какой-нибудь курносой блондинке там, на Терре. Просто за его плечами была Империя, он был ее представителем в этом мире. И не мог позволить себе остаться в стороне, вызвав насмешки аборигенов.

Поэтому он еще раз затянулся, щелчком выбросил сигарету за борт и порбормотал:

— Будьте умницей, Тесса, и я принесу вам леденец. Пошли, ребята. — Пристегнул свой шлем и мастерски нырнул в воду.

Вода — это целый мир. Наверху было царство солнечного света, слишком яркого, чтобы смотреть; а здесь были прохладные сумерки, переходящие в ночь. Подводная лодка напоминала своим видом наслаждающегося покоем кита... плохо, что нельзя было просто погрузиться и торпедировать Эйю, но неприятная встреча с человеком, арестованным в Алтле, научила Флэндри, что Эйю позволяет приблизиться только пловцам. Солнечный свет слабел по мере приближения ко дну, пока не стал застенчиво поблескивающей звездочкой, а потом исчез вовсе. Морская вода скользила по ритмично напрягающимся мускулам подобно шелку, нарастающий холод заставлял кровь бежать быстрее; оборачиваясь, Флэндри видел убегающие вверх пузырьки воздуха, похожие на цепочку серебрястых планет; его спутники, словно черные молнии, стремительно скользили сквозь спокойные зеленые сумерки. О Господи, вот бы быть тюленем!

Заросшие водорослями кручи Ухунху тускло громоздились под ним; огромные серые дольмены и менгиры — каменные столбы, возведенные нечеловеческими руками, ушедшие под воду миллион лет назад... Затонувший несколько столетий назад корабль —

зародыш будущего рифа, который вырастет через десяток тысяч лет, хранящий черепа погибших моряков, в которых поселились рыбы, — выглядел пугающе ободраным, но свидетельствовал об относительно недавнем прошлом среди склонов скал. Флэндри миновал его в безмолвии.

Он не нарушал этой тишины, хотя шлем был снабжен специальным микрофоном и переговорным устройством. Если Эйю все еще здесь, его нельзя спугнуть; разговоры могут обнаружить их и свести поиски на нет. Флэндри плыл достаточно близко к Дереку и мог делать ему знаки, кивая, а гигант подавал своим людям сигналы, жестикулируя руками и ногами. Вскоре Флэндри и Дерек оказались вдвоем в таком месте, которое когда-то, должно быть, представляло собой улицу или коридор.

Они плыли, в любой момент ожидая нападения, всюду ощущая угрозу; время от времени какая-то тень... но это оказывалась лишь скала, или десятиногий рак, или челюсть размером с портал. Флэндри начал чувствовать, что холод проникает до костей, донимая его еще больше, чем безмолвие.

Вдруг чья-то рука мертвой хваткой сжала его запястье. Он резко остановился и завис на месте, задрал голову, пока через вибратор, толщу океана и мембрану приемника до его слуха не донеслось, что Дерек, кажется, поймал чудовище. Раздался крик человека, которого убивают, но такой далекий и слабый, что его можно было сравнить лишь с агонией комара.

Флэндри ругнулся в адрес восемнадцати разных богов, сорвался с места и понесся вперед, как угорь на охоте. Но Дерек проплыл мимо него, и он чуть ли не последний прибыл к месту схватки.

— Эйю, — безотчетно произнес он вслух среди криков мужчин, плавающих в водах, уже окрасившихся кровью.

Он вспомнил о гарпунном ружье, висевшем у него за спиной, отстегнул его, проверил магазин и подплыл ближе. Тридцать мужчин, нет, уже двадцать девять, труп тридцатого качался последним, дико таращась сквозь разбитое окошко шлема; двадцать восемь человек вились вокруг одного чудовища. Флэндри не хотелось задеть кого-нибудь из них.

Он всплыл повыше, откуда глянул вниз на Эйю. Огромный черный призрак торпедировал с дольмена. Пятнадцатиметровая туша какого-то арктического страшилища с голой морщинистой кожей, бескостные слоновьи ноги и широко разинутая пасть кита... но с руками, с руками... Эйю бесился среди охотников. Флэндри видел, как он ногами, которые служили ему на суше именно для ходьбы, зажал двоих в когтях и разодрал их на части. Ни звука не доносилось из глотки Эйю, но слабое человеческое

бормотание заглушали мощные удары конечностей чудовища, напоминавшие разрывы бомб.

Флэндри приложил ружье к плечу и выстрелил. Из-за отдачи он сильно отлетел назад, к краю битвы. Он не знал, был ли его гарпун среди тех, что впились в бока Эйю. «Только гарпунить, — мелькнуло в сознании, — от взрывов пострадают люди, если бы еще не давление под водой...» Кровь била струей из пронзенной огромной руки Эйю. Он прижался спиной к скале, выгнул хребет и стремительно рванулся к поверхности океана. Пловцы разлетелись в разные стороны, словно брызги.

Флэндри отчаянно заработал ногами и устремился навстречу чудовищу. И тут оно повернулось к нему белым брюхом: скала, облако, сон. Он выстрелил и увидел, что его гарпун попал в цель. Еще раз! Эйю завертелся от боли, харкая кровью, учуял человека и ринулся на него. Флэндри видел под собой пещеру, полную жутких зубов. А за нею — глаза монстра, ослепшие от отчаяния. Человек попытался увильнуть в сторону. Эйю изменил курс со змеиной легкостью. «Интересно, узнал ли его Эйю?» — в какое-то мгновение успел подумать Флэндри.

Человек вырвался из кровавого тумана. Он выстрелил, стараясь удержаться на месте после отдачи. Но вместо того чтобы отпустить гарпунную веревку, которая спутала бы монстра, он схватился за нее так, что его бросило в сторону чудовища. Жабры Эйю хлопали, словно разевающиеся пасти, пытающиеся укусить. Флэндри преследовал зверя поворот за поворотом сквозь студеные глубины, ловя его на прицел. Наконец он выстрелил. Гарпун попал в глаз и раскроил чудовищу голову. Эйю перевернулся и умер.

Флэндри перевел дыхание. Его шлем, казалось, гудел и звенел, он душил его, нужно сорвать его, пока он не задохнулся...

Его поймали чьи-то руки. Он смотрел на свою победу, у которой было лицо Дерека Умболу.

— Подожди здесь, подожди, терранин, — звучал отдаленный, божественно спокойный голос. — Дело сделано.

— Я, я, я благодарю, — прошептал Флэндри.

Самообладание вернулось к нему. Он пересчитал собравшихся людей, пока они поднимались со всей необходимой медлительностью к солнцу. Шестеро погибли. Не самая высокая цена за избавление от Эйю.

«Если бы я очутился один на целой планете, заселенной отвратительными аборигенами... Интересно, хватило бы у меня мужества просуществовать там так долго?»

Хотел бы я знать, сколько маленьких ребятишек на этой открытой океаном планете, окруженной мерсейскими звездами, сегодня не смогут понять, почему папа не вернулся домой?»

Флэндри наконец поднялся на палубу, сбросил шлем и сел под испытующим взглядом Тессы Хурн.

— Угостите сигаретой, — хрипло попросил он, — и раздобудьте чего-нибудь спиртного.

Она заставила себя собраться и спросила:

— Вы поймали чудовище?

— Да, — ответил Дерек.

— Мы были близки к неудаче, — сказал Флэндри. — Нашему другу Умбулу можно доверять.

— Слишком слабая месть за смерть отца, — отозвался Дерек, его голос был полон печали.

Капитан подводной лодки отдал честь бледному мужчине, который сидел, обхватив колени, дрожа и глотая дым.

— Только что поступило сообщение из Россалы, сэр, — доложил он. — Шейх сдался, но обещал подать протест следующему имперскому резиденту в связи с нарушением его прав. Он позволит полиции занять его владения и провести расследование, как положено.

«Ищите убежденных молодых патриотов с честными намерениями, которые никогда, так сказать, не увидят восхода солнца над морем. Ладно — я полагаю, что все это служит великой цели. Должно служить. Сам наш благородный император-гомосексуалист говорит так».

— Превосходно, — ответил Флэндри. Он поискал Дерекa взглядом. — Раз уж ты спас мою жизнь, я в долгу не останусь. Твой отец...

— Что? — молодой великан отступил на шаг назад.

— Он не умер, — сказал Флэндри. — Я уговорил его помочь мне. Мы инсценировали убийство. В эту минуту он, должно быть, уже дома, страдает от угрызений совести.

— Что? — рев был таким, словно разверзлись врата ада.

Флэндри вздрогнул.

— Потихе, пожалуйста, — он отбросил назад воющую, со сжатыми кулаками массу вместе с сигаретой. — Хорошо, считай, я сыграл с тобой шутку.

— Шутка, какую можно было ожидать от грязного импи! — Тесса Хурн плюнула ему под ноги.

— Только тронь меня, брат Умбулу и я арестую тебя за государственную измену, — сказал Флэндри. — Или же я использую свои неограниченные полномочия и отправлю тебя в пожизненное заключение под присмотр ответственных граждан, — он усталое улыбнулся. — Я думаю, сиятельная владычица Литтл Скуа подходит для этой роли.

Дерек и Тесса уставились сначала на него, а затем друг на друга.

Флэндри поднялся на ноги.

— Осуждение условное, условие — заключение брака, — продолжал он. — Рекомендую, подыскивая себе подходящую подругу, отбросить благородное лицемерие, прекратить думать о том, что она может дать тебе какие-то деньги, и сосредоточиться на том, что можешь дать ей ты...

Он взглянул на них и, увидев, что их руки соединились, с краткой, сугубо личной и нечестивой речью обратился к Норнам* по поводу собственной судьбы.

— Не забудьте о наследниках, — сказал он в заключение. — Я бы хотел, чтобы Ньянза была хорошо населена. Когда опустится Долгая Ночь на Терру, кто-то должен будет продолжить дело. Может, это будете именно вы.

Он неторопливо прошел мимо них, сел в кабину корабля и исчез из виду.

---

* Норны — богини судьбы в скандинавской мифологии.

ПО СЕКРЕТУ ВСЕМУ СВЕТУ

1

Вблизи, на фоне черного, кристально чистого неба, густо усеянного сверкающей россыпью звезд и незнакомых созвездий, Алтай был просто великолепен. Большую половину его Северного полушария и несколько поменьше — Южного — покрывали полярные снега. В лучах Красны заснеженные равнины казались розовыми, а льды мерцали голубым и зеленым холодным светом. Всю экваториальную область планеты занимали степи и тундры, поэтому из космоса казалось, что Алтай опоясан тропическим поясом цвета бронзы и тусклого золота. Тут и там вспыхивали серебром большие озера. Подобно Сатурну, Алтай окружали рыжевато-золотистые кольца, которые, переливаясь всеми цветами радуги, вращались вокруг экватора на расстоянии трех радиусов планеты, а чуть подальше медными монетками поблескивали две его луны.

Сэр Доминик Флэндри, капитан разведывательного корпуса космического флота Терранской Империи, с трудом перевел взгляд на мостик космического корабля.

— Теперь я понимаю, почему ее так называли, — заметил он. — Алтай означает Золотой, на языке терранских колонистов этой планеты, во всяком случае, так утверждал бетельгейзианский торговец. Но Красна — совсем неподходящее название для этой звезды. Она вовсе не представляется красной человеческому глазу. Я бы сказал, что она скорее оранжево-желтая.

Синеватое лицо Залата, шкипера повидавшего виды торгового космического корабля, скривилось в гримасу, которая для существа его расы означала как бы пожатие плечами. Он

был гуманоидом: плотное, безволосое существо вполнину человеческого роста, одетое в длинную кольчугу.

— Я считаю, как вы говорить, это — противопоставление. — Он говорил на английском с нарочитым акцентом, как бы показывая этим, что независимость системы Бетельгейзе — буферного государства между враждующими империями, Террой и Мерсейей — не означает ее изоляции от межзвездной культуры.

Флэндри предпочел бы попрактиковаться в разговоре на алтайском языке, тем более что словарный запас англика у Залата был настолько мал, что превращал беседу в обмен банальностями. Но, подумав, решил воздержаться. Как единственный пассажир на этом корабле, к тому же иного биологического вида, а значит, и с особыми требованиями к диете, он зависел от благорасположения командира корабля. К тому же бетельгейзиане принимали его не за того, кем он был на самом деле. По официальной версии его послали для того, чтобы восстановить контакты между Алтаем и остальной частью человечества, и его миссия была столь незначительна, что Терра даже не сочла возможным предоставить ему собственный космический корабль, а предложила договариваться о перелете самостоятельно... Так что пусть себе Залат болтает.

— В конце концов, — продолжал хозяин, — по терранскому календарю Алтай был колонизирован более семи столетий тому назад, на заре, так сказать, межзвездных сообщений. Люди сами, наверное, плохо понимали, зачем они это делают — ведь Красна — это удручающе тусклое и холодное светило по сравнению с Солом. Это теперь мы стали значительно более искушенными в космонавтике.

Флэндри глядел на блистающий космос — звезды, звезды, звезды. Он подумал, что те четыре миллиона из них, которые образуют неопределенную область, называемую Терранской Империей, — это лишь малая часть спиральной ветви самой заурядной галактики. Даже если добавить другие звездные империи и независимые государства, подобные системе Бетельгейзе, а также все области, разведанные космическими первопроходцами за всю историю космонавтики, все равно известная человечеству часть Вселенной ничтожно мала. И так будет всегда.

— Как часто вы бываете здесь? — спросил он, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Приблизительно раз в один терра-год, — ответил Залат, — однако на этом маршруте бывают и другие торговцы. Я торгую мехами, но Алтай производит также драгоценные камни, минеральное сырье, кожи и различные органические продукты, даже вяленое мясо, пользующееся спросом у нас на родине. Так что в порту Улан-Балая всегда находится один или два космических корабля.

— Долго вы пробудете здесь?

— Надеюсь, что нет. Ведь это весьма унылое место для существ нецеловецеской расы. Не так давно здесь построили дом развлечений специально для нас, но... — лицо Залата снова скривилось. — Тут пошли все эти волнения, добыча меха упала, труднее стало доставлять товар караванам в Улан-Балай. В последний раз я вынужден был ждать загрузки корабля чуть не целый месяц. А сейчас может быть еще хуже.

«Ого», подумал Флэндри, но вслух только спросил:

— Раз уж металлы и машины, которые вы поставляете в обмен на меха, здесь так дефицитны, почему кто-нибудь из алтайцев не приобретет собственный космический корабль и не начнет заниматься торговлей без посредников?

— Здесь не та цивилизация, — ответил Залат. — Достаточно вспомнить, что наши люди появились на Алтае менее ста лет тому назад. А до этого... После того как последний из космических кораблей, доставивших сюда колонистов, превратился в утиль, Алтай оказался практически отрезанным от остального мира. Строительство космических кораблей здесь весьма трудное и дорогостоящее предприятие из-за нехватки металлов, да и сами колонисты не особенно рвались возобновить галактические контакты. Возможно, сейчас некоторые молодые мужчины-алтайцы и нацели проявлять заинтересованность к предприятиям такого рода, но совсем недавно ха-хан запретил кому-либо из своих подданных покидать планету. Исключение делается лишь для особо доверенных и к тому же умеющих держать язык за зубами лиц, которые назначаются представителями планеты в системе Бетельгейзе. Вполне возможно, что этот запрет стал одной из причин, вызвавших в последние годы мятежи и восстания на планете.

— М-да. — Флэндри окинул унылым взглядом ледяные просторы планеты. — Если бы эта планета принадлежала мне, я бы постарался как можно быстрее продать ее недругу.

«И все равно я сюда потащился, — подумал он. — Вот и говорите потом о невоспетых героях! Впрочем, в этом нет ничего удивительного — когда Империя трещит по швам и распадается на куски, кто-то должен, проявляя чудеса храбрости и расторопности, попытаться залатать образовавшиеся прорехи. А иначе — Долгая Ночь может настать для всех нас, грешных. А в этом конкретном случае, — закончил он свою мысль, — у меня есть все основания предполагать, что недруг попытается купить эту планету».

2

Город Улан-Балай был основан в давние времена в том месте, где широкие, но мелководные реки Зея и Талыма, питаемые полярными снегами, проложив свой извилистый путь на юг через

степные просторы, впадали, соединившись, в озеро Рюрик. Во все времена небольшой город, в настоящее время он являлся единственным поселением людей на Алтае с числом жителей около двадцати тысяч. Правда, город всегда окружало кольцо лагерей скотоводов, которые приезжали сюда, чтобы поторговать, совершить религиозные обряды в Башне Пророка или просто пообщаться друг с другом. Их палатки и повозки словно стеной окружали внешние границы Улан-Балая, вплотную подступали к примитивному космическому порту, а дым их костров стелился на многие километры вдоль береговой линии озера с ярко-синей водой.

Однако при спуске капитан Флэндри проявил интерес отнюдь не к этим живописным деталям местного пейзажа. Потратив небольшую сумму на взятку, он сумел пробраться в кормовую башню к увеличивающему иллюминатору. Отсюда он увидел, что весь город опутывала, подобно паутине, сеть монорельсовых дорог, на которых, вне всякого сомнения, размещались установки для запуска тяжелых снарядов. Он увидел вполне современные и эффективные боевые машины, парящие в небе на своих антигравитационных пучках. Он увидел, что к западу от города ведется строительство казарм и укрытий для размещения бронетанковой бригады. Многочисленные танки и легкие самоходные машины уже патрулировали подступы к этому объекту. В центре города ему удалось разглядеть приземистое здание, в котором, по всей видимости, размещался генератор отрицательной гравитации, способный защитить весь город с прилегающими к нему окрестностями.

И все это — абсолютно новое.

И ничто из этого не поступило с заводов, контролируемых Террой!

— И скорее всего поступило, — пробормотал он, — от наших малорослых зеленых приятелей. Мерсейская база здесь, в буферном районе, выходящем флангом к Катавраяннису... Само по себе это не имеет решающего значения, но делает их позиции намного сильнее. И в конце концов, когда их силы здесь окажутся достаточными для нанесения удара, они нанесут этот удар.

Он подавил в себе горечь от сознания, что его собственный народ при всем своем богатстве и силе не способен ответить на угрозу в открытом бою. Ведь большинство из них отрицает саму возможность существования угрозы, ибо кто может осмелиться «нарушить покой Терранской Империи»? В конце концов, подумал он язвительно, именно благодаря декадансу отпуска, проводимые дома, доставляют ему удовольствие.

Но сейчас у него есть работа! В последние годы в разведывательные службы Терры стала поступать информация из района

Бетельгейзе: торговцы рассказывали о странных делах в захолустной дыре с названием Алтай. В архивах нашли упоминание о колонии, удаленной от главных космических магистралей. Колонии не то чтобы потерянной, а скорее забытой за ненужностью. Получить более определенную информацию от бетельгейзианских торговцев, таких, как Залат, не удалось, так как единственное, что их интересовало на Алтае, — это цены на шкуры и шерсть ангорских коз.

Должным образом проведенное расследование потребовало бы работы многих сотен сотрудников в течение нескольких месяцев. Однако разведывательные службы Империи, в которую входило несколько миллионов звезд, не располагали достаточным для проведения такой операции штатом и смогли направить на Бетельгейзе только одного сотрудника. В посольстве Терры Флэндри получил тоненькое досье, скудные командировочные и указания разузнать, что же, черт побери, за всем этим скрывается. После чего перегруженные работой люди и машины сразу же забыли о нем. Они вспомнят о нем, лишь когда он вернется или погибнет при каких-либо очень уж знаменательных обстоятельствах. Если же этого не произойдет, то Алтай может оказаться забытым еще на десяток лет.

«А это, похоже, несколько больше, чем позволительно в сложившейся ситуации», — подумал Флэндри.

С нарочитой беспечностью прошагал он из башни в свою каюту. Никто на Алтае не должен подозревать, что он уже успел здесь увидеть. А если это и станет известно, никому не должно прийти в голову, будто он заподозрил, что все эти приготовления — отнюдь не для подавления местных мятежей.

Ха-хан оказался беспечным в вопросе о засекреченности проводимых работ, так как считал маловероятным приезд наблюдателя с Терры. Но теперь-то он не будет настолько беспечным, чтобы позволить этому наблюдателю увести домой компрометирующую его информацию.

В своей каюте Флэндри с обычной для него тщательностью переоделся. Ему было известно, что в одежде алтайцы, как и он, любят яркие цвета, причем в больших количествах. Он надел рубашку из блестящей ткани, зеленый расшитый причудливыми узорами жилет, алые брюки с золотыми лампасами, заткнутые в полусапожки из тисненой кожи, темно-красный кушак и такого же цвета плащ. Гладко зачесал волосы, цветом напоминающие темно-коричневый мех морского котика, и в довершение всего надел черный берет, шегольски заломив его на одно ухо. Флэндри был высоким, хорошо сложенным мужчиной, его продолговатое лицо с высокими скулами, прямым носом и серыми глазами украшали аккуратно подстриженные усы. К тому же он входил в

число постоянных клиентов лучшего биоскульптора-косметолога Терры.

Космический корабль приземлился в одном из дальних концов бетонированного поля космодрома. Рядом возвышался еще один бетельгейзианский корабль, как бы подтверждаая слова Залата о торговле, может быть, и не слишком оживленной — кораблей двадцать за один стандартный год, — но постоянной и, как теперь стало совершенно очевидно, весьма важной для экономики планеты.

Выйдя из причального шлюза, Флэндри ощутил легкое возбуждение от потери приблизительно четверти своего веса. Но это возбуждение быстро улетучилось, как только он почувствовал жалающие укусы местного ветра. Улан-Балай располагался в Северном полушарии на широте одиннадцать градусов. Наклон полярной оси планеты был почти таким же, как у Терры. Но смене времен года на планете были подвержены обширные территории почти до экватора — из-за тусклого света карликового солнца и отсутствия океанов, способных сгладить климат. Сейчас в Северном полушарии наступала зима. Ветер, стекавший с полярной шапки, сжал Флэндри ледяными клещами, загудел в ушах и сорвал с головы берет. Он успел подхватить его, вырутался и предстал перед комендантом космодрома с меньшим достоинством, чем предполагал.

— Приветствую, — произнес он, следуя принятому здесь церемониалу, — пред тобой тот, чье имя Доминик Флэндри, место обитания — Терра, Империя.

Алтаец моргнул узкими черными глазами, но в остальном его лицо осталось застывшим, словно маска. Широкое и плоское, это лицо тем не менее нельзя было отнести к монголоидному типу. Светлая кожа, несколько крючковатый нос, густая, коротко стриженная бородка говорили о примеси европейской крови в роду этого алтайца. Впрочем, об этом же свидетельствовал и язык, на котором он изъяснялся. Небольшого роста, плотный, он был одет в кожаную куртку, украшенную замысловатым лаковым узором, и штаны из толстой войлочной ткани. На голове — меховая шляпа, привязанная под подбородком, а на ногах — сапоги, отороченные вывернутой овчиной. Старомодный механический пистолет пристегнут на левом боку, а на правом — широкий нож.

— Мы давно не принимали таких гостей. — Алтаец сделал паузу, словно собираясь с мыслями, и поклонился: — Мы приветствуем всех, кто приходит к нам с честными намерениями, — произнес он высокопарно. — Пред тобой тот, чье имя Петр Гучлук, из людей, присягнувших на верность ха-хану. — Затем он повернулся к Залату и сказал: — Ты и твои люди можете сразу пройти в отведен-

ную вам резиденцию. Документы мы оформим позже. А я должен лично доставить... столь высокого гостя во дворец.

Он хлопнул в ладоши. Тут же появились два человека той же расы, что и он, так же одетые и вооруженные. Их блестящие глаза неотрывно следили за терранином, а застывшие, словно одеребеневшие лица плохо скрывали охватившее их возбуждение.

— Конечно же, такой великий орлук, как ты, предпочтет варяк туляку, — произнес Петр Гучлук полувопросительно.

— Разумеется, — ответил Флэндри, сожалея, что его словарный запас не содержит этих слов.

Впрочем, вскоре он обнаружил, что варяк — это нечто, напоминающее мотоцикл местного производства: двухколесный экипаж, приводимый в движение мощным энергетическим накопителем, с багажником сзади и пулеметом спереди. Управлялся варяк коленями, которые упирались в рулевую поперечину. Остальные приборы и приспособления для вождения располагались на щитке управления за ветровым стеклом. Имелось также третье колесо, которое использовалось при медленном движении и на стоянке — в качестве упора. Петр Гучлук предложил Флэндри шлем с защитными очками, который он извлек из бокса, расположенного сбоку варяка, и, рванув с места, в считанные секунды разогнался до двухсот километров в час.

Набирая скорость, Флэндри почувствовал, как ветер, обтекающий ветровое стекло, хлещет его по лицу и пытается сбросить с седла. Он начал притормаживать. Но — держись, старина, помни о престиже Империи, сожми зубы и вперед, черт побери! — каким-то образом ему удалось удержаться в хвосте у машины Гучлука, когда они с ревом въехали в город.

Улан-Балай полумесяцем охватывал пологие берега одной из бухт озера Рюрик. А в бездонной голубизне неба сияли кольца. Бледные днем, они висели над оранжевым солнцем, образуя сверкающее изморозью гало. При таком освещении круто изогнутые красные черепичные крыши города приобрели цвет свежей крови. Даже древние стены из серого камня казались розоватыми. В городе отсутствовали небольшие строения, в каждом доме проживало, по-видимому, несколько семейств. В нежилых домах теснились небольшие магазинчики и лавки. Широкие, чисто выметенные улицы города заполняли толпы кочевников и порывистый ветер.

Дорога, по которой ехал Гучлук, висела над городом. Ее поддерживали пилоны, выполненные в виде драконов, оскаленные пасти которых удерживали несущие стальные тросы. Видимо, это была правительственная трасса, пустынная, если не считать редких патрульных на варяках. Отсюда открывался отличный вид на

ханский дворец, утопающий в садах за высокими стенами. Это была гигантская копия других строений города, но, в отличие от них, ярко и кричаще раскрашенная и окруженная колоннадой в виде драконов, вырезанных из дерева. Однако архитектурной доминантой города являлась вовсе не ханская резиденция, а Башня Пророка.

Из весьма неопределенных бетельгейзианских описаний планеты Флэндри узнал, что большая часть ее населения исповедует некую смесь мусульманской и буддистской религий, канонизированную много столетий тому назад пророком Суботаем. Для религиозных отправлений на планете воздвигли всего один храм. Впрочем, этого оказалось вполне достаточно. Высотой два километра, он круто взмывал вверх в разреженные слои подвижной атмосферы Алтая, словно пытаясь пронзить луну. Храм построили в виде башни, архитектурные формы которой больше всего напоминали пагоду ослепительно красного цвета. Обращенная на север стена башни была абсолютно гладкой. И на этой стене, как на каменной странице, корявые буквы алфавита, составленного, вероятно, из смеси кириллицы и китайских иероглифов, увековечивали предначертания Пророка. Даже Флэндри, который отнюдь не страдал избытком благочестия, ощутил минутное благоговение перед несокрушимой волей, поднявшей этот гигантский шпиль над окружающими город равнинами.

Подъем дороги сменился спуском. Варяк Гучлука резко остановился перед дворцом. Флэндри из-за своего высокого роста запутался с управлением и чуть не врезался в ворота из кованой бронзы. Справившись со своими ногами, он сумел в самый последний момент повернуть так резко, что едва удержался в седле. Увидев это, стражник, стоявший на стене и опиравшийся на нечто вроде бауки, громко рассмеялся. Флэндри услышал его смех и чертыхнулся. Он продолжал двигаться по кривой вокруг Гучлука так близко от него, что вполне мог бы отправить на тот свет и его и себя. Высвободив наконец третье колесо, он остановил мотоцикл, выпрыгнул из седла и раскланялся, как на сцене.

— Черт побери! — воскликнул Гучлук. Капельки пота сверкали на его лице, и он вытер их трясушей рукой. — Что за безрассудные люди живут на Терре!

— О, что вы, — сказал Флэндри, сожалея, что не может себе позволить вытереть пот. — Может быть, немного экспансивные, но безрассудные — никогда!

Еще раз ему представилась возможность с благодарностью вспомнить ненавистные часы занятий гимнастикой и дзюдо, которые сделали тело послушным его воле. Когда ворота открылись, для чего Гучлук воспользовался портативным радиопередатчи-

ком, Флэндри снова вскочил на свой варяк и проехал в сад под изумленным взглядом стражника.

Каменистый сад с горбатыми мостиками весь зарос карликовыми деревьями и мхами. Очень мало из того, что росло на Терре, смогло прижиться на Алтае. Флэндри начал ощущать сухость в носу и горле. Этот воздух отбирал у него влагу так же жадно, как и тепло. Видимо, поэтому он обрадовался теплу внутри дворца больше, чем предполагал.

Белобородый человек в отороченном мехом халате склонился перед ним в низком поклоне:

— Сам ха-хан приветствует тебя, орлук Флэндри. Он примет тебя незамедлительно.

— Да, но дары, которые я привез...

— Сейчас это не имеет никакого значения, мой господин. — Дворецкий снова поклонился, после чего повернулся и повел Флэндри по сводчатым коридорам, увешанным гобеленами. Было очень тихо. Вокруг сновали, перешептываясь, слуги; стражники, вооруженные современными бластерами, стояли неподвижно в своих кожаных накидках, украшенных головой дракона, и шлемах с защитными очками. От курившихся дымом треног исходил горьковатый запах благовоний. Весь огромный дом, казалось, притаился и наблюдал за Флэндри.

«Похоже, я их несколько встревожил, — подумал он. — Только они устроили маленький, уютный такой заговор — как я подозреваю, с народцем, поклявшимся уничтожить Терру, — а тут вдруг, впервые за пять или шесть столетий, появляется офицер Империи... М-да-а-а. Так что же они будут делать дальше? Теперь их ход».

3

Олег Ешукай, ха-хан всех племен, был крупнее, чем большинство алтайцев. Рыжеватая бородка удлиняла и без того продолговатое, резко очерченное лицо. В роскошном убранстве — пальцы рук усыпаны перстнями и золотыми кольцами, халат сплошь покрыт искусной вышивкой, а меховая шапка отделана серебром — хан производил впечатление человека, для которого вся эта роскошь не более чем уступка скучной и утомительной традиции. Рука хана, к которой Флэндри прикоснулся лбом, оказалась твердой и мускулистой. На ханской талии висел пистолет, имевший вид оружия, использовавшегося в деле. Они находились в комнате для частных аудиенций с задрапированными красной тканью стенами и старинной мебелью, в изобилии украшенной причудливой резьбой и инкрустацией. Здесь же стояли ультрасовременный бетельгейзианский

речевой принтер и письменный стол с грудой наваленных на него бумаг.

— Присаживайся, — сказал хан и сам уселся на стул с короткими ножками. Открыв сигарницу резной кости и изобразив некое подобие улыбки, он произнес: — Теперь, когда мы избавились от моих придурковатых придворных, нам нет нужды вести себя, словно ты мой вассал. — Он достал из сигарницы надломленную недорогую сигару пурпурного цвета. — Я бы предложил сигару и тебе, но боюсь, что тебе от нее станет плохо. Наш обмен веществ несколько изменился: ведь тридцать с лишком поколений мы употребляли алтайскую пищу.

— Ваше величество очень великодушны. — Флэндри втянул дым собственной сигареты и устроился поудобнее, насколько это позволяла прямая спинка стула.

— Великодушен? — Олег-хан произнес смачное ругательство. — Ну уж нет. Мой отец в пятнадцать лет уже был вне закона и скитался по тундре. — Он имел в виду местный год, который был на треть длиннее терранского. Алтай находился на расстоянии примерно одной астрономической единицы от своего светила, но масса Красны значительно уступала массе Солнца. — В тридцать лет он собрал пятьдесят тысяч воинов и захватил Улан-Балай. Старого Тули-хана он выбросил обнаженным во льды Арктики, поскольку, как тебе известно, нельзя проливать ханскую кровь. Но он никогда не жил здесь. Все его сыновья выросли, как и он сам, в орде, в походных лагерях. Учились военному делу, участвуя в сражениях против Тебтенгри вместе с отцом, а в придачу изучали науки, учились читать и писать. Так что забудем о великодушии, орлук Флэндри. У меня не было времени научиться ему.

Терранин хранил молчание. Это, казалось, несколько обескуражило Олега. Он целую минуту курил, яростно вдыхая сигарный дым. Затем, наклонившись вперед, произнес:

— Так почему же ваше правительство соизволило наконец обратить на нас свое внимание?

— Ваше величество, мне кажется, — сказал тихо Флэндри, — что колонисты Алтая забрались так далеко от звезды Соя именно для того, чтобы не обращать на себя чьего-либо внимания.

— Это правда. Не верьте всей этой чуши в героических песнопениях. Наши предки пришли сюда, потому что были слабыми, а не сильными. Планеты, пригодные для заселения людьми, встречаются не так часто, чтобы хватило на всех, а законы в те времена не очень-то соблюдались. Улетев так далеко и выбрав планету, покрытую ледяной пустыней, несколько космических кораблей с выходцами из Центральной Азии избежали необходимости в бою отвоевывать себе жизненное пространство. Они не хотели зани-

маться скотоводством и попытались заняться земледелием. Но это оказалось невозможным. Слишком сухо и холодно, кроме всего прочего. Построить индустриальное общество с промышленностью, производящей синтетическую пищу, тоже не удалось из-за нехватки металлов, отсутствия угля, нефти, органического топлива и расщепляющихся материалов. Ведь это планета малой плотности, как тебе известно. Шаг за шагом, поколение за поколением, руководствуясь лишь забытыми традициями, они оказались вынужденными развивать кочевой образ жизни. Для этого Алтай оказался пригодным. Население начало расти. Конечно же, появились мифы и легенды. Большинство моего народа до сих пор считает, что Терра — это утопическая, давно потерянная страна, а наши предки — бесстрашные и искусные воины. — Узкие, цвета ржавчины глаза Олега глядели на Флэндри. Он погладил свою бородку:

— Я достаточно читал и достаточно размышлял, чтобы составить правильное представление о вашей Империи и о том, на что она способна. Итак — какова цель этого визита и именно в данный момент?

— Ваше величество, новые завоевания сами по себе больше не представляют для нас интереса, — сказал Флэндри, и это соответствовало действительности. — А наши торговые корабли избегали посещать этот сектор по нескольким причинам: во-первых, он весьма удален от центральных звезд, поэтому в конкурентной борьбе с бетельгейзианами мы оказываемся в неравных условиях — ведь они здесь почти у себя дома. Во-вторых, риск встретить случайный военный корабль наших врагов мерсейцев малопривлекателен для гражданских кораблей. В общем, не представилось случая ни военному, ни гражданскому кораблю посетить Алтай. — Понемногу речь Флэндри становилась все более витиеватой и уклончивой. — Но у императора никогда не возникало желания оставить отрезанным от человеческого сообщества любого из его членов. Во всяком случае, я уполномочен передать вам его братские приветствия. — (А вот это уже — чуть не государственное преступление, Флэндри должен был сказать «отеческие», но Олег-хану могло не понравиться оказаться в роли покровительствуемого.) — И если Алтай пожелает воссоединиться с нами для взаимной защиты и выгоды, то существует множество вопросов, которые мы могли бы обсудить. Резидент Империи мог бы, например, предложить совет и поддержку...

Флэндри не закончил фразу, поскольку на самом деле совет резидента мог бы звучать приблизительно так: «Я советую вам поступить так-то, а иначе я вызову корабли Вооруженных сил Империи...»

Но, к удивлению Флэндри, алтайский хан не проявил недовольства в связи с посягательством на его суверенитет. Вместо этого Олег Ешукай с любезностью тигра сказал:

— Если вы обеспокоены нашими внутренними трудностями, то оставьте это. Кочевничество с неизбежностью ведет к племенному общественному укладу, которому свойственны межплеменная вражда и войны. Я уже говорил о захвате планетарного лидерства кланом моего отца у Нуру-батара. Вот и против нас выступили мятежные гур-ханы. Ты еще услышишь в придворных кругах о противостоящем нам союзе, называемом Шаманат Тебтенгри. Но для алтайской истории в этом нет ничего нового. А если говорить откровенно, сейчас я обладаю самой твердой и устойчивой властью над большей частью планеты, чем любой ха-хан со времен Пророка. Пройдет еще немного времени, и я приведу к повиновению последний из мятежных кланов.

— С помощью импортного вооружения? — Брови Флэндри поднялись не более чем на миллиметр. Рискованная фраза, из которой следовал вывод о его осведомленности о происходящих на планете военных приготовлениях. Но еще более подозрительным было бы проявить неосведомленность при их очевидности и отсутствии всякой конспирации. И действительно, его собеседник остался невозмутимым. Флэндри продолжил: — Империя с радостью готова прислать вам техническую миссию.

— В этом я ничуть не сомневаюсь, — сухо произнес Олег.

— Могу ли я со всем уважением задать один вопрос: с какой планеты вы получаете помощь?

— Вопрос дерзкий, и ты это прекрасно понимаешь. Я не обижусь, но воздержусь от ответа. — И тут же добавил доверительно: — Старые соглашения гарантируют бетельгейзианским торговцам монопольное право на некоторые статьи местного экспорта. Но наши новые партнеры принимают в оплату своих услуг товары по тем же статьям. Я не считаю себя связанным обязательствами, взятыми династией Нуру-батара, но в настоящий момент нежелательно, чтобы это стало известно бетельгейзианам.

Это был прекрасный образец лжи экспромтом, настолько прекрасный, что Олег, возможно, и вправду возомнит, что Флэндри ему поверил. С глуповатым видом самодовольного зазнайки — смотрите-ка, какой я умник — он произнес:

— Я понимаю, великий хан. Вы можете рассчитывать на благоразумие Терры.

— Очень надеюсь на это, — произнес Олег иронично. — Мы обычно наказываем шпионов, сдирая с них кожу и оставляя живыми в таком состоянии несколько дней.

Флэндри судорожно глотнул. Он хотел сделать это преднамеренно, но получилось очень даже естественно.

— Должен напомнить вашему величеству, — сказал он, — о необходимости предостеречь от необдуманных действий ваших не слишком образованных и импульсивных горожан, так как Флоту Империи предписано содействовать возмещению ущерба, причиненного любому терранину где бы то ни было во Вселенной.

— Похвально, — заметил Олег. Судя по тону, которым это было сказано, он прекрасно знал, что упомянутое Флэндри правило в настоящее время остается только на бумаге. За исключением, может быть, случаев бомбардировки какой-нибудь непокорной планеты, неспособной ответить на удар.

Набравшись информации от бетельгейзианских торговцев, собственных своих посланников на Бетельгейзе и от этих самых, которые его вооружают — кто бы они ни были, — ха-хан стал понимать в галактической политике не хуже любого имперского аристократа.

Или мерсейского? От осознания этого у Флэндри по коже побежали мурашки. Похоже, он вел себя как слепой котенок, принимая к исполнению свое новое задание. Только теперь он мало-помалу начал понимать, насколько оно оказалось ответственным и опасным.

— Весьма здравая политика, — продолжал Олег. — Но будем откровенны, орлук. Если ты, пусть даже случайно, пострадаешь в моих владениях и если твои хозяева неправильно оценят случившееся, что, впрочем, очень маловероятно, я буду вынужден обратиться за помощью к третьей стороне. Причем получу эту помощь без промедления.

«Мерсейя недалеко, — подумал Флэндри, — и нам известно, что она собрала мощные соединения космических сил на ближайшей от Алтая базе. И если я хочу хоть немного укрепить позиции Империи в этом регионе, мне следует сейчас прикинуться таким идиотом, каким я никогда не был прежде в своей славно прожитой, но беспутной жизни».

— Между Бетельгейзе и Империей имеются соглашения, ваше величество, — произнес он вслух с оттенком угрозы, — так что она не станет вмешиваться в споры Терры со своими колониями! — И тут же, как бы спохватившись и ужаснувшись, что наговорил лишнего, добавил: — Но, впрочем, для этого нет никаких оснований. Наша беседа, э-э, приняла нежелательный, э-э, оборот. К моему большому сожалению, ваше величество! Я всегда интересовался, э-э, необычными человеческими колониями и нашел как-то в архиве, э-э, упоминание о... — и так далее, и так далее.

Олег Ешукай усмехнулся.

Сутки на Алтае продолжались тридцать пять часов. Поселенцы привыкли к этому, а Флэндри умел подолгу не спать. Вторую половину дня он провел, осматривая Улан-Балай. Он задавал сопровождающим дурацкие вопросы, уверенный, что все станет известно хану. Длинный день приучил алтайцев принимать пищу четыре-пять раз в сутки. Флэндри кормили в домах вельмож из клана Ешукая, и во время этих застолий он постарался представить себя таким молодым имперским повесой, который сумел упрямить свое начальство направить его сюда, чтобы немного поразвлечься. Посещение одного из домов развлечений для приезжих кочевников должно было усилить это впечатление. К тому же заведение и вправду оказалось забавным.

После захода солнца шумные улицы города залили потоки мерцающего света от электрических фонарей. Подсвеченная Башня Пророка нависла над городом, как окровавленное копьё. В искусственном свете стена с двухкилометровой надписью казалась белой, а буквы — черными. Два километра предписаний по суровому и аскетическому образу жизни.

— Послушайте, — воскликнул Флэндри, — ведь мы еще не были там! Может быть, зайдём?

Старший проводник, седовласый воин с задубевшей от ветра и мороза кожей, несколько замешкался.

— Нам уже пора возвращаться во дворец, орлук, — сказал он, — скоро начнется банкет.

— Отлично, отлично! Хотя такое количество возлияний для меня, пожалуй, может оказаться чрезмерным. Ну так что, — Флэндри развязно ткнул пальцем в бок своего гида, — может быть, заглянем на минутку? Этот небоскреб просто невероятен, знаете ли.

— Нам нужно сначала очиститься...

— Это строжайше запрещено, — грубо вступил в разговор более молодой проводник, — ведь ты непосвященный, орлук, а во всей Вселенной нет более святого места.

— О, тогда конечно... Но могу я, по крайней мере, сфотографировать ее завтра?

— Да, — сказал молодой воин, — это не запрещено, но в таком случае мы не отвечаем за последствия, если простые правоверные увидят тебя с фотокамерой. Никто, кроме разве что Тебтенгри, не смотрит на Башню иначе, чем с благоговением...

— Теб... что?

— Мятежники и язычники далеко на севере. — Старший провожатый коснулся бровей и губ — знак против нечистой силы. — Чернокнижники и маги, торгующие с Людьюми Льдов. О них нет

смысла даже разговаривать, их нужно просто истреблять. Но нам следует поторопиться, орлук.

— Да, да, конечно.

Флэндри вскарабкался в туляк, открытую механическую по-возку, украшенную фигурой дракона.

Пока его везли во дворец, он подводил неутешительные итоги тому, что успел узнать. Происходит нечто большее, чем местная война. Олег-хан не заинтересован, чтобы Терра узнала об этом. Агент Империи, который узнает хотя бы незначительную часть правды о происходящем, не вернется домой живым. Только при-рожденный идиот может рассчитывать на обратное путешествие. Остается только надеяться, что Флэндри удалось убедить алтай-цев, что он — именно такой идиот. Хотя это и нелегко, но он должен копнуть поглубже...

«Более того, дружище, даже если тебе удастся, подкрутив усы, ускакать отсюда в развевающемся плаще, чтобы вызвать военные корабли Империи, Олег тут же вызовет своих друзей. А это отнюдь не частный концерн, производящий и торгующий воору-жениями, как он пытается представить дело мне: весь Алтай не производит достаточно товаров, чтобы расплатиться за все, что я здесь увидел. Так что, если его друзья окажутся здесь первыми, чтобы защитить свои военные инвестиции, будет драка. Причем у них, окопавшихся на поверхности планеты и занявших подступы к ней в космосе, окажется решающее преимущество. Наш флот не погладит тебя по головке, если ты втянешь его в проигрышную кампанию, приятель».

Он зажег новую сигарету и подумал с сожалением, какого черта он не сказал в Штабе, что страдает болезнью Твонка*.

Одежда Флэндри заметно озадачила приставленного к нему ла-кея: потребовалось добрых полчаса на подбор нового, не столь кричащего ансамбля, после чего секретный агент Империи про-следовал в банкетный зал, сопровождаемый почетным караулом с обнаженными кинжалами в руках.

Стола как такового не было. Нечто вроде огромного каменно-го корыта занимало весь зал. Вокруг, скрестив ноги, сидели на полу около сотни участников банкета. Флэндри посадили по правую руку от хана. Суп, напоминавший бульон с острым вку-сом, налили в корыто из котлов на колесах. Затем, по сигналу хана, остатки супа удалили с помощью сифонов, корыто вымыли струями воды, из кранов, после чего туда же навалили еще менее понятное второе блюдо. Тем временем ни на минуту не остава-лись пустыми пиалы, наполняемые горячим чаем, настоящим на травах, с крепким алкогольным привкусом. Банкет сопровождался

---

* Намск на рассказ Г. Каттисра «Twonkic». (Здесь и далее примеч. пер.)

зрелищными номерами под завывания флейт и грохот барабанов небольшого оркестра: свое искусство продемонстрировали акробаты, снайперы, танцоры с ножами и водители варяков. В самом конце банкета встал дряхлый акын и спел несколько длинных, заунывных песен; затем приглашенный с базара толстый весельчак начал рассказывать истории собственного сочинения. Каждый участник банкета получил подарок от хана, и на этом мероприятие закончилось. Не было произнесено ни одного слова между участниками застолья.

«Ну что ж, я думаю, все здесь отлично повеселились, кроме меня», — проворчал про себя Флэндри.

Не совсем трезвый, он в сопровождении стражи прошел в свои апартаменты. Слуга пожелал ему спокойной ночи и запахнул за собой толстые меховые портьеры, служившие здесь внутренними дверьми.

Комнату освещал большой светящийся шар, но его свет казался слабым по сравнению с тем, который проникал через застекленную дверь балкона. Флэндри приоткрыл дверь и изумленным взглядом окинул лежащий глубоко внизу ночной город. По бескрайним черным просторам озера Рюрик бежали две сверкающие лунные дорожки и терялись где-то за невидимым горизонтом. Слева от него возвышалась Башня Пророка, словно гигантский Вечный Огонь, увенчанный немигающими, по-зимнему яркими звездами. Оба спутника были в фазе полнолуния, и их красноватые диски, в шесть и восемь раз большие для глаза, чем диск Луны, были окружены великолепными искрящимися кристалликами льда гало. Их свет заливал окружавшие город равнины, а Зея и Талыма казались ртутными лентами. И над всем этим великолепием в южной части небосвода возвышался еще более великолепный гигантский радужный мост, образованный двумя бледными кольцами. Время от времени небо перечеркивали светящиеся стрелы метеоритов, которые этот двойной обруч выбрасывал в атмосферу.

Флэндри не был любителем пейзажной экзотики, но на этот раз зрелище так захватило его, что он только через несколько минут почувствовал пронизывающий холод ночного воздуха. Он повернулся, чтобы возвратиться в относительную теплоту своего жилища. Когда он закрыл балконную дверь, в комнату из спальни вышла женщина. Вообще-то Флэндри ожидал чего-то в этом роде, как проявления местного гостеприимства. Более высокая, чем местные женщины, с иссиня-черными волосами и блестящими раскосыми глазами зеленоватого цвета, редкого на этой планете, она быстро приблизилась почти вплотную к Флэндри. Ее фигуру окутывал плащ из золотистой жесткой ткани, а большую часть лица скрывала вуаль. Флэндри ждал какого-нибудь знака подчинения с ее стороны.

Вместо этого она стояла, наблюдая за ним, почти целую минуту. В комнате было так тихо, что он слышал шелест ветра над озером. В углах сгустилась тьма, а драконы и воины на занавесах, казалось, медленно шевелились.

Наконец она нарушила молчание и тихим, взволнованным голосом сказала:

— Орлук, ты и в самом деле шпион с Матери Людей?

— Шпион? — Флэндри с ужасом подумал о возможной провокации. — Клянусь космосом, нет! То есть, я хочу сказать, ничего подобного!

Она положила руку на его запястье. Ее пальцы оказались холодными и сжимали его с неистовой силой. Другой рукой она откинула вуаль. Он увидел широкое лицо с довольно светлой кожей, изящно очерченным носом, полными губами и твердым подбородком. Лицо скорее красивое, чем хорошенькое. Она зашептала так быстро и с таким напряжением в голосе, что он с трудом успевал понять сказанное:

— Кто бы ты ни был, ты должен меня выслушать! Если ты не воин, то передай мои слова, когда вернешься домой, воинам. Я — Буртай Иванская из племени Тумурий, входящего в Шаманат Тебтенгри. Ты, конечно, слышал о них, главных противниках Олега, оттесненных его войсками далеко на север, но не сложивших оружие. Мой отец, которого хорошо знал Юши Ильяк, был нойоном, командиром дивизии по-вашему. Он погиб в прошлом году в сражении при Двуречье. Люди Ешукая разгромили тогда всю нашу орду. Меня доставили сюда отчасти как заложницу — как будто это может сломить волю моего народа! — встала она надменно, — а отчасти для гарема ха-хана. С тех пор я сумела войти к нему в доверие, и, что еще важнее, у меня образовались собственные связи, ведь гарем — это всегда центр интриг. Ничто не остается секретом для гарема, но многие секреты рождаются именно здесь.

— Догадываюсь, — сказал Флэндри. Все происходящее почти ошеломило его и ввергло в состояние оцепенения. Тем не менее он не удержался и добавил: — Постель очень часто служит источником странной политики.

Женщина непонимающе моргнула, но тут же вернулась к своему рассказу:

— Я услышала сегодня утром, что прибыл посланник с Терры. И я подумала, что, может быть, он... что он ничего не знает о планах, вынашиваемых Ешукаем против Матери Людей. Тогда нужно ему рассказать! Я разузнала имя женщины, которую хотели предложить ему, и сумела организовать ее подмену собой. Не спрашивай как! У меня скопилось столько компрометирующих секретов, что я держу в своем кулаке многих охранников гарема:

ведь не всегда бывает достаточно подпоить их транквилизаторами половой потенции во время их дежурства! Я имею право на все способы отмщения. Олег-хан — мой враг и враг моего убитого отца, поэтому для меня нет ничего противозаконного! К тому же Святая Терра находится в опасности. Послушай, человек с Терры...

Флэндри наконец сбросил с себя оцепенение. Последние несколько секунд были настолько фантастическими, что он потерял способность действовать. Как в дешевой мелодраме, перед ним вдруг появилась девица (именно девица, а не обиженный ханом мужчина!), которая выбалтывает свою биографию, как пролог к невероятным откровениям. И вдруг он понял, что все сказанное ею — чистая правда, что мелодрамы изредка случаются и в жизни и что в этой мелодраме любая роль, кроме комической, погубит его.

Он выпрямился, отстранил от себя Буртай и произнес торопливо:

— Милая моя девушка, я ничего не понимаю в таких делах. К тому же мне довелось слышать гораздо более правдоподобные истории от колониальных девушек, рассчитывающих прокатиться на Терру. Но уверяю тебя, Терра — не лучшее место для маленькой провинциальной девушки без средств к существованию. Мне не хотелось бы оскорбить тебя, но сама идея, что затерянная на окраине Империи планета может представлять угрозу для Терры, не столь смешотворна, сколь скучна. Так что прошу тебя, оставь меня в покое.

Буртай отступила назад. Ее плащ распахнулся, и под ним оказалось прозрачное платье, сквозь которое проглядывала несколько полная, но хорошо сложенная фигура девушки. Правда, на вкус терранина, она была слишком коренаста. Но зрелище было бы весьма приятным, если бы не выражение мучительной боли на ее лице.

— Но, мой господин орлук, — запинаясь сказала она, — клянусь нашей общей Матерью.

«Несчастное романтическое создание, — все прямо-таки кричало в нем, — неужели ты думаешь, что я всемогущий Бог? И если ты такая деревенщина, что не слыхала о встроенных в стены комнат для гостей микрофонах, то не таков Олег-хан. Замолчи, прежде чем ты погубишь нас обоих!»

Но вслух он, восхищенно расхохотавшись, сказал:

— Клянусь Сириусом, это очень заботливо: кроме всего прочего предоставить мне для развлечений очаровательную шпионку! Ну а если серьезно, дорогуша, хватит трепаться и давай займемся более взрослыми играми. А-а? Как насчет этого?

Он потянулся за ней. Она вырвалась из его рук и перебежала в другой конец комнаты. Слезы струились по ее лицу. Увертываясь от его преследований, она почти прокричала:

— Нет-нет, дурак, слепой безмозглый трепач, ты слушаешь меня! Ты слушаешь меня, даже если для этого я вынуждена буду повалить тебя на пол и связать. И все расскажешь им, расскажешь, когда вернешься домой... и попросишь прислать настоящего шпиона, чтобы они все узнали сами!

Флэндри загнал ее в угол. Он сумел схватить ее за руки и попытался заставить замолчать поцелуем. В ответ она нанесла ему резкий удар лбом по носу. Он отшатнулся, почти ничего не видя от боли, и только слышал, как она пронзительно выкрикивала:

— Это мерсейцы, я тебе говорю, что это мерсейцы, огромные чудовища с зеленой кожей и длинными хвостами. Они прилетели сюда и приземлились на засекреченном космодроме. Я сама видела, как они разгуливали по залам дворца после наступления темноты. Еще я подслушала, как пьяный орхон выболтал о них одной женщине, я подкралась к ним тихо, как мышь, и все слышала собственными ушами. Они называются мерсейцами, это злейшие враги нашей расы. И знаешь...

Флэндри сел на диван, вытер кровь с усов и сказал устало:

— Теперь это не имеет никакого значения. Как нам выбраться отсюда? Я имею в виду — прежде чем стража пристрелит нас.

5

Буртай вдруг замолчала, и он понял, что говорил на английском. Он понял также, что их пристрелят разве что при попытке к бегству. А сначала их допросят, и допросят с пристрастием! Он не знал, имеются ли здесь вмонтированные в стены микрофоны и подсматривающие устройства. Не знал, ведется ли наблюдение непрерывно или записывается для последующего просмотра информации утром. Полагаться на второй вариант было слишком рискованно.

Вскочив на ноги, он одним прыжком настиг Буртай. Она отреагировала с проворностью маленького юркого зверька, попытавшись ребром ладони нанести ему удар по горлу. Но Флэндри успел опустить голову, и удар пришелся по верхушке его черепа. В свою очередь он схватился за края воротника ее плаща и сжал руками ее шею. Предотвращая удар в солнечное сплетение, он придавил ее тяжестью своего тела. Большими пальцами она попыталась выдать ему глаза, но Флэндри замотал головой, заработав несколько глубоких царапин на носу, который и без того сильно болел после только что полученного удара. Он вскрикнул, но не отпустил ее. Секундой позже она затихла и обмякла, тогда Флэндри развернул ее и заломил ее руку за спину. Девушка

пошевелилась — придушенная чуть-чуть, она и сознание потеряла совсем ненадолго. Флэндри, словно любовник, зарылся лицом в спадавшие ей на плечи черные волосы. Они были теплыми, а их запах напоминал о лете. Найдя ее ухо, он почти беззвучно прошептал:

— Послушай, дурочка, неужели ты не понимаешь, что хан подозревает меня? Что стены здесь имеют уши? Теперь, чтобы уцелеть, у нас остался последний шанс — выбраться отсюда как можно быстрее. Возможно, придется похитить бетельгейзианский корабль. А пока я должен сделать вид, что арестовал тебя, чтобы усыпить их бдительность. Иначе они могут появиться здесь в любое мгновение. Ты поняла? Сможешь ты сыграть свою роль?

Ее тело напряглось, и он скорее почувствовал, чем увидел ее утвердительный кивок. Словно сжатая пружина лежало в его руках упругое молодое тело. Он, пожалуй, впервые в своей жизни встретил женщину с такой отличной физической подготовкой. Несомненно, Буртай Иванская прошла курс военной подготовки. Теперь это ей пригодится.

Вслух Флэндри с раздражением в голосе произнес:

— Послушай, ты меня просто смешишь! Здесь нет никаких мерсейцев. Я наводил справки перед вылетом. Неужели ты думаешь, что я очень жажду встречи с ними? Чтобы провести, скажем, год в их вонючей тюрьме, пока папаша договорится о моем освобождении? Так, что ли? Все это чушь собачья. — Он помешкал немного и сказал: — А тебя, пожалуй, стоит сдать охране. Так что пошли со мной, и без шуток!

Он вывел ее за дверь в длинный коридор с колоннами. Через раскрытое окно виднелся пруд, блестевший корочкой ночного льда, а дальний конец коридора терялся в полутьме. Флэндри подтолкнул Буртай именно в эту сторону. Вскоре они подошли к широкой, ведущей вниз лестнице. Здесь стояли на посту два стражника в шлемах, кожаных куртках, вооруженные ножами и бластерами. Один из них прицелился и заорал:

— Стой! Кто идет?

— Эта девица, знаешь ли, — проговорил задыхаясь Флэндри и сильно толкнул Буртай в спину. Та издала довольно правдоподобный вопль. — Она начала нести какую-то невероятную чушь. Кто здесь старший? Она склоняла меня помочь ей против хана. Подумать только!

— Что? — стражник подошел поближе.

— Тебтенгри отомстит за меня! — огрызнулась Буртай. — Люди Льдов сровняют этот дворец с лицом земли!

Флэндри подумал, что она переигрывает, но оба стражника выглядели пораженными ее дерзостью. Ближний из них зачехлил свой бластер и сказал:

— Я присмотрю за ней, орлук. А ты, Борис, сбегай за командиром.

Когда он подошел ближе, Флэндри отпустил девушку. В стальном шлеме на голове и плотной кожаной куртке, стражник был не очень-то уязвим. Разве что — правая рука Флэндри взметнулась вверх, и тыльной стороной ладони он нанес монголоиду пониже носа сокрушительный удар; перевалившись через балюстраду, тот упал замертво на лестницу. Второй стражник, уже повернувшийся, чтобы идти за командиром, резко развернулся на каблуках и потянулся за оружием. Но Буртай сделала ему подсечку, и он упал. Флэндри бросился на него, и они покатались, сцепившись, по полу. Стражник громко визжал. Флэндри через плечо противника увидел, что Буртай сняла кожаный ремень с поверженного воина и подбежала к ним. Флэндри позволил своему врагу оказаться наверху. Буртай набросила ремень на шею стражника, уперлась коленом в его спину и стянула ремень.

Флэндри выкабался из-под тела затихшего врага.

— Возьми их бластеры! — переведя дыхание, крикнул он. — Так, дай один мне. Быстрее! Мы наделали шума больше, чем я рассчитывал. Ты знаешь, как отсюда выбраться? Тогда веди!

Босоногая Буртай помчалась вниз по ступеням. Ее вышитый золотом плащ и тонкое платье развевались, словно знамена на ветру — зрелище, совсем не соответствующее моменту. Флэндри бежал следом — один пролет, второй пролет.

Внизу послышался топот сапог по мраморным ступеням лестницы. Пробежав еще один пролет, Флэндри увидел взвод солдат, которые в спешке поднимались по лестнице. Взводный, увидев его, прокричал:

— Орлук, нехорошая женщина с тобой?

Значит, прослушивание велось непрерывно. И даже сдав Буртай, Флэндри не мог рассчитывать спасти свою шкуру. Был он ничемным пижоном или нет, не имело теперь никакого значения — он слишком много знал.

Пока командир говорил, солдаты заметили у Буртай бластер. Кто-то заорал, и Буртай выстрелила в самую гущу человеческих тел. Флэндри успел упасть и уже на полу услышал шелест ионного разряда, скользящего по тому месту, где он только что находился. Он в свою очередь выстрелил расфокусированным пучком, который на такой дистанции не мог убить человека, но зато опалил сразу четырех солдат. Под их громкие вопли он вскопил на ноги, перемахнул через поверженных, сшиб с ног воина из последнего ряда и выбежал на лестничную площадку. Отсюда балюстрада лестницы широким изгибом спускалась на первый этаж. С торжествующим криком, как школьник, Флэндри прыгнул на перила и съехал по ним вниз. Там внизу находился

небольшой холл со стеклянными дверями, выходившими в сад. Свет лун и колец был так ярок, что направлявшиеся к дверям полдюжины варяков ехали с незажженными фарами. На них восседали охранники, привлеченные шумом боя. Флэндри огляделся. По бокам от двери на высоте двух метров располагались сводчатые окна. Он жестом подозвал Буртай, согнулся под одним из окон и сцепил пальцы рук. Она понимающе кивнула, одним махом взлетела на подоконник, рукояткой бластера выбила стекло и открыла огонь по подъезжающим. Флэндри, укрывшись за колонной, разрядил свой бластер в остатки пехотного взвода, возобновившего преследование. Те сразу же исчезли из виду, так как представляли собой прекрасную мишень.

В холл сквозь двери ворвался варяк. Сидящий на нем солдат руками прикрывал лицо от разлетающихся осколков стекол. Флэндри уложил его прежде, чем он успел опустить руки. Неуправляемый варяк завалился и свалился прямо в дверном проеме. Следующий варяк врезался в него. Сумев удержать равновесие, тренированный водитель выстрелил в терранина. Выстрелом сверху Буртай помогла ему вывалиться из седла.

Она самостоятельно прыгнула вниз и сказала:

— Я подстрелила еще двух в саду, и еще двое спрятались в укрытии и вызывают помощь.

— Все равно мы должны рискнуть. Где ближайшие ворота?

— Но они заперты! Чтобы выжечь замок, нам потребуется уйма...

— Я попробую. Быстро в седло. Выедешь сначала медленно из двери. Потом за мной; прихвати машины тех двух убитых тобой стражников и жди.

Флэндри стащил труп с варяка, не без сочувствия посмотрев на человека, который еще несколько секунд назад был жив, и поставил машину на колеса. Затем он вскочил в седло и на предельной скорости выехал через разбитую вдребезги дверь.

Ну что ж, пока что внезапность и быстрота действий позволили им с помощью энергетического оружия противостоять во много раз превосходящему их численно противнику. Но существует предел: два человека не могут выдержать натиск сотен. Им нужно уходить.

Его настигла ослепительная вспышка света. Он не слишком умело управлял варяком, чтобы суметь увернуться от выстрелов. Поэтому он просто пригнулся и рванул вперед, надеясь уйти от прямого попадания. Резкая боль от слегка задевшего ногу разряда обожгла его, словно кипятком. Он направил варяк к своей цели, к высокому горбатому мосту. Машина с ревом въехала на него и скатилась вниз. Флэндри вывалился из седла. Он расслабил мышцы в полете, сделал отмашку, чтобы уменьшить силу удара при

падении на землю, но все-таки опять расшиб себе нос. Из его глаз непроизвольно полились слезы, и он грубо выругался. Тем временем два стражника на варяках друг за другом въехали на мост. Флэндри вскочил на балюстраду и застрелил обоих. Со всех сторон слышался гул нарастающей суматохи. Во дворце одно за другим зажигались окна. Вскоре уже десятки драконьих глаз смотрели в ночь. Флэндри сбежал вниз к груди навалившихся друг на друга варяков и стал растаскивать их.

— Приведи другие машины! — прокричал он Буртай. Вскоре она подъехала, управляя варяком и ведя на буксировочных тросах, которые привязала к рычагам управления, два других. Как он и предполагал, все машины были снабжены оборудованием для буксировки: кочевникам, видимо, часто приходилось транспортировать целую связку варяков.

Здесь, в черной тени под нависшей скалой, они двигались, словно две тени. Окружавший их парк в лунном свете казался покрытым пеленой тумана медного оттенка. Зубчатая внешняя стена резко отделяла освещенное пространство сада от погруженного во тьму города. Ее зубцы на фоне колец Алтая казались зубами дракона.

— Мы возьмем две машины, — пробормотал Флэндри, — а остальные используем, чтобы протаранить ворота. Как ты думаешь, сработает?

— Должно сработать, — ответила Буртай и быстро установила рычаги управления на приборных щитках варяков в нужное положение. — Вот посмотри, в багажниках всегда должен находиться запасной комплект одежды и шлем. Надень по крайней мере шлем, а переодеться мы сможем позже.

— Для короткого броска в этом нет необходимости.

— А ты уверен, что космодром не наводнен еще людьми Ешукая?

— О-о, дьявол! — воскликнул Флэндри. Он застегнул пряжку шлема, опустил защитные очки и оседлал мотоцикл. Буртай побежала вдоль цепочки варяков, включая на каждом зажигание. Машины без седоков рванули с места. Выброшенный из-под колес гравий хлестнул Флэндри по лицу. Не обращая на это внимания, он последовал за варяком девушки.

Далеко впереди дорогу перебежали два воина. Они появились внезапно — две фигурки, отчетливо видимые в свете двух лун, — и так же внезапно исчезли в темноте. Похоже, они не заметили беглецов. Флэндри подумал, что вся дворцовая стража находится сейчас в состоянии крайнего смятения. Он должен выбраться отсюда, пока оно не спадет и не начнется планомерное преследование.

Перед ним высились дворцовые ворота с массивными прутьями, сквозь которые виднелась пустынная площадь, залитая

мертвенно-белым лунным светом. Впереди Флэндри видел лишь отблески света на мчащихся, как метеоры, варяках. У часовых на стене обзор был куда лучше. Загремели выстрелы бластеров, взалхлеб затараторили пулеметы — бесполезная стрельба по несуществующим седокам.

Первый варяк с грохотом, словно в день Страшного суда, врезался в ворота. Он развалился на четыре части. Флэндри почувствовал, как кусок раскаленного докрасна металла пронесся мимо его уха. Следующий удар, и прутья ворот немного прогнулись. Третий варяк пробил в воротах узкую щель, через которую вывалился на площадь. После удара четвертого варяка ворота распахнулись настежь.

Ну давай! На скорости двести километров в час Буртай и Флэндри неслись к воротам. В их распоряжении было всего несколько секунд, пока деморализованная стража наверху снова не открыла огонь. Машина Буртай, после удара о лежащие грудой варяки, взмыла вверх, как с трамплина, и пролетела по воздуху почти половину площади. «Прямо как птица», — подумал Флэндри. Приземлившись на оба колеса, она исчезла в аллее за площадью. Теперь его черед. В голове промелькнула мысль: каковы его шансы не сломать себе шею? Но перед перспективой оказаться в камере пыток хана она мгновенно померкла. Удар, толчок! Вот и все! Он, конечно, не рассчитывал повторить цирковой трюк Буртай и в полете высвободил третье колесо. Удар о землю оказался не слишком резким — ну и амортизаторы у этой штуковины! Качнувшись несколько раз и чуть не перевернувшись при этом, он наконец восстановил равновесие. При приземлении его дополнительное колесо высекло сноп искр из камней мостовой. Он убрал его и, заставив мотор взречь, на предельной скорости помчался вперед.

Взглянув на север в сторону Башни, он увидел высоко в небе над космодромом рой воздушных кораблей. Не могло быть и речи о захвате бетельгейзианского корабля. Ехать в резиденцию Залата также не имело смысла. Так куда же ему деться под этим безжалостным, усеянным осенними звездами небом?

Впереди, в полукилометре от него, словно призрак неслась по узеньким улицам ночного города Буртай. Угрюмо сосредоточив свое внимание на управлении варяком, чтобы избежать случайных столкновений, Флэндри мчался за ней. В мгновение ока — хотя это мгновение показалось ему вечностью — они вырвались за пределы города в бескрайние степные просторы.

6

В высоких степных травах ветер почти не ощущался. Их шест непрерывно звучал в ушах Флэндри во время безостановоч-

ного движения вперед и вперед, куда-то за край горизонта. Неопределенного желто-зеленого цвета с тысячько оттенков, трава медленно раскачивалась под порывами ветра. Здесь и там попадались кусты с красными заостренными, как будто прихваченными морозом ветвями. Травы обтекали их, словно волны беспокойного моря. Над головой все необозримое пространство, вплоть до синего небосвода, заполнял леденящий ветер. На западе, почти у самого горизонта, висел тускло-оранжевый диск Красны, окрашивающий степи в рыжеватый цвет. Кольца казались гигантским обледеневшим мостом, перекинутым на юг, а северная часть небосвода испускала бледное зеленоватое сияние. Буртай объяснила это отражением от рано выпавших снегов. Флэндри сидел пригнувшись в траве высотой с его рост. Выглянув, он увидел охотившийся за ними воздушный корабль. Он лениво выписывал круги. Но таких кораблей было много, и они стянут всю планету математически рассчитанной сетью. Даже через бинокль, который Флэндри достал из багажника, корабль казался всего лишь светящейся точкой. Но наверняка он вел поиск беглецов с помощью телескопов, металлоискателей и инфракрасных детекторов. Просто невероятно, что, располагая такой техникой, многочисленные поисковые силы хана до сих пор не обнаружили их.

Сколько времени уже все это длится? Два алтайских дня? В его памяти все перемешалось: лихорадочная, безумная гонка на север, бешено крутящиеся колеса, иссушенная ветром и кровотокающая кожа, сон урывками в седле варяка, вяленое мясо из неприкосновенного запаса и пополнение фляг водой из родников, которые Буртай находила по видимым только ей признакам. Сейчас все его тело до последней клетки пронизывала боль, а мозг отказывался работать от усталости.

Вся невообразимо огромная равнина — ее площадь почти в два раза превышала площадь всех континентов Терры — заросла густой и высокой травой. Именно эта трава служила беглецам укрытием от всевидящего неба. Чтобы запутать следы, они несколько раз проезжали через огромные стада. Флэндри полностью доверился Буртай. Казалось, она обладает каким-то охотничьим чутьем. Меняя направление, петляя и заматавая следы, им удавалось в течение двух дней уходить от погони.

Но теперь, похоже, приближалась развязка.

Флэндри смотрел на девушку. Она сидела скрестив ноги, с безучастным видом, и только темные крути под глазами выдавали ее усталость. В кожаной одежде, с убранными под шлем волосами, она могла вполне сойти за юношу. Защитный слой жира на лице портил его высокомерную красоту. Опершись на свой бластер, Флэндри спросил:

— Думаешь, он засечет нас? — Он не старался говорить тихо, продуваемая всеми ветрами огромность окружавшей их степи мгновенно превращала любой звук в ничто.

— Пока нет, — ответила она, — его детектор работает сейчас на пределе своих возможностей, и он не станет нырять вниз при каждом сомнительном показании прибора.

— Тогда... забудем о нем, и он уберется восвояси?

— Боюсь, что нет, — она выглядела обеспокоенной. — Они ведь не дураки, эти ханские служаки. Это их обычный поисковый прием. Они кружат над одной и той же территорией до наступления ночи. Затем, если мы решим ехать дальше, придется включить нагреватели варяков, чтобы не замерзнуть. И тогда мы будем выглядеть в их инфракрасных видеоискателях словно пламя горящего стога сена.

Флэндри потерял свой гладкий подбородок. Мало того, что алтайская одежда была смехотворно короткой для него, да еще борода не росла из-за того снадобья, которое дернуло же его принять. Благодаря теперь богов элегантности! Ему очень хотелось закурить.

— Так что же нам делать? — спросил он.

Буртай пожала плечами:

— Пока оставаться здесь. У нас есть спальные мешки с отличной теплоизоляцией. Мы не замерзнем, если залезем вдвоем в один из них. Но если ночью температура упадет сильно ниже нуля, наше собственное дыхание и инфракрасное излучение тел выдадут нас.

— Как далеко отсюда твои друзья?

Буртай потеряла свои миндалевидные глаза.

— Не могу сказать точно. Они перемещаются вдоль Хребта по самому краю Кара-Гоби. В это время года они спускаются в южные районы, так что мы находимся не слишком далеко от той или другой орды. Но в степи небольших расстояний не бывает. — Помедлив, она добавила: — Даже если мы доживем до утра, то не сможем больше ехать. Энергетические накопители варяков истощены до предела. Нам придется идти пешком.

Флэндри окинул взглядом машины, грязные и разбитые до неузнаваемости.

«Удивительно выносливые механизмы, — подумал он рассеянно. — В основном кустарной работы с использованием ручных инструментов, изготовленные с тщательностью, возможной только в обществе с некоммерческой экономикой. Кстати, коротковолновые передатчики... Не стоит сожалеть. При первой же попытке связаться с Тибтенгри этот летающий ящик там, наверху, бросится вниз, словно ястреб».

Он расслабился и лег на спину. Земля оказалась весьма холодной. Через минуту Буртай последовала его примеру и прильнула к нему с детской доверчивостью.

— Если нас поймают, что ж, такова пространственно-временная структура, — сказала она с фатальным спокойствием. — Но что ты намерен делать, орлук, если нам удастся добраться до моих друзей?

— Прежде всего я должен послать сигнал Терре. Не спрашивай меня как.

— А если ты не вернешься, твои друзья прилетят сюда, чтобы отомстить?

— Нет. Хану достаточно сказать бетельгейзианам, что я погиб в результате несчастного случая во время мятежа, или что-нибудь в этом роде, и я буду кремирован со всеми почестями. Обожженный бластером труп приблизительно моего роста вполне сойдет для такого представления. Ведь для существа нечеловеческой расы все мы на одно лицо. Когда известие попадет в мою организацию, естественно, возникнут некоторые подозрения. Но из-за занятости повседневной работой одних подозрений окажется недостаточно, чтобы предпринять какие-то действия. В лучшем случае сюда направят еще одного агента. Но на этот раз хан успеет подготовиться и одурачит его: замаскирует новые военные объекты и установки, позволит нашему человеку встретиться только с верными ему людьми, покажет только то, что посчитает нужным показать, и так далее. Как может один человек противостоять целой планете?

— Но ведь ты сумел уже что-то сделать.

— Я же говорил тебе, что застал Олега врасплох.

— Ты должен что-то придумать, — спокойно продолжала настаивать Буртай. — Разве нельзя, например, переправить контрабандой письмо с помощью бетельгейзиан? Мы можем заслать наших агентов в Улан-Балай.

— Я думаю, такая мысль уже пришла в голову хана. Он сможет поставить дело так, чтобы никто, кроме верных ему людей, не вступал в контакт с бетельгейзианами, а все экспортные материалы подвергались тщательному досмотру.

— Тогда напиши письмо на своем языке.

— Он прочтает его сам, если уж никто другой не сможет.

— О нет. — Буртай приподнялась, опираясь на локоть. — На Алтае никто, кроме тебя, не знает англик. Так, кажется, он называется? Кто-то из бетельгейзиан, возможно, знает, но у нас не было необходимости изучать его. Олег читает только на алтайском и основном бетельгейзианском языках. Я знаю. Как-то ночью он сам сказал мне об этом. — О событиях прошедшего года она говорила абсолютно невозмутимо. Видимо, в этом обществе

быть рабыней в гареме не считалось бесчестьем — издержки войны и не более того.

— Да что там, — продолжал Флэндри, — хотел бы я посмотреть, как это люди Олега пропустят письмо на незнакомом алфавите. Пока они не получают меня живым или мертвым, они даже близко не подпустят к любому космическому кораблю или пассажиру ничего вызывающего хоть малейшее подозрение.

Буртай села. Неожиданно ее глаза наполнились слезами.

— Но ты не можешь быть таким беспомощным! — вскричала она. — Ведь ты же с Терры!

Ему не хотелось разочаровывать ее, и он сказал:

— Ладно, мы еще что-нибудь придумаем. — Он торопливо сорвал стебелек травы, разгрыз его и перевел разговор в другое русло: — Вкус этой травы очень напоминает мне вкус травы дома. Просто удивительное сходство.

— О, так эта трава терранского происхождения. — Отчаяние Буртай мгновенно сменилось изумлением, что ему неизвестны такие прописные истины. — Первые колонисты нашли здесь фактически пустыню со скудной растительностью, в основном ядовитой для человека. Все другие местные формы жизни из-за отсутствия воды отступили в арктическую и антарктическую зоны. Наши предки привезли с собой семена растений и небольших животных. С помощью генетических исследований и селекции им удалось создать виды растений и животных с подходящими для местных условий свойствами и устойчивой наследственностью. В конце концов почти вся экология экваториальной части Алтая стала походить на терранскую.

Флэндри еще раз убедился, что Буртай, несмотря на кочевой образ жизни, обладала некоторым запасом знаний и культуры. Да-а, интересно будет посмотреть на эту цивилизацию на колесах... если он останется в живых, конечно... что весьма сомнительно. Он очень устал и не мог сосредоточиться. Его мысли произвольно блуждали в попытке связать все, что он увидел за последние дни, с хорошо известными ему фактами.

Судя по всему, Красна была старой звездой, относящейся приблизительно к середине второй звездной популяции. Внутригалактический дрейф вынес звезду из ядра Галактики в один из ее рукавов. Поэтому Красна и ее планеты содержали мало тяжелых элементов, которые образуются внутри звезд, возникающих при взрывах новой или сверхновой звезды, и накапливаются при их последующей эволюции. С массой меньшей, чем у Солнца, Красна почти все время своего существования оставалась красным карликом.

В течение первого миллиарда лет температурные условия на поверхности Алтая и Терры почти не отличались благодаря внут-

ренним источникам тепла. В этот период в мелководных морях планеты развились протоплазменные формы жизни и, возможно, примитивные наземные организмы. Но планета остывала, истощились радиоактивные источники энергии. Остался лишь скудный поток тепла от тусклой Красны, и Алтай начал замерзать. Процесс остывания протекал настолько медленно, что некоторые формы жизни успевали приспособиться к новым условиям. Прошло много миллионов лет, и Алтай от полюса до полюса покрыла сплошная корка льда. Старый, старый мир. Насколько старый, что одна из лун, двигаясь по спирали, подошла к планете так близко, что распалась на бесчисленное множество осколков и образовала кольца. Насколько старый, что Красна уже завершила первую стадию сжигания водорода и перешла к следующей. Теперь она с каждым миллионом лет будет становиться все горячее и ярче. Вода в морях и океанах Алтая растает, а потом и закипит, когда Красна станет новой. Наконец, на завершающей стадии своей жизни, Красна превратится в белого карлика и начнет угасать, погружаясь в вечную темноту.

Но пока этот процесс только начался. Только в тропическом поясе планеты температура поднялась до уровня, пригодного для жизни людей. Большая часть растаявшей воды ушла к полюсам в виде снега, оставив равнины сухими, а скудная растительность вынуждена адаптироваться... или исчезнуть, уступив место под солнцем зеленой траве...

Мысль Флэндри перескочила к отдаленному будущему его планеты и замерла. Леденящий вечерний бриз вернул его к действительности. Он почувствовал, что его тело ооченело, и со стоном принял сидячее положение. А ведь солнце еще не село. Что же будет ночью? Буртай сидела с отрешенным видом. Флэндри позавидовал ей. Нет, это не для него: подвергаться риску замерзнуть насмерть, идти по иссушенной равнине сотни километров, идти, несмотря на усиливающийся осенний холод, час за часом, день за днем.

Его мысль металась, словно ласка в клетке, в поисках выхода... Огонь, огонь, полцарства за огонь... Эй, послушай!

Он вскочил на ноги, вспомнил о воздушном корабле и тут же бросился на землю так быстро, что снова расшиб многострадальный нос. Девушка слушала, широко раскрыв глаза, быструю, бессвязную английскую речь. Когда он остановился, она с уважением произнесла:

— Я тоже молюсь Духу Матери, чтобы Она помогла нам.

— Ну, я не то чтобы молился, — ухмыльнулся Флэндри. — Нет, моя милая. У меня просто появился план. Несколько дикий, но... Вот, послушай...

Люди, сидевшие скрестив ноги прямо на полу, образовывали большой круг. В полумраке их лица казались смутными белыми пятнами. Когда Аргун Тиликский поднялся, его лицо осветил просачивающийся через единственное небольшое окно кибитки скудный свет.

— Нехорошо, — резко сказал он. — Нет ничего страшнее, чем степной пожар. И ты зажег его нарочно! Такое дело не может вести к удаче.

Флэндри внимательно смотрел на него. Нойон племени Мангу Туман выглядел очень молодо даже для нынешних времен, когда мужчины Тебтенгри редко достигали преклонного возраста. О нем говорили как о блестящем и бесстрашном воине, и он только что доказал это во время операции по спасению терранина. Но при этом он был в некоторой степени ханжой.

— Но пожар очень быстро погасили, разве не так? — спросил Флэндри мягко. — Я слышал от вашего разведчика, что множество воздушных кораблей ха-хана забрасывало огонь бомбами с пеной, пока не подавило его. Выгорело не так уж и много.

— В подобных делах, — сказал Тогрул Вавилов, гур-хан племени, — все алтайцы заодно. — Он погладил бороду и обменялся с Флэндри улыбками (прирожденный лицемер!). — Наш разведчик и сам доставил туда несколько бомб с пеной. Ни один вражеский корабль не помешал ему, и он благополучно вернулся назад.

Один из приглашенных вождей воскликнул:

— Твой нойон богохульствует, Тогрул. Сэр Доминик — посланец Терры! И если ему понадобилось зажечь огонь, кто посмеет порицать его за это?

Флэндри подумал, что стоило бы покраснеть от смущения, но только сказал:

— В сложившемся положении я не смог придумать лучшего плана действий. Я расскажу обо всем еще раз, так как не все вожди, приехавшие на этот... как это у вас называется?.. на этот курултай, знают, что произошло. Девушка Буртай и я оказались в западне. Запас энергии в наших варьяках иссяк. И даже если в ту ночь люди хана не обнаружили бы нас с помощью инфракрасных приборов, мы бы либо замерзли, либо умерли от голода через несколько дней. Поэтому сразу после захода Красны я в нескольких местах поджег сухую траву. Ветер отгонял от нас языки пламени и дым, и вскоре пожар охватил большую территорию. На таком фоне нагреватели наших варьяков оказались неразличимы для инфракрасных детекторов! По нашим расчетам мы находились не очень далеко от той или другой орды Шаманата, поэтому хотя бы один ваш воздушный разведчик обязательно должен был заметить разрастающийся пожар и подлететь поближе. Выждав

некоторое время, мы вышли в эфир с призывом о помощи. После этого нам под прикрытием огня и дыма пришлось маневрировать, чтобы не попасть под пули воздушных кораблей Олега... пока не подоспела помощь от Мангу Тумана. Разбив врага, воздушные корабли спасателей подобрали нас и, не дожидаясь прибытия новых ханских сил, доставили сюда.

— И вот, мы собрали этот совет, — добавил Тогрул Вавилов. — Вожди всех союзных племен должны знать о сложившемся положении.

— Да, но пожар... — пробормотал Аргун.

Все глаза обратились к старику, сидевшему под окном. Казалось, его голова существовала независимо от тщедушного тела, скрытого под множеством меховых одежд. Шаман погладил редкую седую бородку, поморгал маленькими пронизательными глазками, сухо улыбнулся и чуть слышно произнес:

— Сейчас не время обсуждать, имел ли право человек, прибывший со священной Терры, нарушать законы Алтая. Вопрос в том, сможем ли мы снова собраться когда-либо, чтобы заняться подобными разговорами?

Аргун тряхнул копной своих темно-рыжих волос и, фыркнув, возразил:

— Отец Олега, да и вся династия Нуру-батор, не раз пытались разбить Тебтенгри. Но мы все еще удерживаем в своих руках северные земли. Я не думаю, что положение может измениться за одну ночь.

— Еще как может, — произнес Флэндри очень мягко, — если сидеть сложа руки.

Он достал одну из последних, оставшихся у него сигарет и наклонился вперед. При этом свет упал на его лицо с необычными для жителей этой планеты чертами. Он сказал:

— Во все времена вашей истории, в мирное время и во время войн вы использовали машины и механизмы, которые приводились в движение за счет химической энергии или запаса солнечной энергии. Вся ваша экономика обеспечивалась работой нескольких шахт и небольших атомных реакторов в Улан-Балае. Атомную войну ваша экономика просто не выдержала бы, даже если территориальные споры и межплеменная вражда вынудили ее развязать. Именно поэтому союз Тебтенгри так долго удерживал в своих руках субарктические пастбища, несмотря на то что все остальные племена планеты объединились против вас. Разве я не прав?

Все присутствующие закивали в знак согласия, и он продолжал:

— Но теперь Олег-хан получает помощь извне. Кое-что из его новых приобретений я видел собственными глазами. Летательные

аппараты, которые могут выписывать вензеля вокруг ваших, или, если захотят, выходить за пределы атмосферы и снова бросаться вниз. Боевые машины, с чьей броней не справятся сильнейшие ваши взрывчатые вещества. Снаряды, которые могут поражать огромные территории, так что тактика рассредоточения не спасет вас от уничтожения. Пока что у него не очень много современного вооружения, но каждый месяц Олег получает новые партии; в конце концов он накопит достаточно, чтобы вас раздавить. Еще хуже то, что его новые союзники — существа нечеловеческой расы.

Стало тихо. Присутствующие смущенно зашевелились, некоторые делали знаки против злых духов. Только шаман Юши остался невозмутимым. От глиняной трубки, которую он держал в руке, поднимался вверх горьковатый дымок.

— Кто же эти существа? — спросил он спокойно.

— Мерсейцы, — ответил Флэндри. — Это обитатели враждебной человечеству империи. Мы стоим на пути их притязаний на галактическое господство. Номинально мы уже много лет находимся с ними в состоянии мира, но на самом деле на границе двух империй постоянно возникают мелкие стычки, совершаются провокации, убийства из-за угла, происходит постоянная проба сил. Они решили, что Алтай можно превратить в отличную базу для их космических вооруженных сил. Прямое вторжение стоит больших средств. К тому же при этом неизбежно вмешательство Терры, так как она ведет непрерывное наблюдение за мерсейцами. Проще предоставить Олегу военную помощь, чтобы он завоевал всю планету для них. Видите, как все просто? Затем сюда придут мерсейские инженеры с Мерсей; используя рабский труд алтайцев, они возведут на планете крепости, разместят сеть ударных космических установок... после чего позволят Терре узнать, что же здесь происходит!

— А как Олег, знает ли он об этом? — рявкнул Тогрул.

— Я думаю, что он знает очень мало, — пожал плечами, сказал Флэндри. — Как все марионеточные правители, он еще разглядит ниточки, за которые дергают кукловоды. Но будет уже слишком поздно. Подобные истории происходят довольно часто.

— Честно говоря, — добавил он, — я и сам не раз помогал развиваться событиям по описанному сценарию — только в пользу Терры.

Тогрул нервно переплел пальцы рук и сказал:

— Я верю тебе. До нас и раньше доходили слухи... Но что же нам делать? Может быть, послать призыв о помощи Терре?

— Да-да, сообщить Терре, предупредить Мать Людей. — На мужественных, украшенных шрамами лицах воинов, окружавших Флэндри, отражалось искреннее волнение. Народы Тебтенгри не

признавали пророка Суботая, а исповедовали собственную религию, что-то вроде гуманистического пантеизма. И Флэндри видел, какую власть над ними имеет символ планеты-прародительницы.

Он не хотел, чтобы эти люди узнали, что она представляет собой на самом деле (а может быть, так было во все времена? Ведь героями и святыми люди становятся только в ретроспективе!). К чему им знать об императорах-алкоголиках, продажных аристократах, неверных женах и лживых обывателях?

Но, к счастью, имеются проблемы, требующие незамедлительного рассмотрения.

— Терра гораздо дальше отсюда, чем Мерсейя, — сказал он. — Даже ближайшая наша база расположена дальше, чем их базы. Я думаю, что в данный момент мерсейцев на планете нет, но в распоряжении Олега наверняка имеется скоростной космический корабль, чтобы доставить своим новым хозяевам срочную информацию. Что, вы думаете, будет делать Олег, если узнает о наших попытках связаться с Террой? — Флэндри кивнул. — Совершенно верно! Олег сообщит об этом немедленно на ближайшую базу Мерсейи. А мне известно, что там дислоцируются значительные силы их космического флота. Вы ведь не думаете, что они безропотно спишут свои инвестиции? Нет, они мгновенно пришлют сюда свои корабли, оккупируют планету, забросают ядерными бомбами земли Тебтенгри и начнут окапываться. К тому времени как сюда подойдут достаточные силы Имперского Космического Флота, мерсейцы успеют основательно укрепить свои позиции. Самая трудная задача в космической войне — это выбить противника с планеты, которую он прочно удерживает. Это может оказаться просто невозможным. Но даже если нам удастся выбить их отсюда, Алтай превратится в безжизненную радиоактивную пустыню.

В кибитке наступила тяжелая тишина. Люди переглядывались друг с другом, затем их взгляды снова устремились на Флэндри. В их глазах читался такой ужас перед нарисованной им перспективой, что ему стало не по себе. Он поспешил продолжить:

— Таким образом, единственно приемлемым для нас выходом из сложившейся ситуации является пересылка на Терру секретного послания. Если Олег и Мерсейя останутся в неведении о посланной информации, они не станут ускорять выполнение своей программы. Вместо этого Империя пришлет сюда свой флот и захватит Улан-Балай. Затем мы построим здесь свои наземные укрепления, а на подступах к планете разместим космические крепости. Я хорошо знаком с военной стратегией мерсейцев и могу предсказать, что при таких обстоятельствах они не станут драться. Для них это не имеет смысла, так как Алтай не может быть использован против них в качестве военной базы.

Ему следовало бы сказать «не будет использован», но пусть они сами догадаются, что Терра заинтересована в одном — в сохранении статус-кво.

Аргун вскочил на ноги. Вынужденный согнуться под низким потолком кибитки, он слегка утратил свою надменность. Его юное мужественное лицо вспыхнуло.

— И Терра примет нас! Мы вернемся наконец в человеческое сообщество!

Пока вожди Тебтенгри ликовали со слезами на глазах, Флэндри сосредоточенно курил. В конце концов, совсем не обязательно думать, что драгоценное это сообщество развратит их! В крайнем случае — чуть-чуть. Здесь будет небольшая военная база, губернатор с Терры, силой установленный межплеменной мир. А в остальном — пусть живут по собственному усмотрению. Империи нет необходимости обращать их в свою веру. Ту часть свободы, которую они потеряют у себя дома, их молодежь с лихвой окупит, получив доступ к звездам. Разве не так?

8

Наконец шаман Юши, собравший этот курултай, пронзительным шепотом произнес:

— Давайте перестанем шуметь и подумаем, как это сделать.

Флэндри подождал, пока люди рассядутся по своим местам.

— Хороший вопрос, — грустно улыбнулся он. — Следующий вопрос, пожалуйста.

— Бетельгейзиане... — начал было громогласно Тогрул.

— Сомневаюсь, — возразил другой гур-хан. — На месте Олега Проклятого я бы приставил охрану к каждому бетельгейзианину и к каждому космическому кораблю, пока не минует опасность. Я бы подверг тщательной проверке перед погрузкой на торговый корабль каждую безделушку, каждую шкуру или мех.

— Или позвал мерсейцев, — добавил кто-то, пожившись.

— Нет-нет, — сказал Флэндри. — Я уверен, что Мерсейя поддержит от поспешных действий, пока не получит убедительных доказательств об осведомленности Империи в их планах. У них слишком много других забот.

— Кроме того, — добавил Юши, — Олег Ешукай не захочет стать всеобщим посмешищем, взывая о помощи из-за одного пропавшего за Хребтом беглеца.

— К тому же ему известно, — вставил Тогрул, — как трудно нам отправить что-либо с планеты. Может быть, некоторые племена и недовольны тиранией Олега, но еще больше они недолюбливают нас — ведь мы общаемся с Обитателями Льдов и насмехаемся над их дурацким Пророком. Но допустим невозможное, и кто-нибудь согласится спрятать наше письмо в тюк с мехами или

сделать надпись на коже, а инспекторы Олега не заметят этого. Очень вероятно, что в этом случае товар пролежит несколько месяцев на складах Алтая или Бетельгейзе.

— А мы не можем так долго ждать. Ведь Олег может разгромить вас, и мерсейцы прибудут сюда, как и планировали, — завершил рассуждения Тогрула Флэндри.

Он посидел еще немного, слушая, как они горячо обсуждают самые фантастические проекты. В кибитке стало жарко и душно. Он поднялся и обратился к шаману:

— Я хочу обдумать все на свежем воздухе.

Юши величественным кивком отпустил его. Аргун снова вскочил.

— Я тоже выйду, — сказал он.

— Если терранин не будет против твоей компании, — произнес Тогрул.

— Конечно, конечно, — рассеянно согласился Флэндри.

Он открыл дверь и спустился вниз по небольшой лесенке. Кибитка располагалась на платформе большого грузовика. Его кузов служил неприязательным жилищем для шамана. На крыше грузовика находились черные панели солнечных батарей. Обращенные к Красне, они заряжали ее энергией аккумуляторные батареи. Подобные панели виднелись на всех других больших грузовиках, образующих этот необычный город на колесах. Разбросанные по окрестным холмам, они напоминали стадо огромных фантастических черепах.

Вдали виднелись пологие склоны невысокого Хребта. Их прорезали многочисленные овраги. Они казались серовато-зелеными в местах, поросших колючим кустарником, и желтыми — от пожухшей травы, на свободных от кустарника площадях. На севере покатые вершины Хребта скрывались под снежными шапками. Вниз по склонам стекал леденящий ветер, который заставил Флэндри поплотнее запахнуть пальто, наспех подогнанное по его фигуре. Тусклые кольца на фоне бледного неба виднелись на юге, где пологие холмы уступали место необозримым степям.

Всюду на склонах Хребта под присмотром пастухов на варяках паслись стада, принадлежащие племени Мангу Туман. На Алтае не было рогатого скота. Высшие млекопитающие Терры плохо приживались на других планетах. Грызуны в этом отношении оказались более неприхотливыми и легче адаптировались к новым условиям. Первые колонисты привезли с собой кроликов. Путем многочисленных скрещиваний и систематической селекции им удалось вывести породу животных, в которых сейчас с трудом можно было узнать их предков. Скорее они напоминали гигантских, размером с корову, морских свинок, деловито грызущих

полутораметровые стебли травы. Виднелись также стайки страусов, выведенных методами биоинженерии.

— А вон там — наша библиотека, — с гордостью сказал Аргун и жестом указал на группу детей, сидевших возле одной из киби-ток.

Флэндри посмотрел в указанном направлении. Ну что ж, используя микрофильмы, можно возить с собой тысячи томов. Безграмотные не смогли бы управлять этими многочисленными наземными транспортными средствами и тем более — висящими высоко антигравитационными летательными аппаратами. Вероятно, некоторые грузовики и даже целые автопоезда служили здесь арсеналами, больницами, мастерскими и небольшими фабриками по производству керамики и тканей. Возможно, самые бедные семейства были вынуждены жить вместе в одной юрте — круглом жилище из войлочной ткани на самоходной повозке. Но нигде Флэндри не увидел голодного или оборванного человека. Обнищавший народ не смог бы иметь все эти сверкающие ракетные установки, тучи легких танков, не смог бы вооружить каждого взрослого своего члена. Вспомнив о Буртай, Флэндри решил, что все племя, и мужчины, и женщины, представляет собой единую военную, а не только общественную и экономическую структуру. Все работают, все сражаются, а заработанное делится более справедливо, чем на Терре.

— Где вы берете металл? — спросил Флэндри.

— На территории пастбищ у каждого племени имеется несколько шахт, — ответил Аргун. — Кочуя в течение года, мы некоторое время проводим вблизи них, добывая и плавя металл. Таким же образом, но в других местах, мы собираем посеянные ранее зерновые, добываем нефть из скважин и очищаем ее. То, что мы не можем добыть или сделать сами, приходится покупать у других племен.

— Сплошное трудолюбие и добродетель, — подытожил Флэндри.

— О, мы умеем и развлекаться, — поспешно сообщил Аргун. Он заметил, что терранина слегка передернуло, — устраиваем игрища и празднества, занимаемся спортом и различными видами искусств, раз в три года проводим ярмарку у горы Киевка... — Внезапно он замолчал.

Мимо лагерного костра к ним шла Буртай. Флэндри вдруг почувствовал, как она одинока. В этом обществе женщина обладала почти такими же правами, как и мужчина. Буртай могла свободно перемещаться по лагерю, она стала героиней, после того как привела сюда терранина. Но ее семью уничтожили, и она не могла даже получить работу.

Она увидела мужчин и подбежала к ним:

— О... так что же там решили?

— Пока ничего. — Флэндри взял ее за руки. Черт возьми! Вполне симпатичная девица! Он продемонстрировал самую ослепительную из своих улыбок. — Просто зачем проводить время в обществе унылых, хотя и добродетельных мужчин, если можно провести его с тобой. Я вышел сюда, и мои надежды оправдались!

Буртай вспыхнула. Она не привыкла к такой бойкости. Потупив глаза, она прошептала:

— Я не знаю, что тебе ответить.

— Ты и не должна ничего говорить. Достаточно того, что ты существуешь, — снова улыбнулся Флэндри.

— Но я совсем не та... Дочь убитого человека... мое приданое давно разграблено... А ты — терранин! Это нехорошо!

— Ты думаешь, твое приданое имеет какое-нибудь значение? — сказал надтреснутым голосом Аргун.

Флэндри взглянул на него с удивлением. Лицо воина снова превратилось в маску. Но перед этим... Флэндри сразу стало ясно, почему Аргун Тиликский не любит его.

— Пошли, — сказал он, вздохнув, — нам лучше вернуться на курултай.

Он не отпустил Буртай, а заставил ее взять себя под руку. Она молча последовала с ним. Несмотря на тяжелые одежды, он чувствовал, как дрожит ее тело. Холодный ветер трепал прядь темных волос.

Когда они приблизились к кибитке, дверь открылась и появился согбенный под тяжестью лет Юши Ильяк. Его иссохшие губы приоткрылись, и дыхание старца, преодолев непостижимым образом несколько метров пространства, заполненного воющим ветром, донесло до Флэндри слова:

— Терранин, кажется, мы нашли правильный путь. Согласен ли ты пойти со мной к Людям Льдов?

9

Тенгри Нор, или Озеро Духов, находилось далеко на севере. Так далеко, что кольца Алтая отсюда можно было увидеть только по ночам в виде бледной, мерцающей полоски в южной части горизонта. Воздушный корабль доставил сюда Юши и Флэндри уже на исходе дня. Красна, словно янтарный шарик, висела над горизонтом и окрашивала снежные равнины в красный цвет. Она опускалась, и пурпурные тени быстро скользили от сугроба к сугробу.

Стояла редкостная тишина. Даже в космосе всегда слышен неясный шум машин, поддерживающих температурный режим космического корабля. Здесь, в ледяном воздухе, казалось — звуки просто застыли. Почти неощутимый ветер беззвучно вздымал вверх мельчайшие кристаллики льда, крутил их над сверкающими,

словно алмазы, заснеженными берегами озера и поднимал рябь на его поверхности. Флэндри не ощущал холода, так как был основательно укутан в меховые одежды, а его лицо покрывал толстый слой жира. Только вдыхая морозный воздух, он ощущал резь в ноздрях. Ему почудился острый, какой-то химический запах, исходящий от озера, но в этом царстве зимы органы чувств терранина вполне могли обмануть.

Он заговорил, но звуки его голоса оказались необычно громкими, словно выстрелы из ружья, и он закончил фразу почти шепотом: — Они знают, что мы здесь?

— О да. У них есть свои способы узнать это. Скоро они появятся. — Юши посмотрел на север: вдоль берега озера тянулись величественные руины. Снег наполовину засыпал мраморные стены, белое на белом; закатные лучи кровью окрашивали разбитую покосившуюся колоннаду. От дыхания шамана его борода покрылась белым инеем.

— Они могут отличить нас по опознавательным знакам. Но что, если ха-хан придет сюда свой корабль, закамуфлированный под дружеский?

— Такие попытки уже предпринимались несколько лет тому назад. Но их уничтожили каким-то образом далеко отсюда, на юге. У Обитателей есть своя, непонятная нам мудрость.

Юши поднял вверх руки и начал раскачиваться. Откинув голову назад и закрыв глаза, он запел тонким, пронзительным голосом.

Что это было? Заклинание злых духов, какой-то ритуал или обращение к населяющему эти льды народу? Флэндри не раз бывал в необычных ситуациях, поэтому предпочел воздержаться от бесполезных умозаключений. Он просто ждал, разглядывая открывшуюся перед ним панораму.

На запад от развалин вдоль северного берега озера рос небольшой лес. Изящные белые деревья с причудливо изогнутыми обледеневшими ветвями сверкали, словно драгоценные камни. Их тонкие синеватые листья слегка вибрировали. Весь лес казался стеклянным, и Флэндри затаил дыхание, чтобы услышать звон его трепещущих листьев. Но тишина была абсолютной. Низкая серая поросль стелилась по снегу между блестящими в лучах заходящего солнца стволами деревьев. Кое-где из-под снега торчали сплошь заросшие мхом камни. Если бы не тишина и холод, разнообразие и буйство растительности можно было бы назвать тропическим.

Сгушались вечерние тени, и над поверхностью озера появились клубы тумана, а дальние берега исчезли из виду.

Флэндри узнал от Юши, что протоплазменные формы жизни на Алтае приспособились к низкой температуре, вырабатывая

метанол. Пятидесятипроцентная смесь его с водой не замерзала вплоть до сорока градусов ниже нуля. При более низкой температуре она не образовывала разрывающих клетки органической ткани кристалликов льда, а превращалась в постепенно густеющую кашицеобразную массу. Таким образом низшие формы жизни могли продолжать активную жизнедеятельность при температуре семьдесят градусов ниже нуля по шкале Цельсия. Если температура опускалась еще ниже, они впадали в состояние анабиоза. Теплокровные животные благодаря своей изотермичности сохраняли жизнеспособность при температуре воздуха сто градусов ниже нуля. Все это Юши сообщил Флэндри, как само собой разумеющееся.

Из-за биологической аккумуляции спиртов полярные реки и озера оставались свободными от льда до середины зимы. Но главной проблемой в этом обледенелом мире для всех форм жизни была нехватка минеральной составляющей в их обмене веществ. Бактерии находили минералы глубоко внизу, под толстым слоем снега и льда. Животные мигрировали далеко на юг, чтобы полизать обнаженные скалы. Возвращаясь в свои леса, они после смерти вносили свой вклад в почвенный слой в виде тяжелых атомов. Впрочем, алтайская экология в основном не нуждалась в этом. Например, местные животные здесь никогда не имели костной ткани. Зато их хрящевидные и хитиновые ткани превосходили все известное на Terre.

Весьма интересно и правдоподобно — так решил Флэндри, слушая этот рассказ в теплой кибитке на поросшем травой склоне. Но теперь он стоял на снегу, возраст которого исчислялся миллионами лет, слушал пение Юши под этим величественным зеленым небом, пылающим закатом, и наблюдал, как постепенно погружаются в темноту циклопические руины и фантастический хрустальный лес. И ему стало ясно, что все научные объяснения — это лишь малая часть истины.

Взошла одна из лун. Взглянув на нее, Флэндри вдруг увидел, как поперек ее медного диска что-то медленно перемещается. Когда объект приблизился, стало ясно, что это группа белых сфер разных размеров — от очень маленьких до превышающих размер воздушного корабля. От каждой сферы свешивались вниз длинные шупальца.

Юши неожиданно прекратил петь и сказал:

— А-а, это аэромедузы. Обитатели где-то близко.

— Что-что? — переспросил Флэндри, обхватив себя руками. Он начал замерзать. Казалось, холод вгрызается в его меховые и кожаные одежды, пытаясь добраться до тела.

— Так мы их называем. Они выглядят примитивными, но в действительности обладают хорошо развитыми органами чувств и

мозгом. В процессе обмена веществ они способны вырабатывать водород, подвергая электролизу пары воды. Водород дает им возможность парить в атмосфере, а выдыхая его, они толчками перемещаются в ней. Люди Льдов приручили их.

Флэндри украдкой взглянул на зазубренную стену, возвышающуюся над стусившейся внизу темнотой. Последний луч заходящего солнца вспыхнул розовым светом на одной из вершин и погас. С сожалением он произнес:

— Когда-то они делали не только это.

Юши невозмутимо кивнул и сказал:

— Как мне кажется, уровень интеллекта коренного населения Алтая поднимался, как защитная реакция на ухудшение условий жизни. Я имею в виду потепление климата из-за разогрева Красны. Несмотря на трудности, связанные с нехваткой металлов, они построили высокоцивилизованное общество, но сокращение покрытых снегом территорий привело к гибели их культуры. — Старик произносил слова ровным, безучастным тоном. — Однако сами Обитатели воспринимают происходящее иначе. Им не кажется, что прошлое было лучше настоящего. — Он нахмурился, подыскивая слова. — Насколько я могу их понять, а я не так уж хорошо их понимаю, они... как бы отбросили что-то неподходящее... и нашли... иные пути.

Из леса появились два существа.

На первый взгляд они очень напоминали покрытых белым мехом людей карликового роста. Но, присмотревшись, Флэндри разглядел некоторые особенности их коренастых тел и эластичных конечностей. Длинные ноги заканчивались перепончатыми ступнями. При необходимости они могли принять форму снегоступов или коротких лыж. Ладонь имела всего три пальца, а четвертый, большой, располагался в середине запястья. Два пучка шерсти прикрывали уши. Над круглыми, черными глазами колыхались тонкие усики. Их серые обезьяньи лица окружали меховые гребешки. При дыхании они не выпускали в морозный воздух струйки пара, так как температура их тел была значительно ниже нуля. Один из них держал каменную лампу, в которой колебался язычок спиртового пламени. В руке второго находился белый, покрытый замысловатой резьбой посох, с помощью которого он непостижимым образом управлял кружащей вокруг стаей медуз.

Они подошли поближе, остановились и застыли в ожидании. Все вокруг замерло. Только слабая поземка еле заметно шевелила их мех и колебала пламя спиртовки. Юши стоял также неподвижно, как и пришедшие. Замер и Флэндри, хотя от холода его зубы уже начинали стучать. Он видел много различных форм жизни в мирах, значительно более чуждых, чем этот. Но сейчас его охва-

тило чувство зыбкой неизвестности, которое вместе с холодом проникало в него все глубже и глубже.

Солнечный свет угас совсем. Из-за кристально чистого воздуха сумерки здесь отсутствовали. Звезды сияли, как бенгальские огни, на фоне мгновенно почерневшего неба. Краешек южной части горизонта слабо светился — там находились кольца Алтая.

Метеорит беззвучной молнией перечеркнул небо. Юши воспринял это как сигнал и начал говорить. Он говорил тоненьким и хрупким голосом, как будто сжавшимся от ночного мороза — нечеловеческим голосом. Теперь Флэндри понял, почему именно Юши возглавлял все северные племена. Мало кто мог овладеть языком Обитателей и иметь с ними дело. Однако торговля с ними — обмен металлов на органические топлива и экзотические пластические материалы, а также взаимопомощь — совместное отражение воздушных налетов ха-хана — заметно увеличивали силу родов Тебтенгри.

Одно из существ ответило. Юши повернулся к Флэндри и сказал:

— Я сказал им, кто ты и откуда пришел. Они не удивились. Но прежде чем я рассказал им о нашей проблеме, они сообщили мне о своей. Я не совсем понял значение слова, это что-то по поводу связи. Они и сами могут достичь Терры, расстояние для них не является препятствием, но только с помощью... снов.

Флэндри оцепенел. Ну что ж, вполне возможно. Как долго пытались люди изобрести способ передачи информации со скоростью, превышающей скорость света? Пятьсот, тысячу лет? Но что этот отрезок времени в сравнении с возрастом Вселенной? Или даже Алтая? Он скорее почувствовал, чем осознал, насколько стара эта планета. За это время можно было...

— Телепатия? — спросил он наобум. — Но я никогда не слышал о телепатии на столь большое расстояние!

— Нет. Не это. Иначе они раньше нас узнали бы о появлении мерсейцев на Алтае. То, что они говорят, — за пределами моего понимания. — Юши тщательно выговаривал слова. — Они сказали мне, что все их могущество бесполезно в сложившейся ситуации.

Флэндри вздохнул:

— Этого и следовало ожидать. Иначе все было бы слишком просто. Негде было бы проявлять героизм.

— Они научились жить без оставленных в прошлом неуклюжих зданий и машин, — сказал Юши. — Вот уже много веков они ведут чисто созерцательный образ жизни. И, как следствие, ослабели в сугубо материальном смысле. Они помогают нам противостоять агрессии Улан-Балая, но бессильны против могущества мерсейцев.

Нор. Оба Обитателя отпрянули назад, словно маленькие, испуганные животные. Юши стоял в тени. И свет сейчас падал только на него — Доминика Флэндри, капитана разведкорпуса Терранской Империи. Он стоял с запрокинутой к небу и залитой медным светом луны головой и хохотал, как мальчишка.

— Клянусь небесами, — крикнул он, — мы сделаем это!

10

Осенний шторм зародился где-то вблизи полюса, пронесся над степями, собрал на их просторах снег и в полночь ворвался в Улан-Балай. Крутые, красные крыши домов сразу исчезли из виду. Вблизи освещенных окон домов можно было увидеть только белые полосы горизонтально летящего снега. Возникая из ночной темноты, они снова в ней исчезали. Но когда человек отходил на несколько метров в сторону, то оказывался в крошечной тьме и стоял по колено в снегу, ослепленный и оглушенный неистовством урагана.

Холод верхних слоев атмосферы, откуда Флэндри только что спустился, проник в него так глубоко, что, казалось, он никогда не согреется снова. Несмотря на баллон с кислородом, он все еще испытывал кислородное голодание. Когда он глядел на снежную бурю сверху, то видел лишь смутные темные пятна. Первые льдины на озере Рюрик под натиском ветра беспорядочно метались вдоль южного берега.

Флэндри стремительно падал вниз, подвешенный в сетке, которую образовали толстые, как канаты, щупальца медузы — огромного шара у него над головой. За ним следовало еще несколько медуз. Они судорожно метались в потоках воздуха, стараясь избежать невидимых Флэндри радарных лучей. Впереди спускалась еще одна медуза, которая несла Обитателя, прижавшегося к глыбе льда — для него этот холодный воздух был подобен жару преисподней. Впрочем, даже Флэндри почувствовал что-то вроде тепла, когда по ним хлестнула метель. Он нагнулся вперед, пытаясь что-нибудь разглядеть в крошечной и завывающей тьме.

Неожиданно его онемевшие ноги, висевшие словно плети, ударились о конек крыши. Ощущение удара пришло словно откуда-то издалека. Появилось сначала бледное, а по мере приближения — все более яркое свечение. Он был у цели. Громада светящейся Башни Пророка уходила вверх и исчезала с глаз. Ее света оказалось вполне достаточно, чтобы разглядеть сквозь летящие хлопья снега стену с надписью. Флэндри нащупал за плечом форсунку распылителя. Соседняя медуза поднесла ему баллон с аэрозольной краской. Он потянулся, ухватился за конец шланга и соединил его с форсункой.

«Ну-с, Арктический мудрец, понятно тебе, что я собираюсь делать? Сможешь ты управлять моим скакуном, как мне это нужно?»

В его ушах завывал ветер. Время от времени раздавались глухие взрывы — «дыхание» медузы, с помощью которого она передвигалась вдоль стены. Стараясь сохранить нужное положение, медуза раскачивалась, и Флэндри чуть не ударялся о стену. Огромная, размером с дом, черная буква маячила перед ним на сверкающем белом фоне. Флэндри прицелился, нажал рычажок, и струя краски вылетела из сопла.

Проклятье! Порыв ветра отнес ее в сторону. Но при следующей попытке зеленая струя попала куда следовало. Краска оставалась жидкой даже при низкой температуре, но довольно быстро густела...

...Первый баллон иссяк, и Флэндри сменил его. На этот раз голубая. Пригодную для распыления краску собирали по всем племенам Тебтенгри, так что палитра получилась всех цветов и оттенков, созданных Господом Богом. Оставалось только надеяться, что ее хватит.

Хватило, хотя к концу он чуть не потерял сознание от холода и усталости. И все же, когда последний огромный штрих был сделан, он не удержался и добавил внизу крохотный, в три сантиметра высотой, восклицательный знак.

— Ну, поехали, — прошептал Флэндри. Непонятно как, но Обитатель понял и поднял свой посох; стая медуз рванулась вверх сквозь плотные тучи.

Краем глаза Флэндри заметил, как от группы висящих над космодромом военных воздушных кораблей отделился один из них. Возможно, он просто возвращался с дежурства. Но в это время медузы вырвались из облаков в чистое пространство, пронизанное светом лун и колец. Корабль резко изменил курс. Флэндри увидел вспышки энергетических взрывов вблизи стаи медуз и потянулся за своим бесполезным бластером. Его руки одеревенели и не могли даже удержать оружие...

Все медузы, кроме тех, что несли его и Обитателя, метнулись вбок. Они окружили корабль и со всех сторон обхватили его щупальцами так, что он почти скрылся из виду. Посыпались искры, как при электросварке. Флэндри вспомнил, что металлический фюзеляж корабля есть не что иное, как клетка Фарадея, и электрические разряды не причиняют вреда членам экипажа, находящимся внутри. Но когда в корпусе образовались дыры и начали плавиться электрические цепи управления, корабль закачался в воздухе. Медузы отпустили его, и он камнем рухнул вниз.

Флэндри расслабился, и вся стая стремительно понеслась на север.

Город бурлил. На улице Оружейников произошли вооруженные столкновения и свежевывающий снег уже окрасился пятнами крови. Вооруженные отряды маршировали вокруг дворца и космодрома. Толпы людей улюлюкали им вслед. Слышались звуки военной музыки, гремели барабаны, визжали флейты. Молодые люди носились на варяках, выписывая головокругительные развороты и сквернословья при этом.

Олег-хан глядел из окна дворца на площадь.

— Вы свое еще получите, — пробормотал он. — Да, народ ты мой драгоценный, ты получишь все, что тебе положено.

Повернувшись к бетельгейзианину, которого только что привела стража, он пристально посмотрел на его синеватое лицо и спросил:

— Ты видел?

— Да, ваше величество. — Залат обычно говорил по-алтайски бегло и почти без акцента, но сейчас его язык еле ворочался.

Он выглядел очень напуганным. Только вовремя прибывшие ханские охранники спасли его корабль от разрушения многотысячной толпой орущих фанатиков.

— Клянусь, я и мой экипаж не имеем к этому никакого отношения... мы абсолютно невиновны...

— Конечно-конечно! — ребром ладони Олег гневно рассек воздух. — Я ведь не один из этих безграмотных пастухов. Все бетельгейзиане находились под неусыпным контролем с момента... — спохватившись, он замолчал.

— Но я не могу понять почему? — заикаясь спросил Залат.

— Разве это не ясно? Ты же знаешь, что имперский посланец погиб от руки агента Тебтенгри в день его прибытия. Произошло то, чего я уже давно ожидал: они все стали религиозными ксенофобами. Я уверен, что в городе есть их агенты, которые могут убить и тебя и любого члена твоей команды. Поэтому я приказал охранять вас и проверять каждого, кто захочет хотя бы приблизиться к вам. Это сделано в ваших же интересах.

Собственные слова несколько успокоили Олега. Он уселся, погладил бороду и, глядя на Залата сузившимися глазами, сказал:

— Случившееся с тобой сегодня достойно сожаления. Но все объясняется просто. Ты иностранец, а оскверняющая святыню надпись сделана не на алтайском языке. Поэтому некоторые люди сделали вывод, что это непристойные слова бетельгейзианского языка. Но я-то знаю, что это не так. Сегодня ночью погиб патрульный воздушный корабль. Обстоятельства его гибели не оставляют сомнения в том, что это преступление — дело рук Тебтенгри и их помощников из числа бесовского населения Арктики. Так как племена Тебтенгри не являются последователями

Пророка, для них осквернение нашей святыни — пустяк. Но что меня смущает больше всего — признаюсь тебе откровенно и строго конфиденциально — зачем? Работа, сопряженная с огромной опасностью и весьма трудоемкая, выполнена просто... чтобы навести грязное оскорбление?

Он снова посмотрел в окно; отсюда Башня казалась такой же, как всегда. Но если смотреть на нее с севера, то результат проделанной ночью работы представлялся весьма впечатляющим: стену со словами Пророка обезображивали пятна разноцветной краски общей длиной в добрый километр. И с этой стороны святотатственная надпись различалась на любом расстоянии, вплоть до самого горизонта.

Пальцы ха-хана сжались в кулак.

— Они заплатят за это сполна, — сказал он. — Верные мне племена теперь еще больше сплотятся. Люди Тебтенгри вспомнят об этом, когда мы станем бросать их детей живыми в кипящую воду на глазах родителей.

Залат, поколебавшись немного, заговорил:

— Ваше величество...

— Да? — зло отозвался Олег.

— Эти знаки на Башне — буквы терранского алфавита.

— Что-о?

— Я немного знаю англик, как и многие бетельгейзиане... откуда его узнали люди Тебтенгри?

Олег знал ответ на вопрос Залата, но вместо этого он схватил того за воротник и начал с остервенением трясти.

— Что там написано? — вскричал он.

— Самое странное именно в этом, ваше величество, — заикаясь от ужаса ответил Залат. — В этой надписи нет никакого смысла.

— Тогда как она звучит? Говори, прежде чем я велю вырвать тебе все зубы по одному.

— «Мэйдэй», — задыхаясь выдавил из себя Залат, — просто «майский день», ваше величество.

Олег оставил его. На минуту установилась тишина. Наконец хан спросил:

— Это терранское слово?

— Наверное... я думаю, что да. «Май» — это название одного из месяцев терранского календаря, а «день» означает суточный интервал времени. — Залат потер свои желтые глаза, пытаясь разгадать смысл написанного. — Возможно, надпись говорит о первом дне мая?

Олег медленно кивнул:

— Звучит правдоподобно. В алтайском календаре, который является модификацией древнего терранского, также есть похожее название одного из весенних месяцев. Майский день — день праздника весны? Вполне возможно.

Он посмотрел в окно и окинул взглядом город.

— Весна наступит еще не скоро, — сказал он. — Если надпись устанавливает срок... чего-то... какого-то события... то оно обречено. Мы разобьем Тебтенгри уже этой зимой. А к весне, — он прокашлялся и коротко закончил, — начнем осуществлять некоторые другие проекты.

Залат набрался смелости и возразил:

— Но как эта надпись может быть предписанием срока? Кто в Улан-Балае сможет ее прочесть?

— Это верно. Я могу только предположить, что это какая-то дикая попытка бросить вызов... возможно, связанная с суеверием или ритуалом... — Хан резко повернулся и спросил: — Ваш корабль скоро отправляется домой, не так ли?

— Да, ваше величество.

— Я хочу передать вашим властям послание. В течение ближайшего года ни один торговый корабль не должен появляться здесь. Мы будем очень заняты подавлением Тебтенгри и их союзников-аборигенов. — Олег пожал плечами. — Во всяком случае визит сюда торгового корабля окажется бесполезным, так как война неизбежно нарушит производство и доставку экспортных товаров. Позже мы, возможно, все восстановим.

В чем на самом деле он очень сомневался. К лету вернутся мерсейцы и начнут строить базу. А через год Алтай уже будет частью их империи, ха-хан поведет своих воинов в битвы за новые галактические пространства. Новые победы покроют его имя неувядаемой славой, и в песнопениях его народа появится новый герой.

12

В северных землях наступила ранняя зима. По бесконечным заснеженным равнинам, под небом цвета вороненой стали племя Мангу Туман кочевало по своему обычному маршруту. Окружавший Флэндри белый мир был настолько огромен, что люди, стада и повозки казались в нем лишь шепоткой пыли: там — темное пятно, там — вертикальная струйка дыма в неподвижном воздухе. Красна висела, почти касаясь южной кромки горизонта — золотисто-красный диск, как бы покрытый инеем.

Три человека скользили по снегу, удаляясь от орды. Одетые в парки, с винтовками за плечами, они держались за тросы, прикрепленные к антигравитационному буксиру. Буксир летел так быстро, что их лыжи со свистом рассекали снег, покрытый тонкой корочкой наста.

Аргун Тиликский хрипло сказал:

— Я прекрасно понимаю, почему вы с Юши храните в тайне причины твоей эскапады на Башне пять недель назад: тот, кто не

знает, не сможет ничего выдать, попав в плен. Но мне непонятно, почему ты обрадовался, когда узнал о последствиях своего «подвига»? Разведка донесла нам, в какое бешенство пришли воины хана и как он поклялся уничтожить нас уже в этом году. А это значит, что всем племенам Тебтенгри придется теперь держаться вместе, и нашим стадам не хватит подножного корма. К концу зимы начнется голод и среди людей. Так что хану остается только ждать, ибо к весне голод выполнит за него половину его плана!

— Остается только надеяться, что он поступит именно так, — сказал Флэндри, — ведь это все-таки лучше, чем воевать, не так ли?

Аргун повернул к нему рассерженное юное лицо и отрезал:

— Я не разделяю восторгов перед всем терранским. Ты такой же человек, как и я. Но в этом незнакомом тебе мире ты больше подвержен ошибкам. Буду откровенным — на ближайшем курултае я призову к походу на Улан-Балай. И это нужно сделать сейчас, пока животы у нас набиты.

— Нет! — воскликнула Буртай. — Это равносильно самоубийству. Их вчетверо больше, чем нас. К тому же я собственными глазами видела кое-что из новой военной техники, привезенной мерсейцами. Они устроят нам мясорубку!

— Лучше уж быстрая смерть, — Аргун посмотрел на Флэндри. — Ну, что ты на это скажешь?

Терранин вздохнул. Этого следовало ожидать. Поскольку Буртай все время находилась рядом с ним, а Аргун не отходил от Буртай, они уже не раз обсуждали эту тему. Теперь ему стало ясно, с какой целью Аргун организовал эту охоту на сатару — отбившихся от домашних стай и одичавших страусов. Но, по крайней мере, он поступил честно, предупредив его.

— Ну хорошо, ты не доверяешь мне, — сказал он, — хотя, наверное, один Бог знает, сколько я сделал для вас: сражался, проливал кровь, замерзал. Но почему ты не доверяешь Юши Ильяку? Он и Обитатели знают мой план и подтвердят тебе, что его успех зависит от нашей тактики проволочек и уклонения от боевых действий.

— Юши стар, — ответил Аргун, — и его ум уже не так остр, как... Смотрите, смотрите!

Он дернул за трос управления, буксир фыркнул несколько раз, остановился и повис в воздухе на полпути к гребню длинного, пологого склона. Аргун мгновенно забыл обо всем. Застыв в стойке, словно охотничий пес, он показывал на снег.

— Следы, — напряженным шепотом сказал он. — Теперь, чтобы подкрасться поближе, мы должны двигаться самостоятельно. Если птицы услышат генератор, они уйдут от нас. Орлук Флэндри, ты иди прямо по склону, а я и Буртай обойдем его слева и справа.

Они отцепили буксировочные тросы и бесшумно заскользили на своих лыжах. Прежде чем Флэндри что-нибудь понял, они уже исчезли. Терранин посмотрел себе под ноги и увидел крупные вмятины — следы двух сатару. Он направился вверх, не теряя их из виду. Как они умудряются передвигаться на этих досках, черт побери? Ковыляя по склону, он споткнулся и упал, ударившись носом о валун. Барахтаясь в снегу, он чертыхался на восемнадцать известных ему языках, добавляя к ним древнемарсианские фоноглифы. Наконец он встал.

— И это они называют развлечением? — стараясь не потерять равновесие, он снова заковылял вверх. Снег, попавший под капошон его парки, начал таять. Между лопаток потекли ручейки в поисках подходящего места, чтобы снова замерзнуть.

— Чертова дыра, — продолжал чертыхаться Флэндри. — Сидеть бы мне сейчас в Эверест-Хаузе за бутылкой шампанского с какой-нибудь хорошенькой девицей да вешать ей лапшу на уши о своих подвигах...

Еле-еле волоча ноги, он преодолел подъем, присел на корточки и стал пристально всматриваться в густой, заиндевший кустарник. Никаких птиц! Только длинный крутой спуск вниз к необозримой снежной равнине... подожди-ка!

Он успел заметить кровь и останки растерзанных птиц за долю секунды до того, как на него напали какие-то животные.

Они возникли из сорняков и сугробов так неожиданно, словно их изрыгнула сама земля. К Флэндри бесшумно неслась дюжина белых существ размером с большую собаку. Он успел рассмотреть их длинные, острые морды, высокие спины, черные, горящие ненавистью глаза и голые, крысиные хвосты. Вскинув винтовку, он выстрелил. Пуля отбросила ближайшего зверя, он покатился вниз, задержался где-то посередине склона, секунду полежал и снова полез вверх.

Флэндри этого уже не видел, прямо перед ним появилась морда второго зверя. Выстрелом в упор он застрелил его. Один из зверей нагнулся и стал зубами рвать тело убитого, но остальные продолжали мчаться вперед. Флэндри прицелился в третьего. Он не успел выстрелить, так как что-то тяжелое навалилось ему на спину. Он упал и почувствовал, как острые челюсти разрывают кожаную куртку.

Прикрывая лицо рукой, Флэндри сумел перевернуться. Один из зверей вырвал у него ружье и вертел его в лапах, очень похожих на человеческие руки. Свободной рукой Флэндри нащупал на боку кинжал. На него лезли сразу два зверя, шелкая острыми резцами. Он умудрился ударить одного из них кинжалом в голову. Зверь завизжал, отскочил в сторону и тут же вернулся вместе с парой других, подоспевших на помощь.

Кто-то закричал. Звук, заглушаемый ударами бешено колотившегося сердца Флэндри, пришел будто издалека. Он вонзил лезвие в волосатое плечо. Зверь вывернулся и оставил его безоружным. Он отбивался ногами, коленями, локтями и кулаками в облаке снежной пыли. Одно животное подпрыгнуло в воздух и опустилось ему прямо на живот. Непроизвольно выдохнув, он опустил руку, которой прикрывал лицо. Хищная пасть зверюги устремилась к его горлу.

Сзади появился Аргун. Алтаец схватил зверя за шею, в его свободной руке сверкнула сталь клинка. Точным движением он распотрошил визжащей твари брюхо и отбросил в сторону ее тушу. Несколько зверей тут же набросились на еще бившееся в судорогах тело и начали его пожирать. Мощным ударом ноги в ухо Аргон уложил наповал еще одного зверя. Но следующий бросился на него сзади. Он нагнулся, его правая рука взметнулась вверх в приеме дзюдо, и, пока зверь летел в воздухе у него над головой, он ножом вспорол ему брюхо.

— Вставай, — сказал он, помогая Флэндри подняться. Терранин, покачиваясь, встал на ноги. Стая окружала их, лязгая зубами. Но теперь начали падать мертвыми звери из ее задних рядов — это вела прицельный огонь Буртай, взобравшаяся наконец-то на гребень холма. Самый крупный из стаи зверь издал пронзительный свист, и огромными прыжками все оставшиеся в живых исчезли из виду в считанные секунды.

Когда они подошли к Буртай, Аргун, тяжело дыша, опустился на снег. Девушка бросилась к Флэндри.

— Ты не ранен? — чуть не рыдая спросила она.

— Разве что ранено мое самолюбие... мне кажется... — он посмотрел мимо нее на нойона и непоследовательно сказал: — Благодарю.

— Ты наш гость, — проворчал Аргун. Помолчав, он добавил: — Они наглей с каждым годом. Никогда бы не подумал, что они могут напасть на людей так близко от орды. Если мы переживем эту зиму, надо будет что-нибудь предпринять.

— Что это за твари? — напряжение Флэндри начало спадать.

— Гурчаку. Они рыщут стаями по всей степи, вплоть до Хребта. Едят все, но предпочитают мясо. Охотятся главным образом на сатару и диких животных, но иногда совершают набеги на наши стада. Изредка нападают на человека. — Аргун помрачнел. — Во времена моего деда они не были такими крупными и коварными.

— Крысы, — заметил Флэндри, — и это не метафора.

— Я знаю, что такое крысы, — вступила в разговор Буртай, — но гурчаку...

— Новый вид. Подобное не раз случалось и на других колонизированных планетах. — Флэндри невыносимо захотелось

закурить. Он даже забыл, что хотел сказать, но после напоминания Буртай продолжил: — Да-а. Когда планету начали осваивать ваши предки, несколько крыс, приехавших сюда «зайцами» на их космических кораблях, сбежали и стали дикими. Начался процесс эволюции. Большой размер давал преимущества: лучше сохранялось тепло в холодном климате, позволял им охотиться на крупных домашних животных, которых вы разводили. Естественный отбор, короткий период воспроизводства, генетические отклонения внутри небольшой первоначальной популяции... Природа вполне способна ускорить эволюционный процесс при благоприятном стечении обстоятельств.

Он устало улыбнулся Буртай и добавил:

— В конце концов, если на приграничной планете есть прекрасные девушки, традиция требует, чтобы там были и чудовища. Лицо девушки вспыхнуло, как костер.

В лагерь они возвращались молча. Флэндри вошел в отведенную ему юрту, вымылся, переоделся, улегся на койку и усталился в потолок. Он с горечью вспоминал все романтические истории, которые ему довелось услышать на Терре, о похождениях храбрых сотрудников разведкорпуса в Пограничных Областях. Ну а что же он имеет на своем счету? Несколько стычек с людьми и драка с крысами, которые собирались его загрызть, одежда из вонючих шкур, промокшие ноги и обмороженные уши, однообразная пища, скрипящие колеса или визжащие полозья, вынужденная трезвость и целомудрие, ранние подъемы и многозначительные беседы со старейшинами и ни единой занятной книжки или понятной ему шутки на расстоянии нескольких световых лет. Он зевнул, перевернулся на живот и попытался уснуть. Но сна не было ни в одном глазу, в какой-то момент ему даже захотелось, чтобы старейшины приняли дикий план Аргуна. Ну хоть бы что-то развеяло эту скукутищу. Долго ждать не пришлось, в дверь постучали. Он вскочил на ноги, ударился головой о распорный брус, выругался и сказал:

— Войдите. — Его рука привычно опустилась на бластер.

Короткий день приближался к концу. За исключением красной полоски на краю небосвода, все вокруг уже погрузилось в темноту. Дверь открылась, и в освещенную юрту вошла Буртай. Закрыв дверь, она молча глядела на Флэндри.

— Ну... привет. — Он помолчал немного и спросил: — Тебе чего?

— Зашла узнать, все ли у тебя в порядке. — Она не глядела ему в глаза.

— Да? Да, конечно, все в порядке, — сказал он глуповато, — очень заботливо с твоей стороны. Может быть... сделать чай?

— Если тебя укусили, то раны нужно обязательно обработать. Укусы гурчаку могут быть заразными.

— Да нет, спасибо. На этот раз пронесло. Ничего существенного, хотя, с другой стороны... — улыбнулся Флэндри, — такая очаровательная медсестра...

Он снова увидел, как вспыхнули щеки Буртай — и вдруг обо всем догадался. Можно было догадаться и раньше, не будь здешние люди такими сдержанными. Сердце его учащенно забилося.

— Ты присядь, — пригласил он.

Она опустилась на пол. Он подсел к ней и обнял за плечи. Буртай не уклонилась. Его рука скользнула ниже и обвилась вокруг ее талии. Девушка прижалась к нему.

— Как ты думаешь, доведется нам увидеть следующую весну? — спросила она спокойно, словно о чем-то обыденном.

— Вот она, весна, рядом со мной, — сказал Флэндри, и его губы коснулись ее темных волос.

— В орде никто не умеет так говорить, — еле слышно выдохнула она и быстро продолжила, — мы с тобой оба отрезаны от наших родных. Ты — расстоянием, а я — смертью. Вдвоем нам не будет одиноко.

— Но я вернусь на Терру при первой же возможности, — честно предостерег ее Флэндри.

— Я знаю, — коротко сказала она, — но пока...

Их губы встретились.

В дверь громко постучали.

— Уйдите! — крикнули они одновременно. Посмотрев с удивлением друг другу в глаза, они весело расхохотались.

— Господин, — раздался мужской голос за дверью, — меня прислал гур-хан Тогрул. Получено сообщение — терранский космический корабль!

Флэндри так поспешно выскочил из юрты, что опрокинул Буртай на пол. При этом он успел только подумать с раздражением, что с самого начала эта работа приносит ему только неприятности.

13

На огромной высоте над Улан-Балаем терпеливая аэромедуза удерживала в щупальцах одного из воинов. Он дышал кислородом из баллона и не выпускал из онемевших рук маленького радиоприемника. Каждые четыре часа новый воин сменял предыдущего, даже и такой срок вряд ли оказался бы под силу представителю другой человеческой породы.

И наконец долгое ожидание было вознаграждено — в наушниках послышался сквозь треск слабый, искаженный голос, говоривший на незнакомом алтайцу языке. В ответ что-то пробубнил

диспетчер космодрома. Где-то высоко наверху говоривший уступил место у микрофона другому, и тот, запинаясь и с сильным акцентом, стал говорить на алтайском, выученном, без сомнения, у бетельгейзиан.

Разведчик Тебтенгри не мог сам установить связь с космическим кораблем. В этом случае его сигнал с большой вероятностью могла перехватить служба радиоразведки хана, и ядерный удар из Улан-Баяла последовал бы незамедлительно. Однако его аппарат мог усиливать принимаемый сигнал и транслировать его по эстафете. От него тянулась длинная цепочка медуз с подобными аппаратами, которая заканчивалась в орде Тогрула Вавилова. Подобная ретрансляция, обнаруженная неприятелем, не вызвала бы у него подозрений, так как ее характер напоминал отраженные от ионосферы радиосигналы.

В свой бинокль разведчик и в самом деле увидел вскоре спускающийся терранский космический корабль. Он даже присвистнул, изумленный безукоризненной военной четкостью, с которой корабль выполнил этот маневр. И все же это был только один корабль, прибывший с визитом к Олегу Проклятому. Безусловно, тот подготовился к нему, припрятал или замаскировал все свои новоприобретения. Он станет стелиться травой перед своими гостями, покажет им то, что ему нужно, и не более. Вскоре они отправятся домой и доложат Terre, что Алтай — безобидная полуварварская планета, о которой можно спокойно снова забыть.

Разведчик вздохнул, похлопал руками в меховых варежках и стал с нетерпением ждать прибытия смены.

А вблизи полярного круга Доминик Флэндри сидел возле радиоприемника Тогрула. За разрисованным морозными узорами окном призрачно переливалось северное сияние.

— Это то, что нужно, — сказал он. — Пусть радиомониторы продолжают работать, но я не ожидаю услышать ничего интересного до момента отбытия корабля.

— А когда это произойдет? — спросил гур-хан.

— Думаю, через пару дней, — ответил Флэндри. — Нужно быть наготове! Нужно поднять всех мужчин племени и направить их на позиции в соответствии со схемой, которую нарисовали мы с Юши.

Тогрул кивнул.

— Что это за схема? — спросил только что вошедший Аргун Тиликский. — Почему я ничего о ней не знал?

— Не было необходимости, — ответил Флэндри и вежливо добавил: — Воины Тебтенгри при любых обстоятельствах могут двигаться на полной скорости, находясь в состоянии пятиминутной боевой готовности. Разве не так ты говорил в своем десятиминут-

ном докладе как-то вечером на прошлой неделе? Пришло время доказать это на деле. Так что действуй, нойон!

— Но тогда... — ошетинился Аргун.

— Ты поведешь дивизию варяков Мангу Туман прямо на юг, на расстояние пятисот километров, — сказал Тогрул. — Там будешь ждать дальнейших указаний по радио. Подразделения других племен займут другие позиции; кое-кого из них ты увидишь, но устанавливать радиосвязь вам категорически запрещено. Менее мобильные транспортные средства останутся в основном лагере. Ими будут управлять женщины и дети.

— А стада? — напомнил Флэндри. — Не забудь, что мы можем покрыть стадами Тебтенгри довольно большую территорию.

— Но это сумасшествие! — вскричал Аргун. — Если Олег узнает, что мы рассредоточились, он воспользуется этим и вклинится между...

— Он не узнает, — сказал Флэндри, — а если узнает, то не поймет цели этих маневров. На этом и построен весь план. А теперь давай!

На мгновение их взгляды встретились. Затем нойон хлопнул рукавицами по бедру, резко повернулся и вышел. Через несколько минут ночную тьму разорвал рев сотен моторов и пронзительные звуки боевых рогов.

Когда шум затих, Тогрул потрепал свою бороду, взглянул поверх радиоприемника на Флэндри и спросил:

— Объясни мне, что привело сюда этот корабль?

— Они хотят провести расследование причин гибели на Алтае гражданина Империи, то есть меня, — усмехнулся Флэндри. — По крайней мере именно так, если он не полный идиот, капитан объяснит цель своего визита Олегу. Далее он позволит Олегу убедить себя, что это был всего лишь досадный несчастный случай. После чего корабль отбудет на Терру.

Тогрул смотрел на Флэндри широко раскрыв глаза и вдруг разразился гомерическим хохотом. Флэндри вторил ему. Несколько минут гур-хан племени Мангу Туман и капитан разведывательного корпуса Космического Флота Терранской Империи отплясывали вокруг кибитки и распевали песни о том, как весной расцветут повсюду цветочки.

Вскоре Флэндри ушел. В ближайшие дни всем будет не до сна, но сегодня... Он с нетерпением постучал в дверь своей юрты... Тишина, только завывания ветра и отдаленное грустное мычание скота. Он нахмурился и открыл дверь.

На его койке лежала записка.

«Любимый мой, я слышу сигналы тревоги. Тогрул дал мне оружие и новый варяк. Ты знаешь, что отец научил меня стрелять и ездить

на варяке не хуже любого мужчины. В трудное время последняя из рода Тумурий должна быть вместе с воинами».

Довольно долго Флэндри рассматривал корявые буквы записки. Наконец он крепко выругался, разделся и упал на койку.

14

Когда он проснулся утром, его повозка вместе со всеми остальными двигалась по заснеженной степи. Выглянув из юрты, он увидел Тогрула, который стоял в стороне от колонны и наводил на кольца Алтая навигационный прибор. Увидев Флэндри, он поздоровался и пробурчал:

— Завтра будем на месте.

Примчался посыльный. Когда на марше находится такое количество машин и людей, неизбежно возникает множество проблем, требующих внимания руководителя. Флэндри снова остался один.

Он уже научился не предлагать свою неквалифицированную помощь, а потому посвятил весь день сочинению ядовитых стихов о начальстве, пославшем его сюда. Шумный поход продолжался и после наступления темноты. На следующее утро колонна прибыла на место. Чтобы разбить лагерь, пришлось разгрести снег. Флэндри выяснил, что махать лопатой он все-таки умеет. И быстро об этом пожалел.

К середине дня орда разместилась на новом месте. Но на этот раз лагерь не был, как всегда, компактным, а растянулся на многие километры, несмотря на ропот населения. Тогрул в резкой форме отклонил все претензии и прошел в свою кибитку. Просидев у радиоприемника несколько часов, он наконец вызвал Флэндри.

— Космический корабль покидает Алтай, — сказал он. — Мы только что перехватили обычное предупреждение — всем летательным аппаратам покинуть зону космодрома. — Он нахмурился. — Успеем мы выполнить все маневры при дневном свете?

— Это не так уж важно, — сказал Флэндри. — Мы уже образовали нужную конфигурацию. Как только они увидят ее, шкипер задержит отлет. Инструкции предписывают экипажу при отлете с подозрительной планеты тщательно ее осматривать.

Серые глаза Флэндри устремились на лежащую перед ним на столе карту. Запросы по радио подтвердили, что все подразделения Тебтенгри заняли предписанные им позиции. Отмеченный на карте рукой Тогрула район, в котором рассредоточились племена Тебтенгри, простирался с запада на восток более чем на пятьсот километров. От крайних точек этого района отходили две наклонные линии, которые встречались далеко на севере. Здесь распола-

гались позиции мобильных дивизий на варяках. Поглаживая усы, Флэндри ждал.

— Взлет космического корабля разрешен. Внимание! Старт!

Услышав, как из радиоприемника просочился сквозь атмосферные шумы слабенький голос, Флэндри схватил карандаш и под пристальным взглядом Тогрула набросал следующую группу символов.

— Вот следующая конфигурация, — сказал он. — Я думаю, уже можно начать. Фигуру, которую мы образовали сейчас, увидят с корабля через несколько минут.

Гур-хан склонился над микрофоном и начал отдавать приказы:

— Внимание! Дивизиям кланов Мунлик, Федор, Кубилай, Тули — переместиться на сто километров к западу. Белгутай, Багдарин, Шагатай и Кассар — на сто километров к востоку. Глеб, Яханжир...

Флэндри вертел карандаш в напряженных пальцах. Через несколько часов томительного ожидания начали поступать первые доклады о произведенных маневрах. Флэндри отмечал на карте вновь занятые позиции. Весь замысел начинал казаться ему жалким и неуклюжим.

После долгого молчания заговорил Тогрул:

— Я вот тут думаю...

— Вредная привычка, — заметил Флэндри, — от которой трудно избавиться. Попробуй холодные ванны и длительные прогулки пешком.

— Что, если Олег узнает обо всем этом?

— Безусловно, он кое-что узнает. Его воздушные разведчики перехватят отрывки наших переговоров. Но только отрывки, мы же пользуемся совсем слабыми передатчиками. И я надеюсь, что наши воздушные войска не дадут неприятелю взглянуть сверху на наши позиции. Олегу доложат, что мы совершаем широкомаштабные маневры. — Флэндри пожал плечами. — Если бы я был на его месте, то для меня наиболее логичным было бы предположить, что вооруженные силы Тебтенгри проводят учения, готовясь к войне с ним.

— Что не так уж далеко от истины, — сказал Тогрул, барабанив пальцами по крышке стола.

— А потом — вот это. — Флэндри протянул ему листок бумаги с рисунком.

— Хорошо. — Тогрул начал снова отдавать приказы. Закончив, он сказал: — Мы сможем продолжать и ночью. Зажжем костры. В мобильные дивизии пошлем воздушные корабли с топливом, тогда и они смогут зажечь огни.

— Это было бы неплохо.

— Придется, правда, израсходовать уйму топлива. У нас ничего не останется.

— Об этом можешь не беспокоиться, — сказал Флэндри. — Твой народ будет в безопасности и получит все необходимое прежде, чем вы почувствуете нехватку топлива. Либо нас всех уничтожат, и мы не будем нуждаться ни в чем.

Ночь тянулась медленно. Время от времени Флэндри дремал. Он даже не заметил, как рассвело. Оставалось сделать еще столько же работы. Прибыл посыльный от шамана Юши. Неуклюже отсалютовав, он доложил:

— Воздушная разведка обнаружила массированное движение войск в районе озера Рюрик. Отдельные колонны направляются на север.

— Уже? — Кулак Тогрула с грохотом опустил на стол.

— Пока заметные силы подойдут к нашим позициям, пройдет несколько дней, — заметил Флэндри, почувствовав неприятный холодок. — Если мы побеспокоим их с воздуха, то выиграем еще несколько дней, а для окончания работы нужен всего один.

— Когда мы получим помощь? — спросил Тогрул.

— Недели через три-четыре, не раньше, — ответил Флэндри. — Наш сигнал о помощи должен дойти до базы Катавряннис. Сперва командующий соберет эскадру, затем потребуется какое-то время, чтобы долететь до Алтая. В общем — около месяца, плюс-минус несколько дней. Сможем мы сдерживать натиск неприятеля в течение месяца без крупных потерь?

— Должны, — ответил Тогрул, — а иначе нам конец.

15

Капитан Флэндри прижал приклад винтовки к щеке и прицелился. Пластиковая поверхность казалась гладкой и не холодной. Но металлические части оружия покусывали пальцы даже сквозь перчатку — голая рука к ним бы просто прилипла.

Красноватый полумрак и несущиеся хлопья снега мешали правильно определить расстояние до цели. Поправка на ветер — пойди ее угадай, а тут еще нужно учитывать эти дурацкие три четверти g.

...Он решил подпустить противника поближе и опустил ствол.

Рядом с ним, под прикрытием того же снежного наноса, находился Обитатель. Посмотрев на Флэндри черными глазами, он спросил:

— Может быть, я пойду теперь? — Даже Юши удивился, узнав, что Люди Льдов знают человеческий язык. Правда, Обитатель говорил на алтайском еще хуже, чем Флэндри.

— Я же сказал тебе, нет. — Из-за онемевших от холода губ Флэндри говорил с большим, чем обычно, акцентом. — Тебе при-

дется пересечь сто метров открытого пространства, пока ты добежишь до леса. Тебя подстрелят уже на полпути, разве что мы отвлечем их внимание.

Он снова начал вглядываться в полумрак. Зимой в этих землях Красна практически не поднималась над горизонтом. Лишь несколько дневных часов, находясь у нижнего края горизонта, она давала сумеречный свет, при котором глаз человека мог различить предметы на небольших расстояниях.

Атакующие уже подошли настолько близко, что Флэндри увидел смутные очертания отдельных фигур на фоне затянутого туманом озера. Они передвигались на чем-то вроде варяков, только эти штуки имели полозья, а двигались с помощью маломощных антигравов. В очередной раз Флэндри не повезло. Впрочем, весь последний месяц, а может быть и больше, был для Флэндри сплошной полосой невезения. Большую часть людей Тебтенгри Юши отвел далеко на север, в глубинные области Страны Льдов. Почти неохраняемые стада остались в степях. Лишь малую их часть забили и в замороженном виде отправили на север. Продвижение войск Олег-хана сдерживали немногочисленные отряды воинов Тебтенгри и Обитателей, применяя тактику партизанской войны... Притаиться, выстрелить, перебежать в новое укрытие, наспех перекусить, в промокшей одежде залезть в не менее мокрый спальный мешок и, если удастся, поспать несколько минут... и так день за днем в течение нескольких недель.

И вот от подразделения Флэндри в живых остались только он и его соратник — Обитатель. Остальные полегли на берегах озера Тенгри Нор. Похоже, настал и их черед: от неприятеля на варяках не уйти.

Он еще раз оценил дистанцию. Пора. Прицелившись в предводителя вражеского отряда, он кивнул Обитателю. Тот моментально исчез. Флэндри выстрелил.

Пуля попала воину в живот. Он дернулся в седле и медленно сполз на землю. Даже в сумеречном свете Флэндри увидел пятна алой крови на снегу. Завывания ветра почти заглушили вопли остальных вражеских солдат. Они поспешно бросились врассыпную. Он снова прицелился в одного из них и нажал курок. Промак. Нужно продержаться еще несколько секунд, пока Обитатель не добежит до того хрустального леса.

Он перевел оружие на автоматический огонь, высунулся из укрытия и начал стрелять, выкрикивая одновременно самые грязные ругательства.

Нырнув вниз, он скорее почувствовал, чем услышал, как у него над головой пронесся свинцовый ураган. Энергетические разряды с треском разрывались в воздухе, а попадая в снег, издавали громкое шипение. По лицу Флэндри катились крупные

капли горячего пота. Ну теперь-то этот чертов Обитатель должен добраться до леса! Он наугад выстрелил в невидимого врага. Ну хоть кто-нибудь, вытащите меня отсюда! Зачем все это? Лепет этого парнишки о связи через корни деревьев, чтобы весь лес знал... Сквозь грохот выстрелов Флэндри вдруг услышал тонкий звенящий звук. Он поднял глаза и замер от изумления — в бой вступила стая медуз.

Они налетели сверху, сотня за сотней. С их щупальцев срывались крохотные молнии. Некоторые из них взрывались, сгорали желтоватым водородным пламенем, но и падая на Землю, они старались поджечь вражеского воина. Другие хватали воинов из седел и бросали их в смертельные объятия ледяных вод озера. Но самым эффективным оружием медуз оказался электрошок. Флэндри не успел прийти в себя от изумления, как увидел первых бегущих вражеских воинов. К тому моменту когда он вышел из своего укрытия, отступление стало паническим.

— Вот так игрушки-погремушки, — пробормотал он, — мама, почему ты не научила меня этим фокусам!

Вернулся Обитатель, маленький, пушистый и эластичный гоблин. Как бы извиняясь, он произнес:

— Слишком мало медуз, чтобы почаше проводить такие операции. Твои друзья пришли. Подождем.

— Что? А-а... ты имеешь в виду спасательную группу. Они, наверное, увидели этот спектакль в воздухе и решили выяснить на месте, что здесь произошло. — Флэндри притопывал ногами, чтобы не дать им замерзнуть совсем. — Отличные трофеи, — добавил он, разглядывая разбросанное на поле боя оружие и варяки. — Ну что ж, мы отомстили за гибель наших воинов.

— Смерть человека — это всегда плохо, на какой бы стороне он ни сражался, — с упреком сказал Обитатель.

— Мог бы мне этого и не говорить, — поморщился Флэндри.

Послышалось урчание моторов. Из-за леса появился отряд лыжников. Их оказалось больше, чем он ожидал. Во главе отряда Флэндри увидел Буртай и Аргуна. Он вдруг подумал, что с начала кампании не имел возможности обменяться с ними даже парой фраз, только «здравствуй» и «до свиданья». Да-а, это все издержки военного времени. Война — прекрасное мероприятие, если отбросить тяжкий труд, дисциплину, неудобства, паршивую пищу и недосып, однообразие и пули над головой.

Он зашагал навстречу прибывшим с видом настолько жизнерадостным, насколько это возможно для человека без сигарет.

— Привет! — закричал он.

— Доминик... это ты! — Буртай схватила его руки. — Ты мог погибнуть! — задыхаясь от волнения, сказала она.

— Профессиональное заболевание, — сказал Флэндри. — Аргун, а я думал, ты командуешь нашей западной дивизией.

— Боевые действия закончились, — ответил нойон. — Я собираю наши части.

— Что-о?

— Разве ты не знаешь? — его глаза округлились от изумления. Несколько мгновений он простоял с открытым ртом, затем его покрытые инеем усы растрескались от широкой улыбки. Он хлопнул Флэндри по спине и весело вскричал:

— Терране прибыли!

— А-а? — Флэндри оцепенел. Удар по спине был довольно увесистым, — так что, что он сказал?

— Вчера, — торопливо заговорил алтаец. — Видимо, твой радиоприемник не поймал сообщение. Как, впрочем, и у твоих противников. В этом районе всегда плохо проходили короткие волны. А может быть, они просто фанатики — есть и такие, хоть и немного. Но теперь от них нетрудно будет избавиться.

Он наконец успокоился и продолжал:

— Ударная группировка терран потребовала безоговорочной капитуляции и разоружения армии Ешукая, как союзников мерсейцев. Командующий гарнизоном Улан-Балая согласился капитулировать без боя. Что еще ему оставалось делать? Олег-хан попытался собрать вокруг себя верных ему людей, отозвав их с фронта... ты бы слышал, что сегодня ночью творилось в эфире!.. но два имперских корабля подошли к его резиденции и сбросили ровно одну бомбу, на этом все и закончилось. Сейчас ханские племена покинули линию фронта и устремились на юг. Имперский адмирал вызвал Юши в Улан-Балай для консультаций: что делать дальше? Да, еще дано указание разыскать и доставить тебя...

Флэндри закрыл глаза. Он покачнулся, и Буртай, подхватив его под руку, вскрикнула:

— Что с тобой, дорогой?

— Бренди, табак, — шептал он, — индийский чай, майонез из креветок с бутылкой рислинга, кондиционер... — очнувшись, он проговорил: — Извините. Я, кажется, отвлекся.

Он не заметил, что губы Буртай задрожали. Зато это заметил Аргун. Он с вызовом посмотрел на терранина и взял руку Буртай в свои. Та вцепилась в него, как потерянный ребенок.

Наконец Флэндри понял, и его губы расплылись в широкой улыбке:

— Благославляю вас, дети мои, — пробормотал он.

— Что? — сердито огрызнулся Аргун, не понимая, что это значит.

— Когда вы доживете до моих лет, — сказал Флэндри, — то поймете, что от любви не умирают. На самом деле эти раны заживают до отвращения быстро. Так что, если вы захотите назвать своего первенца Домиником, я с превеликим удовольствием пришлю ему серебряную ложку с соответствующей гравировкой.

— Но... — запинаясь заговорила Буртай, — но... — она не докончила и вцепилась в руку Аргуна еще крепче.

Лицо нойона покраснело. Поспешно переведя разговор на другую тему, он попросил:

— А теперь объясни мне свои действия, терранин.

— А? — заморгал непонимающе Флэндри. — Да-да, конечно.

Они медленно двинулись под кронами хрустальных деревьев вдоль синих вод Озера Духов. Заледенелые листья, словно кружева, висели у них над головой. Красноватый сумрак дня постепенно спускался перед наступлением ночи. Флэндри заговорил. В его голосе снова слышались свойственные ему веселые нотки:

— Нам нужно было послать секретное сообщение. Естественно, самым секретным оказалось бы сообщение, которое никто за таковое не принял бы. Например, «мэйдэй» на Башне Пророка. Это выглядело как хулиганская выходка, попытка оскорбить религиозные чувства... но весь город видел эту надпись. О ней говорили! Да еще как говорили! Даже если бы в данный момент на Алтае не оказалось бетельгейзианского корабля, слух об этой сенсационной выходке, несмотря на все меры предосторожности ха-хана, вскоре достиг бы Бетельгейзе. А бетельгейзиане рассказали бы об этом в терранском посольстве, и терране сразу поняли бы, в чем дело.

Дело в том, что «мэйдэй» на моей планете с древних времен означало — «помоги мне»*.

— Вот это да! — воскликнула Буртай.

— Ничего себе! — сказал Аргун. Он хлопнул ладонью по бедру и громко расхохотался. — Теперь мне все понятно! Благодарю, дружище, за отличную историю, которую я смогу рассказывать своим внукам!

— Первый класс! — скромно сказал Флэндри. — Дальше все произошло так, как я и предполагал. Мое начальство послало сюда разведывательный корабль. При почти полном отсутствии достоверной информации они вынуждены были вести себя очень осторожно. Сообщение Олега о моей случайной гибели они восприняли, в свете моего сигнала о помощи, как явную ложь. Я надеялся, что им хватит ума сделать вид, будто они поверили ха-хану, пока не получат информацию из других источников.

---

* Мэйдэй (May day) — международный сигнал, просьба о помощи. Происходит от «maidez» (фр.) — «помоги мне».

Теперь задача состояла в том, чтобы передать им эту информацию, не привлекая внимания ханских разведслужб. Как это было сделано, вы уже знаете: племена Тебтенгри маневрировали по снежной равнине, образуя буквы терранского алфавита, видимые в телескоп — только сообщение должно быть очень кратким. Ну а результат — вы видите сами!

Флэндри вдохнул обжигающий легкий воздух. Осознание того, что он жив и невредим, постепенно наполняло его и вытесняло чувство бесконечной усталости. Он усмехнулся и добавил, обращаясь больше к самому себе:

— Наверное, это первое секретное сообщение, написанное многокилометровыми буквами и более пятисот километров длиной, которое пришлось рассматривать не в микроскоп, а в телескоп!

БИЧ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Оказывается, шел дождь. Его шум ворвался в открывшийся тамбур, с гулом разносясь по металлу корпуса корабля. Луч света выхватывал крупную серебристую дождевую дробь, низвергавшуюся единым потоком; за этой завесой стояла ночь. Кое-где виднелись фонари, освещавшие под собой мокрую бетонку. Порывами теплого и влажного воздуха доносились запахи не то жасмина, не то перепелого папоротника; чего именно, Флэндри затруднялся сказать.

Он кинул окуроч на палубу и раздавил каблуком. При такой погоде дождевик, в который он влез, казался совершенно бесполезным. «Гидрокостюм был бы в самый раз», — проворчал он. И куда делся его элегантный, с таким тщанием продуманный вид! Остроконечная фуражка с высокой тульей и кокардой Империи в виде солнца; шелковая блуза и вышитый голубой китель; красная перевязь с болтающейся на концах бахромой; белые лосины, заправленные в кожаные сапоги... Он нажал на кнопку и поехал вниз. Когда Флэндри сошел на землю, трап немедленно втянулся обратно, люк закрылся и свет в иллюминаторах погас.

Стало тоскливо и одиноко.

Здесь, на открытом месте, шум дождя казался сильнее, видимо, из-за плотной стены леса, окружавшей по периметру посадочное поле. Флэндри слышал, как булькает вода в сточных канавах. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, он различил несколько зданий в конце бетонки и направился было к ним, как тут же остановился, заметив тронувшихся оттуда навстречу ему людей. Ага, вот и делегация встречающих, подумал он, не двигаясь с места. Пусть они подойдут, а не он. Имперский престиж и все такое, если хотите. А что?..

К нему бодро маршировал отряд из шести подростков; Флэндри, в жилах которого текла на три четверти кровь белого человека, самого рослого из них был выше на полголовы. В свете ближайшего фонаря подростки превратились в литых крепышей с развитой не по годам мускулатурой и широкими плечами. Флэндри догадался, что имеет дело с не особенно высокой расой. У всех были черные гладкие волосы с одинаковыми челками и зачесом за уши, приплюснутые носы и слегка миндалевидные глаза. Униформа простая — зеленая с карманами юбка из водонепроницаемой синтетики, вроде тех, что носили шотландцы, сандалии и медальон на шее. Печать надменности лежала на их смуглых безбородых лицах, и это при том, что все их вооружение состояло из дубинок и кинжалов.

Вот забавно, как все-таки иногда приятно почувствовать тяжесть бластера на своем бедре, отметил Флэндри.

Когда отряд поравнялся с ним и развернулся в шеренгу, Флэндри заметил услужливо поднятый зонтик над одной гладко выбритой головой. Несмотря на невысокий рост и изящное телосложение, он казался атлетом. На нем было нечто вроде белого хитона, спадавшего свободными складками до самых пят и скрепленного, видимо, только на плечах какой-нибудь пряжкой (это для лучшей вентиляции, рассудил Флэндри). О его возрасте можно было только догадываться: гладкое, без морщин лицо с чувственными губами казалось в то же время по сравнению с другими более резко очерченным, а пристальный взгляд неподвижных глаз мог привести в замешательство кого угодно. Одна его бровь была покрыта золотой татуировкой. С шеи свисала звезда.

Несколько долгих секунд он не сводил глаз с Флэндри, потом произнес на ломаном архаичном английском:

— Добро пожаловать на Юнан Бизар. Прошло много времени... с тех пор как последний человек... ступил сюда.

На что гость отвесил поклон и ответил на чистом пулаойском:

— От имени его величества и от имени всех подданных Терранской Империи приветствую ваш мир и вас лично. Я — капитан Имперского Космического Флота сэр Доминик Флэндри. — Отдел разведки, решил он не добавлять.

— А, понимаю. — Человек, казалось, обрадовался возможности заговорить на родном языке. — Мне уже докладывали, что вы владеете пулаойским. Большая честь для всех нас, что вы взяли на себя труд изучить...

— Ну что вы. Никакого труда. — Флэндри пожал плечами. — Все здесь, в голове. Нейронный учебник. Мне вживил эту штуку один торговец на Орме, уже давно.

Музыкальный язык, на котором они сейчас говорили, развился в конечном счете из малайского, но за долгие годы претерпел

чудовищные изменения. В свое время прапредки этих людей отправились колонизировать Новую Яву, но после ужасной войны с горзунни, триста с лишком лет назад, ретировались на Юнан Бизар и оказались отрезанными от всего человечества. В итоге их язык развивался по одним им ведомым законам.

Флэндри особенно интересовала реакция на его слова бритого человека. Тот поджал губы, пальцы на одной руке хищно скрючились, и он поспешно втянул ее в широкий рукав хитона. Остальные никак не проявляли своего отношения, оставаясь абсолютно бесстрастными, но и не сводили с Флэндри глаз. Дождь ручьями лил по их плечам.

— Но что вы там делали? — воскликнул человек в хитоне. — Орма ведь не входит в вашу Империю! Мы за границами любой империи!

— Ну, это как посмотреть, — постарался как можно беспечнее ответить Флэндри. — Земля и впрямь далековата отсюда — в паре парсеков. Но разве вы не знаете, как неопределенны межзвездные границы, особенно при таком интенсивном взаимопроникновении цивилизаций? Ну а что касается Ормы... А почему, собственно, я не мог здесь оказаться? В конце концов, торгуют же тут бетельгейзиане, а мы с ними вроде не враги.

— Вопрос в другом, — услышал Флэндри заглушаемый дождем голос, — в том, почему именно вы оказались здесь.

Но тут же последовала дежурная улыбка — мол, все в порядке, парень.

— Впрочем, это не важно. В любом случае мы рады вас приветствовать. Позвольте представиться: Нияс Вароу — начальник Охранных Войск Планетарного Биоконтроля.

«Или полиции, — перевел про себя Флэндри. — А может, военной разведки? В противном случае трудно понять, с какой стати меня, представителя Империи (а у них нет пока повода думать иначе), встречает охранка вместо правительства. Если, конечно, у них Охранные Войска и правительство не одно и то же», — тут же добавил он про себя.

Внезапно — Флэндри даже вздрогнул — Вароу сказал быстро по-английски:

— Можете звать меня доктором.

Флэндри решил не забивать голову и принимать вещи такими, какие они есть, как советовал тот турист, попавший в султановский гарем. Чего ждать от этой публики — триста лет без пристрастия. Еще и не такие странности возникнут.

— А что, всегда у вас так поливает? — Он плотнее запахнулся в плащ (что, впрочем, не спасало воротник, поникший от сырости) и с тоской вспомнил о Терре. Музыка, благоухание воздуха.

коктейли с блондинками в Эверест-Хаузе... И какого черта его занесло в эту дыру?.. Насильно ведь никто не гнал.

— Да, полуночные дожди у нас — вещь вполне заурядная, — ответил Вароу.

«Так-так. Сутки Юнан Бизар составляют десять часов — прикидывал Флэндри. — Вполне могли бы подождать еще пяток, пока не рассветет. Уж я этому был бы только рад, учитывая то, сколько вообще времени проторчал на орбите по их милости. Нет, на тебе. Вдруг, с бухты-барахты, извольте садиться. В ночь. В ливень. А так, за эти пять часов, приготовил бы себе королевский ужин, и проглотил бы его с подобающей скоростью, а не давился бы сэндвичами. Ну и как это называется? Определенно им хотелось, чтобы я сел в ночь и в ливень. Но зачем?»

Тут, пока он так размышлял, Вароу извлек из-под хитона какой-то пузырек с крупными синими пилюлями.

— Вы что-нибудь слышали о здешней биохимической обстановке? — спросил он.

— Мне рассказывали что-то бетельгейзиане, но я не помню. То ли я не понял тогда, то ли они невнятно объясняли.

— Немудрено. У них ведь не человеческая иммунная система. Их не волнуют наши проблемы, и, естественно, им не интересно в этом разбираться. А вот нам пришлось. Для нас, как и для вас, самый воздух здесь — яд. Вы уже надышались тут, пока стояли, на всю оставшуюся жизнь, а осталось ее вам — дня на три.

Вароу ослабилась.

— У нас, конечно, есть противоядие, — продолжал он. — Вам нужно лишь принимать по одной вот такой таблетке один раз в тридцать наших дней, пока вы гостите у нас.

От неожиданности Флэндри поперхнулся и инстинктивно потянулся к пузырьку, но Вароу вежливо отстранил его руку.

— Пожалуйста, капитан, — промурлыкал он. — Буду бесконечно рад подарить вам одну сейчас. Но только одну. И по одной каждый раз, как подойдет срок. Увы, таков закон. Учет и контроль. Не позволяем себе быть небрежными в этих вопросах. Я думаю, вы поймете.

Можно было подумать, что терранин застыл навсегда. Но нет. Он усмехнулся, без особой, впрочем, радости, и сказал:

— Ладно. Надеюсь, что пойму.

Единственный космодром располагался на холме среди непролазных джунглей в сотне километров от главного города планеты — столицы, так сказать. Причиной тому были бетельгейзиане. Там еще сохранилось несколько древних и теперь не используемых пулаойских кораблей.

— Скит отшельников, скажу я вам, — прорычал в ухо Флэндри шкипер с совершенно синим лицом в таверне на Орме. — Мы их

не очень-то жалуем посещениями. Может, раз или два в год заходим к ним, не чаще.

В этом районе космоса бетельгейзиане были вездесущи. Флэндри удалось заполучить пропуск на один из их грузовых кораблей, и таким образом мог добраться до Спикси-VI кратчайшим путем, куда он направлялся после блестяще завершенной миссии на Алтае. Потом он пересекает на «Императрицу Майю», совершающую там промежуточную посадку и следующую далее курсом на Терру. Разве не заслужил он обратную дорогу в люксе? К тому же, будучи асом по части командировок, никогда не ошибался в бухгалтерии, всегда максимально извлекая для себя выгоду.

— Чем торгуете? — спросил Флэндри, не столько даже из любопытства, сколько чтобы убить время до отлета.

На альфзарском говорить было нелегко, язык царапался во рту, как кошка, но ничего не поделаешь, существо напротив англика не знало.

— Да ничего особенного — шкуры, естественные волокна, фрукты... Кстати, вы не пробовали модью? Ваши считают здесь это деликатесом. А я, право, не уверен. А знаете, что? Держу пари, никому еще в голову не приходило везти его к вам, на Терру! Далековато, конечно.... — И бетельгейзианин погрузился в коммерческие соображения.

Флэндри отхлебнул местного бренди и сказал:

— Ну, зачем же так далеко. Тут сохранилась масса наших независимых колоний с давних времен. Я сам только что с одной такой. Но вот про Юнан Бизар ничего не слышал.

— А с какой стати вам о ней слышать? Нет, конечно, в архивах штаба сектора вы откопаете сведения о ней. Да и на самой Терре, я думаю, найти информацию можно было бы. Но, вообще говоря, это весьма таинственная штучка, доложу я вам. Планета в себе. Для нас она особой важности не представляет. Кое-что мы им продаем, разумеется, — ну там, машины или еще что-нибудь, — кое-что покупаем, я уже говорил, но все это не серьезно. А могло быть гораздо больше, не держи там кто-то лапу на торговле с нами.

— Вы уверены?

— Это очевидно. Да взять хотя бы их космодром. Старый, разбитый и один-единственный на всю планету! Какой-то антиквариат, а не техника, складов — раз-два и обчелся, да и те понатыканы в лесах у черта на рогах. Можно подумать, они все еще боятся радиации от кораблей! Коммерсантам шагу ступить никуда нельзя. Мало того, гостиницу и то еще не меблировали! Естественно, наши там не задерживаются: разгрузятся, погрузятся и — привет. С местными встречаться, а уж тем паче разговаривать, тоже нельзя, разве что с парой тамошних чиновников. Я один раз

попробовал — так, посмотреть, что из этого выйдет — заговорил с одним рыбаком, и что вы думаете? Удрал! Он знал закон!

— Ну и ну. — Флэндри отрешенно тер подбородок, пытаясь осознать, что же с ним стало не так. Ах да. Щетина. Пора принимать очередную дозу противобородин. Но еще оставались усы, с которыми все пока было нормально, и Флэндри занялся ими. — Удивляюсь, как они еще разрешили вам выучить их язык.

— О, это случилось давно, несколько поколений назад, на заре первых контактов. Английский оказался и для них и для нас не очень-то удобен. Горстка аристократов знает его и поныне, им мы и продаем книги, видео ну и все такое, чтобы держать правящий класс в курсе основных событий Галактики. Может быть, простые люди и дичают там потихоньку, но элита — нет.

— А занимаются чем они?

— Ну, этого я не знаю. Во всяком случае, богатая планета — ломится от природных ресурсов. Это даже из космоса видно. Но отсталая агрокультура, нелепые города...

— А что за планета? Какого типа?

— Известно какого. Терроид.

Флэндри поморщился и вытащил сигарету.

— Ты думаешь, МНЕ это что-нибудь говорит? Мне, человеку?

— А, понимаю. Ну, тогда можно сказать еще вот что... Расстояние до солнца порядка одной астрономической единицы. Но солнце у них — звезда класса F2, помассивнее вашего будет. Соответственно и планета движется быстрее. Год у них там — девять месяцев. Ну что еще... Климат теплее, чем на Альфзаре или Терре. Спутников нет. Что там еще... Наклон оси маленький, сутки — десять часов. Планета меньше Терры, поэтому ускорение — всего 0,8 g. Как следствие — мало нагорий, все больше болота и острова. Континенты небольшие. Из-за меньшей силы тяжести и большего прогрева — гидросфера беднее, чем у вас. Никогда бы не подумали, глядя из космоса на повсеместные облака да обмелевшие моря... А, забыл. Что-то у них там с экологией, какие-то неприятности. Что именно, не знаю, да и наш вид это не затрагивает. А вот вам как-то предохраняться приходится. Впрочем, думаю, что это не опасно, иначе бы у них не выросло за триста лет колонизации население до ста миллионов.

— Ну, — заметил на это Флэндри, — надо же людям как-то развлекаться.

Он курил в задумчивости. Изоляция Юнан Бизар, конечно, мало кого трогала, кроме разве самих жителей. С другой стороны, сколько он знал еще таких мест, где адские котелки втихаря и долгое время выпускали пары! В Империи насчитывалось около четырех миллионов подобных солнц и уследить за ними всеми не

представлялось никакой возможности. Уже здесь, а тем более дальше, где варварство глубоко спрятано от посторонних глаз, куда совали нос враждебные мерсейцы, надежду на контроль за ситуацией смело можно было оставить.

А вместе с надеждой Терра отбросила и всяческие попытки влияния, не говоря уж о диктате. Иначе пришлось бы периодически просматривать архивы, досконально просеивать всю информацию разведки, расследовать каждую тайну, каждую мистерию... Для этого понадобится большой флот, а значит, и большие налоги на обывателя, а следовательно, прощай новенький самолет для пажона и браслеты для его пассии. Не приведи Бог, могут всплыть такие факты, что пришлось бы привести в действие флот и... О ужас! Не приведет ли все это к новой, полномасштабной войне?

«А, черт с этим, — думал он. — Я лечу домой, и что мне до всего этого? Миссия выполнена, отчет сделаем, только не переборщить, и — слава! Деньги, кстати, тоже. За несколько месяцев. А девочки...

Да, но все-таки престранно ведут себя эти чудики с Юнан Бизар. Отрезать себя добровольно от всего человечества?... Вернусь — сообщу куда следует. Пусть займутся этой планеткой.

Хотя кому там до нее будет дело? Наивно думать. Лишь по моим невнятным подозрениям никто и пальцем не пошевелит».

— Где, — сказал капитан Флэндри, — могу я арендовать птичку?

Самолет был большой и оборудованный по последнему слову техники. Очевидно, купленный у бетельгейзиан. Флэндри посадили среди невозмутимых, с каменными лицами охранников, за всю дорогу не проронивших ни слова. Вароу, сидевший рядом, тоже не проявлял излишней оживленности. Ревел ветер и хлестал дождь. Но погода прояснилась, когда они повернули на Компонг Тимур. Флэндри глядел вниз: под ними плескалось море огней. Граничащий с каким-то большим озером, город был густо изрезан каналами, в которых плавилась ртутные и неоновые блики уличных ламп. Опытному наблюдателю сразу бросилось бы в глаза несоответствие между ярко освещенной центральной его частью и темными окраинами с приземистыми крышами. Значить это могло только одно — трущобы, а это в свою очередь — концентрацию власти и богатства в руках немногих.

— Куда мы летим? — спросил Флэндри.

— На интервью. Правительственному Совету Биоконтроля не терпится познакомиться с вами. — Одна бровь Вароу приподнялась, что придало его круглому и гладкому лицу сардоническое

выражение. — Надеюсь, вы не устали? Знаете, мы здесь из-за коротких суток приобрели привычку спать помалу, но чаще, несколько раз в день. Не хотите ли прилечь?

Флэндри постукивал сигаретой по ногтю большого пальца.

— Бряд ли в этом будет смысл.

Вароу улыбнулся. Самолет пошел на снижение и опустился на посадочную площадку крыши одного высокого здания, без сомнения настолько важного, что воздвигнуто оно было на скалистом участке почвы, а не на привозных кучах песка, как большая часть городской застройки.

Не успел Флэндри ступить на землю, как охранники взяли его в кольцо.

— Уберите ваших орлов, — бросил он Вароу, — не терплю курить, когда все пялятся.

Вароу кивнул головой, и молчаливые охранники ретировались, впрочем, не далеко. Флэндри подошел к краю огражденной площадки.

Высоко на востоке плыли, кренясь от переполнявшей их влаги, облака, расстреливая по пути свой боевой запас. Но прямо над головой небо было чисто. Чужие созвездия мерцали сквозь фиолетовую дымку — подсвеченный скрытым за горизонтом солнцем верхний слой атмосферы. Вот красная искорка Бетельгейзе, а там желтая Спика. Флэндри почувствовал печаль. Бог знает, доведется ли ему еще когда-нибудь потягивать там пиво. Похоже, что он вляпался во что-то безжалостное и зловещее.

Это многоярусное, в стиле пагоды здание имело в основании не менее ста квадратных метров. Каждый ярус завершался фигурной крышей со слоновьими головами и лампами в виде бивней. Поручень перил, за которые он сейчас держался, украшала чешуйчатая резьба. Купол здания венчал наглый, самоуверенный символ — перевернутая вверх когтями лапка какого-то стервятника, вцепившаяся мертвой хваткой в небеса. Позолоченные стены даже ночью вызывали головокружение. Прямо внизу, метрах в пятидесяти, текли масляные воды Большого Канала, на противоположном берегу которого протянулась линия дворцов с колоннадами, с крышами, рвущимися ввысь, и со стенами, расписанными какими-то танцующими многорукими фигурками. Кое-где светились окна, лилась нежная и печальная музыка. Но даже здесь, в центре города, ему чудились запахи джунглей.

— Прошу вас, — поклонился ему Вароу, приглашая последовать за ним.

Флэндри последний раз затянулся и выкинул сигарету. Они прошли через арку в виде разинутой пасти какого-то монстра в длинный красный коридор с рядом дверей, часть из которых была открыта. Там, сидя на подушечках на манер портных за низкими столами, работали люди. Флэндри читал таблички: Бюро Водного

Сообщения; Комитет Сейсмической Энергии; Арбитраж... Да, по всей видимости, здесь размещалось правительство. Они вошли в лифт, откуда, опустившись ниже, попали в другой коридор, освещаемый лишь тускло флюоресцирующими колоннами.

Дверь в конце коридора открылась, и Флэндри очутился в роскошной большой комнате в форме полусферы с окном, за которым стояла тьма Компонг Тимура. Справа и слева громоздилась техника: компьютеры, рекордеры, коммуникаторы. Черный инкрустированный местной слоновой костью стол стоял в центре комнаты. За ним восседали правители Юнан Бизар.

Излучая самую беззаботнейшую улыбку, Флэндри приблизился к столу, профессионально отмечая каждую деталь обстановки. На длинной скамье, поджав ноги «по-турецки», сидели двадцать бритых старцев в хитонах и с одинаковыми татуировками на бровях: золотой кружок с крестиком внизу и стрелкой наверху. Зато нагрудные знаки различались — шестеренка, транзистор, интеграл от «дэ икс», символы волн и снопа колосьев, молния. Одним словом, геральдика правительства, сделавшего ставку на технократию.

Почти все они были старше Вароу и совсем не в лучшей форме. Тот, кто был посередине, с жирным и раздраженным лицом и знаком в виде хищного когтя на груди — символ могущества, — являлся, очевидно, главной шишкой на Юнан Бизар.

Никто, за исключением приторно-любезного Вароу, не пытался скрыть своей враждебной настроенности. Глаза их сузились в узкие щелки, пот возбуждения блестел на щеках, пальцы барабанили по крышке стола. Флэндри заставил себя расслабиться, что было совсем не шуточным делом, если учесть присутствие головорезов за спиной и их кинжалы.

Молчание затягивалось. Кто-то должен был его нарушить.

— Бу, — сказал Флэндри.

Человек в центре зашевелился.

— Что?..

— Формула приветствия, ваше величество.

— Называй меня туан Солу Банданг. — Жирный обернулся к Вароу: — Так это и есть, как это... тот самый, э-э-э... агент с Терры?

— Нет, — фыркнул Флэндри, — я тут папиросками приторговываю. — Впрочем, справедливости ради надо заметить, сказал он это негромко и не на пулаойском.

— Да, туан. — Вароу склонил голову, сложив ладони вместе.

Они продолжали пожирать его глазами. Флэндри еще раз сверкнул ослепительной улыбкой и изобразил некий пируэт. Ну что ж, им стоило разглядеть его получше, самодовольно убеждал он себя; чего стоит, например, одна только его атлетическая

фигура (спасибо гимнастике, хоть и терпеть ее не мог, но принуждал себя заниматься)! А тонкая кость? А прямой нос? И вообще все аристократические черты — по самой последней моде Терры (второе спасибо — самым модным на Терре биоскульпторам)? Добавьте сюда еще серые глаза и каштановые волосы, подрезанные бачки а-ля Империя, прилизанную макушку...

Банданг вдруг с беспокойством встрепенулся.

— Забери у него это, как его... пушку, — приказал он.

— Пожалуйста, туан, — сказал Флэндри, — моя бедная драгоценная бабушка оставила мне это. Еще пахнет лавандой. Мое сердце разорвалось бы от горя, попытайся кто отнять ее у меня, я вышиб бы из него мозги.

Один из них истошно завизжал, побагровев:

— Ты, чужеземец, отдаешь ли ты себе отчет, где находишься?!

— А, пусть, раз ему так уж хочется, туан, — безмятежно сказал Вароу. Он улыбнулся Флэндри и добавил: — Не следует начинать с распрей такой знаменательный день воссоединения.

Над длинным столом пронесся вздох. Банданг указал на маленькую подушечку перед столом:

— Садись.

— Нет, спасибо. — Флэндри внимательно изучал присутствующих.

Пожалуй, самым разумным из всей компании был Вароу. Остальные же, оправившись от первоначального шока, вновь приняли свой обычный надменный и презрительный вид. Действительно, стоило ли беспокоиться из-за какой-то пушки, к тому же единственной на всю огромную комнату?

— Как хочешь, — продолжал между тем Банданг. Он подался вперед, скорчив умильно-елейную мину. — Видишь ли, капитан, ты, я полагаю, поймешь... насколько деликатен... Да, как деликатен этот вопрос. Убеден, что твое благоразумие... — Его голос прервался. Туан самодовольно улыбался.

— Если я причиняю какое-либо беспокойство, туан, то приношу свои извинения, — сказал Флэндри. — Буду рад отчалить отсюда как можно скорее. — И как еще рад!

— Ага. Нет. Нет, боюсь, что это... неосуществимо. В данный момент по крайней мере. Я хочу заметить нечто очень простое, само собой разумеющееся... у меня нет сомнений, что такой человек, как ты, тонкого воспитания и изысканных манер... таких познаний может... понять?.. Да, понять и оценить серьезность ситуации. — Банданг перевел дыхание. Остальные отрешенно молчали. — Погляди на эту планету: люди, культура... и все это в изоляции более четырехсот лет! — (Местных лет, напомнил себе Флэндри. Но все равно прилично.) — Естественно, такая цивилизация... э-э-э... развивалась своими путями. Своя система ценностей,

свои традиции, своя религия... и э-э... свои достижения — социально-экономическое равновесие — и все это не может быть в одночасье разрушено без страданий, без боли, без потерь. Непоправимых потерь.

Прекрасно зная проблемы Империи и обладая непредвзятым взглядом на вещи, Флэндри вполне мог понять нежелание некоторых цивилизаций иметь дело с себе подобными. Но в данном случае за этим скрывалось что-то еще, помимо простого желания сохранить независимость и достоинство. Эта публика была достаточно хорошо осведомлена о всех делах в космосе, чтобы не знать, что Терра давно не представляет ни для кого угрозы. Империя стара и неповоротлива, и ей не нужна новая собственность, если только ее к этому не принудит военная необходимость. Что-то неблагоприятное и зловещее было на Юнан Бизар, и это пытались скрыть.

— Вот что мы хотим знать... э-э, ты пришел к нам с официальными полномочиями или нет? И если да, то какое послание ты должен нам вручить от своих... уважаемых начальников? — продолжал Банданг.

Флэндри тщательно взвесил ответ, помня о кинжалах за спиной и о ночи на дворе.

— У меня нет никакого послания, туан, ничего, кроме простого дружеского приветствия, — сказал Флэндри. — И что еще может вам предложить Империя, пока вы в свою очередь не предоставите ей возможность ближе узнать вас?

— Но ведь ты пришел к нам по поручению? По приказу? Ведь не случайно?..

— Мои документы остались на корабле, туан. — Флэндри очень надеялся, что его командировочное предписание, страховой полис и ряд других бумажек произведут должный эффект. Как знать, где может оказаться случайный гость на Юнан Бизаре? На дне какого-нибудь канала, с перерезанным горлом? И ни одна живая душа во Вселенной не побеспокоится на этот счет.

— Какие документы? — нервно выкрикнул кто-то из-за стола.

Вароу нахмурился. Тревога и раздражение, появившиеся на лице шефа охраны, были понятны Флэндри. Расследование — если это было расследованием — таким образом не проводят. Биоконтроль вел себя неосмотрительно, оказываясь жертвой своих же примитивных методов: грубые угрозы, еще более грубые инсинуации. По-видимому, это были любители, а Вароу — единственный среди них профессионал. Любой самого низшего ранга политик в Империи разбирался в людях гораздо лучше, чем они, и не стал бы так неумело уличать подозреваемого.

— С твоего разрешения, туан, — вмешался Вароу, — я боюсь, что у нашего гостя может сложиться превратное мнение о нас.

Будет ли позволено недостойному слуге поговорить с ним и обсудить эту тему в частной беседе, так сказать, приватно?

— Ну уж нет! — набычился Банданг. — Давайте-ка без ваших фокусов-покусов! Я не люблю болтать попусту. Не люблю слова. Да, не люблю, капитан, и я уверен, что ты поймешь... что не сочтешь за оскорбление... все мы, в конце концов, несем ответственность за планету и... ага, вот: как человек искушенный, ты... не будешь возражать, чтобы мы подвергли тебя наркосинтезу?

Флэндри окаменел. Не ослышался ли он?

— Что?..

— В конце концов, — Банданг облизнулся, — ты появляешься здесь без всякого предупреждения, без фанфар, так сказать... Мы имеем все основания допустить, что ты самозванец. Обманщик. Подожди! Пойми нас, не возмущайся и не обижайся... на мое предположение. Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь — официальное лицо, э-э-э... делегат, агент, то мы вправе убедиться...

— Прости, туан, — отчеканил Флэндри, — но мне привит иммунитет ко всем специальным препаратам — детекторам лжи.

— Да?.. О-о. М-да. Понимаю. Ну тогда... У нас есть гипнозонд. Знаешь, департамент нашего коллеги Вароу идет в ногу со временем. Мы закупили эту штуку у бетельгейзиан. Да, разумеется, я понимаю, что это может быть несколько неприятным... так сказать...

Неприятным?! Мягко сказано, думал терранин. Мурашки поползли по его коже. Да, вот уж действительно любители. Кто, понимай он законы войны и политики, был бы так беспечен? Зондировать мозг офицера Империи! Как будто Империя позволит кому бы то ни было узнать хотя бы половину того, что знает он, и остаться при этом в живых! Да, любители...

Он пристально посмотрел в глаза Вароу, единственного, кто мог представить себе последствия этой акции, но не нашел в них сочувствия, а увидел лишь холодный азарт охотника. Не трудно было угадать его мысли: если Флэндри оказался здесь случайно, по собственной прихоти, то все очень просто. Мы убьем его. Если же он разведчик, тогда дело осложняется: надо будет обставить его «случайную» смерть как можно более убедительно. Но, во всяком случае, мы узнаем, какие сюрпризы готовит нам Терра, и примем своевременные меры, чтобы еще глубже спрятать нашу **ВЕЛИКУЮ ТАЙНУ**.

Больше всего Флэндри угнетала одна мысль: это то, что они обязательно узнают, что никто Флэндри не посылал, что визит предпринят исключительно по собственной инициативе, и если что-нибудь с ним случится, никто в обремененной заботами Службе не займется его розыском.

Флэндри представил, сколько вина, женщин и приключений ждало его впереди. Смерть казалась просто глупостью. И он опустил руку на бластер.

— Я не советовал бы это делать, приятель, — сказал он.

Краем глаза он успел заметить бесшумно метнувшуюся к нему тень стража с поднятой дубинкой. Флэндри шагнул в сторону, подцепил его ногу своей и врезал, уже падавшему, по уху. Охранник рухнул на пол и больше не шевелился.

Раздался рев его товарищей. Блеснули ножи.

— Прекратить! — завизжал Банданг. — Немедленно прекратить! — Но только после свистка Вароу охранники, словно побитые псы, заняли прежние позиции.

— Ну хватит, — сказал Вароу. — Убери свою игрушку, Флэндри.

— Это очень полезная игрушка, — терранин оскалил зубы в гримасе улыбки. — Ею можно убивать.

— И чего ты этим добьешься? Ты никогда не сможешь улететь отсюда. А через тридцать дней — через две террестианские недели — смотри, что будет, — не обращая внимания на ошеломленных правителей и ропот стражи, Вароу пересек комнату и подошел к экрану и pokrutil ручку.

Только учащенное дыхание сидевших за столом нарушало воцарившуюся тишину.

— Вот что происходит с теми, кто осужден на публичную казнь. — Вароу шелкнул выключателем, и экран засветился. — Перед тобой сейчас площадь Четырех богов. Пойми, мы отнюдь не кровожадны, и за обычные проступки предусмотрены менее жестокие наказания. Но несчастный, которого ты сейчас видишь, поднял руку на работника Биоконтроля. Несколько часов назад преступник достиг демонстрационного, если можно так выразиться, состояния.

Флэндри видел площадь, окруженную водой канала и многорукими статуями. Статуи тянули множество растущих от плечей рук во всех направлениях. Посередине площади стояла клетка с совершенно голым человеком. Он лежал. К клетке был прикреплен плакат с приговором.

Спина человека выгнулась дугой, руки хватили воздух. Он кричал. При каждом вздохе ребра его вот-вот, казалось, треснут. Из носа сочилась кровь. Челюсть отвисла. Слепые, выскочившие из орбит глаза.

— Дальше будет еще хуже, — сказал Вароу. — Смерть наступит только через несколько часов.

— Вы отняли у него таблетки? — произнес Флэндри как в ночном кошмаре.

Вароу приглушил душераздирающий крик, раздававшийся из приемника, и поправил:

— Нет. Просто мы больше ему не даем их. Обычно в таких случаях осужденный сам кончает с собой. Но этот просчитался, полагая, что ограничится более мягким наказанием — рабством. Но он, повторяю, просчитался. Его вина безмерна. Жизнь человека на Юнан Бизар полностью зависит от Биоконтроля. Поэтому Биоконтроль — это святыня.

Флэндри отвел глаза от экрана. Всегда считал себя крепким и тертым калачом, а тут вот не выдержал.

— Что является причиной смерти? — спросил он бесцветным голосом.

— Пустяк. История такова: жизнь здесь в принципе течет по законам Терры, и человеку есть что пить, есть что есть. Только имеется одна крохотная деталька — бактерия, живущая в воздухе. Ее микробы, попадая в кровь и реагируя с протеином, выделяют ацетилхолин. Вы представляете, как реагирует на это нервная система?

— Да.

— Юнан Бизар не могли колонизировать до тех пор, пока ученые с планеты-прародительницы Новой Явы не нашли противоядие. Так вот. Его производством и распределением и занимается Биоконтроль.

Флэндри обвел взглядом присутствующих:

— Боюсь, что не смогу доставить вам удовольствие через тридцать дней, джентльмены.

Вароу выключил экран.

— Ты мог бы укокошить некоторых из нас прежде, чем уложить тебя, — сказал он. — Но запомни, никто из Биоконтроля не боится смерти.

Покрытая потом физиономия Банданга явно опровергала это заявление. Все остальные сохраняли зловещие мины. С увядших губ одного из этих фанатов сорвался тихий шепот:

— Да, пока длится Святая Миссия.

Вароу протянул руку.

— Так что дайте-ка лучше свое оружие, — закончил он речь почти с дружеской легкостью.

Флэндри выстрелил.

Банданг пискнул и провалился под стол. Как ни странно, но Флэндри промахнулся. Оконное стекло разлетелось вдребезги. На улице грянул гром и сверкнула молния.

— Идиот! — кричал Вароу.

Флэндри рванулся к окну. Охранники кинулись наперерез. Он вспрыгнул на стол. Один лысый попытался схватить его за ногу, и тут же его зубы хрустнули под башмаком Флэндри. Он перепрыгнул (как в детстве в чехарду — а, Флэндри?) через старикашку, спружинив по другую сторону стола.

Совсем рядом просвистел брошенный нож. Впереди зияло черное отверстие окна. Флэндри прыгнул в темноту, перевернувшись в воздухе и упал на низлежащую крышу с небольшим уклоном. Кубарем пролетев до ее края, он крутанулся в воздухе, перевалился через край и вытянулся в струнку, летя в черные воды канала.

Какая же все-таки отвратительно грязная вода! На мгновение в уме мелькнул вопрос, есть ли шанс спасти одежду. В конце концов, костюмчик обошелся ему не дешево. Незнакомая вонь была в нос, и Флэндри поплыл в поисках спасительной темноты.

Подобно призраку в такой драматический момент, по глади воды Флэндри догоняла развеселая лодочка с огоньками по бортам. Нос и корма загибались кверху, как у ладьи. Там, под прозрачным балдахином, обнималась влюбленная парочка: оба в юбках и прическами под бобрик. Видимо, такова была здесь мода для обоих полов. Флэндри успел заметить и признаки богатства: причудливо разукрашенные тела, обилие браслетов на руках. С лодки неслась мяукающая музыка. Золотая молодежь, нет сомнений. Флэндри пришлось нырнуть, пропуская лодку, и ощутить ушами и телом вибрацию ходового винта.

Вынырнув на поверхность, он услышал новый звук. То был зловещий вой из громкоговорителя на золотой пагоде. Тревога! Через несколько минут псы Вароу выследят его! Этот трус Банданг мог и подождать тридцать дней, пока он не издохнет где-нибудь. Но не таков был шеф Охраны. Тот был охотник, а он, Флэндри, — дичь. Скинув с себя ботинки, он поплыл быстрее.

Яркие огни ослепили его на пересечении каналов. Казалось, все показывали на него пальцем, все его видели. Другой канал представлял собой торговую магистраль, где проходили не только разукрашенные прогулочные лодочки, но и грузовые баржи, водные автобусы и всякие другие суда. Пешеходы запрудили узкие набережные перед домами и мосты, перекинутые через каналы. В воздухе стоял гул ночного города.

Флэндри зацепился за осклизлую, поросшую водорослями кирпичную кладку стены канала и перевел дыхание. Он огляделся.

На противоположной стороне оживленно болтали четверо молодых крепких парней. Работяги, судя по их манерам, грубоватым смешкам и простой ткани юбок. Немного выпили, пожалуй. Но внезапно с ними что-то случилось: они прижались к стене дома, прекратив разговоры, склонили головы над сложенными вместе ладонями. Мимо парней, не обращая на них никакого внимания, спешил куда-то маленький невзрачный человечек. Но человечек этот был не простой: он был одет в знакомый Флэндри хитон и нес на плечах абсолютно лысую голову. И только спустя несколько минут к парням вернулось прежнее оживление.

Вот оно, подумал Флэндри. То, чего он ждал все это время. Какая-то баржа пыхтя двигалась мимо Флэндри в нужном ему направлении. Совсем близко! Он рывком оттолкнулся ногами от кирпичной стенки, ухватился за свисавший с поручней конец швартового каната и прильнул к корпусу баржи. Тело рассекало блестящую воду; увлекаемые ее потоком, ноги беспомощно болтались. Пахло смолой и специями. Человек наверху за штурвалом что-то напевал себе под нос, отстукивая в такт мелодии.

Пройдя несколько километров, баржа пересекла невидимую границу, которая так часто разделяет города на две части, позади остались фешенебельные районы с золочеными крышами много-ярусных дворцов, и теперь баржа плыла в темноте, минуя редкие фонари, кучи навезенной земли, на которых ютились склады, крохотные фабрики, ночлежки... Стены этих зданий с соломенными крышами уже не были покрыты пластиком; они были наспех сварены из листового железа, на котором явственно проступали пятна ржавчины. Тускло светились немногочисленные мутные окошки. Промелькнули двое с ножами в руках.

Баржа заплывала все дальше в глубь трущоб. Тут было тихо и спокойно. Оживленное движение и пронзительный вой сирены остались далеко позади. Вокруг лишь приглушенное урчание заводских механизмов и плеск волн. Вода здесь была уже не просто грязная, а тошнотворно мерзкая. Один раз что-то мягко коснулось его тела. Кожей и носом он почуял: труп. Другой раз пронзительно закричала женщина. В резком свете одинокого фонаря через скакалку прыгала девочка. Как заведенная, она продолжала молча прыгать, провожая пустыми глазами баржу, пока фигурка ее не скрылась за очередным извивом канала.

Пора, подумал он.

И тут что-то нарушило окружающую тишину и заброшенность. Какой-то странный отрывистый вой, срывавшийся на свист, становился все громче и громче, явно приближаясь. Почему это так насторожило его, Флэндри и сам не понял. Может быть, дело было в том, что человек за штурвалом резко прервал свое пение и прибавил обороты машине. Пульс Флэндри застучал сильнее. Нервы натянулись. Он понял — подаренное ему время истекло.

Флэндри отпустил канат, и баржа тут же исчезла в темноте. Он проплыл через теплую липкую грязь, водой это уже никак нельзя было назвать, и ухватился за поручни лестницы, ведущей на набережную с неказистыми жестяными коробами зданий и проросшим на крыше дерном. В уцелевших окнах света не было. Какие-то тени вставали вокруг в густой теплой вонючей темноте. Ни единой души.

А вой тем временем становился все громче, все ближе.

И вдруг он увидел. Там, в свете фонаря, в двадцати метрах от него, их плыла целая стая. Или косяк. Змеиные головы на длинных тонких шеях раскачивались над водой, стекавшей по гладкой, как у рептилий, коже. Каждая тварь — величиной с морского льва. Флэндри насчитал их не менее дюжины. Между зубами в раскрытых пастьях дергались тонкие язычки. Как они выследили его? Дегустировали воду? Флэндри не знал. Он забрался на ступеньку лестницы, низко присел — под ногами хлопала жижа канала — и выхватил бластер одной рукой, другой повиснув на поручне.

Твари заметили его — или учуяли — и повернули в его сторону. Надрывный вой превратился в торжествующее улюлюканье. Давайте, пошевеливайтесь, не то лисичка удерет на землю!

Флэндри выстрелил в ближайшую подплывшую гадину. Плевок голубой молнии из ствола — и на волнах кверху брюхом закачалось тело с оторванной головой. Он вскарабкался на мостовую и побежал.

Гады плыли рядом, не отставая, вытягивая шеи и норовя цапнуть его за ноги. Гулко бухали доски под ногами. На бегу он выстрелил еще раз, но промахнулся. Один раз он споткнулся, врезавшись со всего маху в железную рифленую стену дома, от чего все здание загудело.

И тут он услышал звук мотора на канале. Свет поисковых прожекторов прорезал тьму, заставив его зажмуриться. Полиция все-таки выследила его с помощью этих водных гончих. Он остановился перед какой-то дверью. Причал дрожал, и вода под ним пенилась от ударов тяжелых тел по сваям. Он уже ничего не слышал, кроме остервенелого визга и плеска под собой. Куда бежать? Он дернул первую попавшуюся старомодную ручку двери. Заперто, конечно. Но у него был бластер, и его ствол он просунул в узкую щель между косяком и дверью, и тот послужил ему не хуже газового резака. Неподвижный силуэт застыл меж двух огней — светом прожекторов приближавшегося катера и синим пламенем резака.

Наконец-то! Дверь подалась, и Флэндри проскользнул внутрь, опершись на нее изнутри. Первое время он ничего не видел: перед глазами плясали синие язычки пламени луча. В висках стучала кровь, проталкиваемая насосом-сердцем.

Надо быстрее отсюда сматываться, думал он. Эти ребята не заставят себя долго ждать. Рано или поздно они обнаружат дверь с вырезанным замком.

Теперь он различил квадрат окна и на ощупь двинулся к нему, оставляя на полу лужи стекавшей с тела воды.

Вдруг кто-то прошлепал босыми ногами по полу. Мгновение спустя Флэндри обругал себя за произвольно вырвавшееся «кто

идет». Ему никто не ответил. Кто-то, разбуженный, по-видимому, его вторжением, действовал теперь с кошачьей осторожностью. Шума больше не было.

Он больно стукнулся обо что-то острое — о край кровати? — ободрав голень до крови. В этот момент послышался скрип, и Флэндри увидел тусклый прямоугольник дрожащего света на полу. Это открылся люк.

— Стой! — позвал он, но в ту же секунду темный силуэт заслонил от него квадратный проем и... исчез. Внизу раздался плеск воды, и Флэндри показалось, что он слышит, как кто-то быстро поплыл прочь. Крышка люка упала на место сама собой.

Все это произошло в одно мгновение. Он вспомнил о тварях в воде и содрогнулся. Надо иметь крепкие нервы, чтобы добровольно нырнуть в такую компанию. Звуки катера перешли в мягкое тарахтенье, потом в плевки, наконец все стихло. Они причалили. Чей-то властный голос отдавал команды.

Глаза адаптировались к темноте, и Флэндри мог осмотреться. Дом, а точнее, хибара, состоял из одной-единственной комнаты с весьма скудной мебелировкой. Несколько стульев, кровать, жаровня, кухонная утварь, сундук с разным бельем. Но кое-что выдавало наличие вкуса у хозяина жилища. Пара причудливых резных деревянных ширмочек, на стене — изящный набросок карандашом...

Но не это сейчас было важно! Он подкрался к окну. Охранники распластались на дне катера, шаря вокруг лучом прожектора. На носу катера была установлена гарпунная пушка, но сами они, похоже, ничего, кроме дубинок да ножей, не имели. Возможно, скоро придет подмога, а пока...

Флэндри переключил бластер в полную мощность на самый узкий луч и распахнул дверь. Пока я прикончу одного, ну двух, с катера они успеют связаться по радию и передать, что обнаружили меня. Можно предвосхитить события. Надо только очень точно стрелять. Как славно, подумал Флэндри, что среди моих многочисленных совершенств меткость не на последнем месте.

Длинный голубой и тонкий, как спица, луч пронзил ночь. Луч опустился, поплясал по рубке и приборам в ней и принялся буравить корпус. На катере раздалось проклятия. Луч прожектора поймал Флэндри. Гарпун вонзился в дверь. Но тут же судно дало течь, накренилось и скрылось под водой подобно нырнувшему киту.

К тому времени все уже попрыгали за борт, но не спешили выходить на берег. Понимали, что, появившись они на причале, могут тут же оказаться перерезанными пополам. Лучше дожидаться помощи. Флэндри прикрыл дверь с вежливым «Auf Wiedersehen», прошел через комнату к противоположному окну, спокойно

перелез через него на прохожую часть с другой стороны дома и припустил бегом.

Если повезет, то он успеет оказаться в безопасности еще до того, как ребятам надоест плескаться среди своих гончих тюленей и они выберутся на сушу.

Флэндри подбежал к вздыбившемуся аркой подвесному мосту, перекинутому на противоположный берег канала, где стоял ряд убогих хижин. Не такой красивый, как в центре города, но не лишен изыска. Он раскачивался под тяжелыми шагами Флэндри, который добежал почти до середины моста, где две опоры удерживали на дальнем конце подвеску, как вдруг...

Кто-то одной рукой сдвинул его сзади за горло, а другой — железной хваткой сжал запястье руки с бластером.

— Не дергайся, чужеземец. Во всяком случае, пока Кемул не разрешит тебе, — услышал Флэндри громовой бас.

Сейчас, конечно, совсем некстати было бы иметь сломанную шею. Поэтому Флэндри послушался совета и застыл, безропотно позволив отобрать свой бластер.

— Всю жизнь мечтал о таком, — хохотнул сзади бандит. — Но, может быть, пятьдесят миллионов чертей, ты скажешь, что ты забыл в хижине Луанг?

Горло сдавили сильнее.

Ну вот и все, с горечью подумал Флэндри. Что и следовало ожидать. Луанг дал деру, нырнув в люк, и бросился за подмогой. Они правильно рассчитали, куда я мог побежать, если вообще побегу, и устроили здесь засаду. Я, конечно, ценная птичка. Стоило прождать здесь, за колоннами, столько времени, чтобы заполучить меня.

— Ну же, — Флэндри совсем перекрыли кислород, — будь ласковой и расскажи все Кемулу.

Ограниченный набор слов, который смог продавить Флэндри сквозь чуть освободившийся проход, свелся к трем:

— Охранники... Там... Биоконтроль...

— Кемул знает. Кемул не слепой и не глухой. Законопослушный гражданин должен сдать им тебя. Может, Кемул так и сделает. Но он любопытен. Никто не видел таких, как ты, на Юнан Бизар. Кемул хотел бы послушать твои байки, прежде чем решит, что с тобой делать.

Флэндри отдыхал на голой груди гиганта, твердой, как скала, оперевшись о нее спиной.

— Это очень длинная история, чтобы вот так, на ходу... — прошептал он. — Что, если нам посидеть где-нибудь, где мы могли бы...

— Ага. Все зависит от твоего поведения. — Сунув бластер себе за юбку, гигант обшарил карманы Флэндри в поисках поживы.

Он извлек бумажник, снял часы, выпустил терранина из объятий и тут же отпрянул вбок, готовясь к нападению.

В смутном и неверном свете перед Флэндри предстал настоящий гигант по всем меркам: два двадцать в высоту и соответствующие плечи. На лице бандита было несметное число отметин от ножей и тупых предметов. Волосы — салные. Двигался, как будто был сделан из резины. Тело — разукрашено по меньшей мере дюжиной разноцветных татуировок, поразительно гармонирующих одна с другой. Кривой кинжал торчал из-за пояса.

Он оскалился в улыбке, и, — странное дело! — Флэндри мог поклясться, что в облике его промелькнуло что-то человеческое.

— Кемул знает одно местечко. Если ты и впрямь хочешь поболтать, то мы можем пройти туда. Но это слишком хорошее место, чтобы о нем знали. Даже домашнему божку приходится коротать свои дни с завязанными глазами. Кемулу придется сделать с тобой то же самое.

Флэндри растирал ноющую шею.

— Валяй. — И, окинув великана оценивающим взглядом, добавил: — Хотел встретить именно такого, как ты.

Это было правдой. Однако он совсем не ожидал столкнуться с подпольным миром Компонг Тимура в таком невыгодном для себя положении. Если он не придумает, чем бы их подкупить (ах, бластер был бы сейчас как нельзя более кстати!), то ему крышка. С ним не станут церемониться, просто аккуратно перережут то место, где голова соединяется с туловищем. Или сдадут Вароу. Или еще проще — оставят где-нибудь, где он подойдет через неделю-другую. Вокруг длинного двухэтажного здания, омываемого со всех сторон водами Канала Огнедышащего Дракона, в ранних предрассветных сумерках скопилось большое число причаливших лодок. Окружающий ландшафт являл собой убогое зрелище: бедняцкие хижины, несколько допотопных фабрик, склады, брошенные на откуп полчищам крыс и грабителей. Но на первом этаже таверны под названием «Уют На Болоте» кипела жизнь. Кипела в чад испарений дешевой араки и еще более дешевых наркотиков, сквозь которые пробивался тусклый свет веселых фонариков из тыквенной кожуры, подвешенных под потолком. Моряки с барж, рыбаки, докеры, заводские рабочие, мешорубы и охотники, вышедшие на отдых из джунглей, бандиты, мошенники, азартные игроки и прочие неопределенных занятий личности пили, курили, ссорились, швыряли кости, делали ставки, замирали от обольстительных жестов танцовщиц, движущихся под звуки флейты и бой малых барабанов. Время от времени из-за бусиной занавески слышался возбужденный женский смех.

И за всем этим с высокого трона следили заплывшие жиром глазки мадам Удьюнг. У ее ног сидел верный человек с кинжалом,

которому она отдавала приказания в случае каких-либо осложнений; человек был безносый. Но осложнения случались редко. В основном же она потягивала джин и болтала с птичкой кетжил, сидевшей на ее запястье. Совсем крохотная пичужка, но с каким хвостом! Дождь золотых огней — вот с чем можно было бы сравнить этот мелькающий туда-сюда хвостик! Кроме того, птичка умела петь женскими голосами.

Флэндри, разумеется, был достаточно наслышан о подобных заведениях, чтобы догадаться, где он. Конечно, это было не единственное такое место. Возможно, их были сотни. Поэтому, когда ему развязали глаза на втором этаже, он весьма удивился, не обнаружив обстановки, которую ожидал увидеть. Комната, куда его ввели, явно несла на себе отпечаток того же характера владельца, как и та, в которую он так недавно нещадно ломился. Чисто убранная, с простой мебелью. На стене — изящная безделлица. Две ширмы, плоская ваза, в которой камень и два белых цветка. Все это Флэндри успел заметить в свете лампы, которую держал в ладонях деревянный божок, стоявший на полке — действительно с завязанными глазами. Окно было открыто, и в теплое вонючее ветерке, струившемся из него, тонули все другие запахи.

Кемул швырнул Флэндри юбку, и тот, не мешкая, с облегчением натянул ее на себя и завязал на поясе.

— Ну, — сказал гигант, — что мы можем поиметь с его тряпок, если их почистить, а, Луанг?

Скинутую Флэндри одежду внимательно рассматривала девушка, которая, по всей видимости, и была той самой Луанг.

— Сплошь синтетика... Но таких расцветок у нас никогда и в глаза не видели, — сказала она порывисто. — А поиметь, я думаю, поимеем. Клетку на площади.

— Как это?

Луанг кинула одежду на пол, рассмеялась и, вскочив на что-то вроде комода с многочисленными ящичками, уселась на него, болтая обнаженными ногами. На ней отсутствовали какие-либо украшения, если не считать инкрустации на рукоятке кинжала да белоснежной юбки. Да и к чему ей были они? Невысокая, с лицом, возможно, не классически красивым с точки зрения модных красавиц, похожих как две капли воды друг на друга, но живым, она и так была привлекательна, если не сказать больше. Высокие скулы, полные губы, изогнутые брови над продолговатыми темными глазами. Точеный носик и длинные ресницы. Цвета воронового крыла волосы коротко подстрижены. И Флэндри внезапно вспомнил, что уж который месяц он жил монахом.

— А ты уж сам догадайся, — сказала она очень серьезно, с чуть заметной улыбкой. Достала из кармана пачку сигарет и предложи-

ла терранину. Тот повертел в пальцах желтый цилиндр и вдохнул через него воздух. Никакого эффекта. Девушка рассмеялась и шелкнула зажигалкой. Затянувшись, она выпустила дым через ноздри двумя струйками, тот окутал ее, сделав похожей на Шехерезаду в дымке кальяна. Флэндри попробовал сделать то же и закашлялся. Если это был табак, то чертовской силы. На Юнан Бизар, должно быть, растение претерпело чудовищную мутацию.

— Ну, капитан, теперь, когда вы приделались, — сказала она, — поведайте нам свою печальную историю и посоветуйте, что нам с вами делать.

Флэндри понимал, что как раз сейчас надо сосредоточиться и ни о чем постороннем не думать, но ее юбка была такая короткая!..

— По крайней мере вы можете меня выслушать, — выдавил он из себя.

— Ну разумеется. Хотя человека, врывающегося в мой дом...

— Но у меня не было выхода!

— Ладно, забудем это. Было даже интересно. — Луанг поджала ноги к подбородку и обхватила их руками, глядя на Флэндри поверх круглых коленок. — Давно так не веселилась — с тех пор, как Бешеный Рави-Один-Глаз устроил суматоху на Веселом Канале, когда все эти жирные пижоны попадали со страху в воду! — На какое-то мгновение злоба исказила ее черты, но потом она вздохнула и продолжила печально: — Но, к сожалению, дело закончилось так, как и должно было. Бедняга Рави получил свое, в конце концов. Хочется надеяться, что ваше приключение завершится иначе.

— Давайте надеяться вместе, — сказал Флэндри. — Что, если нам обсудить, как избежать подобного финала?

Тут Кемул, сидевший все это время огромной глыбой на полу, встрепенулся, словно что-то вспомнив, и шелкнул пальцами.

— А, Кемул понял!

Девушка улыбнулась:

— Что ты хочешь сказать?

— Насчет его одежды и прочего барахла. Их могут вычислить, Луанг. Биоконтроль задаст вопросы и выйдет на нас. Тогда получится, что мы не выдали им того, за кем они охотились. И тогда нам всем — клетка.

— Браво, — сказал Флэндри.

— По моему рассуждению, лучше бы нам сдать его, пока не поздно. — Кемул беспокойно заерзал на полу. — Может, мы получим награду.

— Посмотрим, — отрешенно сказала Луанг, затягиваясь в очередной раз. — Конечно, — размышляла она вслух, — мне пора бы

уже вернуться домой. Там, наверно, полно крыс из Биоконтроля. По отпечаткам пальцев они установят, что я — хозяйка. — Тут она пристально взглянула на Флэндри из-под опущенных ресниц. — И я МОГЛА БЫ сказать им, что, когда ты вломился, я была ни жива ни мертва от страха, сбежала через люк, а больше... Больше ничего не знаю.

Флэндри оперся о стену возле окна, за которым было еще темно.

— Но ведь есть риск, что они не поверят тебе? С моей стороны было бы...

— Фу, какой это риск! — Она презрительно надула губы. — Никакого риска. Эти болваны дальше своего носа ничего не видят. Хуже другое. Как тебя спрятать? В Болотном городе полно зевак. Да и дороговато будет содержать тебя, чужеземец.

— Давай проясним ситуацию, — сказал Флэндри, выпуская дым. Теперь курилось лучше, видимо, нервные окончания на языке были уже парализованы. — Познакомимся, наконец. Я уже говорил, что я — имперский офицер, и откуда я. Теперь мне бы хотелось узнать вашу жизнь здесь. Давай так: я буду говорить, а ты поправишь меня, если я ошибусь в чем-либо.

Итак, Биоконтроль занимается тем, что производит и распределяет по местным центрам эти голубые таблетки — противоядие. Так? — Она кивнула. — Каждый гражданин получает одну такую раз в тридцать дней и обязан проглотить ее там же. — Она снова кивнула. — Но ведь существуют еще и грудные дети. Им тоже надо получать свою дозу в молоке. Значит, отпечатки пальцев снимаются с самого рождения. Эти отпечатки хранятся в центральном хранилище — не знаю где — и автоматически перепроверяются всякий раз, как выдается таблетка. А посему уж если ты вляпался в конфликт с законом, то лучше сразу сдать ся и явиться с повинной. В противном случае — не получишь пилюли. — При этих словах Флэндри Луанг хитро ему подмигнула, давай, мол, сдавайся, что же ты?

Получается, что при такой, как у вас, системе преступному миру лучше сразу сдать ся на милость властей, — продолжал Флэндри. — Знаешь, когда люди, с которыми я здесь впервые встретился, повели себя по-свински, я обиделся и ушел. Я собирался попасть в тюрьму, полагая, что здесь в основном концентрируется преступный элемент. В этом, как показали события, я не ошибся. Но одного я теперь не могу взять в толк: почему правительство, имея такие неограниченные возможности контроля, допускает и терпит ваше существование? Вот Кемул — стопроцентный бандюга, а вы, моя госпожа, в моих глазах... э-э-э... нечто вроде импресарио или частный предприниматель. Правительство могло бы лучше вас контролировать.

Кемул расхохотался так громко, что заглушил все звуки, доносившиеся с первого этажа через щели в дощатом полу.

— Да правительству плевать! — сказал он. — Вы платите денежки за ваши пилюли? И платите! Много? Много. Чего же еще надо? В особых случаях, правда, они делают послабления, это верно. Но для этого вам придется доказывать свое бедственное материальное положение Биоконтролю. И тогда уж он с вас глаз не спустит. — (Ого, подумал Флэндри.) — Какому-нибудь рабовладельцу тоже идут навстречу, снижая плату за таблетки, которые он покупает для своих слуг. Но нет уж! Кемул лучше вспорот себе живот, как свободный человек. Поэтому он платит полную цену. Да и большинство предпочтет то же самое. Вот и получается, что Биоконтроль получает свои денежки, а уж как они зарабатываются, его не интересует.

— Ага, — Флэндри пригладил усы. — Простейшая налоговая система.

Теперь вся экономика Юнан Бизар отчетливо предстала в его голове. Если все люди (за небольшими исключениями) должны были платить одинаковую сумму за жизнь каждые две недели, определенные категории людей попадали в невыгодное положение. Или определенные классы. В больших семьях родители будут стремиться как можно раньше избавиться от детей, чтобы те сами платили за жизнь. Отсюда — низкое образование детей, еще более шаткое, чем у их родителей, положение в обществе впоследствии. Бедняк становится беднее, богач богатеет. Любая неудача будет толкать бедняка в лапы ростовщиков и... Отсюда прямой путь — в криминальную среду, тем более что здесь, похоже, нет полиции как таковой. Горстка землевладельцев, производителей и торговцев управляет забитыми крестьянами и неорганизованным пролетариатом. Разделение стало наследственным, просто потому, что сын не смог добиться лучшей доли, чем отец. Вот если бы Юнан Бизар не была так изолирована, а вступила бы в торговые контакты с Галактикой, тогда примитивная экономика рухнула бы, подчинившись требованиям конъюнктуры. Но кроме строго отобранных для этих целей бетельгейзианских торговцев — сюда три столетия никто и носа не кажет!

Впрочем, поспешил заметить сам себе Флэндри, он упрощает ситуацию. Любая планета — это мир, причем такой же сложный и многообразный, как и на Terre. Здесь не должна быть одна-единственная социальная структура, а внутри любой субкультуры должны быть люди, не вписывающиеся в ее модель. Луанг, например. Правда, он не мог сейчас точно представить ее место в социуме, да это и не важно. Он находится в Компонг Тимуре, и жизнь здесь именно такая, какую он себе и представлял.

— Насколько я понял, проявление неуважения к персоналу Биоконтроля считается единственным серьезным грехом?

— Не вполне. — Кемул сжал кулаки. — Биоконтроль прекрасно ладит с богачами. Лучшие друзья. Попробуй залезть в дом такого, и узнаешь, что будет. Десять лет рудников, если повезет. Рабство — более вероятно.

— Ну, это если поймают, — пропела Луанг. — Помню, один раз... Но это было давно.

— Теперь я понимаю, почему охранники не утруждаются носить при себе оружие, — сказал Флэндри.

— Здесь они носят. В этом районе. — Кемул еще больше помрачнел. — Они любят ходить по несколько человек. Остерегаются лишней раз появиться на канале. Опасно. Многие имеют на них зуб. Муж, у которого богач украл жену, силком затащив на свою лодку; какой-нибудь нещадно поротый слуга из дворца; инженер, проглатывавший что-то в процессе работы, лишившийся места и опустившийся на самое дно. К нам. И другие подобные.

— Он говорит об известных случаях, — сказала Луанг. — Самому придумать примеры у него не хватает воображения, — поддразнила она Кемула. Но тот упрямо довел свою мысль до конца.

— Как правило, они сюда не суются. Зачем? Мы покупаем у них таблетки и держимся подальше от их дворцов. А что мы вытворяем друг с другом, их не касается.

— А вы никогда не задумывались?.. — Тут Флэндри с удивлением осознал, что не может найти в пулаойском подходящего эквивалента слову «революция». — Вы — обездоленные и простые люди — вас большинство. У вас есть оружие. Вы могли бы захватить власть.

Кемул заморгал. После долгого раздумья он сплюнул:

— Что Кемулу до вкусной жратвы и хорошеньких девочек из гарема? Кемул и так прекрасно живет.

Однако Луанг, казалось, лучше поняла Флэндри. Тот заметил, что девушка была несколько шокирована его предложением. При чем дело было не в том, что здешний порядок вещей представлялся ей чем-то освященным веками. Но сама идея кардинального переворота оказалась слишком радикальной для ее сознания. Она прикурила новую сигарету от тлеющего окурка, выпустила струю дыма, прикрыла глаза, упервшись лбом в колени. Потом заговорила:

— Теперь я вспомнила, чужеземец. О чем-то подобном я читала в книжках, очень старых; Биоконтроль, наверное, считает, что они все уже сожжены. Я знаю, как хозяева пришли к власти. Почти никто уже этого не знает, а я вот знаю. Мы не можем их побороть. Если только не погибнем сами. — Она потянулась как кошка. — А мне пока нравится жить. Меня это забавляет.

— Я понимаю, что Биоконтроль — единственный, кто знает, как изготовить противоядие, — сказал Флэндри. — Но стоит вам приставить дуло к виску любого из них, и я тебе гарантирую...

— Слушай меня, — сказала Луанг. — Давным-давно, когда Юнан Бизар только начинали заселять, Биоконтроль был лишь биоконтролем — обычным отделом при правительстве. Потом что-то у них стряслось, не вполне представляю, что именно: то ли коррупция, то ли еще какая-то глупость... В Биоконтроле работали лучшие люди, и, как бы это сказать?... одержимые? Да, именно так, люди, охваченные одной страстью: переустроить мир. Они хотели самого лучшего для планеты и выпустили манифест, призывающий к реформам. Естественно, правительству, другой его части, это не понравилось. Но Биоконтроль было не взять голыми руками, ведь они контролировали процесс, от которого зависела жизнь на всей планете. Одно неверное движение, не так повернуть какой-нибудь рычажок — и все! Смерть. Поэтому контроль над производством противоядия должен быть безупречным. И был. Этим и занимался Биоконтроль. И атаковать их оказалось невозможным без риска погибнуть всем. Тут и население начало паниковать, что не получит вовремя свои пилюли. Тогда общественное мнение заставило правительство снять осаду с Биоконтроля. И вот — победа. Биоконтроль стал полновластным хозяином на планете. Поначалу они заявляли, что пришли к власти ненадолго, только на период реформ, чтобы установить справедливый порядок повсюду. Все было тщательно спланировано.

— Понятно, — ухмыльнулся Флэндри. — Это случается с некоторыми выучившимися техниками-учеными, мечтающими о глобальных переустройствах. У вас, как я понимаю, произошло нечто в этом роде. Психотехнократия. Наипопулярнейшая теория в прежние дни. И когда люди поймут, что два слова — «научное правление» — понятия несовместимые?... Люди, будучи несовершенны, оказались не способны вести себя так, как требовала совершеннейшая модель, а значит, Биоконтролю пришлось задержаться, ведь он не вправе был бросить начатое дело по осчастливливанию человечества. Вот и приходилось бороться, бороться, бороться за счастье будущих поколений, а там — глядишь, и выросла олигархия. Такие правительства обожают превращения подобного рода.

— Не вполне так, — сказала Луанг. Флэндри боялся, что девушка не совсем его понимала: уж слишком много он использовал английских слов, надеясь на то, что в пулаойском найдутся понятные ей синонимы. Но, твердо глядя на него в упор, Луанг произнесла с почти профессорской назидательностью:

— Биоконтроль всегда был Биоконтролем. Я хочу сказать, они отыскивали способных мальчиков, брали к себе на выучку, чтобы

впоследствии те обслуживали цистерны с противоядием. Так было всегда. И, только пройдя все ступени этой службы, можно было надеяться попасть в правительство.

— Вот оно что... Значит, вами до сих пор правят техники! — сказал он. — Как странно: научный менталитет и управление странной вещи настолько разные, а зачастую просто несовместимые. Я-то полагал, что Биоконтроль просто нанимает администраторов, которые, собственно, и вершат судьбы людей.

— То, о чем ты говоришь, было когда-то лет двести назад, — сказала Луанг. — Наняли, и дело кончилось скандалом, наемные эксперты стали проводить в жизнь собственные решения, отведя Биоконтролю лишь номинальную роль. Кое-кому это не понравилось. Веда Тавар — это его статуи понаставлены по всей планете — возглавил заговор. Дождавшись своей очереди дежурить и попав на охраняемую территорию с цистернами, он выдвинул свои условия, объявив, что взорвет цистерны, если войска не перейдут к нему в прямое подчинение. Другие заговорщики захватили все космические корабли, ожидая только команды подорвать их. Ты понимаешь, что произошло бы? На Юнан Бизар никого не осталось бы в живых. И наемники-эксперты капитулировали. С тех самых пор Биоконтроль сам правит планетой. И знаешь, какую клятву приносит каждый новичок? Он клянется уничтожить все цистерны, а значит, всех людей в случае непосредственной угрозы власти Биоконтроля.

Вот и объяснение этой всеобщей анархии бесконтрольности, думал Флэндри. Не надо больше никаких институтов, чтобы как-то регулировать преступность или уровень жизни населения. Все, что требуется, — это вовремя готовить кадры для их пивоварни и не допустить посторонних к власти.

— Они и правда решились бы выполнить свою угрозу, случись что? — спросил он.

— Уверена, что многие бы даже не задумались, — ответила она. — Недаром во время обучения их натаскивают как собак. — Она передернула плечами. — Вот так, чужеземец. Поэтому никакого риска.

Встрепенулся Кемул, долгое время сидевший неподвижно.

— Ладно, хватит попусту молотить языками! Мы еще ничего не услышали о тебе и о том, зачем ты тут оказался!

— И почему тебя ищут, — добавила она.

Стало очень тихо. За окном плескалась вода. Где-то далеко в джунглях погромыхивал гром. А в таверне, этажом ниже, жизнь не замирала: кто-то вырубался, началась потасовка, истошно завопила девка и в довершение всего раздался громкий всплеск — уже в канале. По-видимому, однако, это был всего лишь небольшой инцидент. Так, недоразумение: слышно было, как неудач-

ник, отфыркиваясь, бросился вплавь наутек. Снова зазвучала музыка.

— Они ищут меня потому, — сказал Флэндри, — что я могу их уничтожить.

Услышав эти слова, Кемул, до того сохранявший абсолютную невозмутимость и никак не реагировавший на шум под его необъятным задом, вскочил на ноги:

— Не шути так с Кемулом! — выдохнул он и дико вытаращил глаза.

Луанг с расширенными зрачками медленно опустила ноги на пол.

— Как насчет свободы, а, Кемул? — спросил небрежно Флэндри и, повернувшись к Луанг: — К даме вопрос также относится.

— Свободы?.. От чего? — протянул в замешательстве Кемул.

— Ну это же понятно. Так что вы скажете, если я предложу прикрыть эту лавочку — Биоконтроль? Противоядие — бесплатно! Ну, или по сходной цене, доступной для всех. Это реально. Я не шучу. Уверен, вы платите за эту дрянь втридорога, и будете платить еще дороже, перекачивая в их карман нечто вроде налога.

— Да, цены растут, — проговорила Луанг. — Но только Биоконтроль владеет цистернами и знает, как ими пользоваться...

— Да что вы заладили: Биоконтроль, Биоконтроль! Ерунда! — разошелся Флэндри. — Еще когда осваивалась Юнан Бизар, весь ваш район находился в крайне отсталом состоянии. Да, исследователи открыли процесс, дающий противоядие — скорее всего биосинтетический. Но даже по меркам того времени ваше производство было допотопным и отсталым. На Спике-VI, к примеру, можно воспроизвести любую молекулу! Техника для этого гораздо проще и исключает ошибки. А количество — да хоть залейся!

Луанг рот разинула от удивления.

— Уж не хочешь ли ты проникнуть туда?! — прошептала она.

— Точно. Во всяком случае, это именно то, чего они так боятся, братцы Банданг и Вароу. А что, неплохая идея! На Спике-VI лаборатория Мицукко заплатит мне... заплатит мне... ну, в общем — неплохие комиссионные только за то, что я нашел им такой рынок! М-да... — Флэндри мечтательно прикрыл глаза.

Кемул долго и отчаянно тряс головой, так, что его длинные волосы окончательно спутались.

— Ну нет! Кемул и так живет не плохо! Не так плохо, чтобы рисковать своей шкурой, помогая тебе! Луанг, надо его немедленно сдать куда следует!

Но Луанг лишь молчала с непроницаемым видом, не спуская с Флэндри глаз.

— Ну и как ты собираешься выбраться отсюда? — спросила она наконец.

— Ерунда. Мелочи. — И Флэндри неопределенно махнул рукой, не желая вдаваться в «мелочи».

— Вот что я думаю. Уж если ты сам не знаешь, как улетишь отсюда, то мы тем более. Стоит ли нам рисковать своей жизнью?

— Э-э-э... — Флэндри замялся, жестом попытавшись рассеять сомнение, застывшее на их лицах. — Предлагаю обсудить эту тему как-нибудь в другой раз, — стараясь выглядеть как можно естественнее, произнес он.

— Ты думаешь, у тебя будет «другой раз»?

На лице Флэндри появилась такая сногшибательная улыбка, от которой все женские сердца от Скоты до Антар не могли не разбиться вдребезги.

— Если вы мне его подарите, моя госпожа.

Она пожала плечами:

— Может быть. Если увижу смысл рисковать. И... вот еще что. Кемул уже завладел всем, что у тебя было. Чем ты собираешься заплатить за следующие тридцать дней?

Вот это был действительно вопрос.

Та часть Болотного города, которая располагалась между Каналом Цветка Лотоса, складом специй «Барати и Сыновья», Каналом Потонувшего Пьяницы и совсем жалкими, ютившимися на плотках хижинами — там, где Компонг Тимур граничил с никем не востребованной водянистой хлябью, подпадала под протекторат Суму Жирного. Ему платили дань все, кто обладал хоть маломальским доходом: паромщики, священники, колдуны, артисты, проститутки, держатели базаров, фальшивомонетчики — и другая подобная публика. Дань не была непомерной и строго согласовывалась с индивидуальными возможностями, так что поводов для смертельных обид как будто не было. В некоторых случаях Суму даже оказывался полезен: его ребята охраняли район от посягательств других группировок, устраивая иногда показательные расправы над случайными гастролерами. Для тех же, кто воровал товары из других частей города, он был надежным патроном. У него были связи, благодаря которым даже законный торговец мог получить баснословный барыш. Он мог найти покупателя на дочку какого-нибудь вконец обнищавшего папаши, чтобы тот смог достать денег на покупку очередной тридцатидневной дозы. В таких случаях, надо отдать ему справедливость, Суму не брал непомерных комиссионных. По примеру Соломона он также судил своим коротким судом тех, кто дерзал предстать пред его очами. А раз в год, на праздник Фонариков, он лично раздавал леденцы малышам, бродя по своей территории, украшенной, кстати говоря, также за его счет.

Вот каков был Суму. И ненавидели его не больше, чем, скажем, какого-нибудь правителя.

Однажды, некто Прадьюнг, человек Суму, совершал ежедневный обход территории в целях сбора дани. Каково же было его изумление, когда он услышал о некоем рассказчике, который в течение двух дней на площади Индранадью зарабатывал себе на жизнь, не позаботившись заручиться разрешением.

Прадьюнг был зауряден с виду, но ножом владел как фокусник. И вот ясным днем, когда белое солнце в обесцвеченном небе забралось на самый верх, а железные стены, вода канала, даже солома крыш и дерево излучали несусветный жар, в котором все плыло, отбрасывая иссиня-черную тень, Прадьюнг пошел на площадь. Высоко над крышами парила пагода Биоконтроля, казалось, она плавится на солнце, так что у любого смотрящего на нее вызывала головокружение. Гомон толпы, треск моторов, все эти звуки созрели прямо из воздуха; женщины сидели перед дверями своих домов и кормили детей грудью. Ему было трудно идти мимо нескончаемых ларьков горшечников: сандалии при каждом шаге норовили прилипнуть к пузырящейся смоле досок. Он перешел через подвесной мост на холм, где у центрального фонтана стояли когда-то каменные драконы, которых время и непогода превратили в безобидных мопсов. Фонтан, к слову сказать, тоже давно иссяк — несколько поколений назад был украден водопровод. Тем не менее, как и прежде, на площади Индранадью собирались продавцы овощей и фруктов с соседних ферм. Их ларьки с соломенными крышами и красными флажками окружали площадь. Здесь было прохладнее, чем где-либо, можно было стянуть незаметно поджо, поэтому народа здесь скапливалось множество, дети и зеваки составляли большую часть. Лучшего места для рассказчика нельзя было и придумать.

Этот пришелец сидел, помахивая самым обычным веером, перед ним стояла обычная чаша для пожертвований. Однако на этом все обычное кончалось. Прадьюнг был вынужден поработать корпусом и локтями, чтобы очутиться в первых рядах. Только тут он увидел этого человека. И открыл рот.

Никого подобного не встречал он раньше за всю свою жизнь. Парень был высокий, прекрасно накачанный. Но кожа его была бледной, лицо вытянутое, нос торчал клювом, а уж глубоко посаженные глаза были и вовсе неправильной формы. На верхней губе росли волосы — факт исключительно редкий, хотя и не полностью неизвестный в этих краях. Усы были коричневого цвета, точно такого же, как кончики волос, выбивавшиеся из-под чалмы. Говорил он с сильным, незнакомым акцентом и в абсолютно не свойственной рассказчику манере. И еще — он был совершенно спокоен.

Что вполне объяснимо, ибо рассказывал он не о какой-нибудь Серебряной Птичке или о космическом торговце Ван Рийне, или

еще о каком-нибудь набившем оскомину анахронизме. Нет, он рассказывал совершенно новые истории, неприличные по большей части и дерзко забавные. Толпа держалась за животы.

— ...И вот, после столь долгой и блестящей карьеры, сражавшемуся в воздухе за честь и славу своей страны Пьеру Удальцу даровали отпуск домой. Для пилота более желанной награды нельзя было придумать. — Рассказчик скромно потупил взор и добавил: — Но я всего лишь бедный человек, о щедрые и добросердечные люди, и изнемогаю от усталости...

Деньги зазвякали о чашу. Рассказчик переложил всю мелочь в сумку, откинулся назад, зажег сигарету, отхлебнул глоток вина из меха за спиной и заключил:

— Дом Пьера Удальца назывался Париж, это был самый богатый и прекрасный из всех городов. Именно там мужчины овладели все искусством наслаждения: это значит не просто валяться вместе, но использовать самые нежные и утонченные изыски, самые прелестные и пикантные тонкости... Вот, для примера, рассказ о путнике из любопытного местечка под названием Техас, который, попав в Париж...

— Остановись!

Прадьюнг оттолкнул стоявших на его пути в самом ближайшем к рассказчику кружке слушателей и встал прямо перед ним. Публика недовольно загудела сзади, тогда он потянулся к рукоятке кинжала. Наступила тишина. Лишь отдельные невнятные возгласы протеста слышались из толпы. Кое-кто, решив, что пора и честь знать, постарался как можно незаметнее ретироваться.

— Твое имя, чужеземец. Откуда ты пришел? — резко спросил Прадьюнг.

Рассказчик поднял глаза. Глаза были незамутненно-серые.

— Не лучший способ заводить дружбу, — с упреком в голосе ответил он.

Прадьюнг вспыхнул:

— Ты знаешь, где ты?! Это территория Суму, да населят его потомки весь космос! Кто разрешил такой инородной бестии, как ты, делать здесь деньги?

— Но никто мне не запрещал.

Ответ был достаточно мягким, чтобы Прадьюнг мог утолить свой гнев и успокоиться, к тому же скорость, с которой этот тип зарабатывал, позволяла рассчитывать на приличный барыш.

— Здесь рады любому чужеземцу с добрыми намерениями. Но решать должен мой хозяин Суму. И он оштрафует тебя за то, что ты вовремя не явился к нему. То есть сразу. Но если ты будешь вести себя подобающим образом с ним и... хм... с его верными людьми, то ему не придется приказывать бить тебя.

— Осмелюсь надеяться, что не придется. — Рассказчик вскочил на ноги. — Пойдем же скорее, води меня к своему вождю!

— Ты мог бы оказать почтение его людям, которое они заслуживают, и тем приобрести друзей, — сказал Прадьюнг, косясь на полную сумку.

— Конечно, — рассказчик поднял мех. — Ваше здоровье, сэ! — Он долго держал мех у губ, после чего снова закинул его за спину.

— Так что там за история? — выкрикнул какой-то невежда, деревенщина, не знакомый с ножом Прадьюнга.

— Боюсь, что придется прерваться, — сказал чужеземец.

Толпа утрюмо расступилась. Прадьюнг был уже вне себя от злости, но сдерживался. Он подождет, пока придут к Суму.

Великий человек обитал в доме довольно непритязательном снаружи, если не считать его примечательной длины и охранников с изрезанными ножами лицами, стоявших у каждой двери. Зато внутри... Мебель, ковры, благовония, певчие птички в клетках, аквариумы, фаянс, — среди всего этого можно было заблудиться! Был и гарем, где находилась, если верить слухам, сотня наложниц, — правда, не всегда тех же самых. Но что более всего поразило гостя — так это система кондиционеров, купленная за бешеную цену в дворцовой части города.

Суму возлежал в походном кресле, одной рукой небрежно перелистывая какие-то бумаги, другой почесывая брюхо. Сладкий чай и печенье находились у него под рукой. Позади сидели двое телохранителей с кинжалами, один из них заряжал пистолет, довольно древнее с коротким стволом химическое оружие, стреляющее свинцовыми пулями. Впрочем, убить из такого было ничуть не труднее, чем из бластера.

— В чем дело? — вскинул бульдожьё голову Суму и близоруко сощурился.

Прадьюнг грубо выпихнул рассказчика вперед.

— Этот заморский шарлатан вот уже два дня болтает на площади всякие истории, туан. Посмотри на его сумку — она распухла от выручки! Но когда я попросил его прийти к тебе, о мой благороднейший хозяин, чтобы засвидетельствовать тебе свое уважение, он долго и грубо отказывался, и мне пришлось привести его на острие своего кинжала.

Суму уставился на незнакомца и мягко осведомился:

— Как тебя зовут и откуда ты?

— Доминик мое имя. — Высокий человек попытался выскользнуть из хватки Прадьюнга, очевидно, испытывая неудобство.

— Неприятно звучит. Но я спросил тебя, откуда ты.

— Из Пегунунганга Градьюганга — о! Это очень далеко, за Тинджилским океаном...

— Ага. Так. — Суму удовлетворенно кивнул, будто он что-нибудь понял.

По правде сказать, он мало что знал о жителях других континентов. Иногда их правители и прибывали сюда, но только самолетом и только чтобы навестить правителей Компонг Тимура. Бедноту редко заносит так далеко. Ходили слухи, что там, за океаном, расцвела совсем другая жизнь при других условиях. Теперь понятно, что плохая пища и недостаток солнца в ряде поколений приводят к тому, что у людей такие бледные физиономии...

— Почему же ты не захотел прийти ко мне сразу? Любой указал бы тебе на мой дом.

— Но я не знал этого правила, — сказал Доминик обиженно. — Я думал, что имею право заработать себе на жизнь несколько честных монет.

— Несколько честных монет! Я вижу гораздо больше, — поправил его Суму. — А разве честно отказывать мне в том, что мне принадлежит по праву? Ладно, на первый раз твое незнание может сойти за оправдание. Давай посмотрим, что у тебя в сумке, чтобы решить, сколько будет справедливо удержать с тебя в неделю. Заодно оценим сумму штрафа за твое легкомыслие.

Прадьюнг плотоядно ухмыльнулся и потянулся за сумкой. Но Доминик отступил назад и швырнул ее прямо на колени Суму.

— Держи, туан! — вскричал он. — Но не верь этому противному человеку с глазами гиены. Пересчитай мои деньги сам. Но учти, что эта сумма собрана не за один день, а за два плюс еще добрая часть ночи. Спроси любого на площади, если не веришь мне. Там подтвердят мои слова.

— Может, они подскажут, куда ты заныкал остальное, ты, куча навозных червей! — оскалился Прадьюнг. — А ну, скидай все с себя! Что-то мне подозрительна твоя чалма.

Доминик отступил еще дальше, но его тут же схватили за руки два телохранителя. Когда с вывернутыми руками Доминик упал на колени, Прадьюнг лягнул его в живот.

— Раздевайся! — гаркнул он.

Суму увлеченно сортировал монеты. Доминик застонал.

В юбке чужеземца не оказалось ровным счетом ничего, кроме него самого. Зато в чалме нашли пакет. Когда Прадьюнг развернул находку, воцарилась благоговейная тишина.

Оберткой пакета служила блуза, но такого свойства и качества, о которых здесь не слыхивали — цвета бледного рассвета, тонка настолько, что складывалась в один кубический сантиметр, и в то же время совершенно не мялась! Внутри лежали цифровые часы необычайно тонкой работы и бумажник, но не из кожи и не из

пластика. Там хранились карты и деньги — но не бумажные. Цифры и буквы были из неизвестного алфавита, из совершенно незнакомого языка.

Суму поспешно изобразил некий магический знак, оберегающий от злых сил.

— Девять курительных палочек богам храма Рота! — прошептал он заикаясь и повернулся к Доминику, который дрожал, стоя на коленях. — Итак, что ты скажешь на все это?

— Туан! — Доминик ничком рухнул на пол. — Туан, возьми все, что у меня есть, всю медь, — взвыл он, — но отдай эти никчемные безделушки, доставшиеся мне от моей доброй матушки!

— Никчемные?.. Я так не считаю. — Суму смахнул капли пота в приступе сильного возбуждения. — Нам придется выбить из тебя правду.

— Клянусь Трехголовым, все, что я говорил, — чистейшая правда!

— Посмотрим, — сладчайшим голосом проворковал Суму. — Я не жесток и мне совсем не хотелось бы допрашивать тебя. Тем более что заняться этим придется Прадьюнгу, а вы, я смотрю, не очень-то ладите друг с другом. А жаль.

Прадьюнг облизнул губы.

— Я хорошо знаю подобных упрямцев, о могущественный хозяин, — сказал он. — Займет немного времени, но в итоге он расскажет все, когда вспомнит, что надо вспомнить. Ну ты, пошевеливайся!

— Подожди, подожди, — сказал Суму, — не спеши. Пока дай ему попробовать парочку горяченьких по пяткам, и посмотрим, не развяжется ли у него язык. Каждый человек имеет право быть выслушанным, Прадьюнг.

Доминик опять ударился лбом об пол.

— Это семейный секрет, и только! — взмолился он. — Твое величие не извлечет из этого никакой пользы!..

— Если это действительно окажется так, как ты говоришь, то будь уверен: я не выдам твой секрет никому, — великодушно пообещал Суму. — Ты ведь знаешь, здесь тот, кто не держит язык за зубами, отправляется прямо в канал.

Прадьюнг увидел, что ускользает благоприятная возможность расквитаться. Схватив бастинадо, он использовал его по назначению. Доминик закричал. Суму остановил Прадьюнга и предложил гостью глоток вина.

Наконец история вышла наружу.

— Джордж — это мой брат — нашел корабль, — проговорил Доминик. Руки его дрожали, жадные глотки вина перемежались глотками воздуха. — Он работал лесовозом и часто ходил в горы.

Там, в глубоком сыром ущелье он наткнулся на космический корабль.

— Корабль со звезд?! — Суму вновь произвел магические жесты, призванные оградить его от темных сил, и пообещал богам очередную порцию курительных палочек. До него доходили смутные слухи о бетельгейзианах, и ему доводилось видеть некоторые их товары. Но весьма поверхностное образование, оставившее в его мозгу лишь эскиз, а не ясный чертеж мироздания, не смогло вытравить из него детские мифы о Предках, Звездах и Чудовищах.

— Именно так, туан. Не знаю, прилетел ли он с Красной Звезды — ведь встречает иногда Биоконтроль гостей оттуда, — или еще откуда-нибудь. Может быть, он даже с самой Терры? Видишь, рубашка мне как раз впору! Не знаю. Только давно, очень давно, они почему-то не справились с управлением и разбились. Теперь это место катастрофы заросло, но джунгли не смогли разрушить металлический корпус, и дикие звери устроили себе в нем логово. От команды, конечно, ничего не осталось, ни единой косточки. Но люки... Люки, которые вели в трюм, никто не открывал. Они были не заперты, просто закрыты. И вот, когда мой брат Джордж спустился туда, он увидел...

Еще полчаса Доминик в ярких красках расписывал чудеса сказочных трюмов, затем продолжал:

— Ты сам понимаешь, ему было не под силу одному унести все на своем горбу. Поэтому он прихватил с собой то немного, что могло бы убедить меня и кого угодно в том, что клад существует, и вернулся домой. Мы с братом решили поднакопить денег, чтобы нанять транспорт. Это была его идея. Но мы были бедны, и в голову не приходило мысли, как это сделать. Разумеется, мы зареклись говорить об этом кому-либо, тем более нашему правителю. Он отнял бы у нас все. Хотя мы и проводили бессонные ночи, советуясь друг с другом, Джордж ни разу и словом не обмолвился о том, где лежит корабль. — Доминик вздохнул: — Он знал меня. Я слабовольный и нерешительный человек. Секрет надежнее было хранить в одном месте. У него...

— Ну же!!! — Суму не мог усидеть в кресле от расправившего его нетерпения. — Чем все закончилось?

— Тем, чем и должно было для таких бедняков, как мы. Я батрачил на Владельца Кепулка, Джордж, как я уже говорил, гнул спину на лесозаготовках, поставляя древесину своему хозяину. Мы стали пренебрегать работой, забывая обо всем на свете, составляя планы, как добыть деньги. Мечта, которая сжигала нас, не позволяла образумиться, несмотря на все предупреждения и наказания. Короче, Джорджа уволили, и он привел свою семью ко мне. Ко мне, у которого участка земли еле-еле хватало на то, чтобы прокормить себя и своих детей! Мы быстро влезли в долги

к Владельцу Кепулку, дальше — больше. Жenu Джорджа он забрал себе за долги, Джордж совсем обезумел, когда узнал об этом, и бросился на Кепулку. Шесть человек не могли с ним справиться!

— Так Джордью мертв?! — вскричал потрясенный Суму.

— Нет, его приговорили к рабству. Теперь мой бедный брат изнывает под ударами бича на одной из плантаций Кепулка. Я лишился своей фермы и, естественно, должен был что-то предпринять. Пристроив в одно место жену и детей, я решил действовать в одиночку.

— Но почему? — спросил Суму.

— А что мне было делать в Пегунунганге Градьюганге? Вкалывать с утра до ночи только для того, чтобы все деньги спустить на таблетки? Но я — прирожденный рассказчик. Это мой талант и мой хлеб. Мне удалось попасть на берег океана, где я нанялся гребцом на галеру, шедшую к вам, на континент. Из Тандьюанского порта я пешком пришел в Компонг Тимур, где надеялся подзаработать, а может, даже поднакопить приличную сумму, а тем временем крайне осторожно наводил справки, пока наконец...

— Ну же, говори!!!

Прадьюнг опять потянулся за палкой, но Суму пресек его движение нетерпеливым жестом. Доминик грустно вздохнул:

— Вот и все, туан. Мой рассказ окончен.

— А твой план? Что с ним?

— Да стоит ли говорить! Боги не любят меня. Мне это казалось совсем простым делом: найти доброго и богатого покровителя, который приютил бы меня, смог бы снарядить экспедицию и... выкупить из рабства моего несчастного брата Джорджа! О! — По лицу Доминика ручьями полились слезы. — О, мой господин, не знаешь ли ты случайно подходящего человека, который выслушал бы мою историю? Я наградил бы тебя половиной того, чем завладею!

— Подожди, — приказал Суму, откинувшись на спинку кресла и лихорадочно соображая.

— Ты не поверишь, но, может быть, в этот самый момент удача улыбнулась тебе, Доминик. Небольшие сбережения у меня найдутся, и я всегда готов рискнуть в надежде на честный барыш.

— О, мой господин!..

— Не спеши целовать мне ноги, я еще ничего не обещал. Давай пока отдохнем и пообедаем. Потом мы обсудим все в деталях.

Суму за свою жизнь научился быть осторожным, и Доминик еще долго отвечал на его вопросы. Но выходило все гладко, ибо, по словам Доминика, у него было время продумать план в мельчайших подробностях.

Экспедиция в горы потребовала бы больших расходов. Из-за любопытных глаз и дополнительных транспортных издержек ее не следует снаряжать в Компонг Тимуре (с этим Суму согласился, представив, что случилось бы, узнай обо всем человек типа Ниаса Вароу. Страшно подумать — большая часть добычи отошла бы к нему!).

Услугами банка в той примитивной форме, каким он был в Компонг Тимуре, не стоило пользоваться по тем же соображениям. Выходило, всю необходимую для данного предприятия наличность следовало контрабандой переправить из города через озеро, потом по реке Юконг в Тандьонг, где верные люди Суму сядут с большими чемоданами на океанский лайнер. Представившись членами некой лесоторговой компании, намеревающейся делать бизнес с островами Салатан (рынок, которым местные воротилы пренебрегают), они закупают несколько рабов, среди которых по чистой случайности окажется Джордью, и тот поведет охотников за удачей к несметным сокровищам корабля.

Новая лесоторговая компания купит также несколько гектаров из владений Кепулка, приобретет пароходы, вездеходы и прочую технику для вырубki и разделки леса. Конечно, все это обойдется дорого. Но иначе нельзя: хитрый Кепулк может почуять неладное. Зато под прикрытием такого рода деятельности — под такой крышей, как сказали бы мы — добыча сама окажется в руках, легко и без шума. Впоследствии экзотический товар нужно будет распродавать не спеша и по частям, дабы не сбивать цены и не привлекать к себе внимания — может быть, в течение ряда лет.

— Понятно, — Суму вытер соус с подбородка, рыгнул и призвал девицу с зубочисткой выковыривать остатки застрявшей между зубами пищи. — Хорошо.

— Джордж очень решительный и целеустремленный человек. Он всегда верил, что сможет вызволить семью из нищеты. Он скорее умрет, чем проболтается кому-нибудь о местонахождении корабля. Если только я не смогу убедить его. — И хитро добавил: — Если Кепулк не помнит в лицо моего брата, то один я смогу узнать его.

— Да, да, да, — оборвал его Суму. — Я честный человек, спроси любого, если не веришь. Вы с Джордью получите справедливую долю. Залогом этого — мое покровительство в деле. Так. Теперь о расходах.

Ту ночь Доминик провел в доме Суму. Как и последующие. Фактически с ним обходились как с гостем и выделили приятную комнатку (правда, без окон). Недостатка в обществе также не ощущалось: телохранители обитали в соседнем помещении типа барака, через которое Доминик и попадал к себе. Был, правда, из комнаты еще один выход, но с автоматическим замком, ключ от

которого Доминик не спрашивал. Он трепался с охраной, рассказывал байки, играл в карты, шутил. Колода карт, кстати сказать, на Юнан Бизар мало чем отличалась от терранской. Те же пятьдесят два листа, те же масти. Доминик обучал партнеров новой игре, под названием покер. Несмотря на то что содержимое кошельков парней неуклонно перетекало в карманы Доминика (это не было шулерством, просто умение, — да и попробуйте передернуть среди таких свидетелей!), они не отставали, соглашаясь с очевидным фактом, что за обучение надо платить. Много лет жизни потребовалось бы всем любителям, имевшим несчастье играть с Домиником, чтобы отыграться; но терпеливость являлась характерной чертой пулаойского менталитета.

Терпелив был и Суму. Он не стал рубить с плеча, а тщательно наводил справки. Так, он нашел одного торговца, который перед этим закупил в Пегунунганге Градьюганге товар, попавший туда напрямую с плантаций Кепулка. И что же? Действительно, население там составляли в основном лесные и горные жители. Да, из-за климата или генетических мутаций кожа их была бледнее. Слова «генетическая мутация» так поразили Суму, что он не переставал допытываться, насколько бледными стали у людей лица. Хотя в повседневной жизни Суму трудно было обвести вокруг пальца, тем не менее интеллектуальной мощью он не отличался. Он поверил.

Предприятие требовало значительных вложений — для начала сто тысяч серебряников, что заполнило целый сундук, который только вдвоем можно было оторвать от пола. Этими двумя были Прадьюнг и Манда мясник, оба сильные и в высшей степени надежные, особенно если принять во внимание тот факт, что Прадьюнг все еще плевался при одном упоминании имени Доминика. Они должны были сопровождать Доминика и сундук до Тандьюнга, где их встретят другие люди Суму, добравшиеся туда более прямым путем. Там на корабле «Секаю» они и встретятся.

Когда Доминик в очередной раз давал консультацию по предстоящей операции, он робко пожаловался на суровые условия содержания под стражей, сославшись, в частности, на необходимость покупать очередную порцию пилюль. А также сказал, что не пристало верному (и в то же время скромному) слуге великого Суму ходить оборванцем. Суму лишь пожал плечами, разрешив Доминику идти куда тот пожелает, но не забыв для страховки придать ему в провожатые своего человека. Доминик в прекрасном расположении духа провел много времени у разных прилавков, выбирая себе одежду, таская повсюду за собой зевающего и потеющего охранника. В такое состояние его привело изрядное количество вина, выпитого за счет щедрого Доминика. (Впоследствии охранник признается, что будучи пьян оставался в таверне,

когда Доминик отправился в распределитель за таблетками, и не видел, как тот их покупал. Но что Доминик вскоре вернулся, и они продолжали веселиться.)

Следующую ночь готовились к отправке. Доминик же коротал оставшиеся часы за картами. Как только в бараке появлялась очередная смена бандитов, Доминик заключал пари, что ему на руки придет покер при колоде в 25 карт не позднее чем на пятой сдаче. Его недоверчивые партнеры собирали колоду, тасовали, сдавали и... проигрывали. Раз или два Доминик все же выложил штраф, но выигрыш, который он распахал по сумкам, был фантастичным.

На следующий день один знаток арифметики произвел подсчеты: оказалось, что шансы на выигрыш у Доминика составляли 50:1. Но к тому времени Доминик уже исчез.

Он вышел из дома на закате. С затянутого тучами черного неба хлестал дождь, приводя в движение канальную воду и размывая свет дальних фонарей. В лодке, на которой его ждал сундук с серебром, находились также Прадьюнг и Мандау. Коснувшись губами ногтей ног великого Суму, Доминик вскочил в лодку, и она сразу пропала в темноте.

За несколько дней перед этим Доминик предложил маршрут лодки, как самый на его взгляд безопасный. Суму на это только усмехнулся — пусть, дескать, рассказчик рассказывает и не сует нос не в свое дело. Но Доминик был так настойчив, что вынудил Суму опуститься до детальных объяснений, почему путь по Каналу Пылающих Факелов и далее в озеро не привлечет ничего внимания.

Впереди возник мост Где Рыдала Амахай. Расстояние до него стремительно сокращалось.

— Прошу прощения, — вежливо сказал Доминик и, перегнувшись через кубрик, заглушил мотор и погасил бортовые огни.

— Что такое! Какого черта! — Прадьюнг вскочил на ноги.

Доминик откинул балдахин. Тяжелый теплый дождь водопадом обрушился на них. Лодка тормозила.

Прадьюнг выхватил револьвер, одолженный у Суму. Но Доминик, трусливый сказочник и балагур, и не подумал забиться со страха в угол, как ожидалось. Его рука, разрубая воздух, мгновенно взметнулась и ребром ладони вышибла оружие. Револьвер со стуком отлетел.

Лодка медленно проплывала под мостом Где Рыдала Амахай. В это время кто-то метнулся с пролета моста вниз. Палуба чуть не проломила от прыгнувшей на нее гориллы. Мандау зарычал и попытался схватиться с ней, но горилла мгновенно перекинула его через колено навзничь. В следующее мгновение его позвоночник треснул, и со сломанной спиной он полетел за борт.

Прадьюнг выхватил нож и изо всех сил метнул его точно в цель — живот Доминика. Но того не оказалось на прежнем месте, он был в нескольких сантиметрах в стороне. Левой рукой Доминик отразил нож, а правой, захватив свободную руку Прадьюнга, крутанул его вокруг себя. Они упали вместе, но хватка Доминика была железная. Секунды спустя посиневший Прадьюнг лежал уже не двигаясь.

Доминик встал. Бандит поднял Прадьюнга.

— Постой! Он еще живой! — запротестовал Доминик.

Но Кемул уже успел швырнуть того в воду.

— Ладно, черт с ним, — сказал Доминик и завел мотор.

Сзади к ним приближались, увеличиваясь в размерах, огни другой лодки — размазанные круги в пелене дождя.

— Кемул думает, что Суму следит за тобой, — сказал Кемул. — Вполне разумно с его стороны. Они хотят догнать нас и узнать, почему мы погасили огни. Будем драться?

— Ты сможешь поднять сундук со ста тысячами серебром? — спросил капитан сэр Доминик Флэндри.

Кемул присвистнул:

— Да. Кемул может поднять. И Кемул может нести.

— Прекрасно. Тогда не будем.

Флэндри направил лодку к левой набережной. Когда лодка проходила рядом с лестницей, Кемул, обхватив сундук одной рукой, прыгнул в воду. Флэндри прибавил газа — мотор взревел — и перемалнул следом через борт. Бредя по пояс в воде, он оглянулся: на бешеной скорости мимо пронеслась вторая лодка, преследуя скрывающуюся из виду цель.

Полчаса спустя, указывая на раскрытый сундук, внесенный в апартаменты Луанг на втором этаже таверны «Уют На Болоте», он величественно провозгласил:

— Сто тысяч. Прибавь к этому мой выигрыш и револьвер. Для простых смертных, как я понял, вещь недостижимая. — И он заткнул его себе за пояс.

Девушка закурила.

— Обычная рыночная цена одной таблетки — десять тысяч. Вот здесь, — она поставила пузырек на стол, — десять капсул. Еще на сорок я даю тебе кредит. — Она стояла перед ним в мягком свете лампы того же божка. Она изменилась — другая окраска тела, глаза и грудь подведены синим карандашом. В волосах алый цветоч. Несмотря на ее внешнюю холодность, Флэндри почудилось, что голос ее слегка дрогнул.

— Когда один малый принес нам записку от тебя, — сказал Кемул, — в которой ты указал, где тебя ждать в засаде, нам показалось это дуростью. Хотя мы и были поражены, узнав, что ты еще жив. Кемул думал, ты давно покойник.

— Тебе не просто везет, чужеземец, но и... — Луанг нахмурилась, глядя на сигарету, избегая встретиться глазами со взглядом Флэндри. — Знаешь, что два или три дня назад от имени Ниаса Вароу всенародно объявлено о твоём розыске? Обещана награда за тебя, живого или мертвого. За живого, естественно, больше. Похоже, что лодки с громкоговорителями еще не дошли до района Суму. Никто из тех, кто слышал объявление, не знал, что ты там. Но Суму скорее всего уже все пронюхал.

— Да, я решил прокрутить дельце как можно быстрее, — сказал Флэндри небрежно. По правде говоря, с него градом катил ледяной пот от страха, но он надеялся, что из-за страшной жары никто не догадается об истинной причине того, что у него мокрый лоб. — В таких делах я дока. Часть моей профессии, если хотите. Говоря начистоту, мне было немного не по себе при мысли, что явлюсь к вам таким «испанским узником». Нужен какой-то местный вариант, с изюминкой... — Он замолчал, заметив, что они его не понимают. Слишком много английских фраз. — Я что-нибудь должен за бумажник, часы и рубашку? С вашей стороны было весьма любезно предоставить их в мое распоряжение для шоу.

— Ничего, — сказал Кемул. — Луанг объяснила мне — нам эти вещи ни к чему.

Девушка прикусила губу.

— Мне было ужасно совестно отпустить тебя одного... — Она поспешно затынулась и грубовато добавила: — Ты очень умный, терранин. Кемул у меня единственный товарищ в моих делах, больше никого. А ты... Думаю, ты мог бы быть выгодным партнером.

— Спасибо, — просто ответил Флэндри.

— Да, еще вопрос. Все забывала спросить. Ты ведь знал, что только Биоконтроль производит и распределяет таблетки. С чего же ты решил, что мог бы достать их у нас?

Флэндри зевнул, чувствуя, как на него наваливается непреодолимая усталость. Так хорошо было валяться на кровати и следить за расхаживающей туда-сюда Луанг!

— Ну это просто. Наверняка у кого-нибудь нашелся бы избыток на продажу, — ответил он. — Чтобы черный рынок прошел мимо такого дефицита! Делается это просто: вооруженный налет в масках на какой-то распределитель. А хочешь, по-другому: ограбление при транспортировке. Пусть и не часто, но такого рода вещи должны случаться. Опять же, есть ведь у вас и моряки, и охотники, и другие, кто не всегда по роду своей деятельности могут вовремя занять очередь в распределитель. Что им делать? Естественно, они получают авансом. Теперь представь — случайная или не такая уж случайная смерть. Труп осматривают и

находят не востребуемые пилюли. То есть тот самый избыток на продажу. В конце концов, есть еще заурядная коррупция. Например, в местных распределителях не очень-то педантичны и приторговывают налево. А можно подкупить. Можно шантажировать. Да мало ли что еще можно! Вариантов масса. Элементарно.

— Да, в этой области ты непревзойден, — кивнула она. — Знаешь, я ведь тоже приобретаю капсулы у одного молодого человека. Работает в распределителе, — добавила она с вызовом.

Флэндри хмыкнул:

— Представляю, какую плату он имеет за таблетки.

С внезапной яростью она размяла сигарету в пепельнице. Кемул встал, потянулся:

— Время Кемулу спать. Утром поговорим. Хотя капитан и хитер, Луанг, я думаю, что лучше бы ему отсидеться где-нибудь подальше, пока о нем не забудут.

Она коротко кивнула:

— Хорошо. Поговорим об этом завтра.

— Спокойной ночи, Луанг, — сказал Кемул. — Ты идешь, капитан? У Кемула роскошная кровать.

— Спокойной ночи, Кемул, — сказала она.

Гигант застыл в дверях, уставившись на нее.

— Спокойной ночи, — повторила она.

Кемул отвернулся, и Флэндри не мог заметить выражение его лица. Честно говоря, ему было на это в тот момент наплевать.

— Спокойной ночи, — преувеличенно громко ответил Кемул и вышел.

Разухабистые дамочки громко и хрипло чирикали в своем гнездышке этажом ниже. Им было весело. Но шум дождя был сильнее. И лишь темнота лилась, лилась, лилась, заполняя то, что мы называем ночью.

Луанг не улыбалась. Сейчас сомкнутые губы придавали ее лицу какое-то горько-ожесточенное выражение. Она погасила свет так, словно убила врага.

Город, вырубленный в склонах вулкана Гунунг Ютар, вознесшийся над горным хребтом в двух тысячах километров к северу от Компонг Тимура, носил то же имя.

На одном из утесов стоял сейчас Флэндри в густом молочно-белом тумане. Было раннее утро. За его спиной петлял и разветвлялся туннель — древняя вулканическая трещина в толще черных базальтовых скал. Вдоль него были выкопаны комнаты гостиницы, в которой они остановились; в ней установлены освещение и вентиляция, стены облицованы пластиком или занавешены драпом, скрывавшим грубый камень. В таких, когда естественных, а

когда и искусственно созданных по всему склону Гунунг Ютар кавернах и размещалась большая часть города.

В таком тумане Флэндри мог видеть не далее чем на десять метров вниз — там уступ обрывался под ногами. К тому же из-за тумана трудно было понять, откуда доносятся звуки голосов и работающих машин. Было промозгло, изо рта шел пар. Ощущалась разреженность воздуха — как-никак все-таки 2500 метров над уровнем моря. Он передернулся и плотнее запахнул плащ с капюшоном. Местные жители помимо этого носили еще носки и рубашки.

Внизу, под землей, что-то гулко пророкотало. Почва мелко затряслась под ногами. Гунунг Ютар спал.

Флэндри закурил противную местную сигарету; Луанг к этому времени успела распродать его запасы. Эх, сейчас бы позавтракать! До этого он питался в основном рисом и рыбой, дежурным блюдом внизу, и уже думать не мог о нем без отвращения; здесь же, наверху, было мясо, и гораздо дешевле по словам Луанг. А как насчет бекона с яйцом, а, капитан? Флэндри только вздохнул. Об этом оставалось лишь мечтать.

А вообще прогулка сюда оказалась приятной во многих отношениях. Луанг не сослала его одного в изгнание, а отправилась с ним вместе с неразлучным Кемулом. Сначала их переправил через озеро один надежный человек. Потом они плыли на моторизованном плоту, курсировавшем по реке Юконг. Он все время проторчал в кабине, боясь высунуться лишний раз наружу, девушка находилась большей частью с ним, а Кемул валялся у входа с неизменной трубкой марихуаны, едва выдавив из себя пару слов за все время путешествия. Они сошли на берег в Муарабелити. Там можно было сесть на самолет, но это считалось дорогим удовольствием и могло привлечь внимание. Поэтому воспользовались монорельсом. Они не стали давиться в третьеклассном вагоне, как обычные крестьяне, а взяли отдельное купе на манер мелких буржуа. Флэндри мельком поглядывал на проплывавший мимо ландшафт — джунгли, топи, плантации — совсем не как взирававший турист. А потом они забрались в эту высокогорную нору Гунунг Ютара, переждать, пока не минет гроза и Биоконтроль не решит, что Флэндри давно мертв.

Ну а что потом?..

Сзади процокали каблучки. Он обернулся — из туннеля вышла Луанг в пламенеющей тунике и бордовом трико — дань местной погоде. Даже теперь, перед завтраком, эффект был потрясающий...

— Мог бы разбудить меня, Доминик, — сказала она. — Стучала к Кемулу, но тот еще спит без задних ног. — Она зевнула и потянулась, воткнув крохотные кулачки в туман. — А здесь не

спят долго. Здесь работают, работают, работают... И богатеют, причем быстро. Да... Как все изменилось за несколько лет! Вот обустроюсь и заработаю, может быть...

— Ну что ты! — Флэндри вдруг осознал, насколько прочно некоторые предрассудки сидят у него в голове. — Мы пока еще партнеры.

Она рассмеялась и взяла его за руку. О нет! То не было нежным прикосновением. Ее грубоватые манеры иногда шокировали, часто же она вела себя просто отвратительно. И отнюдь не болтала о себе лишнего.

— Как хочешь. Но чем мы тогда займемся?

— Да ничем. Будем пока жить спокойно. Разве у нас мало денег?

Она отстранилась и достала сигарету из кармана.

— Да, Гунунг Ютар — золотое дно, это уж точно! Серебро, свинец, камушки... Не знаю, что еще... Даже простому землекопу может здесь повезти, и у него заведутся деньжата. Правда, ему тут же помогут с ними расстаться. Хочу этим заняться.

— Как ты думаешь, стоит мне показываться на людях? — спросил он обеспокоенно.

Она окинула его взглядом. Бороды нет, это хорошо (антибородин пока еще сдерживает ее рост). Верхнюю губу надо, конечно, брить. Каждый день. Волосы уже покрасили, это тоже хорошо. То, что они короткие, объясним грибком, подхваченным в джунглях. Контактные линзы сделали глаза карими. Загорел. К сожалению, остался рост и отнюдь не пулаойское лицо. Но здесь, среди разношерстной публики, встречается слишком много нетипичных людей с генами белой расы, чтобы можно было посчитать Флэндри слишком приметным или уродом.

— Сойдет, — сказала она. — Если не забудешь, что твоя родина за океаном.

— Отлично, тогда рискнем. Если ты по-прежнему настаиваешь на небольшом вымогательстве. — Флэндри чихнул. — Но, черт побери, зачем нам было сюда ехать? Неужели из всех сырых мест ты не могла...

— Я уже сто раз говорила тебе, дурачок. Это шахтерский город. Каждый день сюда стекаются люди со всей планеты. Никто на тебя здесь не обратит внимания.

Похоже, она хотела вытравить весь туман из легких, так жадно она затынулась.

— Сама не терплю этот богомерзкий климат, но что делать.

— Понял. — Флэндри взглянул вверх. Яркое, чистого цвета пятно появилось на востоке в небе, там, где ветра и солнце разгоняли все туманы. Сильные восходящие и влажные потоки воздуха для такой теплой планеты должны быть обычным явлением,

думал Флэндри. Потом они конденсируются на какой-то определенной высоте, превращаясь в тяжелые облака. А этот город находится именно на такой высоте. Здесь такой туман, какой может быть только в голове политика.

Неужели имело смысл строить город здесь, на вулкане? Но Гунунг Ютар почти потух, говорила Луанг. А расплавленная раскаленная жижа под землей была бы прекрасным источником энергии — вот еще один мотив для поселения. Вулкан лишь курился да погромыхивал. Правда, в данный момент он проявлял активность, выплеснув из себя даже лаву. Те же самые инженеры, геофизические экзерсисы которых убедили всех в свое время, что серьезных извержений можно не бояться, перед этим на всякий случай построили специальные лавоотводники.

Туман рассеивался, теперь Флэндри заметил еще один уступ, ниже первого, и начало извилистой крутой дороги, которая, огибая гору, спускалась вниз. Потянуло серными испарениями.

— Все это, конечно, очень интересно, но что потом? — спросил он.

— Вернемся назад, в Компонг Тимур. Или еще куда-нибудь, где, как ты решишь, мы сможем сделать деньги. Я думаю, мы поладим.

— Точно. — Он швырнул окурок на землю и растоптал. — Вот стоит перед тобой человек, который может освободить весь ваш народ от Биоконтроля — к чертям ложную скромность, я не верю в нее, так же, как и в истинную.

— Слушай, мне до лампочки этот Биоконтроль. Никаких проблем, — сказала она резко. — А при твоём новом миропорядке — представляю масштабы последствий от твоего дешевого противоядия — чем прикажешь заняться мне?

— Ты сможешь процветать при любом режиме, дорогая. — Флэндри на этот раз не улыбался. — Во всяком случае, пока не состаришься.

— Вот уж не думаю, что доживу до того времени, — мгновенно огрызнулась она. — Но даже если так, у меня хватит сбережений.

Одиноким слепящим луч разорвал облака и поскакал по склонам гор. Далеко внизу, среди скал, утесов и валунов, петляла дорога, по которой люди-муравьи тащили какую-то глыбу. По этой дороге руду отправляли на переработку. Не нужно было иметь бинокль, чтобы представить, как они были измождены, как часто один неверный шаг приводил к падению в пропасть, как надсмотрщики применяли электробичи. А солнечный луч скакал дальше, пронзая туман огненной пикой, и плясал уже по зелени долины в пятнах тумана и серебряных нитках ручьев, зажатых со всех сторон красно-черными скалами. Там, внизу, Флэндри знал, лежали рисовые поля, согбенные жены и дети рудокопов месили

ногами грязь, — так же, как когда-то, давным-давно в каменном веке. (А ведь еще несколько поколений назад здесь не применялся ручной труд!)

Он сказал:

— Дешевый труд. Дешевый потому, что неквалифицированный. При твоей драгоценной социальной системе вы все больше и больше отрываетесь от эры машин! Если еще одно-два столетия вы будете предоставлены самим себе, я не удивлюсь, что вы начнете погонять волов с тачками и грести на плотах!

— К тому времени и ты, и я, оба мы будем спать сладко в своих могилах, — сказала Луанг. — Пойдем лучше разыщем где-нибудь харчевню и подкрепимся.

— Если дать вам образование, — упорствовал Флэндри, — у вас появятся машины. Они будут работать и быстрее и дешевле. Да если бы Юнан Бизар только попала на межгалактический рынок, такой труд, как этот, просто исчез бы полностью за одну человеческую жизнь!

Она топнула ногой, сверкнув глазами:

— Слушай, мне плевать на них всех!

— Не вздумай обвинять меня в альтруизме. Я просто хочу домой. В конце концов, что мне-то беспокоиться? Это не мой народ, не мой стиль жизни... О Боже! Я же так никогда и не узнаю, кто выиграл кубок Метеорита!.. — Флэндри бросил на нее взгляд искоса. — Знаешь, а тебе, пожалуй, не мешало бы побывать на других планетах. Было бы интересно и выгодно. Вообрази, какой диковинкой ты бы предстала в глазах наших скучающих бабников-миллионеров, любой из которых мог бы купить Юнан Бизар с потрохами за йо-йо!

Ее глаза вспыхнули, но она засмеялась и покачала головой:

— Нет, Доминик. Со мной этот номер не пройдет. Прекрасно вижу, куда ты клонишь. Запомни, отсюда пути нет.

— Но послушай, мой собственный корабль наверняка еще в порту. Это раз. Допотопная рухлядь осталась еще с времен пионеров. Это два. Бетельгейзиане, в конце концов! Это три! Можно захватить корабль... Ну хорошо, скажем мягче: украсть...

— И когда ты вернешься с чемоданами таблеток?

На это Флэндри промолчал. Они уже и раньше затрагивали эту тему. А тем временем очаровательный дракон попыхивал дымком, перемежая фразы затяжками:

— Ты говорил мне, что понадобится несколько дней, чтобы добраться до Списки. Говорил? Так. Там ты еще побегаешь, прежде чем свяжешься с кем-то важным, кто выслушает тебя и сам произведет расследование. Потом он должен вернуться обратно. Потом попасть уже к своему начальнику, который займется составлением проекта. Ты сам признал, что несколько дней уйдет

лишь на то, чтобы выяснить, что должно представлять собой противоядие и как его изготовить. Потом все это еще надо привезти сюда в необходимых количествах — это десятки и десятки кораблей! Загрузить, отправить, разгрузить... И ты что, думаешь, все это время Биоконтроль будет сидеть сложа руки? Да они сразу же взорвут все цистерны, как только обнаружат, что ты удрал! А здесь нет резервного запаса пилюль. Дольше чем сто дней никто не протянет, и то если забаррикадируется в распределителе. Твои ненаглядные спикиане найдут здесь кучу трупов! Планету костей!

— Ты могла бы улететь вместе со мной, — предложил он, уже догадываясь об ответе.

— Мне, конечно, плевать, что случится со всеми этими идиотами, но в бойне я не участвую.

— Да-да, конечно, — поспешно согласился он. — Мы уже говорили на эту тему, и не один раз. Но, Луанг, боюсь, ты не поняла меня. Я всего лишь высказывался в принципе. Вообще, так сказать. Совсем не значит, что я пойду на открытый конфликт. Наверняка есть возможность смыться тайком. Так, что никто и не заметит. Проскользнуть зайцем на корабль к бетельгейзианам, к примеру.

— Я знаю ребят, работающих на охране космодрома. Это все нереально.

— Ладно, пусть так. А ты уверена, что Биоконтроль решится на это? Что они нажмут кнопку?

— Да. Они могут принять по последней дозе и смыться на резервных кораблях.

— А саботаж? Разве это исключено?

— Может быть, нет. Конечно, не каждый решится просто так, за здорово живешь, отдать свою жизнь и жизнь планеты из одной только ненависти. Но каждый из них рано или поздно встанет на вахту у цистерн и... Доминик, достаточно одного фанатика! А таких там немало. Нет! — Она выкинула сигарету и снова взяла его за руку, впившись ногтями в ладонь. — И если я еще раз застану тебя за составлением этого безумного плана, то скажу Кемуду — он свернет тебе шею. Ну хватит. Я голодна как черт. К тому же пришло время глотать таблетку.

Флэндри вздохнул.

Она первой начала спускаться по лестнице, ведущей на ту самую извилистую дорогу. Спустившись с крайней осторожностью — ибо еще не привыкли к такой крутизне, — они влились в людские толпы на нижнем уровне. Два землекопа с бронзовыми лицами расчищали дорогу перед надменным инженером в ярко расшитой тунике. Какой-то священник в желтом хитоне брел, ничего не видя перед собой, бормоча под нос и перебирая четки. Колдун в колпаке астролога из пещеры выше строил ему рожи.

Торговец расхваливал свой товар — рис и фрукты, — принесенные из долины на руках. Одна мамаша вдруг истошно завопила и схватила малыша, подошедшего близко к неогражденному участку дороги над пропастью. На крошечной жаровне женщина варила еду перед входом в другой туннель. Другая предлагала себя разинувшему рот деревенщине, видимо, только что вышедшему из джунглей. Кузнец пропевал заклинания перед тем, как воткнуть лезвие будущего ножа в соленоид для отпуска металла. Продавец ковров сидел в ларьке, зазывая покупателей. А высоко в небе парил стервятник между последними клоками тумана. Солнце упало на его крылья, и они сверкнули золотом.

Флэндри заметил, что город кончался дальше по направлению на северо-восток. Склоны гор были покрыты шлаком и застывшими потоками лавы. В нескольких километрах далее по этой унылой местности опускался бетонный канал для стока лавы — лавоотводник. Над ним струился дымок, поднимавшийся от просочившейся недавно и замерзшей где-то внизу полужидкой глыбы. Над всеми ярусами города и ободранными утесами возвышался величественный конус вулкана; ветер сносил в сторону его зловонное дыхание, что было, пожалуй, единственной заслугой этого холодного зимнего ветра.

— А вот и распределитель. Тебе сюда.

Флэндри остановился перед вывеской Биоконтроля. Он знал, что у Луанг еще в запасе два дня, но закон разрешал такие небольшие отклонения от точного срока. К тому же достаточно было у нее и незаконных пилюль, чтобы не покупать их сейчас. Но только покойник мог позволить себе пропустить срок выдачи и не возбудить подозрения у Биоконтроля.

Он прошел вместе с ней через вырубленный в скале вход. Помещение офиса было обставлено с уже знакомой Флэндри роскошью с неизменными подушечками и ковриками. Одна дверь вела, видимо, в жилые помещения, примыкавшие к конторе, про другую же непосвященный мог бы решить, что за ней скрывается казна государства. За столиком в белом хитоне и со знаком на груди в виде раскрытой руки сидел бритоголовый мужчина средних лет. Никакой татуировки на бровях не было. Такого ранга служащие не являлись посвященными членами ордена.

— А, — заулыбался он при виде Луанг, что было обычным для любого мужчины, кто сталкивался с ней в первый раз. — Добрый день. Не видел вас раньше, прекрасная госпожа.

— Мы недавно с моим другом здесь у вас. Только что приехали.

Флэндри рассчитывал, что в такой компании он вряд ли отвлечет внимание на себя. Луанг отсчитала десять серебряных — обычную цену пилюли — и выложила монеты на прилавок. Человек не стал, как сделал бы любой продавец, проверять их подлинность.

Попробуйте подсунуть фальшивые деньги Биоконтролю, последствия не заставят себя ждать. Человек включил электронную машинку, к плоской пластине которой Луанг приложила ладонь. Машинка мигнула и зажужжала, считывая информацию.

По представлению Флэндри, система работала так: отпечатки пальцев передавались электромагнитными волнами в центральный архив Компонг Тимура. В течение секунд происходила идентификация личности, подтверждение правильности даты принятия данным человеком противоядия и отсутствия каких-либо претензий со стороны Биоконтроля. После чего производилась запись о выдаче пилюли и разрешающий выдачу сигнал посылался обратно.

Когда гудеть перестало, Луанг сняла руку. Человек взял ее деньги и подошел к двери в «казну». Там уже он сам поднес палыцы к аналогичному прибору, после чего дверь открылась и он прошел внутрь. Обратно он появился без денег, но с голубой таблеткой, которую протянул Луанг.

— Минутку, дорогуша, минутку, позвольте мне помочь. — Он засуетился, наполняя чашку водой до самых краев. — Вот, пройдет гораздо легче... Ну как?..

Флэндри сильно сомневался, так ли услужлив был этот тип со всеми жителями города. Он усомнился бы в этом, даже если бы не заметил, как ловко тот успел ущипнуть девушку.

— А позвольте спросить, прекрасная госпожа, где вы остановились? — проблеял он.

— Сейчас? В гостинице Девяти Змей, сэр. — Луанг не терпелось уйти, тем более что нехитрая процедура уже закончилась. Но сделать это было не просто, не выказав тем самым пренебрежения к члену Биоконтроля. Конечно, по закону эти люди не имели на вас абсолютно никаких прав. Но это в теории. На практике же все зачастую обстояло иначе. Известны были, например, случаи, когда ни о чем не подозревавший покупатель получал вместо настоящей пилюли пустую капсулу. Для этого чиновнику стоило лишь незаметно заблокировать сигнал передатчика, и визит не будет нигде зарегистрирован. Вы просто не пришли. И не получили полагающейся таблетки. И вы умерли. Как жаль. Все очень просто.

— Ах вот как. Не лучший выбор, не лучший... Тем более для такой особы! Я бы мог вам порекомендовать гораздо лучшее местечко. Может, мы могли бы обсудить это подробнее... где-нибудь?..

Луанг захлопала глазами:

— Большая честь для меня, сэр... Но, к сожалению, настоятельные дела требуют от меня немедленно... Но, впрочем, может быть... действительно, как-нибудь, где-нибудь?..

Она сорвалась с места, оставив его, уже трепетно раздувавшего ноздри.

Очутившись на улице, она сплонула на землю:

— Глоток бы чая с аракой, чтобы избавиться от этого привкуса!

— А я думал, ты уже привыкла к таким вещам, — сказал Флэндри вполне простосердечно без всякой задней мысли.

Он был ошеломлен, когда она вдруг зашипела как кобра и бросилась наутек.

— Какого черта!.. — крикнул он ей вслед, ничего не понимая.

Но она уже растворилась в толпе, и он потерял ее из виду.

Никуда он больше не спешил и шел-то еле-еле, раздражая, видимо, своей неспешной походкой всех вокруг. Его пихали и толкали, оттесняя как инородный элемент все дальше и дальше с дороги, так что он обнаружил под конец, что бредет по обочине из мелкого гравия вдоль каменной невысокой стены, служащей для защиты от оползней и камнепадов. Мимо него в гомоне и суете неслись толпы загорелых людей. Флэндри видел, как далеко внизу из труб рудоперерабатывающего завода, как бы пародируя вулкан, вытекал желтый дым. Но не это занимало его сейчас.

«А ведь я еще не позавтракал», — тоскливо размышлял он, бредя в стороне от дороги, в толчею которой совсем не хотелось возвращаться. С каждым его шагом склон за стеной становился все круче, пока не превратился под конец в отвесный пятидесяти-метровый обрыв до следующего нижнего уровня города. Под ногами хрустели камушки, и мир делился на две равноценные части: небо и горы.

Столбняк отчаяния, в который он впал сначала, где среди прочего присутствовали жалость к Луанг и тоскливое одиночество, прошел, и теперь он мог думать. Но чтобы думать, а тем более решить, что делать, необходимы данные, которых у него не было. Если девушка сорвалась с цепи лишь потому, что он случайно наступил ей на тайную мозоль, — это одно дело. Прекрасный повод возобновить переговоры о бегстве с Юнан Бизар. Но если это не так, если она просто бросила его? Тогда дело плохо. Он никак не мог понять, что произошло в действительности. Вот так всегда. Мужчина думает, что прекрасно разбирается в женщинах, и тут — раз, появляется какая-нибудь Луанг, и все летит к черту.

Да, вот уж точно, пришла беда, отворяй ворота.

Ого!.. А это что такое?

Флэндри остановился. Какой-то молодой человек, скорее даже мальчик лет шестнадцати, судя по еще не окрепшей тонкой фигуре и гладкому лицу, уверенно сошел с дороги и направился к стене. Он походил на человека, который вот уже который день не ест и заложил все, кроме юбки. Кстати, о юбке: та была из

вельвета, что было странно, ибо вельвет считался здесь дорогим материалом.

Что-то в его слепой целеустремленности толкнуло Флэндри, и он бросился бежать, когда мальчик уже взобрался на стену. Он поднял лицо, глянув в безграничный бассейн неба Юнан Бизар, и прыгнул.

Флэндри совершил невероятный акробатический трюк: перегнувшись животом через стену, он успел поймать парня на лету за лодыжку. Сам он при этом едва не перевернулся. Ух, сказал Флэндри, переводя дух, а мальчик как червяк извивался и раскачивался в его руке. Когда дыхание восстановилось, он вытянул свою ношу наверх и свалил наземь. Мальчик сильно дернулся и потерял сознание.

Вокруг немедленно собралась возбужденная толпа.

— Все в порядке, — проговорил задыхающимся голосом Флэндри. — Все нормально. Представление окончено. Спасибо за внимание. Кто хочет, может передать шляпу.

Через толпу продрался охранник. Не узнать его было нельзя: зеленая юбка, бляха, дубинка и чванливый вид.

— Так, в чем дело? — спросил он тоном, каким разговаривает любой полисмен во Вселенной.

— Ни в чем, — ответил Флэндри. — Мальчик проявил некоторую беспечность. И вот результат — чуть было не произошел несчастный случай.

— Да? А мне показалось, что он прыгнул сознательно.

— Нет, это всего лишь игра. Мальчишки всегда остаются мальчишками, — одарил человечество откровением Флэндри.

— Самоубийство кого-либо, будь то раб или человек, занятый на контрактной работе, расценивается как нарушение обязательств. Попытка самоубийства карается публичной поркой.

— Да нет же, нет. Он свободный человек. Я знаю его, охранник.

— Даже свободный человек не имеет права нарушать общественный порядок в черте города, прыгая со стены. Это могло бы привести к повреждениям внизу и вызвать недовольство окружающих. Так что оба пройдемте в участок. Там разберемся.

Флэндри напрягся. Этого только не хватало, оказаться арестованным по такому обвинению. Тогда конец игре. Он улыбнулся и сунул руку в карман юбки.

— Клянусь, это был просто несчастный случай, охранник, — сказал он. — И я очень занят в данную минуту. — При этих словах он извлек один из своих пухлых кошельков, держа его на виду. — К сожалению, я абсолютно не располагаю временем, чтобы решить дело официально. Не сообразовали бы вы принять десять

серебряных и уладить все претензии, которые могли возникнуть? Это устроило бы всех.

— Что? Уж не хочешь ли ты...

— Да, вы правы. Потерпевшая сторона должна получить компенсацию. Может быть, пара золотых? Вы знаете этот город, я же лишь чужеземец. Вы легко найдете тех, кому передать плату. Умоляю вас, не отягощайте мою совесть долгами, которые я не смогу сам оплатить. — И Флэндри вложил в ладонь охранника монеты.

— Ага. Да. Понимаю, — закивал тот головой. — Пожалуй, вы действительно правы. Ведь совсем не плохо, чтобы ни у кого не было претензий. Так?

— Всегда рад встретить благоразумного человека, — поклонился Флэндри.

Охранник тоже поклонился в ответ, после чего оба расстались ко взаимному удовольствию при полном взаимопонимании. Толпа, потеряв интерес, разошлась. Флэндри опустился на колени рядом с мальчиком, который к тому времени уже пришел в себя и лежал скрючившись и закрыв голову руками.

— Ну-ну, — сказал Флэндри. — Не так уж все плохо!

— О, туан! Зачем ты спас мне жизнь! — в отчаянии прошептал он. — Теперь мне придется страдать дальше!

— Ну и дурацкий же план! — хмыкнул Флэндри. — Ладно, ты можешь встать? Обопрись на меня.

Мальчик, шатаясь, встал на ноги. Флэндри поддерживал его.

— Когда ты последний раз ел?

— Не помню... — совсем по-детски он тер глаза кулаками.

— Ну что ж. Я тут двигался в сторону завтрака, но подзадержался из-за тебя. Так что теперь мы попадем только на ленч. Пошли со мной.

Мальчик натянулся как струна:

— Мужчины Ранау не просят подаяния.

— Вот дурак. Я не раздаю милостыню. Почему я хочу накормить тебя? Да лишь в надежде услышать от тебя более разумные речи, чем сейчас. И тогда я решу, брать тебя к себе на работу или нет.

Флэндри отвернулся, чувствуя предательское пощипывание в носу.

— Пошли, — резко бросил он.

Флэндри оказался прав — парень был безработным и голодал. Сложный узор на рубашке и необычное произношение выдавали в нем иностранца. Что ж, может, и этот чужеземец сгодится на что-нибудь бедному империалисту, подумал Флэндри.

Харчевня была неподалеку. Почти все посетители в этот солнечный день расселись на открытом воздухе под красным зонтиком, впериw взоры в глубину ущелья, заполненного отраженными

в воде облаками. Флэндри с мальчиком заняли свободный столик с низкими подушечками.

— Чай, кувшин араки и пару ваших лучших риджстаффелей! — заказал Флэндри подошедшему официанту.

— Пару, сэр?!

— Надо же начать с чего-то. — Флэндри предложил парню сигарету, но тот вежливо отказался. — Как тебя зовут, дружище?

— Дьюанда, сын Тембеси, главного эколога из Дерева, Где Гнездо Кетжила. Это в Ранау. — Он поклонился, сложив ладони. — Ты очень добр, туан, к чужеземцам.

— Я сам такой. — Флэндри поджег сигарету и взял в руку чашку, когда все было подано на стол. — Из... Пегунунганга Градьюганга, что на той стороне Тинджилского океана. Зовут меня Домиником. Вот, пришел сюда искать удачи.

— Сюда полмира едет, я думаю. — Он громко отхлебнул чай на пулаойский манер. Голос его окреп, в нем даже зазвучали гневные нотки. — И эта половина — глупцы.

— Вот как? Но отчего же? Говорят, здесь и простой человек может разбогатеть.

— Один на миллион, возможно. Не спорю. И то, пока не нарвется на плута или жулика. А остальные? Забивают легкие пылью из карьеров, а их жены и дети ведут жизнь земноводных на рисовых плантациях. И что под конец? Полное обнищание и рабство? О туан, солнце ненавидит Гунунг Ютар!

— Что же привело тебя сюда в таком случае?

Мальчик сокрушенно вздохнул:

— Я думал, что дерево Ранау не такое высокое.

— Что?..

— Я имел в виду... У нас есть поговорка: дерево, которое растет очень высоко, непременно под конец упадет. Так вот, Сурулангунский Хребет и есть ствол такого дерева. Только он весь в земле. Дерево, которое достигло трехсот метров высоты, упало тысячу лет назад. Леса все еще в шрамах от его падения, хребет теплый из-за того, что ствол гниет под ним. Старики рассказывают эту историю как притчу и советуют не искать в ней скрытого смысла. Но я часто думал, насколько же прекрасно должно было быть такое дерево, когда оно еще росло!

— Так ты что, сбежал из дома?

Дьюанда устался на свои колени, на которых лежали его сжатые кулаки.

— Да. У меня была небольшая доля в деле отца по торговле с иноземными купцами. Поэтому я и смог попасть сюда. Туан, поверь, никогда я не относился пренебрежительно к своим родителям. Мне только было непонятно, как можно не замечать очевидных вещей. Мы могли бы, например, строить лучшие дома,

используя современные достижения. Могли бы развернуть производство, которое принесло бы миллионные доходы Ранау, а значит, смогли бы покупать у купцов не только игрушки и всякую ерунду, но лучшие механизмы, приспособления и инструменты. Все это я говорил своему отцу сотни раз, но он и слушать не хотел. И вот без его благословения я сорвался сюда, не выдержал.

Дьюанда поднял глаза вверх, пытаясь подыскать лучшие, более весомые слова, и чтобы доказать в который раз самому себе, что он не так уж не прав.

— Нет, туан. Я не был совсем уж законченным глупцом. Перед отъездом я написал письмо сюда на карьеры с предложением взять меня на работу учеником инженера. Один из местных заправил прислал мне ответ, приглашая сюда и пообещав должность. Скромную, конечно, это я понимал. Но я надеялся, что заработаю...

— Выпей, — сказал Флэндри, подливая араки в чашку гостя. — Ну и что было дальше?

Дьюанда задумался. Несколько минут он молча прихлебывал высокооктановый чай, а затем признался, что в компании, где он стал работать, его просто подставили. Нет, не обманули с должностью, действительно оформили официально. Но ему приходилось выкупать у компании старое оборудование, например респираторы, по дико завышенным ценам. Вскоре он залез в долги. Тогда появился один человек, с которым он решил расслабиться и отдохнуть от тревог, то есть начал пить. Тот предложил ему работу в сомнительной конторе, державшейся исключительно на обмане честных покупателей. Дьюанда потерял все, что имел. Стал заниматься у ростовщиков, потом не смог отдать вовремя, залез в еще большие долги и под конец снова был вынужден обратиться к ростовщикам — на этот раз только для того, чтобы купить себе таблетку.

— Что же ты домой не писал? — спросил Флэндри.

На лице мальчишки появилось выражение непреклонной гордости.

— Я нарушил волю отца, туан. Узнав все о нашем Дереве, я объявил, что смогу теперь позаботиться о себе сам. Обратись я к нему за помощью, чтобы добраться до дома, — его достоинство пострадало бы не меньше моего. Нет, только не это. Я нашел другого молодого человека, — боги были милосерднее к нему, — который спал и видел занять мою должность и мог заплатить мне за это. Я продал все, чем владел. Но и этого было мало. Тогда я отправился в распределитель и предложил сделку: мне дают пятьдесят золотых в обмен на якобы выданную мне регулярную пилюлю. В действительности таблетка будет числиться как выданная

мне, а перейдет в карман продавца. Он предложил мне пять. (Флэндри вспомнил, что у перекупщиков на черном рынке такой товар шел по сто золотых! Простак не умел торговаться!) Поэтому я не смог купить билет домой. Но зато я расплатился со всеми долгами — пришел и швырнул им в лицо их проклятые деньги! Я очистил свое имя. Потом несколько дней я искал работу, но мне предлагали только рабство. В нашем роду никогда не было рабов! Тогда я и решил совершить то, чему*ты, туан, был свидетель. Умереть честно. Но, видимо, боги не хотят меня к себе.

— Понятно. — И, желая получить паузу для размышлений, Флэндри поднял чашу: — Чтоб им всем, ростовщикам, пусто было! За крах ростовщиков!

— И Биоконтроля, — ляпнул тот.

— Что такое?! — Флэндри отставил чашу и пристально посмотрел на парня.

Тот побелел как мел; страх застыл в широко распахнутых глазах.

— Ничего, туан! Я ничего не сказал!

«Ого, а вот это уже интересно, — с восторгом подумал Флэндри. А я-то ломал голову, что мне с ним делать, не мог же я таскать его за собой, когда у меня самого на хвосте Вароу и Суму. Но теперь все меняется. Может, это даже удача. Первый человек, от которого я услышал что-то против Биоконтроля. Он, конечно, не сам это придумал, ясное дело, его надоумили там, в Ранау. Кто-нибудь из стариков. Кто-то у него в доме думает так же, как я! Может, там говорят и о революции?!»

Но в этот момент принесли суп, и Дьюанда, забыв все страхи, налег на еду со всей страстью. Флэндри подлил себе ликера и поглощал пищу менее поспешно. Пока они ждали основного блюда, Флэндри бросил небрежно:

— Никогда не слышал о Ранау. Расскажи мне о нем.

Риджстаффель, если есть его по всем правилам, займет не менее двух часов. А был еще шербет, еще чай и арака. Парочка танцовщиц прогуливались по залу в поисках богатых клиентов. Еще кувшин араки оказался просто необходим. Звон бокалов повсюду перемежался нескончаемыми тостами.

Белое солнце проползло точку зенита и валилось к земле. Подножия гор уже лежали в тени. Как только солнце село за кратер вулкана, в сгустившихся сумерках вспыхнули первые звезды. Потянуло прохладой, пригнало первые облака.

Флэндри встал, потянулся, разминая одеревеневшие члены, и сладко зевнул.

— Пойдем-ка теперь ко мне, — предложил он Дьюанде, который, оторвав от стола голову, безуспешно пытался сосредоточить взгляд на Флэндри.

— Вот, накинь это, — рассмеялся тот, бросив мальчику плащ. — А то все решат, что ты тут держишь оборону круглые сутки. Утром еще поговорим.

Он был рад, что избавился от необходимости отвлекаться на Дьюанду, плохо соображавшего в этот поздний час, и может теперь трезво оценить сложившуюся ситуацию с Луанг и Кемуллом. (Боже, какие же у него лапищи!) Бродивший в крови спирт не мог подточить безукоризненную логику вывода: если даже с Луанг все кончено, и не важно, по каким причинам, то у него есть теперь Дьюанда, который приведет его в Ранау, а это может оказаться весьма полезным.

Под стенами внизу, где склоны затопила темнота, зажглись первые фонари, но вездесущий туман делал свое дело, размывая в неясные пятна эти крошечные земные звезды. Шатающегося и распевającego песни Дьюанду на пути к гостинице «Девять змей» то и дело приходилось поддерживать, наставляя на путь истинный в прямом и переносном смысле. Поладив с крутой лестницей и преодолев нелегкий путь по коридору к своему номеру, Флэндри остановился, отыскивая ключ в кармане. Вот замок, ничего, что допотопный, у него есть ключ! Сейчас, Дьюанда, сейчас, мы найдем ключ... Хотя постой. Дверь не заперта! Значит, его компаньоны уже там и ждут не дожудтся его!

На какую-то долю секунды Флэндри заколебался. И толкнул дверь.

Двое в зеленых юбках попытались схватить его за руки. Он успел заметить, как много их там было — больше дюжины. Связанные вместе за ноги, в углу сидели Луанг и Кемул. Он успел также поймать и ее взгляд, обращенный к нему, за мгновение до того как услышал ее крик «Беги!», и увидел, как осело тело девушки на колени Кемула от удара дубинкой по голове. Кемул бешено взревел. Но кто это там стоит, облокотившись о стену, улыбаясь и куря импортную папироску?.. Нияс Вароу.

Флэндри едва взглянул на приближавшихся к нему со всех сторон людей. Реакция опережала мысль. Волчком развернувшись на пятке, он выбросил вперед руку со сложенными плоским копьем пальцами ладони и порвал насквозь чью-то глотку. (Верный способ сломать себе руку, если удар не окажется строго перпендикулярен к плоскости тела!)

Кто-то повис сзади, пытаясь добраться до его горла под низко опущенным подбородком. Он упал на пол, перекинув врага через себя, и перевернулся на спину.

Охранник заблокировал выход. Сверкнуло лезвие. Остальные люди Вароу не спеша подходили с обнаженными кинжалами.

Одним прыжком Флэндри оказался на ногах, выхватывая револьвер, так удачно приобретенный недавно.

Он не тратил времени на крик — нож летит быстро. Он стрелял.

Четыре выстрела — и четверо повалились на пол. Другие в суматохе отпрянули назад. Но Флэндри искал, искал глазами сквозь им же произведенную дымовую завесу, главного. Где Вароу?... А Вароу выглядывал из-за колонны. Он все еще улыбался. Флэндри выстрелил — и промахнулся. Теперь из правой руки Вароу на него смотрел ствол бластера бетельгейзианского производства.

На героизм у Флэндри не было времени. Как и на то, чтобы сознательно просчитать положение. Не было времени. Шанс закончить Вароу таким неуклюжим оружием, которое сейчас у него в руках, был ничтожен, в то время как единственный выстрел низкоэнергетическим лучом никогда не будет выстрелом в молоко. Он заставит его упасть, кататься по полу и жутко кричать от боли. Ну конечно, если Флэндри захочет растянуть удовольствие, то Вароу поместит его обваренное тело в какой-нибудь госпиталь.

Охранник, оказавшийся на свою беду возле двери, лежал к этому моменту на полу с пулей в груди. Дверь стояла открытая. Путь свободен. И Флэндри воспользовался этим простым выходом.

Вароу с беспорядочной свитой позади следовал за ним. В почти осязаемых промозглых сумерках висел туман. Флэндри рванулся к лестнице, перескочил через половину ступеней и очутился на дороге.

Что-то случилось с воздухом и землей, которые, казалось, объединились внезапно для атаки на человека. То ли рокотала земля и дрожал воздух, то ли наоборот. В небе полыхнуло пламя. Из дома рядом выскочила женщина, пронзительно крича; там со звоном летела на пол кухонная утварь. Несколько человек остановились, задрав головы вверх, к вулкану, — неподвижно застывшие тени с ярко высвеченными белками глаз. Ниже по дороге все люди разом замерли, огласив горы руганью и криками, заматавшими запертым в ночи эхом.

Потому что Гунанг Ютар рассердили.

Вароу на какие-то секунды замешкался у лестницы, только чтобы включить фонарь и полоснуть светом по Флэндри. Тот, спасаясь от света, метнулся в сторону, к стене, слыша за собой топот преследователей.

Где-то здесь, он вспомнил, за стеной склон еще довольно проходимый, хоть и крутой. Какая-то черная масса темнеда внизу, Флэндри прыгнул на нее со стены. С верха стены замелькал луч фонаря Вароу. Куда? Он ничего не мог разглядеть в проклятой темноте и тумане. Подожди, сказал он себе. Не там ли, в двух

метрах отсюда лежал еще один валун пониже? Кажется, там. Думать времени не было. Флэндри прыгнул в неизвестность, положившись на свою память. Он чуть не промахнулся. Под его ногами хрустнули посыпавшиеся вниз камни, они перемололи бы его как в мясорубке, промахнись он на этот раз. Цепляясь за малейшие неровности, он смог подтянуться на вершину невидимого валуна и заглянуть вниз. Еще одна темная куча вырисовывалась внизу. И он прыгнул опять.

Свет фонаря Вароу плясал за ним по пятам.

Флэндри догадался, что бежит через город. Сколько времени он прыгал зайцем от одного угла к другому, он не знал. Везде туман и темнота. Он перескочил еще одну защитную стену, оказавшись на новой дороге, и бросился вдоль пустынных пещер.

Вароу неотступно прыгал за ним хищным козлом. Раз или два ему удалось поймать лучом спину терранина.

Флэндри оказался за городом. Дорога сошла на нет, и теперь он пробирался по дикой местности между призраками-скалами в толстом слое шлаков и золы. Слева от него почва круто, почти отвесно поднималась к жерлу кратера. Гунунг Ютар гремел, и его рев, казалось, проникал в мозг и кости. Взвесь пыли и золы забивала нос и глотку. Где-то сорвалась сверху здоровущая глыба и понеслась вниз, по направлению к долине, увлекая на своем пути все в одной адской карусели. Из кратера трехкилометровым черным столбом с запаленным нижним концом повалил дым. Флэндри обернулся: в реках молочного тумана рыскал Вароу со своим фонарем. Его луч зигзагами чиркал туман. Флэндри побежал дальше. Несколько раз он спотыкался, балансируя над обрывами и прислушиваясь к вызванной им канонаде камней. Нет, дальше бежать смысла не было. Если он не хочет разбиться на куски. Пересохшим горлом он жадно хватал порции горячего воздуха.

Вдруг перед ним выросла стена. Что такое!.. Он не мог сообразить, откуда она взялась, и тупо разглядывал ее еще несколько секунд, когда подбежал вплотную. Потом он вспомнил. Ну конечно. Лавоотводник. Но ведь должен же быть путь наверх!.. А, вот и лестница и взрезанные в бетон ступеньки!..

Он стоял на железной огражденной площадке и смотрел вниз, на ползущую мимо него раскаленную глыбу, источавшую невыносимый жар и зловонные газы. Глыба трещала, светилась, ворочалась и ползла как какое-то мифическое кошмарное чудовище. Языки пламени обнимали его по краям.

Он спит и видит сон?

Отсюда не было пути. Никакого перехода на ту сторону. Даже полового участка на самой дамбе. Только платформа, откуда инженеры могли бы наблюдать за процессией огненной реки. Да и

зачем бы здесь быть еще чему-нибудь? Флэндри в изнеможении откинулся на перила, переводя дыхание.

И тут кто-то снизу весьма хладнокровно, голосом, едва различимым в грохоте вулкана и стука сердца, влетевшего в самые уши, несколько удивленно сказал:

— Если вы так хотите принести себя в жертву лаве, капитан, то у вас будет еще возможность. Вы, конечно, можете сидеть здесь и отстреливаться до последнего, но, уверяю вас, не выдержите дыма. Вы можете сдаться. Прямо сейчас. Тогда мы не посадим в клетку ваших сообщников.

— Вы их отпустите? — прохрипел Флэндри.

— Ну-ну, — проворчал Вароу. — Давайте будем реалистами. Я ничего не стану вам обещать, кроме того, что наказание будет умеренное.

Где-то в глубине измученного мозга мелькнула мысль, что неплохо бы ответить эпиграммой на это обещание. Но это тоже была своего рода работа. Он кинул бесполезный револьвер в поток.

— Ладно, я спускаюсь, — вздохнул он.

Так просыпаться он любил: медленно и не спеша подключать мозг к телу, испытывая при этом... Ничего приятного на этот раз он не испытал, кроме физической боли и общего оупления. Он сел и застонал. Потом выругался.

Комнатка была, вообще говоря, ничего: прохладная и просторная. И вид из окна — сады, маленькие арочные мостики, бассейны — почти не портила железная решетка, врезанная в раму окна. Рядом с низкой кроватью — чистая отутюженная юбка и сандалии. За ширмой в алькове — ванна с душем.

— Ну, — пробормотал Флэндри, подставляя себя горячим струям и расслабляя тело, — для начала неплохо. Первая приличная вещь, которую я от них вижу... с прошлой ночи. — Он вспомнил и вздрогнул. Поспешно выключив душ, он продолжал ерничать с весельем висельника. — Будем, однако, надеяться на лучшее. Завтрак, девочки и первым классом на Терру.

Они не пытали его. Вароу не жесток. Во всяком случае, Флэндри страстно желал верить в это. Вчерашние страдания были вызваны главным образом им же самим — его крайней измученностью. Они не дали ему спать, а втолкнув в самолет, допрашивали всю дорогу, допытываясь неизвестно чего. И потом не отстали, продолжая развлекаться; установили, что у него иммунитет против любых инъекций из инквизиторского арсенала Биоконтроля, и уж выложились в доску, чтобы сломать его волю, пользуясь его состоянием. Флэндри прекрасно знал этот метод, сам применял его неоднократно, снимая самые худшие свои состояния релаксацией.

Однако и забавным все это отнюдь не было. Он даже не помнил, как оказался в этой комнате после окончания процедуры.

Он внимательно рассмотрел себя в зеркале: волосы у корней выдавали свой естественный цвет, усы пробились вновь, щеки ввалились, скулы торчали. Сильно утомленные без контактных линз глаза снова стали серыми.

«Долго допрашивали, — думал он, — к тому же я проспал часов двадцать, не менее».

Едва он оделся, как дверь распахнулась и на пороге возникли два мрачных охранника с дубинками.

— Пошли, — приказал ему один, и Флэндри пошел.

Он изрядно трусил. А что вы хотите? За мизерную капитанскую зарплату Империя ждет еще смелости?..

Его вели, Флэндри показалось вначале, через роскошную жилую часть здания. Шикарные коридоры, подобострастная обслуга. Потом он понял, что ошибся. Комнаты, в которые ему случалось заглянуть мимоходом, совсем не походили на жилые. Скорее всего это была гостиница для персонала Биоконтроля. Только теперь он осознал, где находится, и мурашки поползли по спине.

В конце концов его ввели в нечто вроде большого номера, выдержанного в строгом стиле: черненькие столбы и серебристые стены. Под свитком на стене, представлявшим произведение каллиграфического искусства, рос лотос. Арка вела на балкон, откуда открывался прелестный вид на огражденные металлической решеткой сады и дальше — на холмистые джунгли, уходившие к самому горизонту. Пели птички, и светило солнце.

Там, на подушечке за столом, сидел Ниас Вароу. Жестом он приказал охранникам удалиться, и они мгновенно исчезли, не забыв отвесить низкий поклон; Флэндри сел на предложенное ему место напротив шефа. На небольшом гибком теле Вароу болтался свободный хитон, под которым свисал с бедра бластер. Он улыбнулся Флэндри и собственноручно налил ему чай в чашку.

— Доброе утро, капитан, — сказал он. — Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— Лучше, чем жаба, у которой сап, — признался тот.

Раздался осторожный стук, и появился в почтительном поклоне согнутый слуга с прикрытым подносом, который он поставил на стол.

— Можно предложить вам? — спросил Вароу. — Филе баджонгской рыбы, слегка обжаренное в масле, со специями. Употребляется исключительно с ломтиком охлажденного кокоса, вот так.

Поначалу Флэндри не хотелось есть, но, как известно, аппетит приходит во время еды, так что вскоре, не на шутку разойдясь, он начал пожирать все с акульей скоростью. Физиономия Вароу излучала благодущие, когда он подкладывал гостю рис с ломтиками

поджаренного мяса и фруктов. К тому времени как на столе появилась крошечная тарелочка с омлетом, Флэндри насытился настолько, что мог спросить рецепт понравившегося ему блюда.

Ему дали.

— Знаете, капитан, чему я, прикованный к одному месту, больше всего завидую в вашей многообразнейшей деятельности? Вашему опыту по части гастрономии. Во многих ваших колониях прижились растения с Терры, но как же все они отличаются теперь от оригиналов! Мутации, климат, почва — все отражается на вкусовых качествах... Но есть еще и местная пища. Я не говорю уж о социальном аспекте — кулинарная технология и местная кухонная философия. И я счастлив, что наши достижения в этой области нашли у вас признание.

— Хм... Хм... — ответил на эту пространную тираду Флэндри, потянувшись за вторым блюдом.

— Ах, как бы все-таки хотелось вступить в более тесный, так сказать, контакт с остальной Галактикой, — сказал мечтательно Вароу. — Но, увы, это не реально. — Он налил себе чай и отхлебывал его мелкими глотками, не сводя бдительных беличьих глаз с собеседника. Сам он лишь притронулся к пище.

Через полчаса терранин отвалился от еды. Он блаженно растянулся на полу, с детства не привыкнув сидеть нога на ногу. Вароу предложил сигарету со Спики, и он принял это как средство для спасения души.

Флэндри думал про себя: старый трюк — сначала бьют, а после как ни в чем не бывало мило беседуют и угощают. Многих это ломает. Но не меня. Предпочитаю наслаждаться, пока возможно, а там — будь что будет.

Потому что вечно так продолжаться не может.

Он пропустил благословенный дым через рот, глотку и потом в легкие; пошечкотал нос, выдыхая.

— Скажите, капитан, — начал снова Вароу, — а как вы относитесь к такому вашему поэту, как де Ле Руа? У меня случайно оказалось несколько кассет с его стихами, все от этих бетельгейзиан. Я, должно быть, не уловил массу нюансов, поэтому...

— Шутки шутками, но дело есть дело, — вздохнул Флэндри.

— Простите, не понял?..

— И не могли понять. Вы тут накрыли изысканнейший стол с яствами и, по-видимому, ведете самый светский разговор, какой, по вашим представлениям, только и возможен. Но, знаете, мне трудно распуститься таким весенним бутончиком, пока я не услышу от вас о моих друзьях.

Было заметно, как напрягся при этих словах Вароу. Сначала он промывчал что-то совсем бессвязное, но потом оправился, речь полилась гладко, даже перемежаемая дружелюбными смешками и похохатыванием. Посмеемся вместе, капитан, так это называлось.

— Позвольте мне до поры до времени не отвечать на этот вопрос, капитан. Пока поверьте на слово, что в данный момент их не пытаются в наших застенках, как вы, я думаю, полагали. Давайте обсудим другие вещи.

Флэндри не стал выжимать дальше, посчитав, что это только накалило бы обстановку и совсем не способствовало бы выяснению других вещей. Ему ведь так много надо было еще узнать, пока Вароу разыгрывал тут перед ним благодушного дядюшку.

Что бы он ни узнал, это, конечно, все равно не поможет. Ловушка здесь первоклассная, надо признать, и уничтожить его могут тоже в любой момент. Но всякое действие, даже словесная перепалка, поможет избежать неприятных мыслей о грядущем.

— Мне как профессионалу интересно, каким образом вы вышли на меня, — сказал Флэндри.

— А-а... — Вароу сделал непонятный жест рукой с сигареткой, явно довольный возможностью выказать свою проницательность. — Все очень просто. Когда вы вернулись в Компонг Тимур, это можно было расценить как своего рода истерику — вы сами шли к нам в руки. В таком случае нам, казалось бы, не о чем было беспокоиться. Но я так не думал. Все ваше поведение указывало на обратное. Не говорю сейчас о ваших документах, как личных, так и официальных, которые я внимательно изучил на корабле. И я принял как рабочую гипотезу, что у вас есть план, как выжить после окончания действия первой дозы противоядия. Я подумал: а что, если здесь орудует целая подпольная организация межпланетных агентов и именно ее вы ищете? Признаюсь, ее поиски отняли у меня много времени. — Он поморщился: — Каторжный труд. Прошу вас учесть, что никто еще никогда не вставал на пути Биоконтроля! Охранники столкнулись с абсолютно незнакомой для них ситуацией, поэтому чего от них ждать! В лучшем случае — они преданные сторожевые псы, в худшем — просто клинические идиоты. Никогда не интересовались рабочим классом, и вот итог — полная неосведомленность об уголовных приемах, которые его представители используют. Вот с этими профанами приходилось иметь дело, разыскивая такого суперсовременного шпиона, как вы.

Флэндри кивнул. Что ж, у него сложилось такое же впечатление: на Юнан Бизар не существовало разведки. Даже элементарной военной науки. Бедняга Нияс! Его можно было пожалеть: прирожденный детектив, вынужденный заново открывать Америку в технике сыска!

Впрочем, он добился-таки своего.

— Все началось с того, что один местный заправила, некто Суму — а, вы, я вижу, вспомнили его! — порядком перетрухнул, когда сообразил, что имел дело с человеком, поразительно похожим по приметам на разыскиваемого Биоконтролем, и обратился к нам. — Вароу усмехнулся: — Могу вас поздравить, капитан. Суму долго не желал признаться, чем вы его купили, но в итоге рассказал все. Прелестно! Что же все это могло значить, подумал я тогда. Размышления на эту тему отняли у меня еще несколько дней, ведь мне еще не приходилось решать такие задачи. Потом я предположил, что вряд ли вы решились бы на такой подвиг, если бы не суровая необходимость в деньгах. А деньги, несомненно, вам нужны были на таблетки, которые вы надеялись достать в обход закона. Да-да, я знаю о беспорядках в этой сфере. Как только я не пытался усилить контроль за распределением, но все было тщетно. Что делать! Инерция нескольких поколений!.. Да, так вот. Раз вам пришлось доставать деньги таким путем, значит, никакую организацию вы не искали. Мало того, скорее всего ее и вовсе не существовало! Однако кое-какие контакты в Болотном городе вы, видимо, все-таки установили. С кем?

Вароу выпустил кольцо дыма и, чуть повернув голову в сторону, подчеркнуто прислушивался теперь к пению пичужки в ветвях.

— Потом, — продолжал он, — мне пришло в голову просмотреть все имеющиеся документы по делу. И что вы думаете? Из них я узнаю, что, скрываясь от нас, вы врываетесь в дом к особе сомнительного поведения, которая впоследствии дала показания, что сбежала из дома от страха, увидев вас, и что больше ничего не знает. Оснований подозревать ее у нас не было. Да и теперь могло бы не быть. Но что делать? Она была единственным звеном в цепи, ведущей к вам. Поэтому я отдал приказ немедленно привести ее. Но она исчезла в неизвестном направлении. Тогда я решил выследить ее через распределители, где, как известно, регистрируется каждый визит. Она должна была рано или поздно обратиться туда. И вот наконец из Гунунг Ютар пришел сигнал, что она там. Через час я уже был в самолете.

В распределителе ее прекрасно запомнили. Как и ее высокого спутника. Она оставила свой адрес! Это было просто восхитительно, и мы тут же направились в гостиницу. Портье признал вас по приметам. Все сходилось. Тогда мы арестовали ее и ее верзилу-друга. И стали дожидаться вас.

Флэндри вздохнул. Он все это должен был предвидеть. Сколько можно учиться, и по бесчисленным рассказам, ходящим в Службе, и на собственном опыте, что противник не глупее тебя!

— Вы чуть было не исчезли вновь, капитан, — сказал Вароу. — То был головокружительный каскад трюков, и все же я не совето-

вал бы вам второй раз пробовать такое. Даже если вам придет в голову повторить побег, то предупреждаю: все самолеты под замком, так что идти придется пешочком. Через леса, чащобы, в дождь... Фу! Четыреста километров как минимум до ближайшей деревни. А за это время противоядие выдохнется — все. Вам крышка!

Флэндри докурил и с сожалением загасил окурок.

— Единственная причина, по которой, я думаю, вы тут так засекречены, — это то, что противоядие производится здесь.

Вароу кивнул:

— Правильно. Вы попали в так называемый Главный Биоконтроль. Не думаете ли рискнуть украсть парочку пилюль для предстоящего побега через джунгли? Скажу сразу — бесполезно. Проникнуть в подземелье, где находятся склады, невозможно. Двери, автоматически идентифицирующие любого, автоматическое оружие — это для начала. Плюс сотня отборных головорезов.

— Да нет, я пока не планирую этим заняться, — бросил Флэндри.

Вароу потянулся; тугие бугры мускулов заиграли на безвольном теле.

— Пожалуй, не вредно будет показать вам кое-что. Если вам, конечно, интересно.

Интересно. Интересно все, что продлит нынешнее положение и оттянет появление палачей, подумал Флэндри. Но вслух произнес:

— Разумеется. Кто знает, может, мне удастся убедить вас отказаться от такой самоизоляции.

В ответ Вароу натянуто улыбнулся:

— Напротив, капитан. Это я надеюсь убедить вас в отсутствии перспектив на подобный исход. А заодно и в том, что каждый, кто попытается бы задуматься об этом всерьез, неизбежно кончит самоубийством. Причем мучительно долгим. Пойдемте.

Сзади молча топали два охранника, но они заслуживали не большего внимания, чем бластер Вароу. Сам он придерживал Флэндри за руку в высшей степени деликатно, если не сказать нежно. Прошли по коридору и вышли на пологий петляющий спуск в сад. Здесь все источало благоухание и приятную свежесть. Над головой свисали красные соцветия, выложенную гравием дорожку окаймляли кусты ярко-алых и желтых клумб, струи воды били вверх из многочисленных фонтанчиков и ручейками стекали под игривыми мостками, в ивовых ветвях молниями сверкали птички кетжил, — материализовавшиеся поющие сгустки бисера.

Но Флэндри было абсолютно безразлично все это. По правде говоря, его больше интересовали дома. Тот, например, к которому

его вели: огромный, представлявший в синкретическом архитектурном коллаже сколки самых разных эпох. Вароу, очевидно, направлялся к самой старой части замка — черной горе расплавленного камня с охранниками у каждой двери и автоматическими стволами из бойниц сверху.

Комендантша отвесила низкий поклон и выдала всем по комбинезону с мягкими пластиковым капюшоном и вклеенной прозрачной маской. В общем, достаточно удобный. Вароу пришлось расстаться с хитом. Ансамбль довершали перчатки, боты и респираторы.

— Там что, инфекция? — спросил Флэндри.

— Инфекция на нас. — На короткий миг в глазах Вароу мелькнул первобытный ужас. Он машинально оградил себя от злых сил ритуальным жестом. — Мы ни в коем случае не должны загрязнить цистерны.

— Понятно. Но почему бы вам не создать резерв на всякий случай, вроде этого? — предложил Флэндри. — Спокойнее будет.

— А вы считаете это рационально... политически? — рассмеялся он. Способность говорить вернулась к нему.

— Нет, — честно признался Флэндри. — Вам тогда самим пришлось бы зарабатывать себе на жизнь, а не...

— Ой, ой, ой! Мне-то казалось, что вы не заражены этой крестьянской идеологией!

— Боже упаси! Мои хромосомы должны бы сделать из меня бабочку. Знаете, такую, которая вдохновляет других на подвиги и труд. Но согласитесь, есть существенная разница между бабочками и кровососущими пиявками.

Флэндри использовал названия местных разновидностей насекомых — разумеется.

Вароу нахмурился:

— Попрошу вас, капитан!..

Тут только Флэндри обратил внимание на окаменевшую от ужаса комендантшу и двух негодующих охранников.

— О, прошу прощения, — сказал он. — Малышка Ева с двумя братьями-дурачками. Простите, совсем забыл об их существовании. Если честно, я не любитель просвещать интеллектуальных девственниц.

Вароу приложил пальцы к сканнеру. Дверь отворилась, и они прошли внутрь стерилизатора, откуда, миновав отсек коротковолнового излучения и ультразвука, через другую дверь вошли в нечто вроде прихожей. Здесь шныряли взад и вперед бритоголовые с инструментами в руках. При виде их возникало чувство, что со своим неуклюжим оборудованием и еще более неуклюжей организацией они могли только портить дело. И это вполне естественно. Биоконтроль не хотел модернизации. И как все

иерархии мира, уклоняющиеся от открытой конкуренции, Биоконтроль способствовал сохранению отсталости и застою, извлекая для себя из существующего статус-кво выгоду, используя для процедурных целей цепочки команд, регламентации, предписания, установления, протоколы, аппаратные склоки и тому подобное. Со всем этим Флэндри был хорошо знаком еще на Терре.

Скрипучий эскалатор поднял их на несколько этажей. Впереди возникла массивная позолоченная дверь, а перед ней два сонных живописных стража с бластерными ружьями. В комнате рядом какие-то люди дожидались допуска в главный зал. Вароу быстро прошел мимо почтительно склоненных голов и через вспомогательную стерилизационную камеру вошел в святилище.

Здесь на подушечках восседал сам Солу Банданг. На нем не было комбинезона, но он был и не в хитоне. Из-под ремня юбки свисал внушительный живот. Он поднял заплывшие глазки и молвил:

— Что это значит? Я никому не давал... А, это ты.

— Приветствую тебя, туан, — скороговоркой сказал Вароу, впрочем, без особого пиетета. — Не ожидал застать тебя здесь, на посту.

— Да, моя очередь. Опять моя очередь! Даже самая высокая должность в мире — в этом мире — не избавляет от несения службы... От необходимости, так сказать, держать руку на пульсе планеты, капитан Флэндри, — проговорил Банданг. — Очень важно. Да, в самом деле.

Ба, а пол-то почти совсем не истерт, подумал Флэндри. Очевидно, с самых первых дней, когда Биоконтроль чувствовал себя неуверенно в «этом мире», здесь несли дежурство одни только члены правительства.

— Надеюсь, тебе уже разъяснили... ошибочность твоих воззрений, капитан? — Банданг протянул руку за очередной порцией сладкого имбиря. — Твое понимание стало более... реалистичным?

— Мы еще обсуждаем этот вопрос с моим гостем, туан, — сказал Вароу.

— О-о! Тогда идите прочь! — сказал Банданг. — Уходите! Право, как все-таки утомительно долго тянется эта история, Вароу! Объясните наконец капитану, что у нас предостаточно разных методов убеждать упрямцев. Да, методов. И мы можем их применить, когда будет необходимо. И больше не входите так, не беспокойте меня! В конце концов, он не в моем ведомстве. Отнюдь нет.

— В таком случае, Банданг, я прошу вашего позволения вести дело так, как считаю нужным, — сказал Вароу, еле сдерживая раздражение. — Мне хотелось бы показать капитану одну из наших

цистерн. Думаю, ее вид убедит его. Но для этого, естественно, необходима ваша санкция, а еще лучше — ваше личное присутствие.

— Что?! Что такое?! Вот что, Вароу, я занятой человек. Занятой, вы слышите? У меня, к вашему сведению, есть обязательства. В мои обязанности не входит...

— Тогда, — отрезал Вароу, — туан, возможно, сам, единолично, позаботится о ситуации и примет правильное решение. Что делать с инопланетниками.

— Что?.. — Банданг выпрямился так быстро, что челюсть у него отвисла и краска сошла с лица. — Что?.. Вы хотите сказать, они здесь? Не бетельгейзиане? Какие-то неконтролируемые ино... Это...

— Именно это нам надлежит проверить, туан. Прошу вашей милостивой поддержки.

— О да. Сейчас. Немедленно. Мгновенно! — Он подскочил и беспомощно суетясь стал возиться с комбинезоном. Два охранника подлетели и начали помогать ему облачиться.

Вароу включил табло.

— А, я вижу на четвертом посту наш Дженсенг, — сказал он. — Мы пойдем туда. Вам полезно будет повстречаться с ним, Флэндри.

Терранин не ответил. Он размышлял над всем увиденным здесь. Банданг — жирный кретин, но он напрочь лишен иллюзий. То-то он так струхнул перед угрозой вторжения из космоса! Это лишь подтверждало то, что Флэндри понял и раньше.

Боже, какая перезрелая слива! Если бы только пилюли могли попадать сюда со стороны, тогда им всем конец. И технократам из Биоконтроля, и этим придуркам-охранникам. Они не протянут и недели.

Если смелые ребята с разных планет учуют, что здесь творится, они вмиг наводнят Юнан Бизар. А планета богатая, здесь есть чем поживиться. Не знаю, сколько еще припрятано в кладовых Биоконтроля, но наверняка предостаточно. Хватит также и рядовых бойцов (вроде меня), которые готовы послужить делу революции за свою долю в добыче.

Если революция, разумеется, не произойдет сама собой, без интервенции. Без флибустьеров. Так скорее всего и будет. Да народ их голыми руками разорвет. И если и делать здесь деньги, то не грабежом, а занявшись выпуском и продажей дешевых пилюль без каких-либо ограничений.

Но, к сожалению, это уже не в моей компетенции. Торговать — это не пиратствовать.

Да, но хоть комиссионные-то я получу от Мицуко?

От головокружительных перспектив его заставили очнуться на личные проблемы, а другое. Человек, кричащий в клетке рядом с

танцующими богами. Болотный город, где люди превращаются в волков, только чтобы выжить! Голодные мужики на склонах гор, голыми руками откалывающие породу. Жены и дети по колено в воде на полях. Дьюанда — гордость ему и осталось одна только, — прыгающий в пропасть. Глаза Луанг, там, в комнате, где она сидела связанная. Охранник, ударивший ее.

Есть предел терпению любого мужчины.

— Пошли туда, — запыхавшись проговорил Банданг. — Да, капитан, ты непременно должен увидеть наше производство. Э-э... Достижения. Самое великое достижение наших... предков-пионеров; я уверен, ты согласишься. Пусть же их труд... их труд... Навсегда останется святым и не будет запятнан ничем. Пусть их кровь в крови их потомков навсегда сохранит свою чистоту.

Вароу подмигнул Флэндри за спиной Банданга.

Пройдя через служебный стерилизатор и миновав ждущих своей очереди кланяющихся Бандангу техников, вся компания вступила на ленточный транспортер, повезший их по коридорам. Стены его были покрыты мутными фресками, изображающими дела и подвиги первопроходцев — героев Биоконтроля. Сойдя с транспортера, они попали в узкую подвесную стеклянную галерею, проходящую под самым потолком над рядом камер.

Камеры были чудовищно огромные. С высоты Флэндри видел носившихся по полу камеры техников-жучков. В центре ее находилась цистерна — десять метров в высоту и тридцать в диаметре. От нее в разных направлениях отходили трубопроводы подобно застывшим шупальцам; насосы, мешалки, тестеры, КИП, счетчики — все было разбросано вокруг, словно некий языческий бог собрал вокруг себя помощников-демонов. На многих лицах можно было заметить благоговейное выражение.

Вароу несколько отрешенно произнес:

— Возможно, вы уже знаете, что производство противоядия — биологический процесс. Некий дрожжевидный местный организм был подвергнут мутации. В процессе его ферментации должно было получиться средство, предотвращающее возникновение ацетилхолина. Сами бактерии гибнут при встрече с обычными человеческим антителами за несколько часов. Поэтому если вы покидаете планету — вам нечего бояться. Достаточно последней дозы уничтожить инфекцию, и вы освободитесь от нее навсегда. Но все время, пока вы находитесь здесь, на Юнан Бизар, в вашей кровеносной системе с каждым глотком воздуха будет поддерживаться равновесная концентрация микробов.

К несчастью, эти вездесущие микробы убивают и сами дрожжи. А поэтому необыкновенно важно поддерживать здесь стерильную чистоту. Даже малейшее заражение приведет к последствиям, которые можно сравнить разве что с пожаром в сухой

траве. Помещение, где случится беда, должно быть распечатано, оборудование размонтировано, каждую деталь придется стерилизовать по отдельности. Понадобится год, чтобы снова запустить все в действие. Нам повезло — у нас пока только одна такая бракованная цистерна.

— Да любой завод молекулярного синтеза за день сделает то, что вы делаете за год! И чихал он на ваши бактерии, — сказал Флэндри.

— Несомненно, несомненно, капитан, — пробублькал Банданг. — Вы там, в Империи, очень умны. Но ум — это еще не все. Есть и другие добродетели. Э-э... Я считаю, вы, Вароу, не должны рассматривать обстоятельства, приводящие к заражению... как катастрофу, что ли. Я бы, наоборот, считал это удачным или полезным в некотором роде. Считал бы Божественным провидением, устанавливающим и поддерживающим общественный порядок, причем наиболее адекватный для этого мира.

— Вы хотите сказать, общественный порядок, который признает незыблемым наследование ценностей и позволяет любой династии обрести свое естественное положение под доброжелательным покровительством некоей истинно научной организации. Основной миссией этой организации, как я понимаю, было и остается — сохранить генетическое и культурное наследие Юнан Бизар в неприкосновенной чистоте, защитив его от деградации и эксплуатации порочными чужаками, — на одном дыхании выпалил Флэндри.

— Ого! Капитан, да ты уже так хорошо все понял? — удивился Банданг.

— А вот и цистерна, — прервал их Вароу.

Остекленные лестницы вели из туннеля под потолком вниз, в каждую камеру. Флэндри спустился на площадку в нескольких метрах от пола. Полукруглый пульт управления мигал лампами и цифрами. Каждый прибор выдавал информацию о функционировании какого-нибудь блока. Ниже был расположен защитный бункер для мастера на случай аварии. На самом дальнем конце торчал двухполюсный выключатель, покрашенный в черный цвет. Там светилась красная лампочка.

Человек, неподвижно стоявший за пультом, не привлекал к себе внимания, если бы на нем был белый хитон. Но через прозрачный комбинезон была видна его невероятная худоба. Ребра выпирали над поясом юбки так, что их можно было пересчитать. Он повернулся. Гладкий череп с отвисшей кожей и жутковатым золотым клеймом. Но глаза... В глазах горел красноватый огонь.

— Как вы осмелились... — прошептал он и затем, заметив Банданга, — а, прошу прощения, туан. — Он едва пытался скрыть

презрительную усмешку. — Я подумал, это какой-нибудь невежда из новичков рискнул помешать дежурному офицеру.

Банданг отступил назад.

— Э-э... Ну, знаете, Дженсенг, — он задохнулся от негодования, — вы уж слишком далеко заходите... Уж слишком. Я, знаете, э-э, требую к себе уважения. Да.

Дженсенг обвел их испепеляющим взором:

— Я несу службу здесь, пока меня не сменят. — Вой насосов, проникающий сквозь стекла будки, заглушал его голос. — Вы знаете закон.

— Да, разумеется. Но...

— Здесь, на посту, мы не подчиняемся никому, туан. Я мог бы вас пристрелить просто так, из одного каприза, и никто бы меня не осудил. Закон свят.

— Да-да, конечно, — Банданг вытер лицо. — И у меня, знаете ли, есть служба, которую я должен...

— Это в офисе-то? — осклабился Дженсенг.

Тут бойцовским петухом выскочил вперед Вароу.

— Не припомните ли вы нашего гостя, коллеги? — спросил он.

— Да, — он бросил взгляд на Флэндри. — Это тот, что выпрыгнул в окно. Прилетел со звезд. Когда в клетку?

— Да, может, никогда, — ответил Вароу. — Надеюсь, он станет сотрудничать с нами.

— Но с ним что-то нечисто, — пробормотал Дженсенг и отвернул от них безволосый череп, впившись опять глазами в показания приборов, как будто в этом заключался весь смысл его жизни.

— Я думал, вы продемонстрируете ему, как осуществляется контроль за процессом...

— М-м-м... — только и произнес Дженсенг. Он еще долго стоял с отсутствующим видом, жуя губами и не произнося ни слова. — Да, понимаю, — сказал он наконец.

Обратив на Флэндри горящий взор, пергаментный старец — живая мумия! — приказал:

— Смотреть туда. За людьми, обслуживающими цистерну. Если один из них сделает ошибку — любую из ста, — это приведет к тысяче последствий. Мгновенно закиснет тесто для хлеба. Погибает миллион людей. Слышите! Смерть! Вы способны вынести такую ношу?

— Нет, — ответил Флэндри с чувством, будто шел по минному полю.

Дженсенг указал белым, как мел, пальцем на пульт:

— Именно я призван следить за показаниями приборов, выискивая малейшие ошибки и исправляя их тут же по ходу дела. Я отслеживаю и вынюхиваю как гончий пес. Триста двадцать семь миллионов раз, с тех пор как вступил в эту должность, я

спасал хлеб. Триста двадцать семь миллионов жизней обязаны мне. А как насчет тебя, чужак? Можешь ты похвастаться чем-нибудь в таком роде?

— Нет.

— Впрочем, мне обязаны не только жизнью. — Тень легла на его лицо. — Что за польза от жизни, если все, для чего она существует, должно быть утеряно? Так лучше уж отдать то, что по праву принадлежит богам: жизнь, но не запятнанную и не оскверненную ничем и никем вроде тебя, чужак. Юнан Бизар обязана мне своей девственной чистотой. Мне и мне подобным. Мы дарим жизнь, мы же ее отнимаем, чтобы уберечь ее святость.

Флэндри указал на черный рубильник и спросил негромко:

— А это зачем?

— Под нами, в фундаменте замка — атомная бомба. Любой, кто в данный момент несет службу, может взорвать ее со своего поста. Каждый приносит клятву совершить этот акт, если святая миссия провалится. Вот зачем этот рубильник.

На это Флэндри заметил:

— И это при том, что имеется запас пилуль и кораблей с заправленным топливом, на которых Биоконтроль мог бы отчалить отсюда куда-нибудь подальше?

— К несчастью, духовная деградация проникла и сюда, — вздохнул он горестно. — Нашлись бы и такие, кто так бы и поступил. Но они будут прокляты навеки. Я же по крайней мере спасу большую часть народа.

Дженсенг резко отвернулся.

— А теперь убирайтесь! — крикнул он.

Но Банданг уже карабкался по лесенке. Позади всех, улыбаясь, поднимался Вароу. Банданг вытер вспотевшее лицо.

— Ну и ну! — выдохнул правитель. — Вот это да! Я думаю... почетная отставка... Годы не щадят никого...

— Вы знаете закон, туан, — елеяно пропел Вароу. — Никто из тех, кто носит на брови золотое клеймо, не может быть смещен иначе как голосованием равных ему по положению. Вы не соберете достаточного количества голосов, а только взбудоражите экстремистское крыло. — Он обернулся к Флэндри: — Дженсенг весьма влиятелен здесь. Но и помимо него есть достаточно таких, кто позаботится, чтобы замок взлетел на воздух в случае угрозы.

Флэндри кивнул. Если раньше у него и возникали сомнения в серьезности намерений этой публики, то теперь они полностью рассеялись.

— Не знаю, что в этом хорошего? — неуверенно протянул Банданг.

— Мы обсудим это с кап-ганом, — поклонился Вароу.

— Ну что ж, тогда всего хорошего, капитан! — Банданг поднял руку в отеческом напутствии. — Верю, мы еще встретимся где-нибудь. Но не в клетке?.. Конечно! Всего хорошего! — И он затрусил прочь.

Обратно Вароу шел не спеша. Они не начали говорить до тех пор, пока, поменяв одежду, не оказались в саду в блаженном тепле.

— Ну, так в чем вы хотели меня убедить, Вароу? — спросил Флэндри.

— В истине, — ответил тот. Все его бравлада и запал бесследно исчезли. Теперь он вперился куда-то вдаль неподвижным взглядом. Чуть приоткрытый рот придавал ему окончательно отрешенный вид.

— Вы имеете в виду близорукий эгоизм этих фанатов? Да они же мечтают о том, чтобы сделать себя бессмертными!.. А может, я ошибаюсь? Может, дело не в бессмертии, а просто в том, чтобы нахапать побольше и смыться?

Вароу пожал плечами:

— Вы все видите в искаженном свете, под другим углом. Глазами другой культуры.

— О, конечно! Я смотрю на это глазами большинства вашего народа! И вы это сами прекрасно знаете! Не понимаю, Вароу, что вы так цепляетесь за эту систему? Ну что вы имеете с этого? Деньги? Жилье? Слуг? И это предел ваших мечтаний?! Вы же способный парень! В Галактике вы бы имели все это и даже больше при ваших способностях.

Вароу оглянулся на двух охранников и тихо ответил:

— И кем бы я там был? Грязным мелким политиканом, бесконечно идущим на компромиссы? А здесь я — Нияс Вароу, которого боятся все!

Внезапно Вароу перескочил на другую тему, выказав незаурядные познания в вопросах культивации ив и эволюции их с давних времен. Он распинаясь на эту тему всю дорогу, пока они шли до комнаты Флэндри. Вароу отворил дверь в апартаменты гостя.

— Ну, отдыхайте пока. И подумайте о том, что я вам предложил.

— Вы столько раз предлагали мне сотрудничество, ни разу не сказав, что от меня требуется, — сказал Флэндри.

— Во-первых, я хочу знать абсолютно точно, с какой целью вы прителели. — Вароу не мигая смотрел на Флэндри. — Неглубокий гипнозонадж, если вы не против, меня убедил бы. Во-вторых, вы поможете подготовить фальшивку о вашей гибели, так чтобы не возбудить подозрений. После чего вы будете назначены моим первым помощником. Пожизненно. Посоветуете мне, как модернизировать охрану и увековечить изоляцию планеты. — Он улыбнулся

почти смущенно. — Мы не так уж не схожи, капитан. И оба получили бы удовольствие от совместной работы.

— Допустим, я откажусь. Что тогда?

Вспыхнув, Вароу сменил любезный тон на сухо-официальный.

— Тогда — глубокий гипнозондаж. Я выужу из вас все, что смогу. Я не специалист; с этой штукой у меня не было опыта. Вы знаете, что даже в руках профессионала зонд может нарушить многие области мозга. Что уж говорить обо мне... Но, во всяком случае, я успею кое-что узнать перед тем, как ваш мозг разрушится, испарившись.

Он поклонился:

— Жду вашего ответа завтра. Отдыхайте.

И дверь за ним затворилась.

Флэндри мерил тишину шагами. Он отдал бы год жизни за пару нормальных сигарет, но увы! Сейчас у него не было даже местных. Это явилось последним гвоздем в крышке гроба!

Что делать?

Сотрудничать? Допустить, чтобы его подвергли гипнозондажу? Но это значило отдать свой мозг на произвол свободным ассоциациям беспрепятственно блуждать по его мозгу! И тогда все, что знает Флэндри об Империи вообще и о разведке, в частности, станет известно Вароу.

В принципе все это еще можно было бы перенести, останься вся информация на Юнан Бизар. Но это — вряд ли случится. Такой смелый человек, как Вароу, обязательно захочет сыграть на этом. В обмен на секреты военной безопасности Терры он может выпросить что-то вроде дружественного протектората со сторонами мерсейцев. Всего-то — один или два патрульных корабли на орбите — в обмен на сведения, которые он будет экономно по частям скармливать мерсейцам. Или еще того хуже. Вароу найдет варваров, имеющих собственный флот, они примутся совершать пиратские налеты на колонии Терры. Как грамотно осуществить налеты — он тоже им расскажет.

Тем временем каждый час ночи приближал этот кошмар.

Конечно, Доминик Флэндри может остаться в живых, если согласится на положение одомашненного животного. И он не мог решить, стоит ли игра свеч или нет.

По холмам прокатился гром. Солнце село за облака, которые почти полностью к этому времени затащили небо.

Упали первые крупные капли. Сад зашумел.

«Интересно, удастся ли сегодня еще поесть?» — подумал он уныло.

Он не включал свет и расхаживал почти в полной темноте. Когда распахнулась дверь, ему показалось, он ослеп. На фоне

яркого света из коридора в проеме двери стояло гигантское чудище.

Флэндри сделал шаг назад и сжал кулаки, но тут же обнаружил, что чудище носило хитон Биоконтроля. Ах, им стало невтерпёж. Они хотят его немедленно, сейчас. Сердце у него упало.

— Спокойствие, — вдруг услышал он до боли знакомый голос.

Сверкнула молния. В ее вспышке Флэндри различил бритую голову, золотое клеймо и изуродованное лицо Кемула.

У Флэндри подкосились ноги, и он рухнул на кровать.

— Где тут у тебя, черт подери, выключатель? — грохнул бас над ним. — У нас мало времени. Тебя, может быть, и оставят в живых, а мне уж точно клетка. Быстрее!

Терранин встал на негнувшиеся ноги.

— Держись от окна подальше, — сказал он и удивился, что еще может говорить не заикаясь. — Обидно будет, если нас застукают вместе. Никто не поверит в чистоту наших намерений. А, вот. — С потолка вспыхнул свет.

Кемул извлек из-под хитона богатую одежду и кинул на кровать: саронг, шлепанцы с загнутыми вверх носами, блузу, рубашку, чалму с шикарным пером.

— Лучшее, что смогли достать, — сказал он. — Было бы нелепо маскировать тебя под работника Биоконтроля. Твой бритый череп окажется еще бледнее, чем лицо, которое и так привлекает внимание. Зато за богатого торговца или землевладельца ты вполне можешь сойти. Скажем, приехал обсудить политику рынка или еще что-нибудь. Да и мне легче — не надо будет соблюдать правила вежливости и все эти условности при общении с тобой, я им и не обучен.

Флэндри путался в одеждах.

— Как ты попал сюда? — спросил он.

Толстые губы Кемула поползли вверх.

— А вот это еще одна причина, почему нам надо спешить. Там, за твоей дверью, два покойника. Твои бывшие охранники. — Он открыл дверь и, согнувшись, втащил в комнату два трупа со свернутыми одним ударом шеями.

Все правильно, подумал Флэндри, испытывая легкое головокружение. Огнестрельное оружие здесь не подошло бы — слишком много шума. Даже циянистый пистолет (игла плюс сжатый воздух вместо пороха) надо сначала достать, а уж потом выстрелить. За это время вполне можно поднять тревогу и переполошить всех в округе. А вот работнику Биоконтроля ничего не стоит беспрепятственно пройти мимо склоненных часовых — скажем, в глубокой задумчивости, и свернуть их цыплячьими шеями в одну секунду. Видимо там (где?) посчитали эту способность Кемула

подходящей к данному случаю и послали именно его, а не кого-нибудь с менее приметной внешностью.

— Но я так и не понял, как ты попал сюда, — настаивал Флэндри.

— Приземлился, как и все, у ангара. Тамошнему служащему сказал, что Кемул издалека, из Пегунунганга Градьюганга, по неотложному делу и что, возможно, отправится обратно через несколько минут. Прошел в здание, зажал одного в угол, выбил из него все насчет тебя, потом выкинул через окно в кусты. Там попадались разные в хитонах, приветствовали Кемула, да только он всем говорил, чтошибко занят.

Флэндри присвистнул. Ну и дела! Где еще можно было бы совершить такой подвиг, кроме как на Юнан Бизар? Этот факт — враг в цитадели, а его даже не удосуживаются допросить! — демонстрирует полную беспомощность системы правления Биоконтроля. Конечно, можно было бы возразить, что на Юнан Бизар никому и не снилось, что такой дерзкий налет может кому-то прийти в голову, но все равно...

Но все равно. Он играл сейчас в фантастическую игру, в которой шансы на выигрыш стремительно падали с каждой просроченной секундой.

— Мы скоро совершенно изнасилуем этот несчастный Пегунунганг Градьюганг. — Флэндри смахнул пылинки со своего нового облачения. — Оружие имеется?

— А как же. Вот. — Из-под хитона Кемула появились антикварный револьвер, сродни пушке Прадьюнга (интересно, какой век?) и бластер.

— Спрячь. Стрелять не придется.

— О, разумеется. Ты не поверишь, как немного надо такой робкой овечке, как я. Пошли.

Коридор был пуст. Они шли по нему не спеша, со стороны можно было подумать, что два почтенных гражданина ведут неспешную доверительную беседу. На перекрестке с другим коридором им попался навстречу техник Биоконтроля, который в крайнем изумлении согнулся в поклоне. Техник двинулся дальше по своим делам, а Флэндри подумал: кто знает, что тот решит, случись ему пройти мимо комнаты Флэндри и не увидеть перед ней охраны?

Коридор выходил в большую общую комнату отдыха. Между столбами и позолоченными шитами курили, читали, смотрели видеотанцы человек двенадцать служащих из Биоконтроля. Флэндри и Кемул пересекали помещение по направлению к главному выходу, когда один из них среднего возраста с эмблемой Контроля за Чистотой на хитоне пересек им путь.

— Прошу прощения, коллега, — поклонился он, — я никогда ранее не имел удовольствия встречать вас. Думал, что знаю всех

посвященных. — Он с нескрываемым интересом уставился на Кемула. Должно быть, скучная у них работенка, подумал Флэндри, что так бросаются на новичков. — И я совершенно не представлял, что среди нас присутствует такой выдающийся гражданин, — это относилось уже к Флэндри.

Флэндри низко склонил голову под прикрытие спасительного пера. Из-за столика с шахматной доской на них с любопытством уставились двое, сидевшие нога на ногу.

— Амети Наманг. Я только что из-за океана Тинджилского, — прорычал Кемул, представляясь. — Мы прилетели сюда с Владельцем Тасиком. Я провел там годы. На специальной службе.

— Э-э... Но ваш акцент... И ваше лицо я бы обязательно запомнил...

В этот самый момент Флэндри скользнул за необъятного Кемула, так что пропал из поля зрения назойливого типа, и задыхающимся театрально-трагическим шепотом, но, впрочем, достаточно громко, воскликнул:

— Умоляю вас, прекратите! Как вы можете говорить о пустяках, когда человек при смерти в результате аварии?! — Он взял компаньона за локоть. — Пойдемте же. Не будем испытывать терпение гуана Банданга!

Их провожали пристальными взглядами, которые стрелами впивались в спины.

Дождь лил немилосердно, стекая потоками с крыши веранды. Неясно светили фонари вдоль тропинок; их явно не хватало для такой погоды. Странно, можно подумать, здесь первый раз так темно и так лет!.. За ними медленно закрывались двери.

— Через тридцать секунд этот парень либо пожмет плечами и плюнет, либо начнет сопоставлять факты. Бежим! — Но только они спустились по лестнице...

— Проклятье! Ты забыл захватить плащи! На кого мы станем похожи — на пару мокрых крыс?! И ты думаешь, что нас в таком виде посадят в твой самолет?

— С бластером нас посадят куда мы пожелаем, — процедил Кемул. — И не паникуй. Тебе по меньшей мере предоставлена возможность умереть достойно. Она была куплена для тебя с риском для двух жизней.

— Двух?..

— Все это не идея Кемула. И даже не его желание.

Флэндри замолк. Дождь лил по лицу, одежда промокла насквозь. Его не оставляло ощущение, будто он бежал по какому-то замкнутому петлей транспортеру, оставаясь все время на одном месте. Раз! Флэндри перескакивает через изгородь. Два! Флэндри огибает фонарь. Раз! (Изгородь) Два! (Фонарь) Раз! Два!.. Где-то над джунглями грянул гром.

И внезапно возник мерцающий бетон. Сад кончился. Через поле — длинный полукруглый ангар.

— Вот здесь все и приземляются, — прохрипел Кемул. Он шел сейчас к дверям служебного помещения. На порог выскочил служащий в юбке и задрал голову на Кемула.

— Где моя машина? — грозно рявкнул тот.

— Как, уже? Так скоро, туан? Вы только-только...

— Я тебе разве не сказал, что скоро вернусь? А ты, подлец, уже затолкал ее в ангар? Болван! — Кемул толкнул его рукой. Служащий упал, но тут же поспешно поднялся на ноги и кинулся к дверям ангара.

И вдруг раздался протяжный свист. Он был прекрасно слышен, несмотря на шум ливня. Флэндри оглянулся. Окна Главного Биоконтроля, нависшего горой над беседками и фонтанами сада, горели глазами хищника. Служащий встал, разинув рот.

— Ну ты, давай пошевеливайся! — гаркнул Кемул.

— Да, туан. Конечно, туан. — Откинул шеколду, дверь отъехала в сторону. — Но что произошло?

«Я не знаю, — думал Флэндри. — Может быть, обнаружилось мое отсутствие. Или кто-нибудь наткнулся на мертвого охранника. Или наш друг в комнате отдыха проявил похвальную любознательность. Или еще что-нибудь. Не все ли равно? Итог один и тот же».

Он опустил руку в карман на холодную рукоять револьвера. Зажегся свет. Внутри было полно машин, принадлежавших всем, кто нес здесь службу. Интендант беспомощно оглядывался, прислушиваясь к свисткам, топоту ног и крикам.

— Э-э, туан, давайте посмотрим, которая из этих ваша. Я точно не помню... Не могу...

Четверо или пятеро охранников выскочили из сада на освещенное поле.

— Давай в машину, — хлопнул Кемула по спине Флэндри, вытаскивая револьвер и отходя под прикрытие двери. Интендант разинув рот. Он пискнул и попытался бежать, но кулак Кемула, пришедший ему в самое основание черепа, заставил его пролететь на несколько метров через арку, удариться о бетон, юзом проехать по полю и наконец успокоиться навечно.

— В этом не было необходимости, — сказал Флэндри с неприятным чувством. Вот уж точно, всегда больше всех страдают невинные.

Бандит был уже среди машин, а отряд охранников перешел на бег. Сколько шагов сделал Флэндри, отступая в глубь ангара, столько раз он нажимал на курок. Один из охранников закрутился на месте, грохнулся на спину и теперь пытался встать. По его

груди расплзлось багровое пятно. Остальные рассыпались по полю. Они кричали, призывая на помощь.

Флэндри кинул взгляд в другую сторону: и там, на противоположной стороне летного поля, уже замелькали фигурки охранников. Сквозь треск ломавшихся веток под ногами, сквозь вой ветра и шум дождя пробивались отрывистые команды Вароу:

— Ангар окружить. Отрядам четыре, пять, шесть — штурмовать вход. Отрядам семь, восемь, девять — стрелять по всем машинам из ангара. — Видимо, он говорил в мегафон, но Флэндри слышался голос разгневанного бога.

Чей-то дурацкий самолет блокировал путь машине Кемула. Кемул яростно ревел, откатывая его в сторону. Как только три отряда штурмовиков побежали по бетонированному полю, Флэндри услышал:

— Живо в машину!

Терранин выпустил еще дюжину пуль в приближавшееся войско, изогнулся и прыгнул. Кемул уже сидел над включенными приборами, заводя мотор. Он оставил дверь в отсек пилотов открытой. Флэндри успел занести одну ногу, как машина пошла. Они сбили охранников, прорвавшихся внутрь ангара.

Кто-то пронзительно закричал. Отвратительно хрустнули кости. Один ухитрился ухватить Флэндри за болтавшуюся в воздухе ногу и повиснуть на ней. Флэндри чуть не слетел вниз. Он выстрелил, но промахнулся. Попытался еще раз и понял, что оружие заклинило. Он швырнул бесполезный теперь револьвер в искаженное гримасой лицо под ним. Машина перешла на антигравитационный режим и оторвалась от земли. Флэндри висел, цепляясь за дверцу, используя две руки и одну ногу. Он попытался слягнуть пиявку, но враг продолжал висеть, испуская истошные вопли. Тогда, собрав все силы, он поднял ногу почти строго перпендикулярно линии отвеса и рывком опустил, пытаясь разможжить охранника о корпус.

Тот сорвался вниз со стометровой высоты. Флэндри ввалился в кабину.

— Через шестьдесят секунд они поднимут перехватчик, — выпалил он, хватая ртом воздух. — Дай мне штурвал!

Глаза Кемула налились кровью.

— Ты в этом что-нибудь понимаешь?!

— Побольше, чем любой бандит! Давай, вылезай! Ты что, хочешь, чтобы нас сбили?!

Глаза их встретились. Взгляд Кемула был ужасен.

И тут случилось следующее. Хвостовая часть самолета была отделена панелью от кабины пилотов. Хотя это был допотопный и маломощный самолет, по сравнению с тем, на котором летел Флэндри первый раз с Вароу, он принадлежал, несомненно,

И внезапно возник мерцающий бетон. Сад кончился. Через поле — длинный полукруглый ангар.

— Вот здесь все и приземляются, — прохрипел Кемул. Он шел сейчас к дверям служебного помещения. На порог выскочил служащий в юбке и задрал голову на Кемула.

— Где моя машина? — грозно рявкнул тот.

— Как, уже? Так скоро, туан? Вы только-только...

— Я тебе разве не сказал, что скоро вернусь? А ты, подлец, уже затолкал ее в ангар? Болван! — Кемул толкнул его рукой. Служащий упал, но тут же поспешно поднялся на ноги и кинулся к дверям ангара.

И вдруг раздался протяжный свист. Он был прекрасно слышен, несмотря на шум ливня. Флэндри оглянулся. Окна Главного Биоконтроля, нависшего горой над беседками и фонтанами сада, горели глазами хищника. Служащий встал, разинув рот.

— Ну ты, давай пошевеливайся! — гаркнул Кемул.

— Да, туан. Конечно, туан. — Откинул шеколду, дверь отъехала в сторону. — Но что произошло?

«Я не знаю, — думал Флэндри. — Может быть, обнаружилось мое отсутствие. Или кто-нибудь наткнулся на мертвого охранника. Или наш друг в комнате отдыха проявил похвальную любознательность. Или еще что-нибудь. Не все ли равно? Итог один и тот же».

Он опустил руку в карман на холодную рукоять револьвера. Зажегся свет. Внутри было полно машин, принадлежавших всем, кто нес здесь службу. Интендант беспомощно оглядывался, прислушиваясь к свисткам, топоту ног и крикам.

— Э-э, туан, давайте посмотрим, которая из этих ваша. Я точно не помню... Не могу...

Четверо или пятеро охранников выскочили из сада на освещенное поле.

— Давай в машину, — хлопнул Кемула по спине Флэндри, вытаскивая револьвер и отходя под прикрытие двери. Интендант разинув рот. Он пискнул и попытался бежать, но кулак Кемула, пришедшийся ему в самое основание черепа, заставил его пролететь на несколько метров через арку, удариться о бетон, юзом проехать по полю и наконец успокоиться навечно.

— В этом не было необходимости, — сказал Флэндри с неприятным чувством. Вот уж точно, всегда больше всех страдают невинные.

Бандит был уже среди машин, а отряд охранников перешел на бег. Сколько шагов сделал Флэндри, отступая в глубь ангара, столько раз он нажимал на курок. Один из охранников закрутился на месте, грохнулся на спину и теперь пытался встать. По его

груди расплзлось багровое пятно. Остальные рассыпались по полю. Они кричали, призывая на помощь.

Флэндри кинул взгляд в другую сторону: и там, на противоположной стороне летного поля, уже замелькали фигурки охранников. Сквозь треск ломавшихся веток под ногами, сквозь вой ветра и шум дождя пробивались отрывистые команды Вароу:

— Ангар окружить. Отрядам четыре, пять, шесть — штурмовать вход. Отрядам семь, восемь, девять — стрелять по всем машинам из ангара. — Видимо, он говорил в мегафон, но Флэндри слышался голос разгневанного бога.

Чей-то дурацкий самолет блокировал путь машине Кемула. Кемул яростно ревел, откатывая его в сторону. Как только три отряда штурмовиков побежали по бетонированному полю, Флэндри услышал:

— Живо в машину!

Терранин выпустил еще дюжину пуль в приближавшееся войско, изогнулся и прыгнул. Кемул уже сидел над включенными приборами, заводя мотор. Он оставил дверь в отсек пилотов открытой. Флэндри успел занести одну ногу, как машина пошла. Они сбили охранников, прорвавшихся внутрь ангара.

Кто-то пронзительно закричал. Отвратительно хрустнули кости. Один ухитрился ухватить Флэндри за болтавшуюся в воздухе ногу и повиснуть на ней. Флэндри чуть не слетел вниз. Он выстрелил, но промахнулся. Попытался еще раз и понял, что оружие заклинило. Он швырнул бесполезный теперь револьвер в искаженное гримасой лицо под ним. Машина перешла на антигравитационный режим и оторвалась от земли. Флэндри висел, цепляясь за дверцу, используя две руки и одну ногу. Он попытался слягнуть пиявку, но враг продолжал висеть, испуская истошные вопли. Тогда, собрав все силы, он поднял ногу почти строго перпендикулярно линии отвеса и рывком опустил, пытаясь разможжить охранника о корпус.

Тот сорвался вниз со стометровой высоты. Флэндри ввалился в кабину.

— Через шестьдесят секунд они поднимут перехватчик, — выпалил он, хватая ртом воздух. — Дай мне штурвал!

Глаза Кемула налились кровью.

— Ты в этом что-нибудь понимаешь?!

— Побольше, чем любой бандит! Давай, вылезай! Ты что, хочешь, чтобы нас сбили?!

Глаза их встретились. Взгляд Кемула был ужасен.

И тут случилось следующее. Хвостовая часть самолета была отделена панелью от кабины пилотов. Хотя это был допотопный и маломощный самолет, по сравнению с тем, на котором летел Флэндри первый раз с Вароу, он принадлежал, несомненно,

богатому человеку. Внезапно эта панель сдвинулась в сторону и в кабину пилотов просунулась голова Луанг:

— Отдай ему штурвал, Кемул. Быстрее.

Кемул страшно выругался, но сдался. Флэндри упал в кресло.

— Навряд ли у этой телеги имеется компенсатор ускорения, — сказал он. — А посему отправляйтесь в хвост и пристегнитесь покрепче.

Мгновение он изучал приборную доску. Самолет был необычной конструкции, старомодный, купленный, без сомнения, у торговцев с Бетельгейзе. Но Флэндри успел за свою жизнь переvidать много всяких гораздо менее понятных моделей, да и опасность была столь велика, что он за секунды идентифицировал все приборы.

Машина летела в темноте. Дождь хлестал по лобовому стеклу. Слева — вспышка молнии. Флэндри включил радар в поисках погони и сделал спираль. Под ним мигал огнями Главный Био-контроль. Датчик запищал и зарегистрировал цель, двигавшуюся на перехват. Автомат попытался изменить курс, Флэндри выдернул его из питания и стал набирать высоту.

Самолет Флэндри чертил в небе тонкую прямую линию в направлении центра шторма. На этой средневековой галере радар не сообщал пилоту, что творится сзади, но, несомненно, его догоняли. Что-то протяжно свистело. Вот черт! Он забыл закрыть дверь кабины! Когда он потянулся к ручке, на лицо упало несколько капель. У них был вкус ветра.

Все выше и выше. Вот уже вспышки молний освещают всю небесную механику: кучевые облака под небом разверзаются у основания водопадами.

Корпус вибрировал от воздушных толчков, вихрей и ям. Электроника, как безумная, периодически зашкаливала приборы. Гром гремел уже в самой кабине.

Набрав максимальную скорость, Флэндри временно отключил двигатели, совершил U-образный поворот на 180 градусов в горизонтальной плоскости и ринулся в обратном направлении, выжимая из машины все, что она могла дать. Потом, сбросив скорость, пошел вниз.

Он увидел темный, похожий на акулу силуэт примерно в километре от себя, скользящий в небе с двойной по сравнению с Флэндри скоростью. Расстояние стремительно сокращалось. Перехватчик рос на глазах. Несколько секунд оставалось для принятия решения. И произошло то, на что рассчитывал Флэндри. В самый последний момент пилот не выдержал и круто вильнул вбок. Флэндри проскочил всего в метре от его фюзеляжа.

Вопрос о том, как и сколько времени пилот должен жать на тормоза, решается инстинктивно. При такой перегрузке он сам

чуть не вылетел через лобовое стекло, а корпус машины едва не развалился на куски. И все же — вот что значит опыт! — самолет завис точнехонько над кронами деревьев при нулевой скорости. Флэндри немедленно лег на горизонтальный курс, пронося шасси в расстоянии сантиметров от макушек деревьев и умело уворачиваясь от особенно высоких. Он нырнул в эпицентр шторма и увидел, как молния расщепила одно такое дерево пополам в десяти метрах от него. Тот, кто не прошел тренировок в космосе, никогда не смог или не осмелился бы совершать виражи с такой лихостью и скоростью. А что же перехватчик?.. Он болтался где-то наверху в полной беспомощности, потеряв и курс, и цель, и скорость и упустив из виду противника.

Флэндри вышел из полосы дождя и, только оказавшись в пятидесяти километрах от Главного Биоконтроля, рискнул высунуться, приподнявшись над землей и прозондировав радаром небо. Небо было чисто. Только тропические звезды в фиалковом тумане да свист рассекаемого ветра.

— Вот мы и смылись, — пропел он.

Вновь набрал высоту и только теперь оглянулся назад, в хвост самолета. Большое тело Кемуга обвисло в кресле.

— Ты, идиот! Ты мог нас всех расплющить! — задыхался здоровяк.

Луанг отстегнула ремень и долго доставала непослушными пальцами сигарету.

— Я думаю, Доминик знал, что делал, — ответила она.

Флэндри заблокировал рычаги управления и вышел в салон, разминая мускулы.

— Я того же мнения, — сказал он и плюхнулся в соседнее с Луанг кресло. — Привет.

Она долго не отрываясь смотрела на него. Ее глаза и волосы мерцали в полутьме салона. Синяки в том месте, где проходил ремень безопасности. Должно быть, от его маневров. А она все смотрела, смотрела... Так что ему даже стало неловко, и он воткнул сигарету в рот, чтобы хоть что-то сделать.

— Теперь ты поведешь, Кемуг, — сказала она.

Бандит недовольно хрюкнул, но встал и отправился в кабину.

— Куда летим? — спросил Флэндри.

— В Ранау. — Она наконец оторвала от него взгляд и затанулась. — На родину Дьюанды.

— Ага. Я догадываюсь, что там у вас произошло. Но все равно расскажи.

— Когда ты дал деру из гостиницы, эти слабоумные охранники рванули за тобой, оставив нас одних, — рассказывала она монотонным голосом, как вызубренный урок. — Все время, пока шла драка, Дьюанда был за дверью. Вошел только после того, как мы

остались одни. Весьма разумно с его стороны. Никто его не заметил. Он нас и освободил.

— Неудивительно, что Вароу презирает их, — сказал Флэндри. — Представляю их рожи, когда они вернулись и нашли птичник пустым. Хотя, признаю, он так хладнокровно реагировал на мои расспросы, что я подумал, вы и вправду у него в руках. Ладно, давай дальше. Что случилось потом?

— Ну, мы, конечно, не стали их дожидаться. Кемул угнал чей-то самолет. Дьюанда умолял нас спасти тебя, на что Кемул только смеялся. Мне, кстати, это предложение тоже сначала показалось безумным. Знаешь, как ужасно быть вне закона и жить на таблетки, которые сумеешь достать только из-под полы! К тому же три человека против хозяев планеты?

— Однако все-таки ты открыла по ним огонь? — Флэндри так близко от ее уха прошептал эти слова, что коснулся губами кожи. — Всегда буду твоим должником.

Не меняя позы, она отрешенно смотрела прямо перед собой, выговаривая слова на манер робота:

— Прежде всего ты должен благодарить Дьюанду. Ты спас его, он тебя. Он утверждал, что не один, что таких, как он, много. Что там помогут, если появится надежда избавиться от Биоконтроля. И вот... Мы добрались до Ранау. Я разговаривала с отцом мальчишка, он предоставил нам самолет, снабдил этим маскарадным костюмом и кое-какой информацией. Они составили план. Теперь мы возвращаемся. Посмотрим, что можно сделать.

На этот раз Флэндри серьезно посмотрел на нее:

— Но ведь это ты приняла окончательное решение?

Она пошевелилась в кресле.

— Ну и что из этого? — не вполне уверенно сказала она.

— Вот это я и хотел бы знать. Ведь не из простого чувства самосохранения ты пошла на это. Наоборот, ты сильно рисковала. Ведь что было? Ты имела выход на черный рынок к таблеткам. Ты могла бы заниматься этим и дальше. Вароу, выудив все из меня, понял бы, что ты никакой угрозы не представляешь, и просто забыл бы о тебе. Даже больше того: с помощью какого-нибудь влиятельного мужика ты могла бы потребовать официальных извинений, притворившись обиженной. Поэтому, если мы собираемся работать вместе, я хочу знать мотивы: почему ты рискнула всем, чтобы меня спасти?

Она раздавила окурочку.

— Вовсе не из-за твоих бредовых идей! — огрызнулась она. — Плевать я хотела на сто миллионов дураков. Мне лишь надо было... Чтобы тебя спасти, мне нужна была помощь. А помощь была только в Ранау. А те помогли бы только в том случае, если это им будет сулить революцию. Вот и все.

Кемул расправил огромные плечи и повернулся к ним:

— Если ты не прекратишь подкалывать ее, терранин, то Кемул скормит тебе твои собственные кишки!

— Закрой панель, — приказала она.

Гигант отвернулся, вздохнул и задвинул панель.

Ветер затих. Флэндри выключил свет и увидел в иллюминаторе яркие близкие звезды. Стоит лишь протянуть руку — и наберешь горсть...

— Больше на всякие дурацкие вопросы я отвечать не собираюсь, — сказала она. — Тебе недостаточно, что ты на свободе?

Но ее вопрос так и остался без ответа. Ибо Флэндри прижал ее к себе, а в таком положении разговаривать оказалось крайне неудобно. В доброй тысяче километров на северо-восток от Компонг Тимура, на самом краю континента, находилось местечко под названием Ранау. Болота, горы, отсутствие регулярной навигации по рекам, а также некоторая холодность населения по отношению к чужеземцам — все это привело в конечном счете к тому, что Ранау не пользовался популярностью ни у коммерсантов, ни у туристов. Может, раз в год и заедет кто-нибудь, но не чаще. Воздушное сообщение с Ранау не было налажено. Когда Флэндри приземлился, было еще темно. Несколько бесстрастных мужчин с флюоресцирующими шарами вместо фонарей встретили их в порту. Он был сражен, узнав, что до ближайшего поселка шагать по бездорожью километров десять.

— Мы не прокладываем дорог среди Деревьев, — сказал Тембеси, отец Дьюанда. — В этом все дело.

Рассвело, а они все еще шли. Но в ландшафте, угадываемомся в свете раннего утра, Флэндри обнаружил новый повод наслаждаться чудесами жизни.

Почва была низкая, сырая, верхний слой составлял мягкий ярко-зеленый торф, похожий на мох. На нем миллионами капелек сверкала роса. Туман клубился и перетекал из одной ложбины в другую, редая с каждой секундой по мере того, как поднималось солнце. Сырость заполняла рот и нос. Он шел, высоко поднимая ноги, почти бесшумно, через пружинящую поросль. Молчаливые люди, шедшие рядом в тумане, как призраки, не могли избавить от навязчивого ощущения, что он спит.

Перед ним, вырвавшиеся из тумана в яркое небо, встали Деревья Ранау.

Их было, наверное, больше тысячи, но Флэндри мог видеть лишь несколько одновременно. Они росли очень далеко друг от друга, между стволами не меньше километра. А еще они были очень большие.

Когда Дьюанда говорил об этих деревьях, что они достигают двухсот метров в высоту и живут около десяти тысяч терранских

лет, Флэндри представлял себе нечто вроде секвойи, знакомой ему по Терре. Но Юнан Бизар — не Терра. Великие Деревья оказались в несколько раз толще; просто невероятно, что могли существовать такие горы органического происхождения с корнями вместо подножий. Метров на пятьдесят ствол был голый, потом начинал разветвляться, вначале толстыми, потом все более тонкими ветвями. Самые тонкие и высокие веточки были под стать терранскому дубу, самые низкие сами могли сойти за лес. Количество пятиконечных листьев, каждый из которых имел зеркальную поверхность снизу, превосходило, казалось, число видимых звезд. Даже если учесть меньшую силу тяжести на Юнан Бизар, трудно было сказать, как могли удерживаться в воздухе такие огромные стволы. Вероятно, это объяснялось тем, что на не уступающий по прочности металлу ствол наращивалась наилегчайшая порода, вроде терранской бальзы, с грубой серой корой. Слабый ветерок, привычный для этих мест, шевелил верхние листья, и они отражали зеркальной изнанкой солнечный свет далеко вниз, на нижнюю листву, не давая ей зачахнуть в тени.

Но Флэндри было не до попыток объяснить увиденное. Он просто застыл на месте. Деревья закрывали собою все небо, солнечный свет мигал, дрожал, переливался в кронах, подобно пламени. Остальные, поняв состояние Флэндри, тоже остановились, поджидая его. Все молчали.

Терранин обрел наконец дар речи, когда они снова тронулись в путь.

— Ваши люди в основном арендаторы? Редкий случай здесь, как я понимаю?

Тембеси — большой, с будто из камня высеченным непрклонным лицом, — ответил не спеша:

— Не совсем понимаю, какой смысл вы вкладываете в эти слова. С самого начала колонизации стало ясно, что свободный фермер здесь обречен. Большие наделы не могли себя окупить, а с маленьких участков все шло на собственный прокорм, на продажу не оставалось ничего. Плюс ко всему — много денег уходило на противоядие, чтобы думать о какой-либо модернизации. Один неудачный год — и вы вынуждены продать часть земли богачу, владельцу плантаций, только чтобы просто оплатить пилюли. Ферма становилась совсем крохотной, она уже не способна была прокормить, владелец залезал в долги, и если он в конце концов не попадал в рабство, это могло считаться удачей.

Наши предки, крестьяне, предвидели подобную участь — утрату земли. Они все распродали и перебрались сюда, где еще были условия для свободной и независимой жизни. Место было к тому времени необжитое — это во-первых; нужна была наличность для приобретения разного инвентаря и таблеток. Во-вторых, земля

здесь была слишком скудной, чтобы на нее могли польститься богачи, которые всегда найдут повод вытеснить слабых. В-третьих, привлекала удаленность от коррупции, от грязи городов, от невежества и нищеты деревень. В-четвертых, возникла взаимовыручка, которая не дала бы распасться новой общине. Все это мы нашли здесь, среди Деревьев.

К этому моменту они вышли из леса и входили в Священную Рошу. Было вовсе не темно, как ожидал Флэндри, когда они вступили под сень первого гиганта. Сама крыша из листьев служила источником света: листья мерцали, сверкали, вспыхивали, рассыпая солнечные зайчики по всему пространству. Маленькие зверушки сновали вокруг огромного корня, выпиравшего из земли серой стеной чего-то, напоминающего мох. Язычками огня тут и там сверкали в листьях золотистые кетжил. Они пели, и их щебет сливался с вечным неумолчным шелестом, словно исходящий из далекого водопада, звуки которого разносились далеко в тишине и покое. Находясь рядом с Деревом, трудно было составить представление о его высоте. Слишком оно было огромно. Его нужно было просто принять как данность, оно как бы заслоняло собой полмира. Глядя вперед, на зеленые лужайки, казалось, что стоишь под сводом шепчущихся солнц, поддерживаемым парящими колоннами. И по ковру этих лужаек кто-то щедрой рукой рассыпал мириады белых цветков.

Дьюанда оторвал полный благоговения взгляд от Флэндри и краснея признался:

— Отец, я стыжусь, что хотел изменить все это.

— Ты хотел этого не со зла, — сказал Тембеси. — Ты был слишком молод, чтобы понять простую истину: трехсотлетние традиции обладают большей мудростью, чем любой человек. — Он слегка склонил голову, обернувшись к терранину: — Не могу выразить, как я признателен вам за спасение моего сына.

— А, пустяки, — пробормотал Флэндри. — Вы ведь тоже помогли мне.

— Но не бескорыстно. Вот видишь, Дьюанда, твои старейшины совсем не похожи на дряхлых стариков, как ты полагал. Мы тоже мечтаем изменить жизнь Деревьев, и даже больше, чем ты представлял себе.

— Значит, придут терране! — возбужденно воскликнул мальчик.

— Ну, не совсем так... — задумчиво произнес Флэндри.

Он оглядел остальных. Пылкий Дьюанда, твердый Тембеси, простоватый Кемул, загадочная Луанг, держащая его за руку... Он верил, что может положиться на них. Но ничего не знал о других, стоявших поодаль.

— Не стоит говорить сейчас обо всем. Может статься, у Биоконтроля есть здесь уши.

— Об этом мы позаботились, — сказал Тембеси. — Все, кого вы здесь сейчас видите, — с моего родного Дерева, из моего клана, если угодно, потому что каждое Дерево — это единокровная родня. Мы рассуждали на тему о свободе достаточно долго. Большинству из них можно доверять. Не исключены, разумеется, робость, предательство или неосторожность с чьей-либо стороны, но таких людей не много.

— Достаточно одного, — хмыкнул Кемул.

— Как может произойти утечка информации? — продолжал Тембеси. — Следующий регулярный торговый рейс — через несколько недель. Я уже позаботился, чтобы ни один караван до этого не отправился отсюда. Наши самолеты охраняются. Идти пешком — это тридцать дней до ближайшего центра. Невозможно.

— При условии, что кому-нибудь не выдали в распределителе таблеток авансом — под благовидным предлогом, разумеется, — сказал Флэндри. — Хотя постойте! Ведь у распределителя есть радиосвязь с Биоконтролем!

Тембеси мрачно усмехнулся:

— Потому и случаются тут у нас иногда странные вещи с непопулярными служащими распределителя: то один сорвется случайно с ветки, то другого дикий зверь загрызет, да так, что не найти останков... Но все это ерунда. Сейчас в распределителе работает мой племянник, тоже член нашей организации.

Флэндри кивнул, несколько не удивившись. Даже самые злодейские правительства вынуждены иметь в своих рядах определенный процент достойных граждан, которые при первом удобном случае становятся ярыми врагами системы.

— Ну что ж, значит, пока мы в безопасности, — заключил он. — Вароу с ног сойдет, разыскивая меня. Сюда они сунутся в последнюю очередь.

— И вы освободите наш народ! — в новом приливе энтузиазма вскричал Дьюанда.

Флэндри предпочел бы менее мелодраматичный призыв, но, не желая огорчать юношу, он ничего не сказал на это и обратился к Тембеси:

— Я вижу, вам здесь не так уж и плохо. Причем вы чрезвычайно консервативны. Вы отдадите себе отчет, как изменится ваша жизнь, если Юнан Бизар войдет в межгалактическое сообщество? Вы готовы к этому? Стоит ли все рушить только во имя победы над Биоконтролем?

— Вот и я неоднократно спрашивала его об этом, — сказала Луанг. — Безрезультатно. Он для себя уже все решил.

— Стоит, — ответил Тембеси. — Да, мы независимы, но какой ценой нам дается эта независимость! Мы не можем позволить себе иметь столько детей, сколько хотим. Если их будет слишком много, Дерево не прокормит. Мы не можем купить новые вещи. О путешествиях и говорить не приходится. У нас есть выбор занятий, однако очень скудный. Мы можем говорить, что думаем. Но говорить особенно не о чем. И потом, эти пилюли, пилюли, пилюли! Сколько на них уходит денег! Мы боимся, что богачи пронохают про нашу страну и отнимут ее у нас. А наши сыновья смотря на звезды, мучаются вопросом, что там и кто там, не получают ответа, стареют и умирают, так ничего и не узнав.

Флэндри опять кивнул. Еще одно обычное явление: революции совершаются не рабами или голодающим пролетариатом, а людьми более или менее свободными, способными оценить, что они имеют и что получают в результате.

— Мне кажется, что восстание или мятеж сами по себе не принесут успеха, если только вся планета не поддержит нас. Нужно продумать это.

Лица окружающих напряглись. Тембеси сказал за всех:

— Мы не хотим умереть бесцельно. Мы обсуждали эту тему и раньше и пришли к решению. Мечта отцов — наша воля. Если люди Дерева должны пойти на риск — они пойдут. Если мы проиграем, то не станем дожидаться казни. Мы возьмем детей на руки и бросимся вниз с самой высокой ветки. Тогда Дерево примет нас к себе и мы станем его листьями, освещаемыми солнцем.

Хотя было совсем не холодно, Флэндри пробрал озноб.

К этому времени они подошли к стволу одного Дерева. Тембеси остановился.

— Это дерево мы называем Дерево Где Гнездо Кетжил, — сказал он. — Моя родина. Добро пожаловать, освободитель.

Флэндри взглянул на убежавшие в вышину пластиковые ступеньки, врезанные в кору дерева. С интервалами располагались площадки для отдыха, увитые декоративным плющом. Лестница поднималась так высоко, что терялась из виду. Вздохнув, он стал подниматься вслед за проводником.

Дойдя до нижней ветки, Флэндри увидел, что это была широкая извилистая дорога, забиравшая вверх. Никаких перил. С головокружительной высоты он видел под собой землю. Ему стало не по себе. Несмолкаемый шелест, который он слышал и раньше, окружал его теперь со всех сторон — громкий и отчетливый в зеленом море с несметным количеством крохотных огоньков отраженного солнца. На ответвлениях ветки стояли строения с красивыми куполами, часто полуцилиндрами, иногда их поддерживали тонкие гибкие подпорки. Это были дома. Вокруг в изобилии росли

травы-сорняки, похожие на тростник; их, по-видимому, использовали в качестве строительного материала; глубокие их корни уходили в кору Деревя. Вместо дверей хлопали на ветру соломенные шторы. Внимание Флэндри привлекло странное остроконечное сооружение в цветущем дерне.

— А это что? — спросил он.

— Часовня. Там боги. Глубоко в дереве проходит туннель, в него из часовни спускается юноша, когда приходит срок стать мужчиной. Он там остается всю ночь. Больше сказать не могу, — благоговейным шепотом, почти заглушаемым шумом листвы, произнес Дьюанда.

— Остальные постройки — склады, заводы и прочее, — сказал Тембеси с очевидным желанием сменить тему разговора. — Пойдемте выше, туда, где живут люди.

Чем выше они поднимались, тем светлее и просторнее становилось. Здания уже были поменьше, весело разукрашенные. Они также группировались кучками на разветвлениях веток, и лишь немногие прикреплялись к главному стволу. Босые жители непринужденно ходили по тонким и качавшимся под их ногами участкам «земли», совершенно так же, как если бы это и вправду была земля. Только маленьких детей вели на поводке или ограничивали им пространство плетеными загончиками. Это племя внешне ничем не отличалось от знакомых уже Флэндри, разве что узором разноцветных одежд. Хлопоты по дому женщин, незамысловатая кухонная утварь, которые удалось заметить Флэндри через распахнутые «двери» — все было то же самое. Но отличие все-таки имелось. Тонкое, но вместе с тем очень важное — дружелюбие. Они не пятались на чужаков, как другие, пихаясь локтями и вытаращив глаза. Оно проявлялось в любезности, с которой они пропускали незнакомца в наиболее узких и стесненных проходах, а также в их мягкой, неспешной речи. Отличие наблюдалось и в отношении к лидерам типа Тембеси — оно было уважительным, но не подобострастным; в смехе, который звучал чаще и совсем не так фальшиво, как везде в других местах; в серенаде, которую парень пел девушке, аккомпанируя себе на старой японской гитаре и небрежно болтая ногами над бездной, где гулял ветер.

— Тут масса овощей, — заметил Флэндри. — Но где же, собственно... поля, Дьюанда?

— Выше. Еще несколько веток, и вы увидите их, капитан.

Флэндри застонал.

Тем не менее стоило подняться, хотя бы для того, чтобы увидеть бороды лишая, свисавшие с сучков и совсем не похожие на испанский мох. Группы людей — сельскохозяйственных рабочих — в опасной близости к краю пропасти, казалось, не обращая на это никакого внимания, с помощью крючков и сетей, собирали

урожай. У Флэндри все замирало внутри, когда он наблюдал за их работой. Все собранное отправлялось вниз, в какой-то сарай, где обрабатывалось антипиретическим составом (видимо, не одна болезнь существует на Юнан Бизар!), и после этого частично превращалось в наличность.

Имелись здесь также другие источники пищи и соответственных доходов. Целые виды деревьев и кустов произрастали на Дереве. Мутации и селекция сделали их полезными для человека. Неслась одомашненная птица. По-видимому, часть веток болела — их подрезали и обрабатывали — отсюда лесоматериал и пластик. Черви и насекомые в порах коры служили источником протеина. Хотя, конечно, ловить рыбу и заниматься охотой предпочитали внизу, на земле.

Теперь стало понятно, почему на всей планете уцелел только этот бастион гигантов. Вид вымирал от сотен форм паразитов, которые успевали возникнуть быстрее, чем развивались защитные свойства Деревьев. Но человек, создав некую форму симбиоза, поддерживал еще как-то оставшееся. Вот вам редкий пример, когда человек помогал природе. Хотя Флэндри и не был любителем деревенской жизни, ему понравился этот уголок мира.

Ближе к самому верху, где ветки были совсем тонкие и редкие, а ствол качался, Тембеси остановился на деревянной площадке перед тростниковой хижинкой, увитой красным плющом.

— Это место для молодоженов, которым надо побыть одним первое время, — сказал он. — Вы и ваша жена, я надеюсь, не откажетесь поселиться здесь на все время визита в наш клан; это большая честь для всех нас.

— Жена?! — поперхнулся Флэндри. Луанг еле удерживалась от смеха.

Да... Ничего удивительного. Для солидных граждан семейные отношения должны быть достойными. Не стоит их разочаровывать.

— Благодарю вас, — поклонился он. — Вы не проводите нас?

Тембеси улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Вы устали и хотите отдохнуть, капитан. Там есть все необходимое, включая еду и питье. Мы еще успеем вам наскучить официальными чествованиями. Но что, если я приглашу вас к себе на ужин через час после заката? Любой человек проводит вас ко мне.

— И мы узнаем ваши планы! — выкрикнул Дьюанда.

Тембеси оставался спокоен, но ту же мысль можно было прочесть в блеске его глаз.

— Если капитан пожелает.

Он поклонился:

— Отдыхайте. А вас, друг Кемул, я приглашаю к себе.

Бандит беспомощно озирался.

— А почему не здесь? — спросил он озадаченно.

— Здесь только одна комната.

Кемул постоял сгорбившись, широко расставив ноги и опустив руки-плети. Он замотал головой, как ужаленный, будто готовясь к атаке.

— Луанг, — сказал он, — зачем мы связались с терранином?

— Я думала, это будет интересно, — пожалала она плечами. — Иди, Кемул.

Еще какой-то момент он чего-то выжидал, потом зашаркал к краю площадки и стал опускаться.

Они вошли в хижину, обставленную весело и со вкусом. Пол забавно качался, а шелест листвы делал ее похожей на каюту.

— О, силы космоса, как же я буду сейчас спать! — воскликнул он.

— Ты не голоден? — спросила Луанг. Она подошла к электрической жаровне у плиты. — Могу приготовить тебе ужин. — И добавила, зардевшись: — Жены должны уметь готовить.

— Подозреваю, что повар ты никудышный по сравнению со мной, — рассмеялся он и отправился мыться. Воды было в изобилии, должно быть, ее гнал сюда из цистерны с тридцатиметровой глубины насос. Удивительно, была даже горячая вода; Дьюанда упоминал как-то о первых источниках питания в виде солнечных батарей. Флэндри скинул грязную одежду, причесался, рухнул в постель — и провалился в сон.

Его трясли за плечо.

— Вставай! Мы опоздаем на ужин!

Зевнув, он натянул приготовленную юбку. Черт с этими условиями. В конце концов, она одета тоже не по всем правилам этикета. Только цветок воткнула в волосы. Они вышли на площадку.

И тут же застыли, прислушиваясь и приглядываясь. Над ними было не так уж много ветвей. Теперь сквозь ветви в темном небе мерцали ранние звезды. А внизу, слева и справа, пенилось море листвы. Как будто стоишь над озером и слушаешь плеск его волн. Ниже светились флюоресцирующие фонарики. Сотни их украшали соседнее дерево, проступавшее темной массой впереди. И все. Остальное заполняла ночь.

Луанг скользнула к нему. Он чувствовал ее шелковистое плечо.

— Дай курнуть, — попросила она. — У меня все кончилось.

— Боюсь, и у меня.

— Вот черт! — выругалась она в сердцах.

— Очень хочешь?

— Да... Не нравится мне здесь.

— Почему? По-моему, здесь просто здорово.

— Много неба. Мало людей. Совсем не привыкла к такому. Не мой стиль. Боги! И зачем я связалась с тобой! Зачем заставила Кемула перейти тебе дорогу?!

— Жалеешь?..

— А?.. Нет. Думаю, что нет. В некотором смысле. Доминик, — она отыскивала его руку. Жаль, он не видел ее лица. — Доминик, ты знаешь, что делать? У тебя есть надежда?

— Вообще говоря, — сказал он, — да.

— Ты, по-видимому, псих. Мы не можем воевать со всей планетой, даже с помощью этих обезьян. Я знаю один город, на другом конце шарика... Или взять хотя бы тот же Болотный город... Я могла бы тебя спрятать там навсегда, клянусь, я могу...

— Нет, — сказал он. — Очень любезно с твоей стороны, но я уже по уши завяз во все этом. С другой стороны, ты нам и не особенно нужна. Мы даже будем чувствовать себя свободнее... если придется смываться.

Страх, настоящий неподдельный страх впервые за все время прозвучал в ее голосе:

— Я не хочу умирать...

— Ты не умрешь. Я смоюсь ак-ку-рат-но. Никто ничего не узнает.

— Это невозможно! Все корабли под наблюдением!

— Ну, тогда меня поймают. Если хочешь, даже убьют. Последнее весьма вероятно. Но в любом случае, Луанг, ты уже вдоволь нахлебалась тут со мной и рисковать дольше нет никакого смысла. Я поговорю с Тембеси, он предоставит самолет...

— Бросить тебя?!

— Ну...

— Нет, — ответила она.

Они замолчали. Дерево дрожало и вздыхало.

— Ты должен действовать уже завтра, Доминик? — спросила она наконец.

— Скоро, — ответил он. — Не хотел бы давать время Вароу. Смышленный парень, почти как я.

— А завтра? — настаивала она.

— Ну, завтра... Завтра, пожалуй еще нет. Денька два это еще потерпит. А что?

— Тогда подожди. Скажи Тембеси, что надо отработать ряд деталей, но только без него. Давай побудем здесь одни. Эта чертова планета несколько часов подождет до своего освобождения (впрочем, что она будет с ним делать?). Или нет?

— Думаю, что да.

Флэндри не осмелился настаивать; возможно, у него и не хватило бы духу на последний шаг. Да, пожалуй, девушка была

права. Еще один короткий день и одна короткая ночь? А почему бы и нет? Хоть несколько часов из дарованного ему скудного запаса — могут ведь они принадлежать исключительно ему?!

Ниас Вароу предусмотрел многое. В частности, разослал по всем распределителям совершенно секретное предписание, которое обязывало сотрудников обращать самое пристальное внимание на подозрительных личностей, схожих с прилагаемым описанием. А также прислушиваться к разговорам, касающимся беглеца, по мере возможности помогая клиентам развязывать языки. Но, несмотря на обещанную награду, шеф Охраны не верил, что птичка так просто попадется в его силки.

Когда сигнал все же поступил, он не поверил собственным ушам.

— Вы уверены?

— Да, туан, абсолютно, — отвечал молодой человек с экрана. Он был идентифицирован по отпечаткам пальцев, по секретному номеру и по имени. В былые дни банды грабителей в поисках рынка сбыта для ворованных пилюль создавали незаконные распределители. Сиак был одним из членов той банды. Теперь он был назначен в распределитель Ранау.

— Он находится в нашей общине. Все думают — что это гость из-за океана. Поэтому он разгуливает совершенно свободно.

— Как он попал к вам? Вам это известно? — спросил Вароу, соблюдая все формальности допроса.

— Да, туан. Мне сказали. Еще в Гунунг Ютар он подружился с одним молокососом из нашего клана. Мальчишка освободил каких-то уголовников, которых вы арестовали, и потом с помощью местных они задумали устроить этому типу побег из Главного Биоконтроля.

При упоминании о двух его последовательных проколах Вароу сохранил невозмутимую мину, хотя это далось ему с трудом. Он продолжал наступление:

— Откуда вы все это знаете?

Сиак нервно облизнул губы:

— Этот Флэндри прямо околдовал парня. Теперь тот спит и видит во сне Терру. Через этого паренька уголовники связались с другими малыми, такими же чокнутыми и бесшабашными. Они организовались в преступную банду, поставив себе целью освободить Флэндри и помочь ему бежать с планеты. Но им, похоже, нужен был я. Тот первый парень, о котором я уже сказал, — кстати, мой родственник, — стал мне намекать на что-то, зондируя почву. Я, естественно, повел себя так, как будто готов пойти навстречу, и они, поверив, что я разделяю их взгляды, вытащили его откуда-то из джунглей, показав мне и поселив тут в одном

доме. Они говорят, что он заморский торговец, что он ищет новые рынки... туан, мы должны спешить. Они что-то затевают. Не знаю что. Да и большинство заговорщиков не в курсе дела. Флэндри любит повторять: никто не сможет рассказать о том, чего не знает сам. Я лишь догадываюсь, что они располагают какими-то средствами, каким-то устройством, которое надеются подготовить в кратчайшие сроки. Вы должны поспешить.

Вароу сдержал дрожь. Он никогда не слышал о межзвездной радиосвязи, но ведь на Терре полно военных секретов! Не это ли козырная карта Флэндри? Большим усилием стоило сказать спокойно, даже мягко.

— Да, конечно.

— Но, туан, нельзя, чтобы вас там опознали! Флэндри хитер, как лиса, он всего опасается, всех подозревает, во всем видит измену. У него, должно быть, все уже готово для побега. Если что-то сорвется — он взорвет распределитель, захватит запас пилуль и исчезнет в лесах, чтобы доработать свое устройство. Мне придется сотрудничать с ним, притворившись перед вами, что меня взяли силой. Впрочем, ничего бы не изменилось, вздумай я сопротивляться, не правда ли, туан?

— Полагаю, что да. — Вароу уставился в окно, ничего не видя. — Судя по вашему сообщению, несколько вооруженных человек могли бы с легкостью его захватить. Вы можете пригласить его к себе в дом в заранее условленное время, с тем чтобы мы устроили засаду?

— Конечно! Но я бы посоветовал лучший вариант, туан. Я приведу ваших людей прямо к его дому, там они дождутся его возвращения. Ведь он работает на Дереве Сучковатых Веток, где расположен небольшой магазин электроники. Желая сойти за торговца, он ужинает в полночь у моего дяди Тембеси. Но сначала заходит домой, чтобы привести себя в порядок.

— М-м-м... Пока я не представляю себе, как в полной секретности доставить туда людей... — Вароу рассматривал карту планеты, занимавшую всю стену его офиса. — Допустим, мы приземляемся в лесах. В назначенный день, подальше от любопытных глаз... Пешком ночью доходим до распределителя. Вы сможете провести нас незаметно к нему в дом?

— Я... Думаю, что смогу, туан, если только вас не будет слишком много. Пожалуй, прямиком с ветки на ветку, в обход главного ствола... Они там слабо освещены, и в темноте по ним почти никто не ходит. Его хижина высоко на Дереве Где Гнездо Кетжил, в отдалении от всех других. Но, туан, если вас будет всего трое или четверо, боюсь, это будет опасно...

— Ха-ха, если у каждого будет бластер, это превратится в веселую игру. Вообще-то мне совсем не хочется всерьез сражаться с

местными повстанцами. Чем тише мы все уладим, тем лучше. Поэтому большая часть группы захвата останется на самолете. Когда захватим Флэндри, дадим сигнал, и нас подберут. Остальные не к спеху. Не думаю, что кто-то у вас представляет серьезную опасность, кроме терранина.

— О нет! Конечно, нет, туан! — воскликнул Сиак. — Я как раз надеялся, что вы поймете это и пощадите мальчишек! Они ведь еще просто шалопаи! От них никакого вреда по большому счету!..

— Посмотрим. Соберем материалы... — сдержанно ответил Ватроу. — Вы заслужили награду и повышение. Но учтите, если что-нибудь сорвется и он опять удерет из-за какой-нибудь оплошности... Вам несдобровать.

Сиак хватал ртом воздух. По его лбу струился пот.

— Хочется надеяться, что у вас было время разработать подходящий план. — Змеиная улыбка появилась на его губах. — Но парадокс в том, что у меня нет времени даже пожаловаться на отсутствие времени. — Он склонился вперед, как кошка перед норкой мышки. — Теперь изложите по порядку все детали: обстановка в вашей общине, численность людей...

Когда они подошли к вершине, в открывшемся между листвой пространстве блеснуло солнце, в его лучах тело Луанг отливало расплавленным золотом. Флэндри встал.

— Что случилось? — спросила она.

— Любуюсь тобой. — Он полной грудью вдохнул вечерний воздух — и трели кетжил в нем. Теперь птицы пели у него внутри.

Другого такого случая может не представиться, подумал он.

— Может быть, хватит?! — проворчал Кемул. — По-моему, ты слишком часто останавливаешься!

— Успокойся! — топнула ногой девушка.

Кемул уронил руку на бластер, яростно буравя взглядом капитана.

— Ты и так провел с ней массу времени, — сказал он. — Еще одна такая задержка, и Кемул решит, что ты просто-напросто дрейфишь!

— Я боюсь, — сказал Флэндри просто, но вполне искренне.

Пульс бился часто. Он явственно различал большую ветку, вспышки листьев вокруг и дюжину неестественно напряженных людей на ней. — Боюсь промаха.

Луанг в негодовании обернулась к бандиту:

— А ты чего рвешься в перестрелку! Твое место внизу!

По лицу бандита Флэндри понял, как сильно ранили его слова девушки. Они попали ему в сердце и что-то сломали в нем.

— Это был мой приказ, дорогая, — сказал Флэндри поспешно. — Я думал, ты знаешь. Это все из-за тебя, ведь ты сама настояла, что будешь присутствовать при стрельбе, вот я и решил подстрахо-

ваться, чтобы рядом с тобой кто-то был. А то случись что, я и не услышу.

Она надменно вскинула голову:

— По-моему, я всегда заботилась о себе сама, и...

Он прервал поток слов долгим поцелуем. Мгновение посопровитвлявшись, она оттаяла.

Отпустив ее, он качнулся на пятках, ухватился за ступеньку и полез вверх со скоростью, на которую только был способен. Она провожала его глазами, пока его не скрыла листва. Дальше он поднимался в полном одиночестве; вокруг царили шорохи и невнятные бормотания таинственных пещер и гротов Древа.

Не совсем один, успокаивал он себя. За ним шли Тембеси, Дьюанда, Сиак и другие. Предстояла охота на тигра. Вот только их мало, к тому же чего стоит их допотопное оружие по сравнению с пламенем бластеров...

Человек умирает только раз.

К несчастью.

Он еще чувствовал вкус ее губ. Поднялся на раскачивавшуюся под утренним ветром площадку. Вот и хижина, похожая на беседку из красных цветов. Он шагнул к порогу, отдернул занавеску и вошел.

Увильнувшись от удара дубинкой, упал на пол, перевернулся и сел.

— Тихо, — прошипел Вароу, — или я сварю твои глаза всмятку на медленном огне.

Один из охранников с дубинкой высунулся в завешанное виноградными лозами окно.

— Никого!

— Ты! — Другой пнул Флэндри ногой по ребрам. — Баба с тобой?

— Нет-нет, — терранин подобрался, прикрывая голову руками и тем временем быстро осматривая хижину. Сиак уже подробно рассказал Флэндри, что здесь произойдет — после того как оставил Вароу дожидаться в засаде, — но необходимо выяснить детали.

Обстановка была такова: двое охранников с дубинками в руках прятались у двери с бластерами в кобурах. Еще двое по обоим углам держали Флэндри на прицеле с расстояния, превышающего возможную длину его прыжка. Вароу был ближе всех, стоя в центре комнаты — маленький, ловкий, с неизменной блуждающей улыбкой на губах — одетый лишь в зеленую юбку. Бластер он зажал в руке. На брови золотом отсвечивало клеймо.

Сейчас необходимо отвлечь их внимание. Люди Тембеси могли подняться с задней стороны хижины, используя тайный кратчайший путь по веткам, а здесь имелось также заднее окно.

— Нет, — сказал Флэндри, — со мной никого нет. Я оставил ее в... Впрочем, это неважно. Но, черт побери, именем всех налоговых инспекторов, — как вы меня вычислили? Кто настучал?

— Вопросы буду задавать я, — произнес Вароу, доставая миниатюрную плоскую коробку с кнопкой посередине. Его большой палец уже коснулся кнопки. Сейчас он ее нажмет и передаст по рации приказ. — Девушка меня не волнует. Если она появится через несколько минут, мы прихватим ее с собой. Если же нет, ну что ж, ей придется подождать. Впрочем, совсем недолго, капитан. В джунглях отряд моих бойцов. Когда они прилетят, я оставлю их здесь присматривать за распределителем и воздушными рейсами, на случай, если ваши слабоумные заговорщики не оставили идею о налете. Она обязательно выдаст себя, или дождется, что ее обнаружат, или, удрав в джунгли, подохнет там. Жаль, конечно, расстаться с такой красоткой, но что поделаешь. Да и мне плевать, честно говоря.

Еще мгновение — и он поднесет коробку к губам. И Флэндри на чистейшем пулаойском продекламировал с чувством:

— Пилликок сел на холм Пилликок. Алло, алло!

— Что? — в недоумении воскликнул Вароу.

— Не поклоняйся ложным богам, — кричал Флэндри, — чти отца и мать своих, не лги, не прелюбодействуй, не возносись!..

Он закрутился на месте, дико хохоча, и заметил, что добился своего. Один из охранников в испуге совершил ритуальное заклинание против злых сил. Другой прошептал:

— Да он спятил, туан!

Терранин размахивал руками, как крыльями.

— Вот злой дух Флиббертигиббеет, — прокаркал он, — он выходит из могилы с вечерним звоном и возвращается туда с криком петуха, он плетет паутину, наводит порчу и плесень на хлеб, насылает косоглазие и заячью губу и вредит всем тварям на земле. — Концерт он довершил песенкой:

Трижды в осаде держал он старушку,

Но встретил лишь гнев своенравной подружки...

— Заткнись! — Вароу сунул рацию обратно в карман, подскокил к Флэндри и воткнул не знающий устали кулак тому в солнечное сплетение.

Реакция Флэндри была неожиданна: он перевернулся на спину перед шефом Охраны и резко выбросил ногу вверх, вбив ее изо всех сил ему в пах. Вароу скрючился над ним от боли и ярости, а Флэндри двумя руками схватил за запястье его руку с оружием и выбил бластер. Тот отлетел слишком далеко, чтобы им можно было воспользоваться немедленно.

Тогда он применил захват, прижав Вароу перед собой, и закричал. Интересно, хладнокровно подумал он, решатся ли они прожечь шефа насквозь, чтобы добраться до него самого?

Все четверо кинулись на выручку.

В этот момент в заднее окно просунулась винтовка, и один из охранников отлетел, упав навзничь с выбитыми мозгами. Тембеси выстрелил снова, но тут же сам превратился в факел — его опередили на мгновение. Задняя стена заволоклась дымом и затрещала. Эколог погиб, но и стены больше не существовало, теперь место действия было открыто для снайперов в ветвях. Разом грохнул залп с двенадцати ветвей.

Упал последний охранник. Огонь к этому времени уже пожирал крышу. Флэндри ослабил хватку и попытался вытолкнуть Вароу из горящего дома. Это было ошибкой: освободившейся рукой тот нанес сокрушительный удар ему в челюсть.

Пока Флэндри плавал в звенящей черноте, Вароу подхватил бластер и кинулся вон.

— Стоять! — крикнули ему с ветки, когда он выскочил на площадку.

Вароу оскалился и выпустил заряд полной мощности в листья. С протяжным криком оттуда упал человек. Вароу выхватил рацию, которая в ту же секунду от меткого выстрела разлетелась в его ладони на куски. Он посмотрел на кровоточащую ладонь, вытер ее, пустил луч в ответ и побежал к лестнице. Из разбиваемых пулями досок под его ногами летели щепки. Приказ был: только задержать!

Шатаясь вышел Флэндри. Увидел Вароу, карабкающегося по лестнице. Терранин подбросил в руке бластер, который подобрал с пола, и несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь сосредоточиться. Надо остановить Вароу. Но кто это сделает, если не он? Кто, как не он, знает все хитрости обращения с бластером?.. А значит...

Флэндри полез следом за Вароу вниз по лестнице.

— Стоять! Назад! — крикнул он метнувшимся за ним теням на ветках. — Следуйте за мной на расстоянии. Прикончите его, только если не будет другого выхода. Не стрелять!

Он переключил бластер на полную мощность, превратив луч в тонкую иглу и достигнув тем самым максимальной убойной дальности за счет сужения радиуса действия луча до одного сантиметра. Если Вароу не был знаком с режимом «иглы», то есть шанс покалечить его, а самому не попасть в распыл короткого пламени врага.

Вниз по Священному Дереву!

Теперь он видел под собой ветку, где осталась Луанг.

Вароу столкнулся с ними неожиданно, застав их с пустыми руками, по-видимому, безоружными. Он отступил к следующему маршу лесницы.

— Не двигаться! — приказал он им, пятясь и задыхаясь.

Наверху затрещал ветвями Флэндри, Вароу поднял бластер и...

— Возьми его, Кемул! — крикнула Луанг.

Гигант отшвырнул девушку за спину и бросился вперед. Краем глаза Вароу засек выхватываемый из кобуры бластер и выстрелил сам. Пламя объяло Кемула с ног до головы. Он взревел и горящим комом сорвался вниз.

Получив резерв в несколько дополнительных секунд, Флэндри успел спрыгнуть со ступенек ствола на ветку. Дуло бластера Вароу с запозданием начало описывать окружность в направлении к терранину. Флэндри выстрелил первый. Вароу пронзительно завизжал и выронил оружие, схватившись за прожженную руку. Дырочка была очень аккуратная и небольшая. Он разинул рот, в ужасе уставившись на высверленное в руке отверстие. Флэндри свистнул. И тогда явились мужи Ранау и схватили Ниаса Вароу.

Вот и снова сумерки. Смертельная усталость была на лице Флэндри, когда он вышел из дома Тембеси.

На всех Деревьях сейчас зажигались веселые фонарики, и Дерево Где Гнездо Кетжил не было исключением.

Матери звали домой детей, мужчины приветствовали друг друга, то с одной, то с другой ветки Флэндри слышал будничные разговор, сливавшийся с шелестом листьев и ветра в неразборчивый шум. На востоке зажглись первые звезды.

Тишина — вот что нужно было теперь Флэндри. Поэтому он прошел по ветке до развилки, свернул на ту, которая была поуже, потом еще и еще, пока не оказался на последнем непроходимом разветвлении. Листья закрывали от него все, что происходило слева и справа, но прямо под собой он видел окутанную темнотой землю, а наверху — звезды.

Он стоял, ни о чем не думая, когда ветка под ним задрожала от шагов сзади. Не этого ли он ждал?..

— Привет, Луанг, — сказал он бесцветным голосом.

Она подошла вплотную. И вот уже два темных силуэта замерли между небом и землей.

— Ну вот, мы похоронили Кемула, — сказала она.

— Жаль, что так получилось. Не смог помочь вам, — сказал Флэндри.

Она вздохнула:

— Я думаю, может, это даже к лучшему?.. Знаешь, он всегда говорил, что будет счастлив, если кончит жизнь на дне канала в Компонг Тимуре, а не где-нибудь еще... И если уж суждено лежать ему здесь, под цветущим кустом, то он хотел бы, наверное, чтобы я и никто другой пожелала ему вечного покоя.

— Никак не могу понять, почему он помог мне тогда.

— Я приказала ему.

— А тебе зачем это нужно было?

— Не знаю. Мы все сначала делаем, а потом думаем. Мысли приходят позже, и я не хотела бы, чтобы они меня разочаровали. — Она неуверенно тронула его за руку. — Ладно, с Кемумом все. С Вароу ты тоже развязался, поскольку больше не занимаешься им?

— Да, — сказал Флэндри.

— Ты пытал его? — спросила она равнодушно.

— Да что ты! Я даже проявил великодушие и не препятствовал его лечению. Хотя рана, конечно, пустяковая. Мы просто-напросто внятно и доходчиво ему объяснили, что его ждет в случае отказа сотрудничать с нами. Клетка. Как видишь, он поверил в эту перспективу. Через несколько часов он сдался. Способный человек. Может оставить здесь все и начать жизнь заново. И добиться успеха, я полагаю.

— Ты егопустишь? — удивилась она.

Флэндри пожал плечами:

— Видишь ли, выбор для него был сформулирован предельно ясно: либо смерть, либо все заново, но с кое-какими средствами для начала. Мне кажется, последний довод его окончательно подкупил, после того как я в красках обрисовал возможности, существующие в других незнакомых мирах.

— А что же с теми, в лесу?

— Вароу воспользовался радио распределителя. Передал приказ, чтобы они взяли меня на борт в аэропорту. Дескать, планы изменились и все такое. Не волнуйся, самолет встретят как полагается, ни одна живая душа не уцелеет. Там Дьюанда, Сиак и другие. Много времени и не потребуется.

— А потом?

— Потом Вароу созовет Совет Биоконтроля. Там он расскажет — доведет до их сведения, — что арестовал меня и содержит в специальном месте. А также, что ему удалось узнать нечто важное от пленных заговорщиков, — такое, о чем я якобы проболтался раньше. Потом мы все, я и Вароу с охранниками, садимся в мою птичку и летим на Спику. Предполагается, что во время полета Вароу сделает легкий гипнозондаж и узнает все детали. Но за нами будет лететь еще один корабль, на который они перейдут по инициативе Вароу. Я же должен буду погибнуть вместе с птичкой в аварии. Что они делают потом? По замыслу Вароу, они решат нанести ответный визит на Терру. Там они представят детальный отчет о моей деятельности на планете. В ходе этого станет очевидным, что Юнан Бизар — убогое и унылое место, и все убедаясь, что торговля с ними — пустое дело. Конечно, все будут страшно поражены, узнав о моей «случайной гибели» где-то по пути на Спику.

— Да, это все я понимаю, ты уже и раньше говорил, — сказала девушка. — Охранниками будут на самом деле переодетые люди

Ранау, они глаз с Вароу не спустят. Но ты уверен, что все пройдет гладко и ни у кого не возникнет подозрений?

— На все сто, — сказал Флэндри. — Потому что Вароу обещана клетка, если Биоконтроль просаботирует предложения Главного. Он будет сотрудничать! Не забывай, что собой представляют охранники — полоумная лошадь и то смогла бы их одурачить. Я уж не говорю про Банданга и ему подобных, для которых Вароу — истина в последней инстанции.

— Когда ты вернешься? — спросила Луанг.

— Не знаю. Может, не скоро. Мы захватим достаточное количество материала для исследования вашего грибка, чтобы изготовить противоядие. И еще многое другое, чтобы убедить чиновников в целесообразности торговли с вами. Потом пилюли. Их должно быть много. Целые корабли с пилюлями. Потому что, естественно, как только первый корабль сядет на Юнан Бизар, Главный Биоконтроль будет взорван каким-нибудь фанатиком вроде Дженсенга. Но к тому времени торговцы должны знать местонахождение всех распределителей и быть готовы немедленно доставить туда товар.

Флэндри отыскал в небе желтую Спиду. На местном языке «Спики» — Золотой Лотос. Красиво, что и говорить. Он чувствовал, как его депрессия и уныние улечиваются при мысли о ярком свете, о мощных машинах, о башнях до самого неба... Короче, о мире, к которому он привык, в котором он жил! А еще чуть позже — будет Дом.

Луанг чувствовала, что в нем происходит. Она сжала его руку и проговорила почти в отчаянии:

— Ты вернешься?! Ты ведь непустишь все на самотек?

— Что?.. — Он вздрогнул, возвращаясь мыслями назад. — А, понимаю. Ну, ей-Богу, дорогая, тебе нечего бояться. Конечно, путешествие обратно может оказаться не из приятных. Но ты можешь остаться здесь, в Ранау, здесь все пока тихо и спокойно. Во всяком случае до тех пор, пока ты не захочешь победительницей вернуться в Компонг Тимур. Или отправиться на какую-нибудь другую планету Империи...

— Мне на это плевать! — вскричала она. — Поклянись, что ты вернешься с кораблями!

— Ну, — он сдался, — обещаю. Через некоторое время.

— А потом?

— Видишь ли... — сказал он обеспокоенно, — если мне и суждена загробная жизнь, то не иначе как в виде подшипника... Я имею в виду, что не смог бы усидеть где-нибудь долго на одном месте. За месяц я бы поотгрызал себе ногти, а за полгода съел бы ковер... Да... И, потом моя работа, э-э — не такая, чтобы любой, ну, нетренированный, что ли, человек, мог бы...

— О, я понимаю. — Ответила она безжизненным тоном, отпустив его руку. — Можешь не продолжать. Это неважно. Тебе не надо возвращаться, Доминик. Совсем не надо.

— Но я же сказал, что... — запротестовал было он, впрочем, довольно вяло.

— Не надо, — повторила она. — Я никогда не прошу от мужчины больше, чем он может дать.

Она повернулась и пошла. Он смотрел ей вслед и мог бы поклясться, что шла она с высоко поднятой головой. Он двинулся было за ней, но передумал, когда она исчезла в листве. Еще некоторое время он стоял под звездами, дыша ночным ветром. Потом километрах в десяти раздался взрыв, и он увидел вспышки выстрелов.

ОХОТНИКИ ИЗ НЕБЕСНОЙ ПЕЩЕРЫ

1

Вздумалось Руэтхену Длиннопалому устроить прием и бал для своих врагов на «Хрустальной Луне». Знал, что непременно придут. Подзабыли на Земле о гордости за род человеческий, но тем сильнее стала потребность выказать свою благовоспитанность да утонченность манер. То, что космические корабли рыскали с боями в пятидесяти световых годах за Антаресом, тем паче исключало возможность такой бестактности, как отказ представителю Мерсейи, а кроме того, можно было испытать такое очаровательное ощущение озорства, более того — неясной опасности.

Капитан разведывательной службы Имперского военного флота сэр Доминик Флэндри позволил себе посетовать.

— За чужой счет я всегда не прочь выпить, — сказал он, — да и шеф-повар по человеческой кухне у Руэтхена такой, что войны стоит, но все же мне казалось, что я в отпуске.

— Так оно и есть, — подтвердила Диана Виноградофф, урожденная дворянка, попечительница из Моря Кризисов. — Просто вы мне первым попались на глаза.

Флэндри улыбнулся и обнял ее за плечи. Он был совершенно уверен в том, что выиграет пари у Ивара дель Бруно. Они раскинулись на диване, и Флэндри выключил свет.

Одолженная для полета прогулочная яхта была до смешного хрупкой и вычурной, но вот салон, этакий пузырь из прозрачного пластика, — это нечто! Во внезапно наступившей темноте космос словно подался навстречу — черный, как бутылочное стекло, в морозном сиянии звезд. Леди Диана превратилась в какой-то мифический персонаж, стала еще красивей — драгоценности

капельками дождя заблестели на ее платье и в распушенных волосах. Флэндри тронул свои аккуратные усики. «Да и я вроде не совсем урод», — самодовольно подумал он и перешел в наступление.

— Нет... пожалуйста... не сейчас. — Диана отбивалась, но вполне обнадеживающе. Флэндри снова откинулся на спинку дивана. Спешка ни к чему. Банкет и танцы затянутся на несколько часов, а потом, когда яхта неспешно заскользит к родной планете и шампанское будет играть у них обоих в голове...

— А что это вы вдруг вспомнили об отпуске? — спросила Диана, поправляя тоненькими пальчиками прическу, и ее покрытые светящимся лаком ногти запорхали в полумраке язычками горящих свечей.

Флэндри достал сигарету из своей, тоже мерцающей куртки и, прикурив, затянулся. Огонек выхватил из полумрака его длинное, узкое лицо с высокими скулами и серыми глазами, темно-каштановые, как мех морского котика, волосы. Иной раз ему казалось, что после последнего биоваяния он стал излишне красивым и надо бы снова изменить свою внешность, но, черт возьми, не так уж часто он бывает на Терре, чтобы наскучить девушкам своим видом. Кроме того, гардероб, а он всюю старался следовать велениям моды, влетал ему в копеечку, спасая от многих других искушений.

— Да знаете, работка на Ньянзе оказалась не из легких, — отвечал он, чтобы напомнить ей еще об одном своем деянии на еще одной экзотической планете. — Так что я вернулся на родину отдохнуть, а мерсейцы такие чертовски изматывающие создания, что я устаю от одного их вида, не говоря уже о борьбе с ними.

— Сегодня незачем с ними бороться, сэр Доминик. — Она улыбнулась. — Разве нельзя хоть ненадолго забыть о вашей вечной борьбе против всех? Я хочу сказать, что, несмотря на это глупое соперничество, все мы живые и разумные существа.

— Я бы и не прочь передохнуть, госпожа, да видите ли, они на это никогда не пойдут.

— Полно вам! Мне случалось говорить с ними, и...

— Умеют они пустить в ход все свое мужское обаяние, — сказал Флэндри, и в его голосе прозвучали саркастические нотки. — Зато развалу Терранской Империи они отдают весь рабочий день.

Тут он быстренько сообразил, зачем он тут, и снова вернулся к своему привычному добродушно-насмешливому тону. От него же не требуется все время чувствовать себя сотрудником разведки. Или требуется? Даже когда речь идет о пари с друзьями на тысячу кредитов? Ивар дель Бруно стоял на том, что госпожа Диана Виноградофф ни за что не одарит своими ласками того, кто своим происхождением не дотягивает до английского графа. Трудно

было Флэндри устоять против такого вызова, когда цель сама по себе соблазнительна и есть все основания быть уверенным в себе. Осада, однако, шла трудно, и то, что он уступил ее уговорам пойти на прием к мерсейцам, было только небольшим шажком на уже пройденном им большом пути.

Но теперь, решил Флэндри, если он с умом распорядится своими козырями в ближайшие часы, то достигнет цели, а потом эта тысяча кредиток даст им обоим возможность покутить от души в «Эвересте».

Чайвз, слуга Флэндри, а по совместительству еще и пилот и личный охранник, плавно подвел яхту к причалу «Хрустальной Луны». Хотя торможение было быстрым, а силовое поле на борту яхты вроде и не включалось, они не почувствовали никакой перегрузки. Флэндри встал, расчетливо лихо заломил берет, набросил алый плащ и подал руку госпоже Диане. Они прошли тамбур и по прозрачному переходу направились во дворец.

Спутница Флэндри даже рот раскрыла от изумления.

— Я никогда не видела его вблизи, — прошептала она. — И кто же все это соорудил?

Позади искусственного спутника виднелись Юпитер, Млечный Путь и огромные холодные созвездия. Обращенные в бесконечность волнистые стены дворца из прозрачного стекла подобны были низвергающемуся потоку воды. Плоские гравитационные поля удерживали граненые искусственные драгоценные камни — рубины, изумруды, алмазы, топазы — в несколько тонн каждый, на орбите вокруг центрального минарета. В одной выпуклости сферы сохранили нулевую силу тяжести и создали там оранжевую, в которой мутировавшие папоротники и орхидеи мерно колыхались под ритмичными дуновениями ветерка.

— Я слышал, что он был построен для лорда Цун-Це около столетия назад, — сказал Флэндри, — а его сын продал дворец за карточные долги, и тогдашний посол Мерсейи приобрел его и установил на орбите вокруг Юпитера. Символично, а?

Она вопросительно изогнула брови, а он думал, как бы лучше все ей объяснить, и в мозгу крутились такие мысли: «Конечно, символично. Я считаю, что это неизбежно и так далее. Терра слишком давно живет в роскоши, ничто нам не грозит, а потому мы стали старыми и довольными, тогда как Мерсейская империя молода, полна сил, дисциплинирована, поглощена идеей усиления и все такое прочее. Лично мне декаданс по нраву, но кому-то надо заниматься тем, чтобы отсрочить наступление Долгой Ночи на то время, пока я жив, и, похоже, для этого выбрали именно меня».

Тут они подошли к portalу с распахнутыми настежь ажурными воротами, украшенными тонкими, как серебряная паутина,

узорами. На переливающемся всеми цветами радуги спуске их встречал Руэтхен собственной персоной — таков уж мерсейский обычай. Но голову он склонил по-земному и коснулся своими ороговевшими губами руки госпожи Дианы.

— Бесспорно нам сегодня просто повезло. — Его бас придавал английскому, на котором он говорил свободно, неизъяснимое нечеловеческое звучание.

Госпожа Диана оценивающе посмотрела на него. Мерсеец был самым что ни на есть млекопитающим, вот только больше, чем люди, унаследовал от своих пресмыкающихся предков: бледно-зеленая кожа, совсем безволосая, покрытая мелкими чешуйками; от макушки до конца длинного и толстого хвоста вдоль хребта шел низкий спинной гребень. Был он пошире человека в плечах и возвышался бы метра на два, если бы не наклонялся всем телом при ходьбе. Не считая голого черепа да отсутствия ушных раковин, лицо у него было вполне гуманоидное, чем-то даже симпатичное. А вот глаза под нависающими дугами бровей казались двумя бездонными, черными, как агат, провалами. На Руэтхене была строгого покроя форменная одежда его класса — черная, облегающая тело, с серебряной отделкой. Бластер висел на бедре.

В совершенстве изваянный рот госпожи Дианы скривила улыбка.

— А вы действительно знаете меня, господин? — прожурчала она.

— Откровенно говоря — нет. — Варварская прямота. Да любой человек благородного происхождения с Терры изловчился бы и скрыл свое невежество. — Но как говорят у нас в Холодном Доле, «да пребудет мир священный между нами, пока горит бревно на камне алтаря».

— Вы, конечно, старые друзья с моим кавалером, — подтрунила она.

Руэтхен покосился на Флэндри, и терранин вдруг почувствовал на мгновение, какое напряжение таит в себе эта махина. И снова массивное тело скрыло все.

— Встречаемся иногда, — сухо сказал мерсеец. — Добро пожаловать, сэр Доминик. В гардеробной невольница выдаст вам экран мыслей.

— Что? — невольно вздрогнул Флэндри.

— Если пожелаете. — И Руэтхен осклабился мощными зубами в сторону Дианы: — Не подарите ли вы мне, мой незнакомый друг, один танец — как-нибудь попозже?

Госпожа Диана на миг утратила всю свою холодность, затем изящно кивнула.

— Это будет... просто необыкновенно, милорд, — сказала она.

Еще как будет. Флэндри повел ее в танцевальную залу. И, как собака кость, со всех сторон рассматривал забавное предложение Руэтхена. Чего ради?..

Среди терран в радужных нарядах он увидел мрачную фигуру в черном и узнал ее. По его спине пробежал холодок.

2

Не теряя времени на извинения, Флэндри чуть ли не бегом бросился в гардероб. Под подошвами шуршал прозрачный пол, сквозь который виднелся сияющий за сотни световых лет Орион.

— Мыслезащиту, — выпалил Флэндри.

Невольница оказалась симпатичной девушкой. Мерсейцам нравилось покупать людей для работы прислугой.

— У меня их мало, сэр. Его светлость лорд приказал приберечь их для...

— ...меня! — Флэндри выхватил из рук стоявшей в нерешительности девушки сплетенный из проводов, транзисторов и блоков питания головной убор. И только когда это сооружение оказалось у него на голове, он успокоился, достал новую сигарету и под звуки ритмичной мелодии двинулся в сторону бара. Ему надо было выпить — позарез.

Айхарайх с Херейона стоял меж высоких стеклянных колонн. Никто с ним не заговаривал. Люди, в большинстве своем, танцевали, а нелюди самых разных рас слушали музыку. На небольшом помосте исполнитель с Лулгуана распускал свои небесно-голубые перья, но мало кто следил за этим редкостным зрелищем. Флэндри протиснулся к стойке, сдвинув в сторону какого-то мерсейца, только что опустошившего двухлитровую кружку.

— Виски, — заказал Флэндри. — Чистого, вкусного, жгучего.

Подошла госпожа Диана. Казалось, она не может решить, разыграть ли возмущение или утолить любопытство.

— Теперь мне доподлинно известно, что такое рыцарское отношение. — Она подняла пальчик. — А это что еще такое?

Флэндри залпом осушил бокал. Виски обожгло горло, и он почувствовал, как успокаиваются нервы.

— Говорят, это мое лицо, — сказал он.

— Да ну вас! Не валяйте дурака! Я имею в виду эту ужасную штуковину из проволоки.

— Мыслезащита. — Флэндри подвинул свой бокал, чтобы налили еще. — Он перемешивает частоты энергетического излучения коры головного мозга, превращая их в случайный набор сигналов. Не дает другим узнать, что у меня на уме.

— А я думала, это и так невозможно, — оторопело проговорила госпожа Диана. — Я хочу сказать, если от природы не одарен телепатическими способностями.

— Коими человек, разве что за редким исключением, не одарен, — согласился он. — Нетелепат создает свой собственный «язык», который для того, кто не изучал отдельно взятого индивидуума в течение долгого времени, представляется сплошной тарабарщиной. А посему по нашему ведомству телепатия никогда не рассматривалась в качестве прямой угрозы для нашей работы, а вы, должно быть, никогда и не слыхивали об экранирующем шлеме — мыслезащите. Он был создан всего лишь несколько лет назад, а причина его создания стоит вон там.

Она проследила за его взглядом.

— Вон тот в черной мантии?

— Он самый. Мне как-то довелось столкнуться с ним, и, к своему, если так можно выразиться, замешательству, я обнаружил, что он одарен уникальной способностью. У всех ли его сородичей такой дар — этого я вам сказать не могу. А вот Айхарайх с Херей-она может прочесть мысли какого угодно существа, находящегося в пределах нескольких сот метров от него, и совершенно неважно, встречался он когда-то раньше со своей жертвой или нет.

— Но ведь тогда...

— Совершенно верно. Конечно же, он объявлен персоной нон грата на всей нашей территории и подлежит расстрелу на месте, но, как вам известно, миледи, — уныло добавил Флэндри, — сейчас мы не на территории Терранской Империи. Юпитер входит в состав Имирского Рассеяния.

— Ой! — воскликнула Диана и покраснела. — Настоящий телепат!

— Айхарайх — истый джентльмен. — Губы Флэндри скривились в усмешке. — Он никогда не донесет на вас, а мне бы лучше пойти переговорить с ним. — Он поклонился. — Думаю, вам не придется скучать в одиночестве: сюда уже направляется чуть ли не дюжина мужчин.

— И это верно, — улынулась ему Диана, — но мне кажется, Айхарайх... Как вы произносите это гортанное «х», у меня не получается. Так вот, мне кажется, он куда интереснее. — И она взяла его под руку.

Флэндри хотел было высвободить руку, она воспротивилась, тогда он сомкнул пальцы на ее запястье. Время от времени он говаривал себе, что, мол, лицо у него, может, и поддельное, зато тело, по крайней мере, настоящее, свое, а скучные занятия гимнастикой приносят все-таки какую-то пользу.

— Извините, госпожа, — сказал он, — но меня ждет чисто профессиональный разговор, а вы не посвящены в таинства второго старейшего ремесла. Желаю приятно провести время.

В глазах госпожи Дианы вспыхнуло уязвленное самолюбие. Она резко отвернулась от Флэндри и приветствовала графа

Марсианского с большим воодушевлением, чем того заслуживал этот придурковатый молодой человек. Флэндри вздохнул: «Похоже, Ивар, с меня причитается тысяча кредиток», вызывающе зажал в губах сигарету и зашагал к танцевальной зале.

Айхарайх улыбнулся. Лицом он тоже очень походил на людей, вот только было оно какое-то костлявое, с кинжальным носом, а уголки губ и подбородок преувеличенно заострились. Почти так же, как у некоторых византийских святых. Но это лицо было цвета червленого золота, на месте бровей росли полукруглые тоненькие голубенькие перышки, а на голом черепе торчали оперенный гребень и острые уши. Широкую грудь, осиную талию и длинные костлявые ноги скрывала мантия. Он был бос, и на щиколотках его виднелись шпоры, и на каждой ноге по четыре когтистых пальца.

Флэндри был совершенно уверен, что разумная жизнь на Херейоне пошла от птиц и что планета эта должна быть засушливой, с тонкой холодной атмосферой. Подозревал он, что тамошняя цивилизация невероятно древняя, а также полагал, что Херейон — не просто одна из планет, принадлежавших Мерсейе. Но дальше в его познаниях была тьма, и он даже не знал, где же в мерсейских просторах светило солнце Херейона.

Айхарайх протянул ему свою шестипалую руку, и Флэндри пожал ее, ощутив в ладони тонкие пальчики. На какое-то мгновение мелькнула зверская мысль сдавить покрепче, раздавить хрупкие косточки. Ростом Айхарайх был чуть выше Флэндри, хотя и тот был высоким, а в плечах пошире и покрепче херейонита.

— Рад новой встрече с вами, сэр Доминик, — сказал Айхарайх низким голосом, слушать который было одно удовольствие. Флэндри посмотрел в глаза цвета красноватой ржавчины с металлическим блеском и выпустил его ладонь из своей.

— Вряд ли случайной, — сказал Флэндри. — Для вас, то есть.

— Вы все время где-то в разъездах, — возразил Айхарайх, — а я, хотя и знал, что люди из вашего ведомства непременно будут сегодня здесь, никак не мог с уверенностью сказать, где вы обитаете.

— Вот и мне все время хочется знать, где вы, — уныло промолвил Флэндри.

— Поздравляю вас с тем, как вы провели «дело Ньянзы». Нам так будет не хватать Эйю на нашей стороне, все же это был блестящий ум.

Флэндри сумел скрыть удивление.

— А я-то думал, что эту сторону дела замяли, — сказал он, — но, похоже, у стен есть уши. Как давно вы в Солнечной системе?

— Да уже несколько недель, — ответил Айхарайх. — Главным образом для собственного удовольствия. — Он вскинул голову. —

А, оркестр заиграл вальс Штрауса. Прекрасно. Хотя, конечно, Иоганна не сравнить с Рихардом — вот кто навсегда пребудет Штраусом.

— Да ну? — Старинная музыка занимала Флэндри едва ли больше, чем мысль о самоубийстве. — А я и не знал.

— Надо знать, друг мой. Штраус, не исключая даже Шингу, — самый непонятый композитор всех времен в известной нам истории Галактики. Если бы меня упрятали в тюрьму пожизненно и разрешили иметь при себе только одну кассету, я бы взял запись «Смерти и преображения» и был бы счастлив.

— Могу устроить, — тут же вызвался Флэндри.

Айхарайх ухмыльнулся и взял терранина под руку:

— Пойдемте поищем местечко поспокойнее. Только прошу вас, не портьте себе праздник, трата время на меня. Признаться, бывал тайком на Терре, но делал это просто для того, чтобы удовлетворить любопытство. Однако не было у меня никаких намерений шарить по имперским канцеляриям...

— ...которые все равно оснащены системами сигнализации о появлении Айхарайха.

— Детекторами телепатической активности? Мне бы и самому надо было такое предположить. Староват я уже стал, заостенел, а сила тяжести на Терре меня совсем доконала, так что не до налетов было. Да и вид у меня не щегольской, не такой, какой, по мнению телепостановщиков, приличествует герою плаща и шпаги. Нет, я просто хотел повидать планету, взрастившую расу людей. Походил немного по лесам, посмотрел на кое-какие картины, посетил несколько гробниц по выбору и вернулся сюда. Между прочим, отсюда отправляюсь в путь, так что нет нужды заставлять вашу империю оказывать давление на имирцев, требуя, чтобы они выдворили меня — мой корабль отправляется через двадцать часов.

— И куда дальше? — спросил Флэндри.

— Куда глаза глядят, — беспечно ответил Айхарайх.

Флэндри почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

— К Сираксу? — произнес он.

Они приостановились перед входом в оранжерею. В самом центре ее, словно в пещере из разросшегося папоротника и тысяч пурпурно-алых орхидей, за которой проглядывали звезды и могучий Юпитер, застыла в невесомости единственная в своем роде водяная, будто отлитая из серебра, сфера. Позже сюда еще придут люди, и те из них, кто помоложе да попланнее, сбросят с себя одежды, чтобы испытать плавание в невесомости в этом шаре, но пока здесь была только музыка. Айхарайх оттолкнулся от пола, прыгнул через порог, полы его мантии взметнулись черными крылами, и он полетел под сферическим куполом. Следом за ним

вошел и Флэндри. Одежда раздражала плоть, словно жгла его, мешала двигаться, и потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к невесомости. Айхарайх, прародители которого когда-то со свистом рассекали крыльями небо над Херейоном, никаких неудобств, похоже, не испытывал.

Представитель рода нечеловеческого ухватился в полете за лист орлика и завис, вглядываясь в буйные заросли орхидей, склонив свою ястребиную голову.

— Черное на фоне серебристой, как ртуть, воды, — задумчиво произнес он, — а за ними черная ледяная Вселенная. Прекрасная композиция, и есть в ней то ощущение ужаса, которое просто необходимо для подлинно высокого искусства.

— Черное? — произнес пораженный Флэндри, поглядывая на фиолетовые цветы, и тут же прикусил язык, но Айхарайх уже схватил его мысль и улыбнулся:

— Очко в вашу пользу. Я допустил оплошность, проговорился, что я дальтоник в том, что касается синей части спектра.

— Но вы видите больше нашего в диапазоне красных волн, — поспешил Флэндри.

— Да. Поскольку вы так или иначе и сами дойдете до этого, признаюсь, что солнце над моей родной планетой холоднее и краснее вашего. Если вы сочтете, что эти сведения помогут вам узнать, что же это за солнце в ряду миллионов звезд в мерсейской сфере, то примите их от меня с наилучшими пожеланиями.

— В звездном скоплении Сиракс средняя заселенность один, — сказал Флэндри. — Не очень-то подходяща для ваших глаз.

Айхарайх по-прежнему вглядывался в водяной шар, в котором плавали похожие на маленькие разноцветные ракеты тропические рыбы.

— Из сказанного мною отнюдь не следует, что я собираюсь к Сираксу, — возразил он бесстрастно. — Лично у меня, конечно, нет никакого желания лететь туда, поскольку там слишком много боевых кораблей, слишком много кадровых военных, а мне не нравится их образ мыслей. — Он отвесил поклон, насколько это было возможно в условиях невесомости. — Вы, конечно же, не в счет.

— Конечно же, — согласился Флэндри. — И все же вы бы могли сдвинуть там дело с мертвой точки в пользу Мерсей...

— Вы льстите мне, — отвечал Айхарайх, — но, боюсь, вы все еще не избавились от романтического взгляда на вопросы военной политики. Дело в том, что ни одна из сторон не хочет бросать в сражение все силы ради того, чтобы установить контроль над звездами Сиракса. Для Мерсейи они представляются весьма выгодным плацдармом, обеспечивающим выход во фланг Антареса и дающим возможность разместить там передовые части, на-

целенные на действия в этом секторе вашей империи. Терра же хочет установить там свой контроль только для того, чтобы это звездное скопление не досталось нам, а потому в настоящий момент ни одно из правительств не желает нарушать равновесие в своих взаимоотношениях. Вот и ходят вокруг да около, собрали крупные флоты, шпионят друг за другом да друг в друга тихонько постреливают, устраивают короткие стычки... Но крупная игра не стоит свеч.

— Но если бы лично вы нажали на одну из чаш весов, так чтобы наших парней вышибли из Сиракса, то мы не стали бы в отместку нападать на другие объекты в сфере владений вашей империи. Наши действия привели бы к ответным действиям, и тогда, о небо, бомбардировке могла бы подвергнуться сама Терра! Нам слишком хорошо живется, чтобы мы могли допустить риск такого исхода. — Он одернул себя — чего ради изливать скопившуюся на сердце горечь, а потом еще, чего доброго, попасть под арест за подрывную деятельность?

— Если Сиракс станет нашим, — сказал Айхарайх, — это с вероятностью, равной семидесяти одному проценту, ускорит сроки крушения гегемонии терран на столетие — плюс-минус десяток лет. Таков приговор наших компьютеров, правда, сам я считаю веру в них нашего Верховного командования наивной, хотя и весьма трогательной. Однако до предсказанной даты падения Терры остается еще сто пятьдесят лет. Так что я просто диву даюсь, чего это ваше правительство так разволновалось.

Флэндри пожал плечами.

— Некоторые из нас относятся к своей планете чуть сентиментально, — грустно ответил он. — И потом, конечно, мы не можем сидеть сложа руки и ждать, когда по нам начнут палить.

— И тут, как всегда, опять эта ваша человеческая психология, — сказал Айхарайх. — В вас заложены такие инстинкты, что вы не можете принять саму идею смерти. Вот лично вам — а вам известна подноготная всего творимого в мире — не кажется, что слово «смерть» звучит как-то вульгарно, не совсем по-джентльменски?

— Может быть. А как бы вы это назвали?

— Завершением.

Их разговор перешел с частных вопросов на общие. Флэндри никогда не доводилось встречать никого другого, с кем бы можно было вот так поговорить. Когда Айхарайх хотел, он мог быть и мудрым, и знающим, и бесконечно добрым, а мог и стегануть жгучей остротой по напыщенной имперской физиономии. Разговор, в котором время от времени затрагивались вечные вопросы, был сродни исповеди. Сам он, не будучи человеком, не судил поступки людей, хотя вроде бы понимал лежащие в их основе желания.

Наконец с явной неохотой Флэндри извинился, сказав, что ему надо идти. «Довольно, — сказал он сам себе, — работа есть работа». Поскольку госпожа Диана старательно его избегала, он сманил в одну из свободных комнат какую-то рыжеволосую девушку и, сказав ей, что вернется через десять минут, проскользнул по служебному коридору. Случись какому-нибудь мерсейцу заметить, каким образом он исчез, вряд ли тот будет дожидаться его здесь час или два, а может, не признает и девушку, — когда ей наскучит ждать, она сама найдет дорогу в танцевальную залу, — поскольку для нетренированного нечеловеческого глаза все люди были на одно лицо, а здесь уже набралось не менее тысячи гостей.

Прикрытие его ухода получилось каким-то жалким, но ничего лучшего он придумать не мог.

Флэндри вернулся на яхту и поднял Чайвза.

— Домой, — сказал он. — Жми на всю катушку. Иди на сверхсветовой, если справишься в пределах Солнечной системы с этой неуклюжей раззолоченной посудинкой.

— Так точно, сэр, справлюсь.

При полете на сверхсветовой ему понадобятся не часы, а считанные минуты, чтобы попасть на Терру. Превосходно! Может, и впрямь удастся устроить Айхарайху завершение.

Но куда больше Флэндри надеялся, что попытка не удастся.

3

Над Северной Америкой, где находились службы вице-адмирала Фенросса, как раз стоял день, хотя это было не существенно. Если бы разведка не работала двадцать четыре часа в сутки, Флэндри вытащил бы своего начальника из постели, что он, по правде говоря, и предпочел бы сделать.

Впрочем, он и так наделал порядочно шума. Заставив Чайвза, в нарушение всех правил, направить яхту наперерез всем потокам движения над Адмиралтейством, он выиграл час. В комбинезоне, натянутом поверх вечернего костюма, он вынырнул на гравилете из переходного тамбура, спустился до сорокового яруса башни, которую занимала служба разведки. Пока воздушные регулировщики занимались его яхтой, сам Флэндри препирался с дежурным морским пехотинцем.

Глядя на дуло бластера, он сказал:

— Да вы же меня знаете, сержант. Пропустите. Срочное дело.

— Лицо ваше мне вроде бы знакомо, сэр, — отвечал морской пехотинец, — но лицо можно изменить, а без пропуска я никого не впущу. Так что по стойте тут, а я вызову патруль.

Флэндри начал подумывать, не прорваться ли силой, но имперские морские пехотинцы не хуже его владели приемами дзюдо. Черт бы его побрал, так еще час можно потерять, пока будут

устанавливать личность! Подождите-ка. В памяти что-то шелкнуло, и все встало на свои места.

— Вы — Мохандес Паркинсон, — сказал Флэндри, — и у вас четверо очаровательных детишек, жена отчаянная однолюбка, и в прошлом месяце вы играли в шашки го у мадам Сефейд.

Пушка в руках сержанта Паркинсона сдвинулась в сторону.

«Во даст», — подумал сержант, а вслух сказал:

— Чего-то я не пойму, о чем вы!

— Доска для игры в го у мадам Сефейд метров этак двадцать на двадцать, — продолжил Флэндри, — а пешками тут служат девочки. И вот как-то в одной партии... Это вам ничего не напоминает, сержант? Я как раз там был, следил за игрой, и я уверен, ваша жена будет просто счастлива услышать, на какие подвиги вы еще способны.

— Шантажист, — поперхнулся Паркинсон. — Проходите, — и, вздохнув, добавил: — Сэр.

Капитан Флэндри ухмыльнулся, шлепнул сержанта по каске и быстро прошел в здание.

В отличие от большинства других начальников, у Фенросса в приемной не было красивой секретарши. Механический голос поинтересовался у пришедшего о роде его занятий. «Герой я», — ласково ответил Флэндри. Робот сообщил, что адмирал Фенросс занят в связи с тревожным развитием событий, на что Флэндри возразил, что он озабочен тем же, и его пропустили.

Фенросс посмотрел на него, не вставая из-за стола. Щеки ввалились, ему явно нездоровится, глаза хоть и воспалены, но позволили разглядеть, как в них на миг вспыхнула ненависть.

— А, это вы, — проговорил он. — Так что же, капитан, заставило вас прервать маленький тет-а-тет с вашими мерсейскими друзьями?

Флэндри сел и достал сигарету. Его не удивляло, что Фенросс приставил к нему соглядатаев, но это вызывало раздражение. «А с чего, черт возьми, началась меж нами распря? — размышлял он. — А просто с того, что я связался с той девчонкой. Как бишь ее звали? Маржори? Маргарет? Неужели только оттого, что еще в те времена, когда мы вместе учились в военном училище, я перехватил у него девчонку? Ну, пошутил я. Не такая уж она и красавица была, несмотря на все ухищрения биоваяния».

— У меня новости с такого пылу-жару, что их никак нельзя было передать обычными средствами связи, — начал он. — Я только что узнал...

— Вы в отпуске, — буркнул Фенросс. — Вам здесь совершенно нечего делать.

— Как? Послушайте, там Айхарах! Собственной персоной. На «Хрустальной Луне».

У Фенросса дернулась щека.

— Я не принимаю неофициальных докладов, — сказал он. — За Альдебараном дело идет к взрыву. А если вы считаете, что вам удалось что-то выдающееся, направьте отчет по обычным каналам.

— Но... Ради Бога! — Флэндри вскочил с места. — Адмирал Фенросс, сэр, или как еще по-вашему я должен к вам обратиться, он улетает из Солнечной системы всего через несколько часов. Чартерным рейсом. Мы не можем тронуть его в имирских владениях, ну а если перехватить его по дороге оттуда... Он, конечно, что-нибудь измыслит, и засада может не удался, но, клянусь бородой моей бабушки, заполучить Айхарайха поважнее, чем уничтожить мерсейский флот!

Фенросс протянул заметно дрожавшую руку, взял маленькую коробочку и вытряхнул из нее таблетку.

— Сорок часов не спал, — пробормотал он. — И вы двинулись на этой яхте... До меня это просто не доходит, капитан, даже при сложившихся обстоятельствах. — Он снова поднял глаза на Флэндри, они хитро блеснули. — Конечно же, если вы хотите прервать свой отпуск....

Какое-то мгновение напрягшийся Флэндри стоял и смотрел на сидящего за столом ненавидевшего его человека. Память опять воскресила прошлое. *«Когда я порвал с той девчонкой, она и впрямь слегка свихнулась, а потом вроде бы погибла в катастрофе на Венере, когда какая-то пьяная компаньша перелетала через Пилу. Что-то такое я слышал об этом. А Фенросс так в жизни больше ни на одну женщину и не взглянул»*. Он вздохнул:

— Сэр, докладываю вам о том, что я приступаю к исполнению своих обязанностей.

Фенросс кивнул:

— Когда будете уходить, введите эту информацию в робот. А для вас у меня есть работа.

— Но Айхарайх...

— Мы займемся им. Я здесь придумал для вас более подходящее задание. — Фенросс ухмыльнулся, отправил в рот таблетку, запив стаканом воды из стоявшего на столе графина. — Вам не кажется, что нелегал на то и нелегал, чтобы внедряться?

«А может, все идет так просто потому, что он по званию всегда оказывается выше меня, зато я урываю больше удовольствий от жизни?» Стараясь не выказывать своих чувств, Флэндри снова сел.

Уставившись в голую стену, Фенросс барабанил пальцами по столу. Форма сидела на нем в полном соответствии с уставными требованиями — на Флэндри совсем даже наоборот — и все же казалась излишне роскошным пьедесталом для его растрепанной рыжей головы.

— Строго секретная информация, — начал он невыразительной скороговоркой, — хотя я и не знаю, как долго нам удастся утаивать эту новость. Одна из наших колоний, причем на значительном удалении от границ Империи, подвергается осаде.

Флэндри даже присвистнул:

— Где? Кто?

— Слыхали когда-нибудь о Виксене? Я тоже прежде никогда не слыхивал. Заселенная людьми планета в системе звезды класса G, на расстоянии около сотни световых лет от Солнца, немного севернее, по часовой стрелке, от Альдебарана. Чудной мир, но кое-чего, как вообще в колониях, они там добились. Как вам известно, в том районе мало звездных систем, представляющих интерес для человечества, и вообще он плохо исследован. В сущности, Виксен лежит посреди настоящей пустыни. А впрочем, может, и нет? Так вот, представьте себе, что несколько недель тому назад к этой планете подошел какой-то космический флот и потребовал сдаться. Корабли какого-то странного типа, а кто на кораблях, установить не удалось. Но среди них есть такие, кто довольно сносно говорит на английском.

Флэндри сидел не шелохнувшись. Он перебирал в уме сведения до смешного очевидные, но которые тем не менее следовало заново обдумать. Ведь такого еще не бывало.

У межзвездных владений нет четко обозначенных границ, поскольку звезды разных классов перемешаны и разбросаны немилосердным образом. Да и слишком много их. По очень приблизительным оценкам, Терранская Империя представляла собой сферу диаметром около четырехсот миллионов световых лет с центром на Соле, и входило в нее предположительно четыре миллиона звезд, но только на половине из них хоть разок бывали экспедиции. Примерно у сотни тысяч звезд были постоянные связи с Империей, в несколько раз большее число звездных систем ограничивалось периодическими связями, но теоретически находилось в вассальной зависимости от Империи. Даже если взять одну планету и представить, что это такой же разноликий, огромный и непознанный мир, каким всегда была наша Терра, а среди ее обитателей имеется множество расовых, языковых и культурных различий, а также если представить, каково управлять даже одной планетой, то сразу же становится понятным, какое это огромное и непосильное бремя — управление множеством миров. А если затем еще представить себе, какой небольшой процент звездных систем подходит для того или иного вида живых существ (то слишком горячие, то слишком холодные, то неустойчивые, то со слишком большим числом планет) и что лишь в немногих из них есть хотя бы по одной планете, на которой данный вид может чувствовать себя в относительной безопасности, то поймешь, что

Империя и впрямь стала слишком распыленной, что ее непостижимое пространственное величие представляет собой лишь крупинку одной из захолустных частей спирального отростка одной Галактики, то есть из сотни миллиардов, а то и большего числа больших светил каждому отдельно взятому миру известна лишь ничтожная, малюсенькая пригоршня звезд.

И все же — совершить нападение так глубоко внутри сферы? Нет! Отдельные корабли могли довольно легко прокрасться по межзвездному пространству, но вот военный флот никогда не смог бы пройти вглубь на сотню световых лет незамеченным, миновав самые дальние базы Империи. Кильватерную струю в нарушенном пространстве-времени после прохождения такого числа кораблей сразу бы обнаружили где-то по маршруту их следования. А значит...

— Эти корабли построены в пределах нашей сферы, — медленно произнес Флэндри, — и всего лишь в нескольких парсеках от Виксена.

— Меня поражает ваша сообразительность, — усмехнулся Фенросс. — Однако дело в том, что они могли забраться так далеко вглубь еще и потому, что столько сил нашего флота сейчас брошено к Сираксу. Наши внутренние посты оголены, на некоторых из них вообще никого нет. Я вполне согласен с тем, что противник, должно быть, базируется в пределах нескольких парсеков от Виксена, но это отнюдь не означает, что он там и живет. Базой им может служить и космическая станция, и непригодная для обживания планета или еще что-то, чего нам никогда не найти. И они вполне могли переправить сюда свой флот в течение нескольких месяцев — по кораблю зараз.

Флэндри покачал головой:

— Да, но линии снабжения... После захвата Виксена им потребуется снабжать расположенный там гарнизон до тех пор, пока он не сможет обеспечивать себя сам. Нет, их планета где-то в пределах имперской сферы и непременно в том же квадранте. Всего-навсего около миллиона звезд! Грубо говоря, где-то около ста подходящих, и некоторые из них даже не внесены в звездные каталоги. Сколько лет, сколько кораблей надо для того, чтобы проверить сто тысяч звездных систем?

— То-то и оно. А что тем временем может произойти?

— А что уже произошло?

— Виксениты оказали сопротивление. На их планете есть наша небольшая космическая база, в настоящее время оголенная, но среди гражданских там оказалось достаточно таких, кто умеет обращаться с находившимся там оружием. И, конечно же, они послали нарочных на другие планеты, и с базы на Альдебаране им помогли чем смогли. По последним полученным сообщениям,

Виксен в осаде. Мы направляем к этой планете оперативные силы, но им потребуется какое-то время, чтобы добраться туда. А никудышное положение дел в Сираксе связывает нам руки. По докладам, у пришельцев нет подавляющего превосходства, и мы могли бы послать туда достаточное число кораблей, чтобы разнести их на мезоны. Но если мы перебросим нужное количество кораблей из Сиракса, то, вернувшись, увидим вдруг, что там уже прочно сидит Мерсейя.

— Получается связка?

— А кто его знает? Впрочем, у меня есть кое-какие соображения, и ваша задача — проверить их. — Фенросс перегнулся через стол, и его воспаленный взгляд впился в глаза Флэндри. — Когда что-нибудь случается, нам первым делом приходит на ум Мерсейя, — проговорил он мрачно, — но, в конце концов, они обитают далековато, а у нас есть чуждая нам держава прямо под боком, причем ее владения переплелись как с мерсейскими, так и с нашими.

— Вы имеете в виду Имир? — фыркнул Флэндри. — Полноте, уважаемый начальник, ваша ксенофобия заводит вас слишком далеко.

— Давайте разберемся, — сказал Фенросс. — Кто-то или что-то помогло этим пришельцам, которые сейчас стоят у Висксена, создать современный боевой флот. Сами по себе они этого сделать не могли. Начни они осваивать межзвездное пространство, мы бы об этом знали задолго до того, как они перешли бы к завоеваниям. Кто-то, хорошо осведомленный обо всем, что происходит у нас, натаскал их в том, что касается нашего языка, оружия, территориального расположения и — наших действий. Я уверен, что кто-то подсказал им напасть на нас именно сейчас, когда почти все наши силы сосредоточены в Сираксе. Так кто же это? Есть еще одно. Пришельцы, как и имирцы, получают энергию из гелия под давлением. Здесь ошибки быть не может — так показывают приборы. Гелий под давлением неплохой источник энергии в условиях, схожих с нашими, но лучше использовать тяжелую воду, а пришельцы определенно живут в таких условиях. В кораблях, я имею в виду, в конструкции этих кораблей, явно чувствуется имирское влияние. Я покажу вам эти снимки, которые пришли вместе с докладом. Так вот, вид у этих кораблей такой, как если бы их konstruировал инженер, больше привыкший работать с гидролитием, чем со сталью.

— Вы хотите сказать, что за спиной пришельцев стоят имирцы? Так ведь...

— Так ведь ничего. В звездной системе, в которую входит Висксен, есть и имирская планета. Кто знает, сколько звездных систем уже освоили эти многоножки... о которых мы слыхом не

слыхивали? Кто знает, сколько разных рас подвластно им? А они летают, как хотят, и по нашей сфере, и по мерсейской и... Допустим, у них тайный сговор с Мерсейей. Что может быть лучше для засылки мерсейских агентов в нашу систему? Мы не останавливаем имирские корабли — мы просто не в состоянии этого сделать! А в каждом из них может быть установлен силовой пузырь, обеспечивающий терранские условия. Уже не первый год у меня такое чувство, что мы доверяем Имиру как дети. Давно уже мы не следим как стоило бы за тем, чем они занимаются, а теперь, может быть, уже поздно!

— Да им-то какой прок от всего этого? — тихо спросил Флэндри, загасив сигарету. — Что такого может быть в кислорододышащих, на что могли соблазниться имирцы? Или чем их купили?

— Вот этого я не знаю, — ответил Фенросс. — Может, я в корне не прав, но хочется во всем разобраться. Так что вы, капитан, возвращаетесь на Юпитер. Немедленно.

— Как?

— В нашей несчастной, обездоленной службе хронически не хватает людей, — сказал Фенросс, — а сейчас с этим хуже, чем когда бы то ни было. Так что вам придется лететь одному. Разнюхайте как можно больше. Занимайтесь этим столько времени, сколько потребуется, но не возвращайтесь без доклада, подтверждающего или опровергающего эти предположения.

«Или возвращайся мертвым», — подумал Флэндри. Он взглянул на скукоженное лицо человека за столом и понял, что именно этого и хочется Фенроссу.

4

Вызволив Чайвза из-под ареста, Флэндри прикинул, не вернуться ли ему на прием у Руэтхена, ведь праздник все еще продолжался, но решил, что не стоит. Айхарайх никогда бы не обмолвился о том, что он куда-то убывает, если бы не был уверен, что Флэндри тут же доложит об этом по команде. Может быть, ему это представляется веселенькой шуткой, а может, он бросил прямой вызов — ведь Айхарайх из тех, кому явно доставляет удовольствие пошевелить мозгами, посмотреть, как избежать западни, так что вполне может быть, что обмолвился он намеренно, с неясной пока целью. В любом случае какой-нибудь салага или парочка салаг из разведслужбы вполне смогут вести херейонита куда лучше, чем Флэндри — слишком уж он приметен. Отдав соответствующие случаю распоряжения, Флэндри вместе с Чайвзом сел в свой флиттер.

Хотя внутри «Хулиган» был отделан и обставлен достаточно роскошно, все же как по вооружению, так и по скорости это был боевой корабль. Даже на первичной, досветовой тяге он мог

достичь Юпитера за несколько часов, так что у Флэндри и времени на то, чтобы обдумать свои дальнейшие действия, было в обрез. Он включил автопилот и попросил Чайвза принести чего-нибудь выпить.

— Покрепче, — добавил он.

— Слушаюсь, сэр. Достать вам костюм, или вы предпочтете рабочий комбинезон?

Флэндри осмотрел свой пришедший в беспорядок наряд и вздохнул — Чайвз битый час наряжал его, и все насмарку.

— Простой серый костюм на молнии, — ответил он. — А еще власяницу и пепла.

— Будет сделано, сэр. — Слуга налил виски в бокал, в котором лежали кубики льда.

Чайвз был родом с Шалму и весьма бы походил на человека, если бы не лишенная всякой растительности изумрудная кожа, цепкий хвост, рост сто сорок и особенности строения ушей, рук и ступней. Флэндри купил его несколько лет тому назад, нарек Чайвзом и обучил разного рода полезным навыкам. Когда Флэндри предложил ему, несколько лет спустя, вольную, то создание вежливо отказалось. («Если мне будет позволено так выразиться, сэр, присущие моему племени обычаи не привлекают меня более, ибо они под стать только прискорбному отсутствию у них собственности».)

Флэндри поразмышлял немного над бокалом, а потом спросил:

— Что тебе известно об Имире?

— Имир — произвольно данное людьми название, сэр, главной планеты королевства, если мне будет дозволено продуманное мною употребление этого слова, лежащего в пределах границ Терранской Империи, Мерсейского Ройдхуната, а также, несомненно, захватывающей значительную часть Галактики за пределами оных.

— Не надо быть таким занудой, — сказал Флэндри, — особенно когда вопрос мой чисто риторический. Я хотел узнать, что тебе известно об их образе жизни, что они думают, во что верят, на что надеются? Что они считают прекрасным, а что — нестерпимо отвратительным? О скоротечные боги, да какое у них правление? Когда они говорят на англике, то называют себя Рассеянием. А что это — перевод или просто бирочка? Как узнать? Что общего у тебя или у меня с существом, которое живет при стоградусном морозе, дышит водородом, сжатым под таким давлением, в сравнении с которым в глубинах наших океанов царит вакуум, и пьет жидкий метан, а для изготовления орудий труда применяет аллотропический лед?

Мы с большой готовностью уступили им Юпитер, а также все планеты такого типа в нашей державе, а у них взамен нашлись

планеты земного типа, и от такого обмена объем нашей сферы вырос вдвое. Мы обменялись с ними определенным объемом научной информации: мы им — по физике низких давлений, они нам — высоких, мы им — кислородный обмен веществ, они нам — водородный... Вот только когда разберешься, что к чему, то получается до обидного мало. Они начали заниматься межзвездным пространством намного раньше нас. (*«А вот как они овладели ядерной физикой при таком атмосферном давлении, как на Имире? Мы даже не спрашивали их об этом!»*) Они уже понасмотрелись, как мы живем... Какая часть Галактики наша? Мы не смогли им предложить ничего существенного, кроме права заселить с миром несколько планет. Они никогда особо не интересовались нашими войнами — войнами кислорододоышащих с карликовых планет. Не больше, чем, скажем, ты или я, наблюдая за сражением двух муравьиных армий. А чего им волноваться? Даже если сбросить Терру или Мерсейю на их Юпитер, порядочного булька и то не получится. За последнюю сотню лет они едва ли перемолвились с нами парой слов. А судя по всему, и с Мерсейей. Пока что.

Перед самым отлетом я все же взглянул на снимки, сделанные у Виксена. Фенросс, чтоб ему пусто было, прав — эти тупорылые корабли построены на планете, похожей на Терру, но есть в них что-то имирское. Вот как в первых автомобилях на Терре мотор всегда ставили спереди, потому что привыкли к тому, что лошадь всегда впереди телеги. Я готов согласиться, что это — простое совпадение. Или нас водят за нос. Или... Сам не знаю, что еще. Ну а как выяснить это мне, единственному человеку на планете с радиусом в десять раз большим, чем у Терры? Черт их дер!

Он осушил бокал и протянул его Чайвзу. Чайвз налил еще и вернулся к шкафчику с одеждой.

— Белый шарф или синий? — раздумчиво проговорил он. — Гм, да. Полагаю, что белый будет лучше, сэр?

Тут флиттер потянуло вперед, и к моменту посадки на Ганимеде Флэндри понадобилось принять отрезвляющее.

При таких посещениях действовала установленная процедура, которой уже десятки лет никто не пользовался, и Флэндри пришлось разыскивать сведения о ней, но автоматическая станция все еще исправно действовала, терпеливо ожидая среди суровых гор прилета посетителей. Флэндри предъявил документы, была установлена радиосвязь с планетой, и над нею полетели невиданные сообщения. Ответ пришел скоро: да, капитан, правитель сможет принять вас, а космический корабль уже в пути и будет в вашем распоряжении.

Флэндри сидел и смотрел на каменистую пустыню Ганимеда. Вскоре по приводному гравитационному лучу сел приземистый

мерцающий корабль, и от него к выходному люку «Хулигана» кишкой протянулась складная переходная труба.

— Пойдем, — вздохнув, сказал Флэндри и поплелся по переходу. Следом, нагруженный оружием, инструментом и приборами — хотя ничто из этого особо сгодиться и не могло, — семенял Чайвз. Ненадолго они почувствовали тошноту, оказавшись под воздействием притяжения Ганимеда, но тут же вошли в помещение с созданными в нем земными условиями.

Если бы не вышедшая из моды мебель да большие, выстроенные в ряд экраны, это был бы привычный пассажирский салон третьего класса. Трудно было поверить, что перед ними только материальная внутренняя отделка связующего силового поля, энергия которого сродни той, что не дает распасться атомному ядру, или препятствует невыносимому давлению на Юпитере раздавить их, или, как сейчас, исключает возможность взрыва корабля из-за перепада давлений. Корпус корабля был изготовлен из сплава воды, лития и металлического водорода, устойчивого только в условиях Юпитера.

Оставив Чайвза закрывать люк, Флэндри включил обзорные экраны, показавшие, что делалось снаружи. Один экран — экран связи — не загорелся, еще на одном была видна кабина пилота.

Искусственный голос, до смешного сладостный, в духе традиции вековой давности, произнес: «Приветствую тебя, терранин. Зовут меня, насколько это можно выразить в звуковых соответствиях, Хоркс. Я буду твоим гидом-переводчиком во время твоего пребывания на Юпитере».

Флэндри посмотрел на экран. Он как-то не мог сознанием воспринять имирца, его глазам еще были чужды такие очертания и размеры, да еще в таком причудливом красно-сине-желтом свете. *(Даже этот свет был не настоящим, а всего лишь электронным истолкованием реальности. Когда человек смотрит в плотной юпитерской атмосфере, то не видит ничего, кроме густой черноты.)*

— Привет, Хоркс, — сказал он огромной, черной и многоногой фигуре с характерными антеннами на головах и облизнул свои вдруг пересохшие губы. — Мне кажется, тебе никогда раньше не приходилось заниматься такой работой.

— Несколько раз приходилось. Около сотни терранских лет тому назад, — ответил Хоркс как бы между прочим. Казалось, он вовсе не шевелится, не касается органов управления, но экраны показали, что Ганимед пошел вниз, навстречу брызнул ледяной космос. — А потом я занимался другой работой. — Он замолчал, словно не зная, продолжать или нет. А может, просто показалось. Наконец он сказал: — Впрочем, недавно я водил несколько групп по нашей планете.

— Как ты сказал? — чуть не поперхнулся Флэндри.

— Группы мерсейцев, — сказал Хоркс. — Если желаете, можете справиться у правителя. — И за все оставшееся время полета он не произнес больше ни слова.

Юпитер все рос и рос, он уже занимал на экране половину небес. Флэндри смотрел, как по светящемуся, многоцветному лику планеты мчались черные пятна — штормы, каждый из которых мог бы проглотить Землю. Затем видимость стала нулевой — корабль вошел в атмосферу. Все же экраны продолжали свои старания: он видел тысячекилометровые облака из кристаллов аммиака со странными синими и зелеными прожилками из свободных радикалов; он видел, как полыхнула в пурпурном небе молния, видел далекие желтые всполохи взрывов натрия. И пока шел спуск на планету, он пусть неясно, но все же чувствовал, как содрогается корпус корабля от страшной силы ветра, и слышал приглушенный вой и грохот.

Все еще продолжая спуск, корабль пролетел над ночной стороной Юпитера, и Флэндри увидел метановый океан, бурные волны его под воздействием давления и притяжения распластывались по скалам из аллотропического льда. Он крошился и снова нарастал прямо на глазах. Он видел бесконечную равнину, на которой что-то — полудеревья — полуживотные, но ни то ни другое в земном понимании — выбрасывало свои змеевидные ветви, стараясь поймать на лету каких-то лентовидных, длиной в сотни метров. Он видел, как проносились мимо гонимые красным ветром пузыри, чарующие мириадами переливов и поющие высокими хрустальными голосами, их звуки каким-то образом проникали и внутрь корабля. Но не может быть пузырей при таком давлении. Или может?

Прямо за линией раздела дня и ночи показался город. Во всяком случае, это была упорядоченная конструкция огромной протяженности, приземистая, но изящная и приятная на вид, с причудливым переплетением гrotов и арабесок. На экране это сооружение сверкало глянцевой синевой. То тут то там вспыхивали на краткий миг белыми искрами или нитями резавшие глаза электрические разряды. Повсюду было множество имирцев, пользовавшихся для полетов собственными крыльями или похожими на черепахи панцири гравитационными планерами. И не подумаешь, что на Юпитере можно вот так летать, пока не вспомнишь, какая тут плотность воздуха. Тогда-то и понимаешь, что здесь скорее не летают, а плавают.

Космический корабль прекратил спуск и на включенном антиполе завис над поверхностью планеты. Хоркс сказал: «Правитель Тхуа».

На экране внешней связи появился еще один приземистый имирец, держащий в руках что-то дымящееся и все время меня-

ющее свои очертания. Обезличенный мелодический голос робота под вековечное завывание ветра, способного смести любой город, построенный руками человека, произнес за него: «Приветствую вас! С чем пожаловали?»

Из старинных отчетов Флэндри почерпнул, что надо ожидать трудного разговора, и не потому, что говорить с ним будут грубо, а просто — о чем толковать человеку и имирцу? Терранин нервно затанулся и сказал:

— Я прибыл по поручению правительства для решения некоторых вопросов.

Знают ли уже эти твари о том, что происходит вокруг Вискена? Если не знают, то никакие они не союзники Мерсейи, и тогда, по-видимому, от них не будет никакого толку. А если знают, то какая, к чертям, разница? Флэндри объяснил цель прилета.

Тхуа ответил сразу же:

— Мне представляется, что у вас слишком мало оснований подозревать нас. Логически рассуждая, простого внешнего сходства и использования той же ядерной технологии явно недостаточно для этого.

— Знаю, — ответил Флэндри. — Возможно простое заимствование.

— Даже может быть и так, что кто-то из имирцев, один или несколько, дали консультации тем существам, которые совершили нападение, — сказал Тхуа, и хотя нельзя было судить по имитации голоса, похоже было, что он не обижается и не симпатизирует, а просто все это ему безразлично. — Наше Рассеяние уже на протяжении нескольких циклов развития не несет ответственности за поступки отдельных лиц. Однако не могу себе представить, с какой стати кто-либо из имирцев стал бы стараться ради кислорододышащих. От таких поступков — никакого проникновения в суть вещей, никакой материальной выгоды.

— Может, какой-нибудь ненормальный? — неуверенно высказал предположение Флэндри. — Вроде того человека, который ворошит палкой муравейник — это такое жилище крохотных животных — просто для того, чтобы было чем заняться?

— Имирцы не отклоняются от нормы подобным образом, — наставительно высказался Тхуа.

— Мне кажется, что недавно у вас здесь были гости с Мерсейи? — как бы мимоходом обронил Флэндри.

— Я как раз хотел упомянуть об этом. Я делаю все, что в моих силах, чтобы заверить обе империи в строгом нейтралитете Имира. Было бы досадно, если бы кто-то из них, совершив нападение, вынудил нас уничтожить их как вид.

«Ну и бахвал, такого не бывало после того рыбака, что поймал экватор, — подумал Флэндри. — А может, и впрямь так». Вслух же сказал, тщательно подбирая слова:

— И что же мерсейцы здесь делали?

— Им захотелось провести какие-то научные наблюдения на поверхности Юпитера, — ответил Тхуа. — Водил их Хоркс, который и вас водит. Вот пусть он и опишет их занятия.

Пилот зашевелился в своей кабине, расправляя черные крылья.

— Мы просто совершили несколько полетов над планетой. У них были с собой оптические приборы, и они проводили различные спектрографические работы. Они сказали, что это надо для исследований в области физики твердого тела.

— Все страннее и страннее, — Флэндри потрогал свои усики. — Планет типа Юпитера в их сфере не меньше, чем в нашей. Подробный отчет об условиях на Юпитере, сделанный по договоренности первыми имирскими поселенцами для Терры, никогда не засекречивался. Нет, я просто не верю в эти байки о научных целях.

— И впрямь все это представляется сомнительным, — согласился Тхуа, — но я не собираюсь разбираться в причудах всяких чуждых нам умов. Да и проще было откликнуться на их просьбу, чем спорить по этому поводу.

Чайвз прочистил горло и неожиданно встал:

— Если мне будет дозволено задать вопрос, сэр, не скажете ли вы, все ли посетившие вашу планету в последнее время были мерсейцами?

Вопрос, и тут уж ошибки быть не могло, явно пришелся Тхуа не по вкусу.

— Неужели вы думаете, я стану выискивать незначительные различия, которые имеются между разными видами кислородо-дышащих?

— Похоже, мы зашли в тупик. Так, что ли? — вздохнув, спросил Флэндри.

— Мне не остается ничего другого, как дать вам слово, что Имир в этом деле не замешан, — сказал Тхуа. — Однако, если желаете, можете полетать над планетой, запретных мест нет, посмотреть, нет ли чего-нибудь из ряда вон выходящего. — И его изображение исчезло с экрана.

— Подвалило! — пробормотал Флэндри. — Чайвз, подай мне чего-нибудь выпить.

— Вы последуете совету правителя? — спросил Хоркс.

— Думаю, что да. — Флэндри плюхнулся в кресло. — Проведите для нас типичную обзорную экскурсию. Я никогда не бывал на Юпитере, а здесь, может быть, и есть на что посмотреть.

На удивление быстро город пропал из виду. Флэндри потягивал виски, взятое Чайвзом из припасов, и краем глаза следил за внушительным ландшафтом. Очень плохо, что он не в настрое-

нии, ведь ему и впрямь представился случай, который выпадает немногим терранам. Но он потерял столько часов на выполнение задания, с которым справился бы и второкурсник. Между тем в Сираксе накапливают вооружение. Виксен в одиночку бьется черт знает с кем, а, скажем, госпожа Диана танцует не с ним, а с другими, и Ивар дель Бруно скалится и ждет, когда получит выигрыш. Флэндри выругался.

— Какой чудный повод для Фенросса отыгаться на мне, — добавил он. — Он в этом деле просто гений. — Флэндри залпом осушил бокал и попросил налить еще.

— Мы идем вверх, сэр, — немного времени спустя сказал Чайвз.

Флэндри увидел дрожащие и гудящие горы, синие туманы, несущиеся над их отливающими сталью вершинами, а потом Юпитер вообще скрылся из виду.

— А куда мы теперь летим? — спросил он и справился по карте. — Что ж, ясно.

— Я бы позволил себе дать понять пилоту, что у нас великовата скорость, — сказал Чайвз.

Флэндри слышно было, как ветер за бортом завыл пронзительно, неслышимыми обертонами вызывая дрожь в мозгу. Красный туман проносился мимо, свиваясь кольцами и сплетая их в кружева. А сквозь туман видны были малиновые тучи размером с какую-нибудь Сьерру, и в их чреве полыхали молнии.

— Да, — пробормотал он. — Хоркс, давай потише. Как говорится, туда успеем...

И тут он увидел, что пилот в своей кабине встает, распахивает дверь и исчезает. А через мгновение Флэндри увидел, как Хоркс вовсю машет крыльями в будущем кильватере космического корабля, затем имирец пропал из поля зрения. Тут Чайвз увидел что-то прямо по курсу и завопил. Хвостом он обвинил Флэндри за туловище, а руками и ногами обвинил стойку видеостенки.

А потом мир с грохотом рухнул, и наступила ночь.

5

Флэндри очнулся. Лучше бы ему спать и дальше.

Зеленое неясных очертаний сказало:

— Ваш тиамин, сэр.

— Пшел вон, — пробормотал Флэндри. — Чего я такого напился?

— Простите меня за вольность, сэр, — проговорил Чайвз, хвостом прижимая руки человека. Поддерживая голову Флэндри за нос одной рукой, другой влил ему в рот лекарство. — Ну вот, теперь нам полегче?

— Напомни потом, чтоб я тебя немножко расстрелял. — На какое-то время Флэндри примолк, но вот лекарство подействовало, и он сел. В голове прояснилось, и он посмотрел на экраны.

Все еще работал только один из них, показывая густой текучий багрянец, который прорезали синие и черные всполохи. Сквозь работавшую на пределе своих возможностей силовую защиту пробивался непрерывный резкий треск, словно ломался полярный паковый лед. Боже, какой же тогда грохот снаружи! Пол каюты перекосялся, Флэндри сидел скрючившись в нижнем углу, но корабль продолжало тащить, и Флэндри снова заскользил по полу. Бортовое поле спасло им жизнь, смягчив страшнейший удар, но вышло из строя. Он чувствовал, как ничем не ослабленное гравитационное поле Юпитера притягивало его и каждая клеточка тела изнывала от собственной тяжести.

Он сосредоточил взгляд на покореженной стойке кровати.

— И это сделал я своей собственной головушкой?

— Мы столкнулись с огромной силой, сэр, — объяснил Чайвз. — Я позволил себе перевязать вам голову. Впрочем, достаточно одной инъекции гормона роста, и все травмы заживут за несколько часов, сэр, если нам удастся выбраться из этой пердеги.

Пошатываясь, Флэндри встал на ноги. Казалось, кости так и тянут вниз. Он ощущал, как дрожат стены каюты, слышал, как они скрежещут. Силовая защита выстояла, а это значит, что генератор защиты и главная энергетическая установка при столкновении уцелели. Ничего удивительного, ведь корабли этого класса строили с установкой на «безаварийную работу». Все равно никак не попасть из каюты в кабину пилота — разве что имирицу, так что неважно, годен ли корабль для дальнейшего полета, — торчать здесь человеку и шалмуанцу, пока не помрут голодной смертью. Или, что скорее всего, пока не отключится ядерная установка после какого-нибудь очередного удара. А они так и сыпались.

Что ж, когда пропадет силовое поле, каюту расплющит атмосферным давлением Юпитера, и наступит милосердная кончина.

— Черт бы побрал весь этот грохот, — сказал Флэндри. — Не хочу я умереть вот так, разом. Хочу видеть, как смерть приходит, хочу заставить эту дуреху побороться за меня, за каждый мой сантиметр.

Чайвз вглядывался в зловещую малиновую толщу, заставшую последнее электронное окно. Его всего скособоило, колени дрожали — он еще меньше Флэндри был приспособлен к местной силе тяжести.

— Где мы, сэр? — хриплым голосом спросил он. — Перед столкновением голова у меня была занята главным образом мыслями о том, что подать на ленч, и...

— В зоне Большого красного пятна, — ответил Флэндри. — Скорее всего на его окраине. Мы, должно быть, сидим на каком-нибудь отбившемся айсберге, или как они тут, черт их подери, называются.

— Получается, что наш гид нас бросил, сэр.

— Черт возьми, да он и подстроил все это. Теперь-то я точно знаю, что кем бы ни был наш противник, один имирец безусловно работает на него. Вот если от нас останется лишь пара мокрых пятен, от этих сведений уже никакого толку.

Корабль вздрогнул и завалился еще больше. Чтобы не упасть на пол, Флэндри плюхнулся на кровать, ухватясь за стойку, и торопливо, так как все вокруг ревело и бушевало, грозя гибелью, начал:

— Ты, Чайвз, видел Большое красное пятно из открытого космоса. Уже давно, еще до начала космических полетов, было известно, что пятно это — скопление плавающего в воздухе пакового льда. Боже, какое потрясающее место для смерти! Все дело в том, что на определенной высоте давление в атмосфере таково, что образуется красный кристаллический лед — не белый, на который ты плещешь виски, не черный аллотропный, что лежит на поверхности планеты, и не сверхплотная разновидность из мантии вокруг ядра Юпитера, — а красный. Здесь давление как раз подходящее для образования красного льда, а плотность его и воздуха совершенно одинакова, вот он и плавает. Начало образования льда создало благоприятные условия для его дальнейшего роста в еще больших размерах, так что лед накапливается только в этой зоне, образуя что-то похожее на полярные шапки тех планет, что поменьше размерами. В некоторые годы он усиленно тает — наступает фаза изменения, — и со стороны Большое красное пятно выглядит бледнее, а в другие годы его здесь набивается столько, что кажется, будто на Юпитере открылась блуждающая рваная рана. Но всегда, Чайвз, Красное пятно — это нагромождение летающих ледников, размером поболее всей Земли. Вот об один из них мы и стукнулись.

— Тогда навряд ли случайно мы оказались в таком положении, — невозмутимо согласился Чайвз. — Я бы так сказал, что при наличии всех тех систем обеспечения безопасности полетов, которыми оснащен корабль, Хоркс решил, что представилась единственная возможность избавиться от нас, не оставляя улики. Он может заявить, что айсберг случайно вынырнул у нас по курсу, или еще что-нибудь в этом роде. — Чайвз презрительно фыркнул: — Какое-то неспортивное поведение, сэр. Такое можно ожидать разве что от... туземца.

Пол еще больше накренился, но Флэндри успел отпрыгнуть и не свалился с койки. Пролететь при такой силе тяжести по каюте —

ногу сломаеть. Накатывали громовые раскаты, на сохранившемся экране было видно, как клубы белого пара со свистом рвутся вверх по малиновому полю.

— Я плохо разбираюсь в таинствах науки, — сказал Флэндри. Его грудная клетка ходила как мехи, пытаясь снабдить кислородом мышцы, с напряжением работавшие при такой силе тяжести, а ребра казались налитыми свинцом, — но, как я понимаю, происходит вот что. Мы поддерживаем безумно высокую в условиях Юпитера температуру, от которой лед тает, и мы мягко опускаемся в айсберг.

— А это разумно, сэр? — спросил Чайвз.

— Наши воздухоочистители все еще действуют, — продолжал Флэндри. — Не так уж здесь и душно. Так что о воздухе можно пока не беспокоиться. — Его невозмутимость лопнула, он ударил кулаком по стене и процедил сквозь зубы: — Как мы беспомощны! Не можем выйти из каюты, ничего не можем — только сидеть и ждать!

— Надо посмотреть, сэр. — Чайвз, тонкое лицо которого перекосило расплющивающее притяжение, медленно двинулся к тюку с инструментами и приборами, пощупал его. — Нет, сэр. С сожалением должен констатировать, что радиостанцию я с собой не взял. Мне представлялось, что связь мы будем поддерживать через пилота. — Он помолчал. — Даже если бы нам удалось передать сигнал, то любой имирец, осмелюсь заявить, непременно принял бы его за случайную атмосферную помеху.

Флэндри каким-то образом удалось встать на ноги. Он почувствовал приятное легкое шекотание нервов.

— А что у нас есть? — спросил он. За стенами корабля в ответ ему прогремел Юпитер.

— Разные устройства, сэр, для обнаружения военных установок. Пара скафандров. Легкое оружие. Ваш набор взломщика, хотя, должен признаться, я весьма не уверен в его ценности в данных условиях. Микромагнитофон.

— Минутку!

Флэндри прыгнул к слуте, но пол поплыл у него под ногами, и его понесло к дальней стене. Чайвз, выбросив хвост, остановил полет Флэндри. Пошатываясь, Флэндри встал на четвереньки и пополз в тот угол, где горбился шалмуанец.

Он даже не удосужился посмеяться над собственной рассеянностью. Сердце колотилось в бешеном ритме.

— Минутку, Чайвз, — сказал он. — Ведь есть же переходный тамбур. Раз его защищает силовая оболочка, он, должно быть, целехонек, а у него такие механизмы, что могут открыть клапаны даже при теперешнем давлении снаружи. Конечно, самим нам через них не выбраться, да и наши скафандры там расплющит в

лешку, но мы можем заняться механизмами тамбура. Если рассуждать логично, то они должны входить в систему обеспечения земных жизненных условий. С помощью имеющихся у нас инструментов мы вполне можем наладить простой рабочий цикл. Сначала открывается выпускной клапан, затем он закрывается, воздух Юпитера отсасывается из камеры, а вместо него подается терранский. Потом выпускной клапан снова открывается... Ну и так далее. Понял?

— Нет, сэр, не понял, — ответил Чайвз. Его желтые глаза от смертельной физической усталости подернулись туманной дымкой. — У меня голова совсем слабой стала. Мне очень жаль...

— Да получится сигнал! — завопил Флэндри. — Мы подаем струю кислорода в водородно-метановую атмосферу и воспламеняем полученную смесь в камере тамбура с помощью электрической искры. Бамс! Вспышка! Довольно слабая и, на наш взгляд, голубоватая, но любой имирец за десятки километров отсюда увидит ее столь же яркой, какой мы видим вспышку магния. Будем повторять вспышки в устойчивом режиме, каждые четыре-пять минут. Если имирцы не железобетонные, им будет весьма любопытно узнать, что здесь такое, а когда они увидят, что на айсберге произошло крушение, они догадаются, что нам нужно и...

Его голос смолк, а Чайвз уныло проговорил:

— А мы можем так тратить кислород?

— Нам придется это сделать, — ответил Флэндри. — Мы жертвуем сколько сможем, а потом приостановим подачу сигналов. Если через несколько часов после этого никто не появится, мы пустим половину оставшегося запаса на наш прощальный фейерверк. — Он сделал последнюю затяжку, тщательно загасил сигарету и с трудом поднялся.

— Идем работать. Терять-то нам вроде нечего?

Пол задрожал — за бортом грохотало и рушилось. По экрану поползло дымчатое зеленое облако свободных радикалов и, влекомый нескончаемыми штормовыми ветрами Юпитера, пронесся красный айсберг.

Флэндри бросил взгляд на Чайвза и сказал, сиюсь улыбнуться:

— Милашка ты, да вот беда, красавицей не назовешь тебя. — И, помолчав немного, добавил со вздохом: — А впрочем, ничего не попишешь. При данных обстоятельствах.

6

«...И вот в самый что ни на есть критический момент в доказательство того, что боги, понятное дело, мне благоволят, пришла помощь. Какие-то имирцы засекли наши вспышки. Выяснив, что к чему, они убрались восвояси, чтобы вернуться на другом корабле, оснащенном силовой оболочкой, на который мы

и перенесли свою чуть теплую плоть. Нет, Джуниор, я не знаю, что имирцы делали в районе Большого красного пятна. Им там, должно быть, тоже чертовски сыро и зябко. Ну а я правильно сообразил, что у них непременно должна быть метеорологическая, научно-исследовательская или еще какая станция для ведения наблюдений, как и у нас в тех районах, которые больше всего влияют на погоду на Терре.

Правитель Тхуа и не подумал извиниться. Он даже пропустил мимо ушей требование моего слуги немедленно посадить подлого Хоркса на кол из красного льда и ограничился заявлением, что впредь приезжающим будет давать другого сопровождающего (кто их различит?), что он здесь ни при чем и не намерен заставлять имирцев тратить свое время на расследование, наказание или вообще какие-то дальнейшие действия. Он сослался на статью договора, согласно которой он не обязан оказывать нам содействие, и все посещения планеты производятся приезжими на свой страх и риск.

Тот факт, что кто-то из имирцев пришел нам на помощь, доказывает, что заговор против Терры, если таковой вообще существует, не охватывает все население Юпитера. А вот в том, что враждебно настроенные нам лица занимают высокие посты в правительстве (если таковое, в нашем понимании слова, имеется), у меня нет ни малейших сомнений.

Приведенное выше краткое резюме призвано облегчить дальнейшую работу. Распечатка стенограммы всех переговоров, исполненная согласно грубому приказу, прилагается.

Да, малыш, ты можешь идти на все четыре стороны».

Флэндри выключил магнитофон. Он мог доверить своей личной секретарше при составлении рапорта по всей форме подчистить что надо. Хотя лучше бы она этого не делала.

Он откинулся на спинку кресла, закинул ноги на стол, выпустил дым через нос и исподлобья посмотрел сквозь прозрачную стену своего кабинета на улицу. Адмиралтейство сверкало легкими, сказочными шпилями мягких тонов, тянувшимися к яркому весеннему небу Терры. Чтобы обеспечить защиту пространства протяженностью в четыреста световых лет, нужны были миллионы кораблей, а это значит — миллионы политиков, ученых, инженеров, стратегов, тактиков, руководителей, конторских служащих... А у тех семьи, и всем нужны пища, одежда, кров, школы, развлечения. Так что Адмиралтейство имперского флота стало городом по праву. «Чертов ведомственный городишко», — подумал Флэндри. И все-таки, когда в конце концов загрохочут посланные из космоса бомбы, когда разнесется вой варваров над развалинами домов, а дым от горящих книг скроет тела людей в изодранной яркой форме, то есть когда придет Долгая Ночь — а

она непременно придет, через сто или тысячу лет — какая разница? — чего-то прекрасного и изысканного лишится Вселенная.

Ну и черт с ней. Продержалась бы еще чуть-чуть цивилизация, чтобы успел Доминик Флэндри вкусить вина новых марок, расцеловать побольше девочек, поноситься верхом, спеть балладу-другую. И будет с него. По крайней мере он не смел надеяться на что-то большее.

Зажужжал коммутатор внутренней связи:

— Адмирал Фенросс хочет видеть вас немедленно, сэр.

— Не может быть, — проворчал Флэндри. — А я хотел его видеть еще вчера, когда вернулся.

— Вчера он был занят, сэр, — сообщил робот столь кстати, словно обладал здравым смыслом. — Его светлость наследный граф Сидрат находится с визитом на Терре и выразил пожелание посетить командные центры.

Флэндри встал, оправил свою иссиня-зеленую рубашку, полюбавался стрелками белых с золотой искрой брюк и покрыл прилизанные волосы фуражкой, украшенной по окружности драгоценными камнями.

— Конечно же, — сказал он, — адмирал Фенросс никак не мог отправить в поездку кого-нибудь из своих адъютантов.

— Наследственный граф Сидрат связан родственными узами с гранд-адмиралом, герцогом Азии, — напомнил ему робот.

Флэндри, напевая вполголоса «У моей любимой нос смутный от рожденья», вышел из кабинета. Преодолев ряд наклонных спусков и гравитационных шахт, он попал в кабинет Фенросса.

— А, вот и вы! — кивнул адмирал своей коротко стриженной головой. По тону было ясно, что по дороге Флэндри застрял где-то глотнуть пивка. — Садитесь. Мне передали ваш предварительный устный отчет. Неужели вы и правда ничего больше не нашли?

— Вы приказали мне, сэр, — улыбнувшись, замурлыкал он, — так или иначе выяснить отношение имирцев, что я и сделал — так или иначе.

Фенросс закусил губу.

— Хорошо, хорошо. Я знал, что так получится. Вы никогда не вписываетесь в работу сети, а мы намерены воплотить в жизнь специальную программу, весьма масштабную программу по выяснению всей правды об Имире.

— Не надо, — резко произнес Флэндри, выпрямляясь в кресле.

— Что не надо?

— Не надо так разбрасываться людьми. Простая арифметика показывает, что они проиграют. Один Юпитер по площади в сто раз больше Терры. Примерно то же самое и с населением. И как ваши люди смогут всюду попасть, если в их распоряжении будет

всего два-три космических корабля? Это при условии, что Тхуа не откажется принимать докучливых кислорододышащих. Как они смогут расспрашивать, подслушивать, подкупать, получать информацию? Конечно, банально говорить, что главная работа разведки заключается в сборе миллиона несущественных фактиков и в сооружении из них одного существенного факта. У нас и так слишком мало агентов, да и те разбросаны донельзя. Не ввязывайте их в заведомо провальное дело, пусть они продолжают работать на Мерсейе, где у них все-таки есть шанс чего-нибудь добиться!

— А если вдруг Имир выступит против нас? — огрызнулся Фенросс.

— Тогда будем драться. Или погибнем, — пожал плечами, Флэндри вздрогнул от боли — мышцы еще болели, после того как его потрепало. — А вы, сэр, не думали о том, что все это подстроено мерсейцами для того, чтобы отвлечь наше внимание от них самих — и как раз в разгар нынешнего кризиса? Айхараих большой любитель расставлять такие ловушки.

— Такое возможно, — допустил Фенросс, — но Мерсейя лежит за Сираксом, а Юпитер — под боком. Мне дали понять, что его императорское величество весьма встревожен и желает... — Он тоже пожал плечами, но на стародавний манер сбитого с толку мелкого чиновника.

— И кто же это ему подсказал? — растягивая слова, спросил Флэндри. — Уж, наверное, не граф Сидрат, которому вы показывали достопримечательности, когда пришло известие о том, что Виксен пал?

— Молчать! — скорее взвизгнул, чем прокричал Фенросс, и его лицо с впалыми щеками передернуло от боли. Он потянулся за таблеткой. — Если я не буду угождать сословной знати, — скороговоркой выпалил он, — мне придется просить милостыню в подземке, а в этом кабинете будет сидеть тот, кто не умеет говорить «нет».

Флэндри молчал и с напускной сосредоточенностью прикуривал новую сигарету. «Похоже, я не прав в своем отношении к нему, — подумал он. — Бедняжка — не очень-то весело быть на месте Фенросса».

«И все же, — размышлял Флэндри, — Айхараих покинул Солнечную систему столь незаметно, что те, кто устроил на него засаду во космосе, так и не смогли засечь его корабль. А двадцать с чем-то часов назад потрепанный кораблик пробился к Терре, чтобы известить имперские власти о том, что Виксен вынужден был сдаться безымянному врагу, который сначала осадил, а затем высадился крупными силами на планете. В последних сводках из Сиракса сообщается о столкновениях, в которых терране по-

теряли больше кораблей, чем мерсейцы. Загадкою сиял Юпитер в ночном небе. Ходят слухи о том, что после отлета гостей с Терры Руэтхен со товарищи выкатили огромные бочки с пивом и пировали, как тролли, долго-долго — должно быть, был у них повод для веселья.

Нельзя во всем винить Фенросса, но неужели весь долгий путь человечества вверх — из джунглей в космос — сведется просто к его гибели, и никто за это не будет в ответе?»

— А что слышно насчет подкреплений, которые были посланы к Вискену? — спросил Флэндри.

— Они все еще в пути. — Фенросс проглотил таблетку и немного расслабился. — По имеющимся у нас сведениям о силах противника и всем таком прочем, снова складывается патовая ситуация. Пришельцы недостаточно сильны, чтобы выбить нас из этой звездной системы...

— Ничего не выйдет, раз там Том Уолтон. Я слышал, его назначили командующим? — У Флэндри даже как-то потеплело на душе.

— Да, его. И в то же время теперь, когда противник закрепился на Вискене, нет ясности в вопросе, как выбить его отсюда без массивной бомбежки, которая приведет к полному уничтожению жизни на планете. Конечно, Уолтон попытается перерезать их пути снабжения и взять их измором, но ведь как только они обустраются, снабжение будет осуществляться непосредственно с Вискена. Или же он попытается выяснить, откуда они прилетели, и напасть на их планету. А то, возможно, и договориться до чего-нибудь с ними. Не знаю. Сам император дал адмиралу Уолтону чуть ли не карт-бланш.

«В тот день его величество, должно быть, делами не занимался, — решил Флэндри, — вот и получилось хоть что-то путное».

— Нашим действиям очень мешает то, что наши противники знают о нас все, а мы о них — почти ничего, — продолжал Фенросс. — Так что боюсь, основные усилия нашей разведки должны пока сосредоточиться на Юпитере, но кому-то придется собирать информацию о пришельцах и на Вискене. — Он вдруг замолчал.

Флэндри набрал в легкие дыма и, задержав его на секунду, неспешно выпустил.

— Это точно, — бесстрастно протянул он.

— Вот именно. Ваше новое задание.

— Но как же... одному на Вискене? Наверняка с силами Уолтона летит куча наших.

— Конечно же. Они свое дело сделают. Но в разведке, как, наверное, даже и вам известно, наряду с основной проводится обычно и параллельная операция. Кроме того, вискениты предприняли

скорее драматический, чем логически обоснованный шаг. После того как их планета капитулировала, им удалось послать в космос корабль с одним человеком на борту. Вовсе не для того, чтобы попытаться найти какой-нибудь терранский космический корабль, что было бы вполне разумно. Те крохотные силы, которые были посланы с Альдебарана, к этому времени были уже разбиты и совершали только внезапные нападения, но виксенский корабль не пошел и на Альдебаран, нет, он прямым ходом двинулся сюда, так как пилот надеялся на личную аудиенцию у императора.

— Но не получил ее, — угадал Флэндри. — Его величество слишком занят цветами, чтобы еще тратить время на простого смертного, представляющего какую-то планету.

— Цветами? — заморгал Фенросс.

— Мне рассказывали, что его величество выращивает прекрасные анютины глазки, — пробормотал Флэндри.

Фенросс глотнул воздуха и затараторил:

— Да нет же, конечно, все не так. Я хочу сказать, я сам разговаривал с пилотом и прочел доставленный им доклад. Не слишком много сведений, однако поучительный. Вот у Уолтона есть несколько беженцев с Виксена, а также проводники и советники, а тут пилот, единственный, кто видел пришельцев вблизи, когда они высаживались, вступали в перестрелку с людьми; он несколько дней прожил в условиях оккупации, прежде чем улететь на Терру. Уолтону надо будет переслать копию доклада; но ведь и сведения из первых рук о поведении противника, тамошних порядках — все эти мелочи, которые нельзя предугадать, — они ведь тоже могут оказаться весьма существенными.

— Конечно, — согласился Флэндри. — Для засылки разведчика на Виксен. Скажем, меня.

Фенросс натянуто улыбнулся:

— Именно это я и имел в виду.

Ничуть не удивившись, Флэндри кивнул. Фенросс никогда не откажется дать ему возможность погибнуть. Хотя, по правде говоря, у Доминика Флэндри, несомненно, больше шансов, чем у кого другого, проверить этот номер и вернуться живым и невредимым.

— В решении лететь прямо в Солнечную систему есть своя логика, — сказал он, лениво растягивая слова. — Если бы пилот пошел на Альдебаран, то оттуда к нам бы послали нарочного доложить о случившемся и испросить распоряжений. Окольный путь. А так мы получили известие несколькими днями раньше. Нет, у него голова правильно работала.

— У нее, — поправил Фенросс.

— Даже? — выпрямился в кресле удивленный Флэндри.

— Она сообщит вам все интересующие вас подробности, — сказал Фенросс. — Я распоряжусь, чтобы все ваши заявки были выполнены, так что берите с собой все, что сочтете нужным. Но помните, если вернетесь живым, я потребую отчета за каждый грош. Теперь идите и займитесь делом. А мне работать надо.

7

«Хулиган» утрем вывернулся из неба Терры. Какое-то время он шел на первичной тяге с таким ускорением, что для снятия перегрузок бортовое силовое поле работало с перенапряжением, а уйдя на безопасное расстояние от Солнца, перешел на вторичную тягу. От доплеровского эффекта и аберрации обзорные экраны словно взбесились, но вскоре их схемы подстроились к частоте пульсаций корабля по отношению к привычным уровням пространства, времени и энергии, погасили явления, возникающие при псевдоскорости, и Флэндри снова видел холодную многозвездную тьму такой же, как если бы находился в состоянии покоя.

Он оставил Чайвза в рубке откорректировать курс и прошел в салон.

— Полный порядок, — улыбнулся он Катрин Киттридж. — Расчетное время полета до Висксена тринадцать земных суток.

— Как это? — Девушка даже привстала. — Да мне понадобился целый месяц, чтобы добраться до Терры, а у меня был самый быстროходный на нашей планете гоночный катер.

— Да я здесь покумекал над своим, — сказал Флэндри, — а вернее, нашел специалистов, которые в этом деле кумекают. — Он сел рядом с девушкой, скрестив свои длинные ноги и облокотясь на стол красного дерева, вдоль которого полукругом шел шикарной обивки диванчик. — Дайте мне в руки отвертку, и нет такого в космосе оружия, которое не заработало бы как часы, а вот у космических двигателей устройство, я бы сказал, чудное.

Ему хотелось, чтобы она чувствовала себя непринужденно. Ей, бедняжке, довелось пережить вторжение на ее планету, лежащую далеко вглубь от границ Империи, на которых, как считалось, и ведутся все войны; она видела, как гибли в боях с неизвестными нелюдьми ее друзья и близкие; она слышала топот вражеских сапог по столь близким ее сердцу улицам. Она бежала на Терру, как бежит ребенок к своей матери, а ее холодно порасспросили в каком-то кабинете и, не мешкая, засунули в другой космический корабль вместе с хвостатым инопланетянином и учтивым незнакомцем. Чиновник, несомненно, сказал ей, что она мужественная девушка и теперь ее долг состоит в том, чтобы вернуться на родную планету разведчицей и, вполне возможно, погибнуть. А в парках Терры полыхали холодным огнем рододендроны, и

смеющееся молодое поколение терранской аристократии пролетало мимо в какой-нибудь только что открытый дом развлечений. Ничего странного в том, что Катрин Киттридж смотрит на все широко открытыми от удивления глазами.

А самое красивое в ней, решил Флэндри, как раз ее глаза: большие, широко поставленные, светло-карие с золотыми блестками, глядящие из-под длинных и густых темных бровей. Будь у нее стрижка, а не это, неизвестно что спускающееся чуть ниже мочек ушей, так и волосы у нее были бы тоже ничего. А в остальном не такое у нее лицо, чтобы заглядываться: широкое, курносое, с чуть проступающими веснушками, большим ртом и аккуратным подбородком. Насколько можно судить по бесформенному серому комбинезону, довольно крепенькая и скорее всего коренастая. На англичке говорит с присущим жителям ее планеты мягким акцентом, звучащем при ее низком голосе приятно, а вот манеры у нее провинциальные, полувесковой давности. Флэндри отчаянно перебирал в голове, о чем бы им поговорить.

Впрочем, можно и о делах. Он легонько нажал кнопки сервисного автомата.

— Что будете пить? — спросил он. — На борту есть все в пределах разумного и кое-что еще.

— Спасибо, ничего, — покраснев, ответила она.

— Как, совсем ничего? Бросьте вы. Дайкири? Вино? Пиво? О небо, может быть, пахту?

— Что? — Она мельком взглянула на него, и тут он узнал, что нет на Виксене молока, а потому и молочных продуктов, поскольку скот там не приживается, и он набрал для нее мороженое. Самому себе он вызвонил большой бокал джина с битером. Напитки ему еще пригодятся, ведь впереди две недели в космосе на пару с мисс Сироткой.

Своим открытием мороженого она осталась довольна и слегка расслабилась. Флэндри предложил ей сигарету, она отказалась, сам он закурил.

— Времени на то, чтобы ввести меня в курс дела, у вас будет предостаточно во время полета, — сказал он, — так что если вам неприятно сейчас отвечать на мои вопросы, то вовсе не обязательно это делать.

Катрин Киттридж смотрела на морозную наледь туманности Андромеды, не замечая ни его, ни экрана. Ее губы чуть заметно горестно дрогнули, но ответила она ему с понравившейся ему твердостью:

— Почему бы и не сейчас? Ничуть это не горше, чем сидеть и думать о том же самом.

— Молодчина. Расскажите, как получилось, что известие доставили именно вы?

— Мой брат состоял курьером при правительстве. Знаете, как это бывает на таких планетах, как наша, когда и людей и денег мало? У кого космический корабль получше, тот получает дотацию и за это доставляет спецпочту. А я ему помогала. Обычно мы улетали каждый раз на несколько дней, и... Нет. — Она замолчала, сжала кулаки. — Когда высадились пришельцы и начались бои, Хэнк пошел в пехотинцы — и не вернулся. Через несколько дней после поражения, когда все немного улеглось, я узнала, что его убили в бою. Собралось несколько наших, и мы решили, что надо бы передать властям Империи все те сведения, которые имелись в нашем распоряжении, а так как лучше других управиться с кораблем Хэнка могла я, то и решили, что лететь мне.

— Ясно. — Ради ее же блага Флэндри решил держаться по возможности сухого тона. — У меня, конечно, есть копия составленного вашими докладом, но вы могли его изучить как следует за время перелета в Солнечную систему, так что, должно быть, никто за пределами Висксена не знает его лучше вас. Итак, в общих чертах я понял, что среди оккупантов есть такие, что знают англик, но вообще-то они говорят на каком-то совсем не понятном наречии. А как они сами себя называют?

— А какая разница? — спросила она вяло.

— Никакой, при нынешнем раскладе, просто надоел этот штамп — «планета Икс».

Она чуть-чуть улыбнулась:

— Они назвались ардазирхо, а мы выяснили, что конечное «хо» значит «общность, совокупность», и полагаем, что их планета называется Ардазир, вот только произнести как следует у меня не получается.

Флэндри достал из кармана своей радужной рубашки стереофото. Снимок был сделан из какого-то укрытия во время боя на Висксене. На фоне разрушенных домов прижался к земле единственный вражеский солдат. Трудно сказать, офицер он или рядовой, но в любом случае он был вооружен и убивал людей.

От предвзятости никуда не денешься, и первой мыслью пораженного Флэндри было: «Волк!» Теперь он видел, что никакие ардазирхо не волки, ничего особенно волчьего в них нет. И все же первое впечатление не проходило, а потому он ничуть не удивился, когда Катрин Киттридж сказала, что, идя в бой, пришельцы воют.

По описанию ростом они с человека, двуногие, без пальцев на ногах, а походка такая, будто собака идет на задних лапах. Плечи и руки почти как у человека, вот только большие пальцы находятся с противоположной, чем у человека, стороны ладони. На мощной шее надменно сидящая голова с продолговатым, узким для разумного животного черепом; низкий лоб, а большая часть

черепной коробки лежит за острыми ушами, черное рыло, выдающееся вперед, не такое заостренное как у волка, но все же чем-то похожее. Большой оскаленный рот обнажает притупленные клыки, наводя на мысль о том, что, прежде чем стать всеядным, этот вид был плотоядным. Глаза продолговатые, посаженные близко друг к другу, водянисто-серые. Короткими рыжими волосами покрыто все тело, а вокруг шеи растет ржаво-бурая грива.

— Это форма у них такая? — спросил Флэндри.

Девушка склонилась, рассматривая снимок. На заснятом ардазирце было что-то вроде шотландской юбки с клетками разных цветов. Флэндри поморщился при виде некоторых сочетаний: розовый с алым, вызывающе малиновый между нежно-желтым.

— И впрямь дикари, — пробормотал он. — Надеюсь, Чайвз переживет это потрясение.

Были на ардазирце, кроме прочего, сапоги мягкой кожи и португез с разными подсумками и закрепленным на ней снаряжением. Вооружен он был, по всей вероятности, магнитронной винтовкой, на поясе висел грозного вида кинжал.

— Не думаю, — ответила девушка. — То ли у них вообще нет формы, то ли уйма всяких форм, но нам не удалось разобраться в этом. Некоторые одеваются примерно так, как этот, другие — во что-то, похожее на тунику или бурнус, а есть и такие, что носят нагрудники и невероятные шлемы с перьями.

— Значит, это — «он»? — ухватился Флэндри. — Они что, только мужского пола?

— Да, сэр, похоже, что так. Бои на планете шли довольно долго, и нашим биологам удалось вскрыть и изучить несколько трупов ардазирко. Согласно докладу, они живородящие млекопитающие, явно с планеты более или менее земного типа, может, с чуть большей силой тяжести. Строение глаз наводит на мысль, что у них яркое солнце, скажем, класса A5... А это значит, что на нашей планете они чувствуют себя как дома. — Катрин Киттридж печально пожала плечами. — Может, именно поэтому они и начали с нас.

— Они могли заниматься завоеваниями и раньше, — возразил Флэндри. — Горячая звезда класса A5 не подходяща для людей, а вот звезды похолодней, класса G5, вроде вашей, как раз то, что им, наверно, нужно. Они вполне могли создать свое маленькое, сопредельное с вами королевство: ведь в вашем квадранте целый ряд звезд классов B, A и G, причем не все из них даже нанесены на астрономические карты, не говоря уж об исследованиях... Ну а доводилось допрашивать попавших к вам живьем?

— Да, доводилось, только толку мало. Как-то в бою нашему отряду удалось окружить подразделение противника и вывести всех из строя парализующими лучами. Когда двое из них пришли в себя и увидели, что попали в плен, то тут же умерли.

— Запрограммированы, — крикнул Флэндри. — Продолжайте.

— Они вообще-то не говорят на англике, нашелся только один, который мог немного объясниться. Его стали допрашивать. — Девушка вздрогнула. — Похоже, ничего хорошего из этого не вышло. В докладе говорится, что под конец допроса сердце у него остановилось, его вернули к жизни, но он все же умер потом, на этот раз навсегда... Но как бы там ни было, весьма похоже, что он говорил правду. Так вот, он не знал, где находится солнце его родной планеты. Он разобрался в нашей системе координат, перевел в ту, которой пользуются они, но центральной точкой их системы координат произвольно выбрана звезда S созвездия Золотая Рыба, а у него не было никаких представлений о координатах Ардазира.

— Стерто из памяти, — вставил Флэндри. — Возможно, это касается всего списочного состава, а те из офицеров, которые в силу необходимости должны сохранить эту информацию в памяти, запрограммированы на то, чтобы умереть, если попадут в плен. Веселенький у них король. — Он нервно подергал усы. — Однако знаете ли, это наводит на мысль, что их родная планета просто весьма уязвима. Может, и нам надо сосредоточиться на том, чтобы установить, где находится Ардазир.

Девушка опустила глаза и слегка побледнела.

— А вы думаете, милорд, нам удастся, — прошептала она, — или остается только умереть?

— Когда для выполнения задания потребуется нарушить законы и приличия, я возьму это на себя, — улынулся ей Флэндри. — А на вашу долю выпадет вся чистая работенка. Будем помогать друг другу, а Ардазиру — Бог поможет! Кстати, я не титулованная особа.

— Но вас все величают «сэр Доминик».

— Рыцарское звание не жалованная грамота. Боюсь, в книге пэров мое имя не будет значиться. Видите ли, однажды мой отец попал в злосчастный бар... — И Флэндри понес околесицу на грани пристойности, пока она наконец не рассмеялась. Тут и он засмеялся в ответ и сказал: — Вот и молодцом! Тебя как кличут дома? Готов спорить, что Кит. Так вот, Кит и честная компания (это я) берутся за ратные дела! А теперь давайте кликнем Чайвза, пусть подаст икры и сыра. А потом я провожу тебя в твою каюту. — Лицо у нее запыхало, и он добавил: — Дверь каюты запирается изнутри.

— Спасибо, — произнесла она так тихо, что он едва расслышал. Ее ресницы трепетали. — Когда мне велели лететь... с тобой... я хочу сказать, я не знала...

— Хорошая ты моя, — сказал Флэндри, — поверь, у меня достаточно опыта, чтобы увидеть под бесформенным комбинезоном и игломет в кобуре, и привлекательные очертания.

В длинных перелетах в космосе всегда есть что-то нереальное, как, скажем, ощущение, что кроме тебя никого больше нет во всей Вселенной. Никаким радиосигналам тебя не нагнать, не поймать их, даже если бы не затухали они еще в самом начале предстоявших им невообразимых расстояний. А никаких других сигналов попросту нет, разве что пролетит другой корабль. А как он отыщет тебя, если слабые импульсы при твоём движении не обнаружить даже случайно? Целый флот может пройти расстояние, измеряемое многими парсеками, прежде чем на какой-нибудь базе военного флота с помощью приборов обнаружат его кильватерный след, а уж твоя крохотуля может мчаться незамеченной до самых пределов мироздания. Смотреть вообще не на что: ни тебе пейзажей, ни смены климатических зон, только огромное и бесконечное великолепие сменяющихся созвездий, время от времени холодное свечение какой-нибудь туманности меж полыхающими солнцами, серебристая изморозь Млечного Пути да запеканка из звезд вблизи созвездия Стрельца. А тебе в твоей раковине тепло и сухо, ты дышишь нежным регенерированным воздухом, а на таком роскошном аппарате, как «Хулиган», можно даже прослушать запись лизарсийских колоколов, потянуть наморийского маота или вкусить терранского винограда.

Когда касалось работы, Флэндри не давал спуска ни Чайвзу, ни Кит, а себе — еще меньше. Работа тяжелая, нудная и скучная, но именно она должна была стать основой всех их надежд, а потому — изучение, повторение, анализ данных, разработка планов, отказ от них, разработка новых планов и так до тех пор, когда голова уже просто отказывается работать и в ней уже не ворочается ни единой мысли. Вот тогда отдых просто необходим, а оба они люди и летят среди звезд с ненавязчивым слугой.

Флэндри обнаружил для себя, что играть с Кит в мяч иной раз совсем нелегко, а в шахматы она играла с таким настырным упорством, что чаще всего сводила на нет все его тактические выверты. Когда ее мысли не были заняты родной планетой, она оказывалась едкой насмешницей. Не скоро еще забудет Флэндри ее кратко изложенное впечатление от встречи с вице-адмиралом Фенроссом: «У него не голова, а мышеловка. Ему бы иной раз выпускать своих мышек на волю». Она играла на лорре, и ее пальцы порхали над всеми двенадцатью основными струнами с таким туше, которое будило и звонкий голос вторичных. Казалось, она знала наизусть все баллады седой, отважной старины, когда первые люди на диком Виксене рубили себе дома; слушать их в ее исполнении было приятно.

До Флэндри постепенно дошло, что никакая она не дурнушка, а совсем даже наоборот, просто ее никогда не подвергали ваянию, чтобы придать ей однообразную аристократическую внешность высокородных дам Терры. Было в ее лице что-то мальчишеское, но зато это было свое лицо; тело плотное и мягкое там, где ему и положено быть мягким. Мрачно выругавшись, он с еще большим ожесточением принимался за гимнастические упражнения.

Понемногу менялся рисунок звездного неба, и вот уже красным пламенем разгорелся Альдебаран, самое яркое тело на небесах. Наконец прямо по курсу засветилась ярким синим цветом крохотная точка виксенского солнца — звезда Черулия. Флэндри отвернулся от экрана и сказал негромко:

— Еще два дня пути. Думаю, сегодня вечером надо устроить капитанский ужин.

— Совершенно верно, сэр, — согласился Чайвз. — Я взял на себя смелость прихватить в дорогу несколько живых раков из Майна. Полагаю, что «Либерфраумильх»* пятьдесят первого тоже подойдет?

— Если кого брать в денщики, так это шалмуанца, — заметил Флэндри, обращаясь к Кит. — У них вкус утонченнее нашего, а насчет вина промаха не бывает вообще.

Кит улыбнулась, но в глазах ее была тревога.

Флэндри пошел к себе в каюту, где ему пришлось выдержать диспут: он хотел надеть персикового цвета блузу и белые слаксы, а Чайвз настаивал на том, что темно-синяя блуза с золотым поясом более уместна. Естественно, верх взял Чайвз. Терранин прошел в салон, где уже был накрыт праздничный стол, взял аперитив. Из магнитофона тихо лилась музыка — ничего особенного, но слушать приятно.

У него за спиной раздались тихие шаги. Он обернулся и чуть не выронил из рук бокал — вошла Кит в легком вечернем платье черного цвета, перехваченном в талии ярким алым газом. Блестящие волосы украшала тонкой работы тиара, запястье обхватывал массивный, старинной работы браслет марсианского серебра.

— Милостивые прыгающие электроны! — изумился Флэндри. — Никогда так не делай, не предупредив заранее. Откуда вся эта прелесть?

Кит фыркнула и сделала пируэт:

— Это все Чайвз. Кто же еще? Он просто прелесть — и драгоценности прихватил с собой, а пока летели, в свободное время и платье сшил.

---

* Марка алкогольного напитка. Дословно — молочко любимой. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Если Чайвз согласится принять вольную, — покачав головой и прищелкнув языком, сказал Флэндри, — то сможет открыть свое дело и будет обшивать шпионок, чтобы могли они соблазнять бедных офицеров вроде меня. Лет за десять он приберет к рукам всю Галактику.

Кит вспыхнула и быстро проговорила:

— А музыка тоже по его выбору? Мне всегда нравился этот скрипичный концерт Мендельсона.

— А, так вот это что! Во всяком случае, хорошая музыка для душещипательной сцены. Ну а я больше по части напитков. Перед ужином рекомендую вот это — «Ансан ауреа». В сущности, это легкий сухой вермут, просто на почве другой планеты терранский виноград стал значительно лучше.

— Я не... Я никогда... — Кит была в нерешительности.

— Что ж, самое время начать. — Он не смотрел при этом на обзорный экран, на котором стальным блеском отливала Черулия, но оба они знали, что не так уж много времени осталось у них наслаждаться жизнью.

Кит сделала маленький глоток, все-таки приняв бокал, и вздохнула:

— Спасибо тебе, Доминик. Я еще столько всего не пробовала. Они сели.

— Как только покончим со всеми этими делами, мы непременно должны это исправить, — сказал Флэндри, и ему стало тоскливо на миг, всего лишь на миг, и он успел добавить: — Однако кажется мне, что в целом жизнь удалась тебе лучше, чем мне.

— Что ты имеешь в виду? — Ее глаза, глядевшие на него поверх бокала, позолотил отблеск вина.

— Ну, это трудно выразить словами. — Его губы печально поползли вверх. — Я не питаю романтических иллюзий насчет жизни на новых планетах — посмотрелся на них. Мне куда приятнее пить поутру в постели горячий шоколад, чем скакать еще до света в поле, чтобы что-то там пикировать, вершки прорежать, корешки окучивать или чем там еще занимаются колонисты. Но нет у меня иллюзий ни насчет себя самого, ни того образа жизни, который я веду. У вас на новых планетах здоровый дух. Вы в большинстве своем не сгинете и долго еще проживете после того, как об Империи будут только рассказывать легенды вечерами у камина. И в этом я вам завидую. — Он оборвал себя. — Извини меня. Боюсь, разлив душевной желчи — просто профессиональное заболевание.

— О которой я толком так ничего и не знаю. О Боже. — Кит хихикнула. — Не думала, что алкоголь так быстро действует. Но правда, Доминик, мне так хочется, чтобы ты рассказал немножко

о своей работе, а то я знаю от тебя только то, что ты служишь в военной разведке. А мне хочется знать, чем ты там занимаешься.

— Зачем тебе это? — спросил он.

— Чтобы лучше тебя узнать, — покраснев, выпалила она.

Флэндри видел ее смущение и поспешил скрыть его от них обоих.

— Особо и рассказывать-то нечего. Я — оперативный работник, а это значит, что я подсматриваю под окнами, вместо того чтобы сидеть себе в кабинете да почитать рапорты тех, кто подсматривает. Хорошо еще, что мой непосредственный начальник меня терпеть не может, так что большую часть рабочего времени я провожу вдали от Терры, чуть ли не все время по командировкам. Все старина Фенросс. Если когда-нибудь ему на смену придет какой-нибудь «отец родной», который ко всем подчиненным относится по справедливости, я захирею и пушу себе пулю в лоб.

— По-моему, это возмутительно, — в ее голосе звучал гнев.

— Что ты имеешь в виду? Небеспристрастность? Но, девочка ты моя, что такое любая цивилизация, как не тщательно разработанная система особых привилегий? А я научился обходиться без них. Великие лягухи, неужели ты думаешь, что мне и впрямь нужна непыльная кабинетная работа и обеспеченная старость?

— И все же, Доминик, такого человека, как ты, все время рискующего жизнью, посылают чуть ли не в одиночку бороться со всем Ардазиром только потому, что кому-то там не понравился! — Лицо у нее пылало, а на светло-карие глаза навернулись слезы.

— Трудно представить, как все было на самом деле, — сказал Флэндри с нарочитой важностью и добавил беспечно, причем вышло это само собой: — Да в конце концов, подумай только, какая привилегия досталась по наследству тебе — столько красоты, шарма, ума — и все одной маленькой девочке.

Она промолчала, но ее слегка трясло, и она судорожно осушила свой бокал.

«Спокойно, парень, — подумал Флэндри, и в нем пробудилась не сказать чтобы неприятная настороженность. — Чувственные сцены нам здесь совершенно ни к чему».

— Что вообще заставляет нас перевести разговор на тебя, — продолжил он тоном своих обычных разглагольствований. — А разговор об этом лучше всего вести за супом из цветной капусты с яйцом, который, как я вижу, нам несет Чайвз. Впрочем, и за любым другим тоже. Вот послушай, ты была помощницей метеоролога и тем зарабатывала себе на жизнь. Так? С солдатской прямоотой скажу, что это звучит скорее как шутка. «Но может оказаться полезным», — добавил никогда не знающий отдыха внутренний голос.

Она кивнула, не менее его желая уйти подальше от того, к чему они только что подошли. Они с удовольствием поели и много о чем поговорили. Флэндри укрепился во мнении, что вовсе Кит не старомодная поселянка. Да, ей не были известны последние прелестные слухи сами знаете о ком да еще о том актере, зато она следила за погодой во все времена года на своей такой чуждой для него бурной планете, умела грамотно собрать машину, которой можно вверить свои жизни, ходила на охоту, занималась спортом, видела, как рождаются и умирают, а интрижки в их городе были столь же хитроумные и утонченные, что и вокруг императорского трона. Вдобавок было в ней, как и в большинстве колонистов с новых планет, простодушие — или назовем это оптимизмом, честью или мужеством, — во всяком случае, она еще не впадала в отчаяние из-за судьбы человечества.

Но раз уж он оказался в хорошей компании, да и повод был особенный, то он все время подливал в бокалы и себе, и ей, так что спустя какое-то время он потерял счет выпитому.

Когда Чайвз убрал со стола и подал кофе и ликер, Кит живо потянулась за рюмкой.

— Мне вот этого надо, — сказала она не совсем отчетливо. — Мне всего попить надо было.

— Так и было задумано, — сказал Флэндри, принял поданную Чайвзом сигарету, и шалмуанец вышел. Флэндри посмотрел на Кит, сидящую спиной к обзорному экрану так, что звезды кучно светились у нее над тиарой.

— Нет, не верю, — сказала она после минутного молчания.

— Может, ты и права, — согласился Флэндри. — Так чему ты не веришь?

— Твоим речам, будто бы Империя обречена.

— Этому действительно лучше не верить, — мягко проговорил он.

— И не потому, что есть Терра, — начала она, всем телом подавшись вперед, и свет мягко ложился на ее обнаженные плечи. — То небольшое, что я здесь увидела, было для меня серьезным ударом, но, Доминик, пока в Империи есть такие люди, как ты, мы можем сразиться со всей Вселенной — и победим.

— Повезло, — торопливо вставил Флэндри.

— Ну нет. — Взор у нее слегка затуманился, но она твердо смотрела ему в глаза, улыбаясь скорее нежно, чем весело. — На этот раз, Доминик, шутками не отделаешься. Вот видишь, как ты меня напоил, но... Но я соображаю, что говорю. Той планете, на чьей стороне будешь ты, еще есть на что надеяться.

Флэндри потягивал ликер. Неожиданно хмель дошел и до него, рассыпавшись бледными огоньками. Он подумал: «Почему не сказать ей все откровенно? Она поймет, а может, и заслуживает того».

— Нет, Кит, — сказал он. — Людей своей породы я знаю изнутри, потому что сам такой, а если бы каким-то чудом можно было стать другим, я бы на это не пошел. Но мы опустошенные, порочные, и на нас лежит печать смерти. А по большому счету, как ни скрывай это, какими бы удалыми, рискованными и даже высокомерными ни были наши забавы, единственный смысл жизни для нас — весело провести время. Боюсь, одного этого мало.

— Ничуть не мало! — воскликнула она.

— Ты так считаешь потому, что тебе повезло и ты живешь в обществе, перед которым стоят еще несвершенные великие дела. Но мы, аристократы Терры, наслаждаемся жизнью, вместо того чтобы наслаждаться своими делами, а между одним и другим — вселенская разница.

Мера нашего проклятия в том, что каждый из нас, кто поумнее, а есть и такие, так вот, каждый из нас видит, что наступает Долгая Ночь. Мы стали слишком умными, мы слегка разобрались в психодинамике, а может, скорее начитаны в истории, и видим, что империя Мануэля была отнюдь не славным возрождением, а бабьим летом цивилизации на Терре. (Но ты, наверно, никогда и не видела бабьего лета, а жаль, потому что ни на какой другой планете нет ничего более прекрасного и преисполненного былого очарования.) Но вот и это короткое межвременье осталось в прошлом, и сейчас стоит глубокая осень: ночами морозит, листья облетели, и последние улетающие птицы кричат в поблекшем небе. И все же мы, видя, что идет зима, видим и то, что не бывать ей здесь до скончания дней наших, а потому, пожившись и выругавшись, мы возвращаемся поиграть с оставшимися еще яркими мертвыми листьями.

Он замолчал. Все глубже становилось окружившее их молчание, и вдруг из переговорного устройства потекла музыка — негромкая оркестровая пьеска, которая зывала к самым глубинам их сознания.

— Извини, — сказал Флэндри. — Не надо мне было изливать на тебя свой болезненный пессимизм.

На этот раз в ее улыбке чувствовалась легкая жалость.

— И, конечно же, это дурной тон, показывать свои истинные чувства или пытаться найти слова, выражающие их.

— Один—ноль в твою пользу, — он склонил голову. — Как по-твоему, под эту музыку можно танцевать?

— Под эту музыку? Вряд ли. «Libestod» скорее подойдет для чего-нибудь другого. Чайвз, наверно, видит наперед.

— Как это? — Флэндри удивленно посмотрел на девушку.

— Да нет, я просто так, — сказала она. — А Чайвз просто душка.

И вдруг он понял.

Но холодом несло от сиявших у нее за спиной звезд, а Флэндри думал о том, что их обоих ждут пушки и мрачные крепости. Еще он думал о рыцарской чести, которой претит воспользоваться при-
сушей юности беспомощностью, и тогда, с легкой грустью, он решил, что ему думать надо о делах практических, и чаша весов склонится в его пользу.

Он поднес сигарету ко рту и мягко произнес:

— Ты бы, девочка, выпила кофе, а то остынет.

И тем самым критическая ситуация была благополучно пре-
одолена. Ему показалось, что он увидел разочарование и благо-
дарность в беглом взгляде, который бросила на него Кит, хотя и
не был в этом уверен. Она отвернулась и устремила свой взор к
звездам — просто чтобы хоть несколько секунд не смотреть на
него.

Она глубоко выдохнула и с минуту сидела и смотрела на
Черулию. Затем она перевела взгляд на свои лежащие на коленях
руки и ровным голосом произнесла:

— Предположим, что ты прав в отношении Империи. Тогда
что же будет с Виксеном?

— Мы освободим его и сдерем жирный куш с Ардазира за все
издержки, — сказал Флэндри тоном, не допускавшим сомнения.

— Так-так, — покачала она головой, и в ее голосе сквозила
горечь. — А может, лучше не стоит? Вдруг ваш флот решит вести
войну до победного конца, и тогда от всей нашей планеты, от
моего народа, от маленькой соседской девчушки и ее котенка, от
деревьев, цветов и птиц — от всего останется только радиоактив-
ный пепел, который разнесет ветер над мертвыми серыми хол-
мами. А может, Империя решит пойти на сделку и оставит Виксен
за Ардазиром. Почему бы и нет? Что такое одна планета для
Империи? А сделка смогла бы, как ты говоришь, купить им мир
на всю жизнь. Пять миллионов человек — пустяк, вычеркнуть их
красными чернилами. — Она снова ошеломленно покачала голо-
вой. — Зачем мы, ты и я, летим туда? К чему наши старания? Что
бы мы ни сделали, все пойдет насмарку от одного взмаха ручкой
какого-нибудь скучающего чиновника. Может такое стать?

— Может, — ответил Флэндри.

9

Черулия — звезда главной последовательности, и при массе,
ненамного превышающей массу Сола, сияла куда неистовей. Вик-
сен, четвертая планета, считая от светила, обращался вокруг него
за полтора земных года по такой орбите, что в среднем получал
такое же облучение, как и Терра от Сола.

— Подвох здесь вот в этом, «в среднем», — проворчал Флэнд-
ри в сторону Чайвза.

Положив руки на пульт управления, он парил в коконе из пристежных ремней. Для повышения боеготовности они приглушили яркость обзорных экранов, а то резкий синий свет резал глаза. Из космического мрака высвечивали застывшие, ставшие совсем другими созвездия. Флэндри высмотрел планету типа Юпитера, которую люди с Висксена называли Огром — пятнышко яркого желтого цвета с искорками вокруг, самыми большими из его лун. Что там на уме у пришельцев с Имира?

— Огр сам по себе доставляет массу неприятностей Висксену, — выразил свое недовольство Флэндри. — Живущие там поселенцы должны бы удовлетворяться одним этим и не вступать в сговор с Ардазиром. При условии, что они там живут. — Он повернулся к Чайвзу. — Как там Кит переносит невесомость?

— С сожалением должен сообщить, что мисс Кит, похоже, не очень по себе, — ответил шалмуанец, — но она уверяет, что все хорошо.

Флэндри прищелкнул языком. С тех пор как научились управлять силой тяжести на космических кораблях, людям невоенным вообще не было нужды испытывать неудобства невесомости, а следовательно, у восприимчивой Кит не было никакой подготовки, которая сейчас могла бы сослужить ей службу. Но ей было бы намного хуже, если бы какая-нибудь ракета ардазирхо поразила «Хулигана». От космической морской болезни еще никто не умирал — ну не было такого!

Ардазир, вне всякого сомнения, установил жесткую блокаду покоренного Висксена, что подтверждали и приборы: космическое пространство вокруг Висксена дрожало от вибрации, идущей от боевых кораблей, а в придачу должна существовать и автоматическая система обнаружения цели. Если идти на планету установленным порядком, так сразу же и засекут. Впрочем, если пилот не слабак, да еще и повезет, то можно сесть и по-другому. И Флэндри решил попытать счастья, вместо того чтобы примкнуть к оперативным силам Уолтона. Делать ему там нечего, разве что доложиться, а потом все равно надо будет продолжать свой путь к Висксену, вот только еще больше возрастает вероятность того, что его обнаружат и уничтожат.

С выключенными двигателями «Хулиган» пошел со скоростью метеорита прямо навстречу цели. Любое автоматическое устройство примет его непременно за космическое тело и оставит без внимания. Только визуальным наблюдением можно разгадать хитрость, но космос столь обширен, что даже при самой плотной блокаде почти невероятно пройти слишком близко от ничего не подозревающего противника. Вот уйти с планеты будет труднее, а тут — дело верное, без дураков, если целым дойдешь до атмосферы!

Флэндри смотрел, как вырастает Виксен на курсовых экранах, а на одном из боковых экранов пылала пугающих размеров Черулия. Северная, освещенная сторона планеты сияла словно раскаленный добела месяц, а поляризационные телескопы показывали лишенные растительности горы, каменистые пустыни, разбушвавшиеся после таяния снегов реки. В Южном полушарии все еще преобладали зеленые и коричневые тона, океаны отливали насыщенной синевой — словно полированный кобальт. Но это полушарие было затянато тучами, там на просторах в несколько сот километров бушевали штормы и бури, в потоках проливных дождей полыхали молнии. Зона экватора была скрыта едва ли не твердым слоем гонимых мощными ветрами туч. Северная заря светилась холодным пламенем, а над потускневшим южным полюсом, не таким лучезарным, все еще взметались в небеса огромные полотнища света. Единственная крохотная луна на расстоянии ста тысяч километров над поверхностью планеты едва проглядывалась при таком освещении.

Когда Флэндри снова переключил свое внимание на происходящее вокруг, его поразила чуть ли не могильная тишина в рубке, и потому он произнес просто для того, чтобы звучал голос:

— И это считается планетой терранского типа, пригодной для обитания людей. Что за агенты по недвижимости работали во времена первых поселенцев!

— Я слышал, что в Южном полушарии Черулии-IV большую часть года никакой опасности для здоровья, сэр, — сказал Чайвз. — И только в эту пору условия в Северном полушарии губительны для людей.

Флэндри согласно кивнул. Виксен стал жертвой сложившихся обстоятельств: период обращения огромного Огра был как раз вчетверо больше периода обращения Виксена, так что на протяжении миллионов лет резонанс усиливал возмущение и привел к тому, что эксцентриситет орбиты Виксена стал почти два к одному. Угол наклона оси вращения планеты составлял двадцать четыре градуса, и разгар лета в Северном полушарии выпадал почти что на периастр, так что каждые восемнадцать месяцев Черулия испепеляла это полушарие своими лучами, посылая вчетверо большее излучение, чем то, которое Сол посылает Терре. Этот участок орбиты планета проходила быстро, и большую часть года было не так жарко.

— Осмелюсь заявить, что ардазирхо выбрали для своего вторжения как раз этот сезон, — сказал Флэндри. — Если они из солнечной системы со звездой класса А, то климат здесь, на севере, им отнюдь не в тягость.

Он достал сигарету — последнюю перед посадкой. Изображение планеты заполнило весь выпуклый экран. Автоматика спо-

собна на многое, но сейчас надо подстраховаться и перейти на ручное управление, а то вспыхнет в небе Виксена звезда и останется воронка на месте взрыва.

«Хулиган» шел с такой скоростью, что за какие-то секунды проскочил верхние слои атмосферы и вошел в стратосферу, и словно какой-то исполин приложился кулаком по кораблю. Флэндри бросило вперед, натужно закрипели пристежные ремни. Снаружи не доносилось еще никакого шума, но сам флиттер заскрежетал металлом, все экраны полыхали бурым огнем — до того раскалился воздух.

Рука Флэндри налилась тяжестью и дрожала, он со стуком уронил ее на кнопки управления. При таких перегрузках хрупкого сложения Чайвз не мог даже пальцем двинуть, но все же кончиком своего хвоста он попал в кнопку регулирования верньера, и в попытке сбросить скорость мощно взревели двигатели. Обшивка корабля раскалилась докрасна, но ее металл был структурирован так, что мог выдержать температуры и повыше, чем в доменной печи. Вокруг корабля, внутри его все грохотало и гремело. Когда изменилось направление полета, Флэндри почувствовал, как ребра уткнулись ему в легкие. Снаружи не было ничего видно, кроме пламени, однако сквозь застилавшую глаза пелену он продолжал следить за показаниями приборов и знал, что корабль выровнялся, вошел в более плотные слои атмосферы, подпрыгнул словно пущенный по воде камень и понесся чудовищными, дух захватывающими скачками.

Теперь, первым делом, надо было привести в действие бортовые компенсаторы силы тяжести. Удастся ли? Ровное земное притяжение разлилось благодатью по всему телу. Он поскорее набрал воздуха в пронизанную болью грудь. «Нам за это платят?» — пробормотал он.

Чайвз принял управление на себя, терморегулятор заработал, доводя температуру в рубке до терпимого уровня, а Флэндри отстегнул пристежные ремни и пошел в каюту Кит. Пристегнутая ремнями, девушка лежала неподвижно, и тоненькая струйка крови текла из ее вздернутого носика. Он сделал ей укол стимулола, и ее глаза широко раскрылись. Вскоре она выглядела такой юной, такой беспомощной, что он не выдержал и отвел глаза в сторону.

— Извини, что привожу в себя таким вот образом, — сказал он. — Дурной способ, но как раз сейчас нужна твоя помощь в качестве проводника.

— Да, да, конечно.

Они прошли в рубку — впереди Кит, следом за ней Флэндри, — он сел, а она из-за его плеча, сдвинув брови, вглядывалась в экран. «Хулиган» прикладывал себе дорогу в атмосфере по крутой

кривой. Весь корпус корабля содрогался от рева рассекаемого воздуха. На границе дня и ночи выросли изрезанные горы.

— Кряж, — сказала Кит. — Давай лети вон там, над перевалом Лунный камень. — В затемненной долине по другую сторону гор в свете звезд и занимающейся зари блестели реки. — А вот это — Пустынь и Королевский тракт через нее. Сажай где-нибудь рядом с ним, вряд ли здесь найдут флиттер.

Пустынь никак не оправдывала своего названия — это была девственная чащоба высоких деревьев, раскинувшаяся на площади в сорок тысяч квадратных километров. Флэндри посадил аппарат так осторожно, что не поломал ни деревца, отключил двигатели и откинулся в кресле.

— Пока что, ребятки, — шумно вздохнул он, — наша взяла.

— Сэр, — сказал Чайвз, — если мне будет дозволено высказаться, то, по-моему, если вы и юная госпожа пойдете вдвоем, без меня, то вам потребуются услуги психиатра.

— А если мне будет дозволено, то я еще раз напомню тебе, что надо знать, куда совать свой нос, — ответил Флэндри. — Хватит с меня забот о том, как самому сойти за виксенита, даже без тебя сбоку. Ты останешься на корабле в готовности к бою или, что более вероятно, к тому, чтобы быстренько отсюда смотаться. — Он встал и добавил: — Кит, нам лучше пойти прямо сейчас. На этом допинге ты протянешь, самое большее, несколько часов.

Оба они уже были в мягких зеленых комбинезонах, сшитых Чайвзом в соответствии с данным Кит описанием костюма профессиональных охотников, принадлежностью к которым можно было объяснить и наличие у Флэндри небольшой радиостанции, ножа и ружья. А его акцент можно было объяснить тем, что он лишь недавно переселился с Авианских островов. Легенда, правда, хилая, но ведь и ардазирхо не будут вникать во все подробности. Главное было добраться до родного города Кит, Гарта, а, устроившись там, Флэндри сможет оценить положение и начать портить жизнь оккупантам.

Чайвз чуть ли руки себе не заламывал, но покорно расклялся с уходящим хозяином на пороге переходного тамбура.

Стояла глубокая зима, да еще в периастр, но в Северном полушарии она отличалась от других времен года только более длинными ночами да частыми дождями. Толстым, мягким ковром стлалась под ногами опавшая листва. Свет скупо пробивался сквозь кроны деревьев, но кое-где на высоких стволах светились желтые фосфоресцирующие грибы, и этого освещения было довольно, чтобы различать дорогу. Воздух был теплый, напоенный незнакомыми лесными ароматами. Где-то в темноте раздавалось тихое пересвистывание, слышались призывные крики, кваканье,

легкие шаги, а разок и чей-то пронзительный крик, захлебнувшийся в бульканье, — звуки чужой дикой природы.

До Королевского тракта было два часа быстрой ходьбы. Флэндри и Кит шли споро, почти не переговариваясь, но, когда они вышли на широкую, освещенную светом звезд ленту шоссе, Кит придержала Флэндри, взяв его за руку.

— Так дальше и пойдем пешком? — спросила она.

— Раз до Гарта пятьдесят километров, то нет, — ответил Флэндри и сел на обочину, а Кит присела на его согнутую руку.

— Тебе холодно, — спросил он, чувствуя, как она вся дрожит.

— Боязно, — призналась она.

Он коснулся губами ее губ, и она ответила на поцелуй — робко, неумело. После перехода сердце у нее билось учащенно. От ходьбы?

«Негоже, когда на обед одна закуска», — подумал Флэндри и покрепче прижал к себе Кит.

Вдалеке на шоссе засверкали фары, все явственнее становилось слабое поначалу рычание мотора. Кит высвободилась.

— Спасен от нокаута гонгом, — пробормотал Флэндри. — Вот только интересно бы знать, кто из нас. — Кит засмеялась, и ее трепетный смех полетел под неземным звездным небом.

Флэндри встал и проголосовал. Десятиосный грузовик остановился, и водитель выглянул из кабины.

— Подбросить до Гарта? — спросил он.

— До Гарта. — Флэндри помог Кит забраться в кабину, влез следом и сам. Грузовик тронулся, и позади загромыхал двухсотметровый прицеп.

— Что, ружье сдавать? — спросил водитель, плотный мужчина с глубокими складками на изможденном лице. На одной руке видны были следы недавнего пулевого ранения.

— Представляете, — отвечала Кит, — мы с мужем последние три месяца не вылезали с Кряжа, а тут как услышали о вторжении, так и засобирались домой, вот только реки разлились, пришлось задержаться. Да и радио у нас барахлит, так что мы толком и не знаем, что там происходит.

— Много чего. — Водитель сплюнул за окно и пристально посмотрел на них. — А чего делать в горах в такое время года?

Кит не знала, что и ответить, и тогда спокойным голосом в разговор вступил Флэндри:

— Вы уж никому не рассказывайте об этом, но как раз в эту пору у куцых мышкотов течка. Опасно, это факт, однако нам удалось набить варью шесть тайников.

— Гм... ну... да. Конечно. Так вот, когда будете в Гарте, то лучше не несите сами ружье в волчий штаб, а то сначала пристрелят, а потом спросят, с чем пришел. Положите его где-нибудь, да

обратитесь к кому-нибудь из них, мол, не будет ли он так любезен сходить забрать ружье.

— Очень уж не хочется отдавать, — сказал Флэндри.

— Если хочется рисковать, оставьте при себе, — сказал, пожав плечами, водитель. — Я в такие игры не играю. Я бился у Опаленной горы, а потом всю ночь пролежал ни жив ни мертв, пока эти воюющие гады охотились за оставшимися в живых бойцами из нашей части. Потом, сам не знаю как, добрался до дома, и все — с меня хватит, у меня жена и дети, мне их кормить надо. — Он ткнул большим пальцем себе за спину. — Этим рейсом везу редкие земли. Волчье их купит, на комбинате в Хоблене изготовит приборы управления огнем и еще постреляет по кораблям Империи. Конечно, можете считать меня предателем, но вот поживете, увидите, как ваши друзья бегут, крича во все горло, по вашей улице, а следом за ними несутся стаей летучие змеи, хлопают крыльями, щиплются, лязгают зубами, а волчье вприпрыжку скачет следом, хохочет, тогда вот и решайте, захочется ли вам пройти через все это ради Империи, которая нас уже сдала.

— Сдала? — переспросил Флэндри. — Я здесь слушал радио и так понял, что подходят подкрепления.

— И то верно, здесь они. У одного моего приятеля приличный приемник, так вот, когда подошли силы Уолтона, он стал следить за тем, как идут дела в космосе, потому что ему иногда удавалось перехватить кое-какие сообщения. Однако все быстро кончилось. А что еще может сделать Уолтон? Разве что бомбить нашу планету, где волки уже обустроились, откуда они уже получают себе припасы и снаряжение? Так если он пойдет на это... — свет от лампочки под потолком кабины отражался в капельках пота на лбу водителя. — Тогда конец придет Вексену, один пепел останется. Так что, приятель, моли Бога, чтобы терране не вздумали выбить ардазирхо с Вексена.

— А что там в космосе сейчас делается? — спросил Флэндри.

Он не ждал связного ответа. Человеку гражданскому, как и среднестатистическому бойцу, война представляется делом темным и непонятным, так что Флэндри, можно считать, повезло услышать рассказ шофера.

— Приятель мой ловит передачи, которые ведет на нас терранский флот. Волчье, конечно, пытается глушить их, но слышно — я сам слушал, и знаете, почти не врут. Потому что дела — хуже некуда! Несут какой-то вздор насчет того, чтобы мы сохраняли мужество, вредили бы врагу, да... — Водитель выругался. — Виноват, мадам. Да сами увидите в Гарте, что к чему, и тогда поймете, что я обо всем этом думаю. Адмирал Уолтон заявляет, что его флот захватил несколько баз ардазирхо на астероидах, а эти вроде бы пытаются их отбить. Как видите, положение патовое — до тех пор

пока волчьё не наберется как следует сил. А они быстро набираются. А адмирал не может бросить все свои силы против них, потому что ему приходится еще и за Огром следить. Похоже, есть причины подозревать, что Имир в сговоре с Ардазиром. А имирцы помалкивают, сам знаешь, какие они.

— Знаю, — согласно кивнул головой Флэндри. — «Если вы не верите нам на слово, что мы придерживаемся нейтралитета, то нет никакой другой возможности дать вам самим убедиться в этом, ибо Терранская Империя не в состоянии обследовать и частицы владений Рассеяния. А раз так, мы не собираемся тратить время на обсуждение данного вопроса».

— В точку, приятель, даже тон такой. Конечно, может, они поступают по-честному, а может, просто выжидают момент, когда Уолтон ослабит бдительность, и тогда набросятся на него.

Флэндри посмотрел из окошка на небо. Равнодушно мерцали звезды, ничуть не заботясь о том, что уже на протяжении нескольких столетий какие-то пятнышки плоти считают их своими провинциями. Он увидел, что часть неба совершенно беззвездна, словно дыра в вековечность. По словам Кит, место это называется Заслонкой, а на самом деле это очень даже небольшая, но близко расположенная темная туманность. Ясная белая искра Ригеля в сердце мерсейской державы казалась еще более злобшей. А что там Огр, темно-желтая звездочка над макушками деревьев?

— А что, по-вашему, дальше делать? — Голос Кит почти не было слышно из-за рева двигателя.

— Даже подумать страшно, — ответил шофер. — Может, Уолтон на чем-нибудь сторгуется: или бросит нас здесь волчьей стае на съедение, или устроит так, что нас отправят на Терру, и пойдем мы по ней с сумой. Или затеет сражение в космосе... Но даже если он не нападет на их укрепления здесь, на Вискене, мы все равно останемся заложниками Ардазира. Так ведь? А то и имирцы смогут... Не знаю, мэм, я просто вожу свой грузовик, зарабатываю на этом и содержу свою семью. А пайки с каждой неделей, похоже, становятся все скуднее. Как видите, ничего не поделаешь. Так ведь?

Кит заплакала, тихонько и безнадежно, хлопая носом, уткнувшись в плечо Флэндри. Он обнял ее, и так они ехали до самого Гарта.

10

И снова ночь после короткого зимнего пронизанного грозами дня. Флэндри и Эмил Брайс стояли в черном, как волчья яма, проулке, следя в почти непроглядной тьме за улицей. Дождь струился по их дождевикам. Не выдержав скопившейся во впадине

воды, капюшон на голове Флэндри протек, и вода лилась за шиворот, куртка намокала, но он боялся пошевелиться. Сейчас, того и гляди, пройдут ардазирхо.

Дождь гулко и размеренно барабанил по крутым островерхим крышам, булькал и журчал по водостокам, шелестел по мостовым погруженных в темноту улиц. Ветер уже совсем стих, но еще время от времени сверкали молнии. На мгновение в белом всполохе замерцала мостовая, вырисовались прилепившиеся друг к другу построенные из камня и дерева дома, окна которых были наглухо задраены ставнями, остов передающей вышки одной из автоматических метеостанций, разбросанных по всей планете, и тьма с новой силой сомкнулась, а громовые раскаты прокатились в безмерной выси.

Уже с полчаса Эмил Брайс простоял не шелохнувшись. Но, подумал Флэндри, он же профессиональный охотник. Терранин почувствовал необъяснимую неприязнь ко всему цеху брайсовских коллег. Так нечестно, черт бы их всех побрал. Такое уж у них ремесло, что с детства приучены сидеть в засаде, выжидая зверя, а вот он уже чего-то продрог. Нет, вспотел, взопрел в своем дождевике.

С тротуара донесся звук шагов. У человека поступь другая, а тут не пятку ставили первой, а клацали подбитым подковами носком по тротуару. Подергиваясь в такт шагам, луч фонаря прорезал темноту слишком синим, резким для человеческого глаза светом. На лицо Брайса упали отраженные каплями дождя отблески света. Только губы шевелились на этом лице, и Флэндри прочел написанный на нем страх. «Волки!»

Но он уже доставал из-под плаща игломет, а Флэндри бесшумно надел на одну руку кастет, а другой дал знак Брайсу держаться позади. Первым пойдет он, Флэндри, чтобы в темноте, под дождем выискать среди этих врагов с нечеловеческими лицами именно того, кто был ему нужен. Здесь даже по форме их не различишь — их у ардазирхо тьма, одеваются кто во что горазд.

Однако Флэндри специально к этому готовился. Чтобы попасть в штаб оккупантов в Гарте, ему пришлось пожертвовать ружьем. Гарнизон противника в Гарте был немногочислен — несколько сот штыков на город с населением в четверть миллиона, но это компенсировалось наличием современного тяжелого вооружения — дистанционно управляемыми танками, скорострельными пушками — да и просто заявлениями о том, что всякий город, в котором люди вздумают бунтовать, немедленно подвергнется ракетному обстрелу. (Что и доказывал остекленевший кратер на месте, где раньше стоял Марсбург.) Гартский гарнизон обслуживал в основном посты наблюдения и установки противоракетной обороны в окрестностях города, но занимался также и

сбором оружия у населения, обеспечивал работу заводов, выпускавших военную продукцию, и выискивал несмирившихся горожан, готовых продолжать борьбу. И Флэндри решил, что комендант такого гарнизона должен располагать весьма обширными сведениями, к тому же он говорил на английском. Флэндри хорошо разглядел его, когда сдавал ружье, а в свое время Флэндри натаскали в распознавании лиц, даже когда лица эти и не человеческие...

И вот сейчас предводитель рода Темулак — как он тогда представился — возвращался со службы из штаба в казармы. Брайс с товарищами несколько недель уже следили за этим ардазирцем и рассказали Флэндри, что ардазирхо, когда это было возможно, предпочитали ходить пешком маленькими вооруженными группами. Причины этого никто не знал. Может, чтобы лучше воспринимать запахи и звуки вокруг, — а было известно, что обоняние у них поострее, чем у людей, — что невозможно было делать, передвигаясь на машинах, а может, им доставляло удовольствие так подразнить людей: не раз случалось, что люди нападали на такие группы, но ардазирхо все такие нападения отбивали и устраивали настоящую охоту за смельчаками, разрывая их под конец на куски. Куда уж гражданским против пуленепробиваемых доспехов, бластеров и врожденных навыков боя.

«Но я-то не гражданский, — подумал Флэндри про себя. — Да и у Брайса есть кое-какая военная подготовка».

Вот выслеживаемая дичь проходит мимо. В рассеянном свете лучей фонариков четко вырисовываются в ползучем полумраке гривастые головы с вытянутыми мордами. Их пятеро. Флэндри узнал Темулака — в шлеме и доспехах. Проскользнул из проулка вслед им.

Ардазирхо тут же заворочали головами. Насколько остер у них слух? Флэндри шел следом. Рыжая мохнатая лапа одного из прищельцев потянулась к кобуре бластера. Флэндри изо всех сил вмазал Темулаку кастетом в лицо. Противник отпрянул, со звоном полетел шлем. Живот прикрыт светлым металлом, так что туда бить без толку. Темулак выхватил бластер из кобуры, Флэндри резко ударил ребром левой ладони, попал удивительно удачно — как ему показалось, он услышал, как хрустнули кости запястья противника. Оружие Темулака загрохотало по тротуару. Ардазирец откинул голову и завыл, пронзительный вой перекрыв шум дождя, а штаб всего в полукилометре, а до казарм, в противоположную сторону, не больше...

Вспомнив каратэ, Флэндри нанес коменданту удар в челюсть. Офицера кинуло назад, но он успел среагировать и, прежде чем коснуться земли, сумел, изогнувшись, схватить человека за шиколотку. И оба они оказались на земле. Правая рука у Темулака все

еще не действовала, но он попытался левой дотянуться до горла Флэндри. На миг терранин увидел наложенные на крепкие ногти тонкие и острые металлические пластины, выбросил вперед руку, чтобы не дать разорвать себе горло. Темулак снова завыл, и Флэндри с силой ударил по волосатому горлу. Ардазирец мотнул головой и впился зубами в запястье Флэндри. От боли словно огнем обожгло. Но теперь Темулак стоял перед ним согнувшись, и Флэндри рубанул его по загривку. Темулак тяжело осел, Флэндри вскочил ему на спину и сжал горло, перекрывая дыхание.

Тяжело дыша, человек огляделся и увидел, как под вой мечутся в свете упавшего на землю фонаря тени. Укол делать Темулаку никак нельзя — он нужен живым, а Флэндри не знал, какие анестезирующие средства могут оказаться смертельными для ардазирхо. Вот Брайсу надо было убрать охрану, наделав при этом как можно меньше шума. Из его пневматического пистолета вылетали иглы с цианидами, смертельными для каждого дышащего кислородом существа, и он посылал эти иглы, привычно целясь в незащищенные участки тела, чтобы не ломались они попусту о доспехи. Двое уже валялись на земле, раскинув руки, а еще одному удалось как-то изловчиться и прыгнуть, метя когтями в горло Брайсу. Охотник вытянул перед собой ногу, сапог ударился о нагрудную пластину, и удар получился таким сильным, что пришелец попятился, шатаясь. Брайс пристрелил его. Но тут последнему оставшемуся в живых солдату охраны удалось выхватить свой бластер. Раздался выстрел, и пламя прорезало струи дождя, но Брайс уже успел прижаться к земле, и заряд ионов вспенился там, где он только что стоял. Брайс выстрелил, промахнулся, перекатился по земле, уходя от очередного выстрела из бластера, снова выстрелил и снова промахнулся. А в конце улицы уже раздавался вой — отряд захватчиков спешил на выручку.

Флэндри перегнулся через сухопарое тело предводителя рода, поднял его оружие и затаился, выжидая. Он почти ничего не видел в кромешной тьме, но вот раздался выстрел из бластера ардазирца, и Флэндри выстрелил на вспышку. Инопланетянин вскрикнул разок и с глухим стуком упал на тротуар. В сыром воздухе слегка запахло паленой шерстью и горелым мясом.

— Бежим отсюда! — с трудом дыша проговорил Брайс и вскочил на ноги. — Идут! Они найдут нас по запаху...

— К этому я подготовился, — возразил Флэндри, на мгновение оскалив в усмешке зубы, и пока Брайс поднимал с земли Темулака, достал из куртки плоскую литровую флягу, отвернул крышку и обрызгал все вокруг бензином.

— Если они вообще что-нибудь будут в состоянии унюхать, я сдаюсь. Идем.

Брайс шел впереди, указывая дорогу: по проулку на соседнюю улицу, пересекли страшный открытый участок, перебегая на другую сторону улицы, переправили ардазирца через ограду сада. Любая частная машина с людьми, появившаяся после наступления темноты, подвергалась обстрелу с воздуха, но до явочной квартиры было недалеко. «Даже слишком близко», — подумал Флэндри. Но если разобраться, у кого на Виксене может быть опыт в проведении таких операций? Кит отыскала в Гарте этих своих друзей, тех самых, что тайком отправили ее на Терру, и они прямоком привели Флэндри в свою до боли крошечную организацию. Да, это позволило ускорить ход вещей, а вот предположим, что ардазирхо подослали своего человека? Или... Просто не пришло еще то время, когда будут ардазирхо допрашивать людей с пристрастием, вводить наркотики, и вот тогда потребуются создавать ячейки и конспиративные квартиры, менять пароли, подземные убежища, или все это подполье накроют.

Флэндри проковылял по размокшей клумбе, помог Брайсу занести Темулака в буреубежище, каковое обязательно имелось в каждом гартском доме. Из убежища был прокопан туннель, но по крайней мере вход в него был хорошо замаскирован. Они на ощупь добрались до другого конца туннеля, выходявшего под домом, адрес которого им никогда не скажут.

Когда открылась дверь, Юдифь Херст даже взвизгнула: в тусклом свете вырисовалась тяжелая туша Брайса с обмякшим Темулаком на руках. Следом вошел Флэндри, на ходу стягивая с себя плащ и облегченно посвистывая.

— Ой, — затаила дыхание Юдифь. — Поймали!

Брайс окинул взглядом собравшихся. В свете единственной лампы дневного света стояло около дюжины человек с напряженными смуглыми лицами. Отбрасываемые ими чудовищные тени легли по углам и на ставни. На ремнях у них поблескивали ножи и запретные пистолеты. Сидела только Кит, ссутулившаяся в отупляющей тоске, оглушенная реакцией на стимулол.

— С грехом пополам, будь он проклят, — проворчал Брайс. — Не будь капитана, ничего бы не вышло. Сэр Доминик, я хочу попросить у вас прощения за те мысли, которые возникали у меня в последнее время, — о Терре.

— И я тоже, — выступила вперед Юдифь и взяла руки флотского капитана в свои. Она была одной из немногих женщин, посвятивших себя подпольной работе, и Флэндри подумал, какое преступление подвергать риску быть застреленной такую красавицу. Высокая, с золотисто-каштановыми волосами и белой как снег кожей, карие глаза с поволокой на полном лице, пухлые губы, тело плотно обтягивают шорты и короткое «болеро». — Я уж и не надеялась увидеть вас, — сказала она. — А вы вернулись,

действительно добившись успеха, первого нашего успеха в этой войне.

— Пивом голову не обманешь, — предупредил Флэндри и отвесил ей самый светский из своих поклонов. — Кстати, раз уж речь зашла об этом, я бы принял чего-нибудь на душу, а лучшего виночерпия и вообразить трудно. Но сначала давайте займемся братцем Темулаком. Сюда, что ли?

Когда он проходил мимо Кит, она подняла на него свой измученный взгляд, по ее щекам текли слезы.

— Ой, Доминик, ты живой, — прошептала она. — Остальное пустяки. — Она встала на непослушные ноги, а он улыбнулся ей с озабоченным видом и прошел мимо — его голова была занята вопросами технического характера.

Будь у него соответствующая биопсихологическая лаборатория, он бы установил, как с помощью препаратов и электроники вытянуть из Темулака правдивые показания, а пока не имелось даже достаточной информации об этом виде существ. Так что ему придется полагаться только на определенные, широко применяемые, если не универсальные, законы психологии. По его указаниям в боковой комнатке поставили удобную койку. Он раздел Темулака и привязал его к кровати накрепко, но мягкими веревками, чтобы не повредить кожу. Пленник зашевелился. Когда Флэндри закончил работу, Темулак, накрепко привязанный к койке, лежал, открыв глаза и скаля белые зубы, а из его глотки слышалось глухое рычание.

— Получше стало? — сладким голосом спросил человек.

— Еще лучше будет, когда мы выволочем тебя на улицу, — ардазирец говорил на англике с сильным акцентом, но бегло, и в голосе звучали стальные нотки надменности.

— Дрожь берет. — Флэндри прикурив сigaretу. — Так вот, приятель, если ты соизволишь сейчас ответить на несколько вопросов, это избавит тебя от многих неприятностей. Я так полагаю, что, раз ты остался жив, у тебя из памяти стерты данные о координатах твоего родного светила, но у тебя есть ключик к разгадке. — Он в задумчивости выпустил дым колечками. — И, конечно же, есть и такое, что ты знаешь наверняка по самой своей должности. И самое разное, сердечный, а я, со своей стороны, страшно хочу все это узнать. — Он прищелкнул языком. — Только не пойми меня буквально. Если кому и будет страшно, так это тебе.

Темулак напрягся:

— Если ты думаешь, что я заплачу за свою жизнь предательством орбеха...

— Ясно дело.

Рыжая шерсть встала дыбом, Темулак прорычал:

— Нет такой боли, которая заставит меня сделать это. И я не верю, что ты разбираешься настолько хорошо в психофизиологии моего народа, чтобы полностью меня перепрограммировать.

— Нет, не разбираюсь, — признался Флэндри. — Пока еще не разбираюсь. Да и в любом случае у меня на это нет времени, а пытки такие изматывающие... И все равно они не дают никакой гарантии, что если ты заговоришь, то не будешь влиять. Нет, мой друг, ты сам очень скоро захочешь излиться мне. Как только тебе все осточертеет, просто позови меня, и я приду тебя выслушать.

Он кивнул доктору Рейнеке. Врач подкатил оборудование, позаимствованное по просьбе Флэндри из Центральной больницы Гарта. На голову Темулаку натянули капюшон, чтобы не мог ничего видеть, уши залепили воском, чтобы не мог ничего слышать, в нос вставили затычки, одна установка внутривенно подавала питание, а другая удаляла шлаки. И ушли, оставив его лежать неподвижно в полнейшей темноте, чуть ли не могильной, если бы не мягкое прикосновение пут и постели. Никаких ощущений извне. Боли никакой, никакой постоянно давящей боли, но мозг не может жить в такой изоляции. Когда не с чем сопоставить, он быстро теряет всякое ощущение времени, и час кажется днем, потом недельей, а то и годом. Пропадает ощущение пространства и вещественной действительности. Приходят галлюцинации, и воля сдает. Особенно это действенно, когда жертва находится среди врагов, в любой момент ожидая удара хлыстом или ножом, которые в его собственной кровожадной культуре непременно были бы пущены в ход.

Флэндри закрыл за собой дверь.

— Следите за ним, — сказал он. — Как запросит пощады, дайте мне знать. — Он снял с себя куртку. — Найдется что-нибудь сухое?

Юдифь оценивающе посмотрела на его торс.

— Я-то думала, что все терране хлипкие, сэр Доминик, — промурлыкала она. — Но и тут я ошиблась.

Он окинул ее взглядом.

— А вы, моя дорогая, во всей полноте подтверждаете, что к виксенитам это вообще не относится, — устремил он на нее платонический взор.

Она взяла его под руку:

— А что вы собираетесь делать дальше?

— Разобраться, что к чему. Приглядеться. Устроить из этой партизанщины что-то дельное. Много чему вас надо научить. Вот, скажем, когда нет других развлечений, можно на полдня остановить работу военного завода анонимным звонком о том, что на заводе установлена бомба и лучше всего эвакуировать всех работников. Да и вообще всю планету надо организовать. Не знаю,

сколько дней мне на это отпущено, но работы здесь хватит на целый год. — Флэндри сладко потянулся. — А если о том, что делать прямо сейчас, то мне хочется попить того, о чем я уже говорил.

— Прошу, сэр, — Брайс протянул ему бутыль.

Юдифь бросила на него сердитый взгляд.

— А кроме этого пойла тебе нечего предложить капитану? — вскричала она, ее волосы сверкнули желтым пламенем, улетаая за спину, и она снова улыбнулась Флэндри. — Я знаю, вы решите, что я ужасная нахалка, но у меня дома есть две бутылки настоящего бургундского. Всего несколько кварталов отсюда, и я знаю, как совершенно безопасно пройти.

«Ух ты!» — Флэндри мысленно облизнулся в предвкушении и сказал:

— С большой охотой.

— Я бы всех пригласила, — любезно сказала Юдифь, — но на всех не хватит, а сэру Доминику это надо как никому другому. Я так думаю, для него ничего не жалко. Вообще ничего.

— Договорились, — сказал Флэндри, пожелал всем спокойной ночи и ушел с Юдифь.

Какое-то время Кит смотрела им вслед, а закрывая за собой дверь, Флэндри услышал, как она разрыдалась.

11

Три оборота вокруг светила продолжительностью по двадцать два часа совершил Висксен, четвертый делал, когда пришло сообщение о том, что Темулак сломался. Флэндри присвистнул:

— Давно пора! Если они все такие крепкие, как этот...

— Дорогой, прямо сейчас идти надо? — прошептала прильнувшая к нему Юдифь. — Ты все где-то пропадаешь, бегаешь, высматриваешь, а они так и шныряют по улицам, ищут, кто же напал на ту команду. Я так боюсь за тебя.

Но в ее взгляде скорее сквозил зов, чем тревога. Флэндри рассеянно поцеловал ее.

— Мы патриоты душой и телом и тому подобный вздор, — сказал он. — Я не смог, дорогая, всецело отдаться любви и т. п. и т. п. А теперь я пошел. Надо. — И, не дав ей и рта раскрыть, вышел.

Путь от дома Юдифь к дому подпольщиков шел главным образом по садам, но надо было пройти немного и по оживленной улице. Флэндри, засунув руки в карманы, неспешно профлажировал по ней под шелест пальм, как человек, заботами не обремененный и никуда не спешащий. Вокруг шли пешком. ехали в машинах покорные, подавленные люди, уже испытывавшие голод и пообносившиеся. Разок с грохотом промчалась мимо

группа ардазирхо на одноколесных мопедах, острыми красными мордами разрезая воздух и оставляя в кильватере пропитанную страхом тишину. Огромное и ослепительное зимнее солнце низко стояло в белесом небе, по которому торопливо бежали предвешавшие бурю тучи.

Спустившись в подземелье, Флэндри застал там только Эмила Брайса и Кит Киттридж. Охотник сидел у дверей комнатки на страже. Из-за закрытой двери неслись завывания и всхлипы.

— Он что-то там бормочет, что хочет поговорить, — сказал Брайс. — Но разве можно верить тому, что он скажет?

— Допрос — тоже наука, — ответил Флэндри. — Если Темулака, как и человека, вполне можно сломать изоляцией, то, значит, когда я начну забрасывать его вопросами, он не сможет достаточно быстро врать без сбоев. Вы достали магнитофончик, о котором я просил?

— Вот он, — Кит взяла аппарат в руки. В этом полумраке она выглядела такой маленькой и всеми покинутой, глаза у нее были красные от бессонницы. С магнитофоном в руках она пошла к Флэндри, и он сделал несколько шагов ей навстречу. Встав на цыпочки, она прижалась к нему и прошептала: — Что ты будешь делать теперь?

Флэндри взгляделся в ее лицо. Ему казалось, он хорошенько узнал ее за время полета, но то было совсем в других обстоятельствах. И насколько может вообще один человек узнать другого даже с помощью этой хитромудрой психологии? После захвата ардазирца он виделся с нею только раз, когда заходил ненадолго в это подземелье. Им довелось остаться ненадолго вдвоем, но ни о чем личном разговора не было. Некогда было. Он видел, что она вся дрожит.

— Поиграю в викторину с братцем Темулаком, — ответил он Кит. — А потом я бы не прочь немного подкрепиться и выпить чего-нибудь покрепче.

— С Юдифь Херст? — Его поразило, сколько свирепой злости было в ее голосе.

— Там видно будет, — беспечно ответил он.

— Доминик. — Она потерянно обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, а ее ищущий его взгляда взгляд затуманился. — Не надо. Прошу, не заставляй меня делать то... чего я не хочу делать...

— Посмотрим, — и он пошел к боковой комнатке. Кит заплакала, на этот раз от безнадежного отчаяния.

— Да что здесь происходит? — спросил, встав с места, Брайс.

— Она переутомилась. — Флэндри открыл дверь.

— Хуже того. — Охотник переводил взгляд с Флэндри на девушку, с девушки на Флэндри. Негодование слышалось в его ворчании. — Может, это совсем не мое дело...

— Не твое. — Флэндри вошел в комнатку, прикрыл за собой дверь.

Темулак лежал на койке, содрогаясь всем телом и тяжело дыша. Флэндри включил магнитофон и извлек затычки из ушей ардазирца.

— Ты хотел поговорить со мной, — мягко начал он.

— Отпустите меня, — завизжал Темулак. — Отпустите, вам говорю! Замара шаммиш ни улан! — Он раскрыл пасть и завыл. Вой был настолько схож со звериным, что у Флэндри холодок пробежал по спине.

— Посмотрим, как ты будешь сотрудничать с нами. — Человек сел.

— И не подумаю... Серые люди... Серые душонки... — захныкал Темулак, и из его оскаленной пасти закапала слюна.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Флэндри. — Приятных сновидений.

— Нет! Дайте мне возможность видеть! Нюхать! Я буду... замара, замара...

Флэндри приступил к допросу.

Допрос тянулся долго. Главное было долбить ардазирца безостановочно — задать вопрос, добиться ответа, выпалить следующий вопрос, ухватиться за малейшее противоречие в показаниях, и все время бить, бить, бить без передышки даже на мгновение, чтобы жертва не успела подумать. Напарника не было, и Флэндри скоро бы выдохся, но держался на сигаретах и нервах. После первого часа допроса он потерял счет времени.

Под конец, когда запас пленки, он немного расслабился. Воздух был почти осязаем от висевшего в нем дыма. Одежда липла к покрытому испариной телу. Он прикурил еще одну сигарету и заметил отстраненно, словно и не о нем самом речь, что руки у него дрожат. А Темулак скулил и дергался, чуть не сходя с ума от психического истощения.

«Пока что складывается только схема», — подумал Флэндри с какой-то скукой, словно это его вообще не касалось. Сколько можно рассказать за один вечер о целом мире во всем его многообразии, обо всем множестве народов и истории каждого из них? Много ли мы на самом деле знаем сегодня о Терре? И все же на пленке содержится информация, стоящая всех боевых кораблей.

Есть где-то солнце, которое даже ярче, чем Черулия, и есть у этого солнца планета, которую самый многочисленный на ней народ называет Ардазир. (Как «народ» звучало слово «орбех» в переводе на англик, но у Флэндри сложилось впечатление, что «союз кланов» или «совокупность стай» являются более точными толкованиями этого слова. Затем, лет пятнадцать назад по земному летоисчислению, гравитационные установки, двигатели, обес-

печивающие сверхсветовую псевдоскорость, все научно-технические достижения современной Галактики посыпались, как из рога изобилия, на Ардазир. Военачальники (вожди, лидеры, предводители стаи?) Урдаху, основного орбеа, немедленно воспользовались всем этим, чтобы покорить себе весь Ардазир, а затем обратили свои взоры на другие планеты. Их охотники отправились за добычей и в дюжину отсталых солнечных систем, грабя и закабалая их. Вслед за ними последовали и инженеры для подготовки этих планет к последующим войнам.

И вот теперь началось вторжение в Империю людей. Правители Урдаху заверили идущие за ними народы, что у Ардазира есть союзники, могущественные обитатели миров, что никогда в жизни ардазирхо не следует бояться, что на них нападут, а так как этим чужакам давно надоело человечество, то в Ардазире они нашли орудие для сокрушения Терранской Империи и замены ее другой империей... Но Темулак сам никогда в этот вопрос не вдавался, так как это его не очень-то занимало. Похоже, ардазирхо по природе своей куда большие фаталисты, чем люди, и в то же время они почти лишены любознательности. Если обстоятельства дают шанс на приключение, славу и богатство — с них этого достаточно. О предосторожностях пусть думают мудрые старые самки орбеа.

Флэндри курил в тягучей тишине. Если за Ардазиром действительно стоит Имир, то для Имира вполне естественным было бы и временное взаимодействие с Мерсейей, с тем чтобы Терра столкнулась сразу с двумя кризисами — в Сираксе и на Висксене. Может быть, следующей в имирском списке стоит Мерсейя, а потом вряд ли возникнут какие-нибудь трудности в деле сокрушения Ардазира.

Но какой зуб может иметь Имир на кислорододышащих или даже на одну только Терру? Бывает, случаются кое-какие трения, что ж, это неизбежно, но ничего серьезного, сами чудовища тузят друг друга посерьезнее, чем... И все же Хоркс сделал все возможное, чтобы погубить меня. Почему? Чем его можно купить? Что материального есть на планетах земного типа, что не развалилось бы у него в руках на его Юпитере? Какие могут быть у него к тому причины, если не считать, что он получил приказ от своего правителя, проводящего замешанную на самом Имире политику?

Флэндри сжал руку в кулак. На этот вопрос был у него ответ, но не такой, который полностью удовлетворил бы его без дальнейших доказательств. Он снова обратил свои мысли к вопросам технического порядка. В основном на пленке записаны такие частности, как количество кораблей и войск ардазирхо в этой солнечной системе, опознавательные сигналы «свой-чужой», расположение военных укреплений на Висксене, таких, как форты, и

особенно крупный штаб в пещерах, о населении и природных ресурсах Ардазира, его промышленности, армии и военном флоте... Темулаку были известны немногие государственные тайны, но и того, что он знал, хватало для того, чтобы у Флэндри мурашки пробегали по коже. Два миллиона, или около того, воинов оккупировали Виксен, сто миллионов еще сидели дома или на уже завоеванных планетах, на которых стремительно накапливалась военная техника. Всем офицерам сообщили, что имеется множество других уязвимых форпостов Терранской Империи, заселенных людьми, или родственных планет союзных Терре видов... Ардазир явно планирует ударить где-нибудь еще в сфере Империи — и скоро. Еще пара таких ударов, и Имперский флот вынужден будет уступить Сиракс Мерсейе, лечь на обратный курс и защищать родную планету. И тут...

«Неверно это, будто армией движет желудок, — подумал Флэндри. — Не меньше чем пропитание ей нужна информация. Армией движет голова. Вот почему в Верховном командовании Империи так много тупых».

Он шелкнул языком. Шуточка так себе, да от нее словно сил прибавилось. А силы ему еще понадобятся.

— Так дадите вы мне смотреть? — спросил Темулак тонким, ломким голосом.

— Больше не буду лишать тебя удовольствия любоваться моей красотой, — сказал Флэндри, стаскивая капюшон с гривастой головы и вытаскивая восковые затычки из ноздрей. Темулак с изумлением шурился, всматриваясь в дымовую завесу при зыбком свете единственной лампочки. Флэндри отсоединил установки, поддерживавшие в инопланетянине жизнь. — Останешься, конечно же, погостить у нас, — сказал он. — Но если будешь влиять, снова отправлю в темную.

Темулак ошетинился и шелкнул зубами в сантиметре от локтя человека.

— Гадкий мальчишка! — Флэндри отступил на шаг. — За это останешься привязанным.

Темулак прорычал с койки:

— Ты, серокожий, червяк голый, не думай, что твои валкузские штучки спасут тебя от Черного народа. Да я сам тебе глотку порву, твоими собственными кишками задушу!

— И не дашь мне заплатить по должку. — Флэндри вышел и закрыл за собой дверь.

Успевшие вздремнуть сидя, Брайс и Кит вздрогнули. Охотник протер глаза.

— Вселенский Боже, что-то долго ты с ним занимался! — воскликнул он.

— Вот, держи. — Флэндри сунул ему в руки бобину с записью. — Надо, чтобы это попало на корабли адмирала Уолтона. Здесь то, что нужно, а может, и просто достаточно для вашего освобождения. Можно будет сделать?

— Радиограмму противник перехватит, — с сомнением в голосе проговорил Брайс. — Есть еще у нас — припрятаны — несколько космических кораблей, но самым быстроходным был корабль Кит. А ведь с тех пор волчье такую плотную охрану установило, что не продохнуть.

— Этого-то я и боялся, — вздохнул Флэндри и набросал что-то на листке бумаги. — Вот примерный план того места, где находится мой корабль. Знаешь такую песенку? — Он насвистел мелодию. — Не знаешь? Лишнее доказательство того, что мозги у тебя не засорены. Так вот, выучи ее. — Он вновь и вновь заставлял виксенита насвистывать мелодию, пока не остался доволен. — Хорошо. Когда будешь подходить к кораблю, насвистывай ее, и тогда Чайвз не подстрелит тебя, предварительно не разобравшись, что к чему. Передашь ему эту записку. В ней сказано, чтобы он доставил запись Уолтону. Если кто-то и может прорваться через блокаду, не слоупотав себе ракету, так это Чайвз на «Хулигане».

Кит не смогла подавить изумления:

— Но тогда, Доминик, все пропало...

Флэндри пожал плечами:

— Я так устал, что не могу думать ни о чем другом, кроме мягкой постели.

Брайс, засовывая бобину под куртку, ухмыльнулся:

— Чей?

Кит напряженно застыла.

— Такие вот дела, — слегка кивнул ей головой Флэндри и взглянул на свой хронометр. — По местному времени скоро полночь. Давай, Брайс, приятель, трогай, да загляни по дороге к доктору Рейнеке и передай ему, чтобы он убрал отсюда аппаратуру и пленника перевел бы куда-нибудь в другое место. Когда тебя ищут, лучше всего быть в движении. И никто, кроме этого клистирищика и кто там еще будет ему помогать, не должен знать, где они будут держать Темулака. Все ясно?

— Доминик... — Кит с такой силой сжала кулачки, что даже костяшки пальцев побелели. Она уставилась в пол, и ему видны были только ее короткие яркие волосы.

Он сказал мягко, тихо и нежно:

— Девочка моя, мне надо поспать, или я сломаюсь. Встретимся завтра в полдень у фонтана «Ракета». Я так думаю, что нам надо обсудить кое-что, касающееся только нас двоих.

Она повернулась и убежала наверх.

И Флэндри ушел оттуда. На ночном небе мерцали первые блески зари, и ему казалось, будто он слышит ее ионный свист в молчании затемненного города. Разок он залез на крышу переждать, пока проедет ардазирский патруль. В темноте тускло мерцали синевой их доспехи и зубы.

Его приветливо встретила Юдифь:

— Я так волновалась, дорогой...

Он оценил ее заботу. Он устал донельзя, а она накрыла на стол, подав поздний ужин с вином и холодной дичью — знала, что он любит. При свечах ее волосы отливали золотом, и Флэндри решил — будь он проклят, этот сон, может, завтра он устанет навеки.

Под утро он вздремнул несколько часиков и из дому вышел незадолго до полудня. Когда-то площадь Исследователей была оживленным местечком, в раскинувшихся вокруг нее садиках сидели за чашечкой кофе отдыхающие, слушая, как звучат под ветром арфовые деревья, и наблюдая, как течет жизнь. Сейчас здесь было пустынно. У ракеты, в виде которой был сделан фонтан, еще вылетали из сопел разноцветные холодные струи огня, но они казались поблекшими под унылым зимним небом.

Флэндри достал сигарету, присел на краешек фонтана и стал ждать. На его склоненное лицо упали предвешавшие скорый дождь капли.

Накрываясь на повороте, с соседней улицы вылетел военный грузовик. Трое ардазирцев выскочили из кабины, и с ними была Кит. Она указала на Флэндри. Но в этот момент над головой сверкнула молния и внезапный гром заглушил ее слова, но звучал голос мстительно.

— Человек, стоять!

Должно быть, каждый из этой троицы знал на англике лишь одну эту фразу. Они пролаяли ее еще раз, когда Флэндри, спрыгнув с фонтана, метнулся в сторону и побежал по площади, петляя.

Но выстрелов не последовало. Один из ардазирхо радостно взвизгнул и открыл дверцу кузова. Зашелкали кожистые крылья. Флэндри оглянулся. Десятка два тварей со змеиными телами взметнулись над грузовиком, но, завидев его, со свистом взметнулись вниз.

Флэндри побежал. Сердце бешено колотилось от дикого, инстинктивного, не подвластного разуму ужаса. Летучие змеи настигли его. Он слышал, как они шелкают зубами у него над головой. Гибкое, узкое тело обвилось вокруг его правой руки. Обезумев, он неистово взмахнул рукой вверх, но тварь обхватила его руку своими крыльями, ногти впились ему в плоть, а вся стая кружила вокруг него и стегала его своими хвостами.

Он снова бросился бежать. За ним неслись длинными скачками три ардазирца намного быстрее, чем бегают люди. Они завывали на бегу, и в их вое слышался смех. Улица была пустынная, и топот ног гулко разносился по ней. Смотрели, ничего не видя, закрытые ставнями окна. Двери были закрыты и заперты.

Флэндри остановился, развернулся навстречу преследователям. Так как правой рукой действовать он не мог, то левой рукой достал из-под куртки игломет, нацелился на ближайшего к нему смеющегося красноволосого дьявола, но тут летучая змея бросилась на ту руку, в которой он держал пистолет, и натренированным ударом долбанула его по пальцам. Флэндри выпустил оружие из рук, схватил змею — свернуть шею хоть одной из этих проклятых тварей!..

Но она вывернулась, корчась от боли, высвободилась, оскалилась своей змеиной пастью. Тут его и настигли ардазирхо.

12

Большую часть года Северное полушарие Висксена представляло собой пустыню, болото или, когда пробуждалась к быстротечной жизни растительность и из нор после спячки вылезала разная живность, прерию. В Арктике еще вместе с долгой, на всю зиму, ночью ложился снег, но к лету снега таяли, превращаясь в бурные реки, реки разливались озерами, которые в свою очередь пересыхали. На экваторе и к югу от него в это время бушевали шторма, в более умеренных районах шли дожди, а север, если не считать нескольких небольших морей, ютящихся среди полого спускающихся к ним солончаков, изнывал от палящего зноя. Полыхали по просторам пожары, и за несколько огненных дней прерия снова превращалась в пустыню. Из-за таких эрозийных условий тут не было гор, и полушарие представляло собой почти плоскую равнину, над которой обжигающий ветер взметал пыль и пепел. Кое-где вздымались выглаженные кряжи да безжизненные холмы, стояли выветренные перекрученные утесы и огромными шрамами зияли размытые паводковыми водами овраги.

Как раз в таком районе, чуть южнее Северного полярного круга ардазирхо устроили свой штаб. Тысячи грозящих неминуемой гибелью километров защищали их от наземных нападений людей, а изрезанный ландшафт скрывал и защищал от нападений космических кораблей. Не то чтобы так уж они пытались спрятаться, да это и невозможно было сделать, свою цитадель, но она уходила в такие глубины кряжа, что ее как бы и не существовало в качестве видимой цели для атаки.

Время от времени Флэндри видел то космический корабль, дерзко торчащий на открытой местности, то ракетные позиции, то станцию обнаружения или наблюдательную вышку, черным

силуэтом вырисовывающуюся на фоне ослепительного неба. Наружные стены цитадели змеились по паводковым расселинам и обнаженным склонам кряжей, и их мерили своими шагами ардазирские часовые, не обращая внимания ни на адское сине-белое светило, изливающее на них потоки излучения, ни на иссушающее все живое пекло. Но основная часть цитадели находилась под землей, где по длинным сводчатым туннелям, от пещеры к пещере разносилось эхо от топота сапог и криков. Строительство велось привычным для проходческих работ способом: обильное применение атомной энергии, чтобы расплавить породы и придать объекту задуманные формы, а затем быстрая установка необходимых механизмов с помощью роботов. А вот построено все было в более грубой манере, с обилием полукруглых сводов, открытым чужому глазу — не так, как это понравилось бы людям или мерсейцам, поскольку предки ардазирхо жили кучно в пещерах, а на охоту ходили стаей.

Флэндри втокнули в маленькую, оборудованную под лабораторию комнатку, два воина пристегнули его к стулу, а сидевший лаборант начал готовить инструмент.

В последующие день-два Флэндри не раз приходилось вопить, и с этим он ничего не мог поделать — иначе электронное обучение не шло бы так быстро. Наконец, ослабевший и трясущийся, он научился рычать на урдаху. Однако, подумал он, ардазирхо прекрасно осведомлены. Они разобрались в нервной системе человека настолько хорошо, что могли наложить новую языковую систему за считанные часы, не нанося вреда психическому здоровью обладателя этой нервной системы.

Почти никакого.

Флэндри повели по бесконечным гулким залам, флюоресцентное голубоватое сияние в которых резало глаза, и ему всю дорогу приходилось шуриться. Но и в таких условиях он наблюдал за тем, что происходит вокруг. Вот на бешеной скорости промчался груженный боеприпасами грузовик, за рулем которого сидел военный и во всю глотку крыл пешеходов. Вот комната, битком набитая голыми красношерстными тварями, которые лежали, раскинув руки и ноги, рыча друг на друга и огрызаясь. Вот играют в кости, бросая четырехгранный кубик, ставя на кон свое служение в рабстве в течение года. Вот проходит состязание в борьбе, причем в ход идут и зубы, и когти. Вот проверяют друг у друга нервы, становясь по одному к стене, а остальные мечут топорики. Вот что-то вроде церквушки, в которой какой-то скрючившийся ардазирец катался по колючим веткам перед большим горящим колесом. А вот, должно быть, что-то вроде столовой, воины лежат вповалку на меховых ковриках и, не разжевывая, глотают куски

сырого мяса и подвывают хором танцору, отплясывающему на чудовищных размеров кожаном барабане.

Наконец человека привели к какому-то кабинету, искусственной пещере с толстым слоем соломы на полу, сумеречными тенями по углам и тонкой струйкой воды, сбегавшей по желобку в стене. На ворсистом помосте, упершись в него локтями так, чтобы голова была на уровне наклонной столешницы, растянулся крупный ардазирец. На нем была только плетеная кожаная рубашка да кривой нож и весьма современный бластер. Еще были в кабинете телескран и коммутатор — тоже новые. Доставившие Флэндри охранники в его присутствии прижимали руки к своим черным носам.

— Идите, — сказал он им на урдаху, — и подождите в коридоре. — Охрана повиновалась, а он крикнул Флэндри: — Если хотите, садитесь.

Человек сел. Он был еще слаб после всех испытаний, грязен, голоден и оборван. Машинально он пригладил волосы и мысленно поблагодарил человеческую леность: на обработанных специальным ферментом щеках борода еще долго не будет расти. Моральный фактор был для него весьма существенным.

Его больные мускулы напряглись — дело снова завертелось.

— Я — Свантозик из Джанир Йа. — Голос грубый. — Мне доложили, что вы — капитан Доминик Флэндри из флотской разведки терран. Можете считать, что по положению мы на равных.

— Как коллега коллеге, — прохрипел Флэндри, — не дадите мне попить?

— К вашим услугам. — Свантозик показал на артезианский ручеек. Флэндри бросил на него укоризненный взгляд, но ему надо было добиться еще кое-чего.

— Если бы вы снабдили меня темными очками и сигаретами, это было бы благодеянием, заслуживающим моей благодарности. — В силу необходимости слово «сигареты» было произнесено на англиче. Ему удалось выдавить из себя улыбку. — А попозже я вам расскажу и о других проявлениях вежливости, которые должны стать нормой.

Свантозик затыкал — так он смеялся.

— Так я и думал, что у вас будут болеть глаза. Вот. — Он полез в стол и выложил пару зеленых поляризованных защитных очков, несомненно взятых с какого-нибудь убитого виксенита. Флэндри надел их и присвистнул с облегчением. — А курить запрещено, — добавил Свантозик. — Только виды с притупленным обонянием способны переносить его.

— Ничего не поделаешь. Да я без злого умысла спросил. — Флэндри обхватил руками колени и прислонился к стене пещеры.

— Пустяки. А теперь я хотел бы поздравить вас с вашими дерзкими подвигами. — Улыбка у Свантозика была жутковатая, но казалась дружественной. — Мы искали ваш корабль, но он, должно быть, успел покинуть планету.

— Спасибо за известие, — вполне искренне сказал Флэндри. — А то я боялся, что вы успеете добраться до него и уничтожить. — Он вскинул голову. — А за это... Послушайте меня, друг (буквально: припавший рядом со мной в засаде), когда имеете дело с людьми, то их лучше обескураживать. Вам бы следовало заявить, что вам удалось захватить мой корабль прежде, чем он успел улететь, а в случае необходимости даже состряпать что-нибудь в доказательство, чтобы я поверил. Это бы скорее склонило меня подчиниться вашей воле.

— В самом деле? — наострил уши Свантозик. — А вот у Черного народа эффект был бы совершенно противоположным. Добрая весть заставляет нас расслабиться, испытывать благодарность и расположение к вестнику. От дурной вести растет дух противоречия.

— Ну конечно, не все так просто, — сказал Флэндри. — Обычно, чтобы сломить сопротивление человека, надо помучить его как следует, потом перестать мучить и заговорить с ним по-хорошему, а еще лучше подпустить для этого кого-нибудь другого.

— Даже так, — Свантозик прикрыл свои холодные глаза. — А разумно ли с вашей стороны рассказывать все это мне, если это действительно правда?

— Это прописная истина, — ответил Флэндри, — и будьте уверены, тот, кто наставлял вас в делах Терранской Империи, подтвердит это. Никаких секретов я не раскрываю. А как вы и сами, должно быть, знаете, прописи в жизни не помогут. Есть своя тонкость в обращении с каждым человеком, и тут ничто не поможет, кроме собственной интуиции, основанной на богатом личном опыте. У вас же, поскольку вы не человек, никогда такого опыта общения с людьми не будет.

— Верно, — согласился он, кивнув вытянутой мордой. — Я и правда вспоминаю, что читал что-то об этой черте людей, о которой вы сказали... Но перед началом Великой Охоты, которую мы сейчас ведем, столько всего надо было переварить, что эта информация как-то ускользнула у меня из памяти. Итак, вы выговариваете мне за то, что я мог использовать, словно я на вашей стороне! — И в косматой глотке что-то глухо заскрежетало подобием смешка. — Нравится вы мне, капитан, поглоти меня Небесная Пещера, если не так.

Флэндри улыбнулся в ответ:

— Вот тогда бы повеселились. А каковы ваши намерения относительно меня сейчас?

— Узнать по возможности всего побольше. Скажем, были ли вы замешаны в убийстве четырех наших воинов и похищении пятого в Гарте. Не так давно. Как только мы начинаем тщательно расспрашивать того, кто навел нас на вас, то сразу же начинаются истерики — настоящие или мнимые. До сих пор... Поскольку похищенный ардазирец был Вожаком стаи, а потому располагал ценной информацией, подозреваю, что и вы в этом приняли участие.

— Клянусь на «Золотом осле» Апулея, что нет.

— А что это такое?

— Одна из наших самых почитаемых книг.

— «Одни лишь духи ночью рышут», — процитировал Свантозик. — Другими словами, клятвам — грош цена. Лично мне не хочется ни с того ни с сего причинять вам боль, поскольку я почему-то скептически отношусь к пользе пыток, знаю, что офицерам вашего ранга прививается иммунитет против так называемой «сыворотки правды», а потому необходимо будет производить перепрограммирование, а это длительный и утомительный процесс, к тому времени как захочешь говорить, в ответах уже не будет требуемой новизны, а потому уже больше никакой ценности не будешь представлять ни для нас, ни для самого себя. — Он пожал плечами. — Но я скоро собираюсь вернуться на Ардазир отчитаться и получить новое назначение, и я знаю, кого назначат на мое место — офицера, которому не терпится испытать некоторые методики, которые, как нам сообщили, весьма эффективны в отношении терран. Так что я бы посоветовал вам сотрудничать со мной.

«Он, должно быть, один из высокопоставленных оперативников, — подумал Флэндри, похолодев. — Он руководит всей разведывательной работой на Виксене. Теперь, когда Виксен прибран к рукам, его пошлют заниматься тем же самым при нападении на следующую планету Терранской Империи. И это случится скоро!»

Флэндри ссутулился.

— Договорились, — сказал он понуро. — Я брал Темулака.

— Ха! — Свантозик припал на все четыре конечности на своем помосте. Шерсть вдоль хребта встала дыбом, его стального цвета глаза загорелись. — Где он сейчас?

— Не знаю. В качестве меры предосторожности я распорядился перевести его куда-нибудь и не спрашивал, где это.

— Умно. — Свантозик расслабился. — Что вы вытянули из него?

— Ничего. Он не раскололся.

— Сомневаюсь в этом, — сказал Свантозик, глядя на Флэндри в упор. — Не потому, что я плохого мнения о Темулаке — нет, он смелый, — а потому, что вы не рядовой представитель цивилиза-

ции, которая старше и опытнее нашей. Было бы странно, если бы вы не...

Флэндри распрямился, хриплым лаем из него вырвался смешок.

— Не рядовой? — горько воскликнул он. — Это уж точно... Дать себя поймать как щенка!

— И на ровном месте спотыкаются, — пробормотал Свантозик, а затем, немного подумав, спросил: — А почему женщина предала вас? Пришла к нам в штаб, заявила, что вы агент терран, и привела наших воинов на назначенное место встречи. Чего она хотела этим добиться?

— Не знаю, — тяжело вздохнул Флэндри. — А какая разница? Вы же знаете — теперь она целиком и полностью ваша. Сам факт, что она однажды сработала на вас, дает вам власть заставить ее сделать это и еще раз, а иначе вы изобличите ее перед ее же собственным народом. — Свантозик кивнул, оскалив зубы. — Так что, какое дело до тех мотивов, которые толкнули ее на это? — Человек прислонился к стене, ломая в пальцах соломинки.

— Просто интересно, — ответил Свантозик. — Может, сработает снова, с другими людьми.

— Нет, не сработает. — Флэндри сокрушенно покачал головой. — Здесь замешано личное. Я так думаю, что она решила, будто я предал ее первым. Зачем вам все это рассказывать?

— Мне говорили о том, что вы, терране, часто испытываете сильные чувства к лицам противоположного пола, — сказал Свантозик. — Мне говорили, что, случается, это приводит к совершению отчаянных, бессмысленных поступков.

Флэндри устало потер ладонью лоб.

— Забудем об этом, — пробормотал он. — Только будьте добры к ней. Это-то вы можете сделать?

— Вообще-то, да. — Свантозик замолчал и какое-то время сидел, уставившись в пустоту, а потом прошептал: — Грядущие планеты!

— Что вы сказали? — Флэндри даже не поднял глаз.

— Неважно, — поспешно проговорил Свантозик. — А я прав в своих предположениях, что вы, со своей стороны, питаете к ней ответное чувство?

— А это вас вообще не касается. — Флэндри выпрямился и слова эти просто прокричал. — Слышать об этом больше не желаю! Говорите о чем угодно, только не суйте свой мерзкий нос в мою жизнь!

— Значит, «да», — выдохнул Свантозик. — Что ж, давайте поговорим о другом.

Он с жаром поработал немного над Флэндри, но не с таким остервенением, какое выказал человек в отношении Темулака. Было в его манере ведения допроса даже что-то рыцарское: все

делалось с уважением, сочувствием, даже горькой симпатией к человеку, за душой которого он охотился. Пару раз Флэндри удавалось перевести разговор на другие темы — они слегка коснулись напитков и верховой езды, обменялись несколькими скабрезными анекдотами, схожими в обеих культурах.

И тем не менее Свантозик охотился, так что эти несколько часов дались нелегко.

Наконец Флэндри увели. Он был слишком измотан, чтобы многое примечать, но вели его, казалось, окольным путем, и под конец втолкнули в комнату, не очень отличавшуюся от кабинета Свантозика, вот разве что стояла в ней человеческая мебель и горело человеческое освещение. Дверь глухо захлопнулась за ним.

В комнате стояла Кит и выжидающе смотрела на него.

13

Сначала он подумал, что она вот-вот закричит, но девушка почти тут же закрыла глаза, затем снова их открыла, и они были сухие, словно выплакала она все свои слезы. Она шагнула ему навстречу.

— О Боже, Кит, — прохрипел он.

Она обвила его шею руками. Он прижал ее к себе, а взгляд его забегал по комнате, пока не остановился на маленьком, сделанном человеком ящике с несколькими клавишами, который он узнал. Он даже не удержался, чтобы не кивнуть головой, чуть-чуть, и неровно задышал, но все-таки полной уверенности у него не было.

— Доминик, дорогой... — губы Кит искали его губы.

Он шагнул к койке, сел на нее и закрыл лицо руками.

— Нет, — прошептал он, — больше я не выдержу.

Девушка села рядом, положила голову ему на плечо. Флэндри чувствовал, что она вся дрожит, но произнесенные ею слова прекрасно подчеркивали спад напряжения:

— Отличное устройство, Доминик, для подавления «жучков».

Ему хотелось откинуться на спину и изойти в ликующем крике. Ему хотелось стучать ногами, показывать «носики», ходить колесом по этой келье. Но он удержался, и только смешок сорвался с его губ, да и тот он тут же спрятал, прижавшись к ее щеке.

Он был почти уверен, что Свантозик обязательно установит электронное подслушивающее устройство. Разведчик, даже курсант, только тогда может расслабиться и говорить свободно, когда знает наверняка, что электронными или звуковыми средствами подавлена работа всякого рода подслушивающих устройств. Он, правда, подозревал, что скрытой камерой передается немое

изображение, так что говорить они могли спокойно, а вот пантомиму им все равно придется разыгрывать.

— Как все прошло, Кит? — спросил он. — Туго пришлось?

Она кивнула, но не разыгрывая из себя несчастную.

— Никаких имен давать не пришлось, — выдавила она из себя. — Пока что.

— Будем надеяться, что и не придется, — сказал Флэндри.

Тогда в убежище — сколько столетий прошло? — он сказал Кит: «Все это ерунда на постном масле. Я здесь делаю не более того, что сделал бы на моем месте любой опытный нелегал, а именно этим и будут заниматься люди Уолтона, как только их смогут забросить сюда. Есть у меня одна могучая идея. Очень даже может быть, что она нас погубит, а с другой стороны, можно будет нанести такой удар, что никакому флоту не под силу. Ну как, девочка, сыграем? Но такая игра грозит смертельной опасностью, или пытками, или пожизненным рабством на чужой планете. Однако хуже всего, что, не исключено, придется выдавать своих товарищей, называть врагу их имена, чтобы враг продолжал верить тебе. Хватит ли у тебя, Кит, мужества принести в жертву десятка два жизни ради всего мира? На мой взгляд, хватит, но... Такой жестокости я не могу требовать ни от одной живой души».

— Они привезли меня прямо сюда, — рассказывала Кит, так и не выпуская его из своих объятий. — Мне кажется, они сами толком не знают, что со мной делать. Несколько минут назад примчался как угорелый один из них, весь взмыленный такой, и приказал мне быть благосклонной к тебе. (Краска медленно залила ее лицо.) Если смогу — добиться от тебя сведений любыми способами, которые сочту возможными.

Флэндри мелодраматически помахал кулаком в отчаянии, и, хотя лицо его было искажено, голос звучал спокойно:

— Чего-то такого я и ожидал. Я направил ход мыслей Свантозика, местной главной ищейки, на то, что доброе отношение ко мне какого-нибудь лица моей расы после жестокого допроса может заставить меня сломаться. Особенно если этим лицом будешь ты. Свантозик совсем не дурак, но ему приходится иметь дело с нами, чуждой ему расой, психологию которой он знает в основном из вторых рук, по поверхностным докладам. У меня то преимущество перед ним, что, хотя с ардазирхо я сталкиваюсь впервые, я всю свою жизнь имею дело с разнокалиберными и разношерстными чуждыми нам созданиями. И я уже понял, что общего у ардазирхо с рядом рас, которые в прошлом мне удавалось обвести вокруг пальца.

Девушка закусила губу, чтобы унять дрожь. Она смотрела на каменные стены, и Флэндри знал, что в мыслях у нее километры

туннелей, пусковые площадки и орудия, жестокие следопыты и пустыня, переход через которую не под силу человеку.

— Что же нам теперь делать, Доминик? — ее слова прозвучали неуверенно, испуганно. — Ты никогда мне не рассказывал, что же ты задумал.

— Потому что я и сам не знал, — ответил он. — А теперь, попав сюда, я подбираю мелодию на слух. К счастью, моя вера в то, что я всегда непременно упаду на ноги, доходит до абсолюта или близка к нему, если мне доводится совершить ошибку. Так что пока, Кит, дела у нас обстоят не так уж плохо — я выучил их основной язык, а ты проникла в их ряды.

— Они мне еще не доверяют.

— Не доверяют, а я и не надеялся, что они очень-то будут тебе доверять. Но не будем забывать о создании нашего зрительного образа. Я, конечно, не переметнусь на сторону противника только потому, Кит, что ты рядом, но, когда я здорово потрясен, я теряю благоразумие и привычную осторожность. Свантозик это проглотит.

Он снова прижал ее, и она жадно прильнула к нему. Он чувствовал, как восстанавливается в нем все его оскорбленное существо, как снова заискрился его мозг, выдавая планы, разбивая и отвергая их, порождая новые таким фейерверком, в потешной чехарде.

Сидя у него на коленях, Кит все еще дрожала мелкой дрожью, и он ей сказал:

— У меня вроде есть идея, но нам придется действовать по обстоятельствам, так что надо договориться кое о каких сигналах, но это мы успеем. — Он почувствовал, как она вся напряглась в его объятиях. — Что такое?

— Ты все время, даже сейчас, думаешь только о своей работе? — тихо и с горечью в голосе спросила она.

— Отнюдь. — Он позволил себе слегка улыбнуться. — Просто я до чертиков люблю свою работу.

— Но все же... Не обращай внимания. Продолжай. — И она сжалась.

Флэндри нахмурился, но сейчас он никак не мог заниматься побочной ерундой, а потому сказал:

— Скажешь Свантозику, или кто там будет заниматься тобой, что ты разыграла сцену раскаяния передо мной и что теперь я ненавистен тебе и своими речами, и своими мыслями насчет... Гм.

— Юдифи! — сердито проворчала она.

К чести Флэндри надо сказать, что он покраснел.

— Как я полагаю, этот довод ничем не хуже других — во всяком случае в глазах ардазирхо.

— Или людей. Если бы ты знал, как мне хотелось... Ладно. Продолжай. Не будем об этом.

— Так вот, скажешь противнику, что рассказала мне, будто предала меня в порыве раздражения, а теперь жалеешь об этом, а я, будучи дико в тебя влюбленным — во что, опять-таки, легко поверить... — Кит никак не ответила на его дежурную любезность, — ...сказал тебе, что у тебя есть возможность сбежать отсюда, и предложил следующее. Ардазирхо пребывают под впечатлением, что у них за спиной стоит Имир, а на самом деле Имир больше склоняется в пользу Терры, поскольку мы миролюбивее, а потому с нами меньше хлопот. Имирыцы намерены нам втихую помогать, но мы держим это в тайне до экстренного случая, когда они нас спасут. Так вот, если бы мне удалось перенастроить позывные какого-нибудь космического корабля в системе опознавания «свой-чужой», ты могла бы попытаться похитить такой корабль. Ардазирхо решат, что ты отправишься к флоту Уолтона, и бросятся в том направлении, а ты сможешь ускользнуть от них, долететь до Огра, передать установленный сигнал и попросить, чтобы тебя доставили в безопасное место на корабле с защитной силовой оболочкой.

У нее и глаза расширились от ужаса.

— А что будет, когда Свантозик услышит такое, а это неправда...

— Он не сможет узнать, правда это или неправда, до тех пор, пока не даст возможность такое сделать. Так? — радостно возразил Флэндри. — Если я солгал, так в том твоей вины нет. А пока, когда ты поспешишь разболтать ему даже о том, что представляется путем для твоего спасения, это убедит его в твоём твердом намерении сотрудничать с ними.

— Но... Нет, Доминик. Это же... Да я не осмелюсь...

— Не удерживай меня, Кит. Ты такая одна на десять тысяч, и нет ничего такого, что бы ты не осмелилась сделать.

И тут она расплакалась.

После ее ухода время для Флэндри потекло не столь радостно — в ожидании. Ему оставалось только догадываться, как среагирует его противник. Опытный человек скорее всего не дался бы в обман, а Свантозик, возможно, не так уж плохо знаком с человеческой психологией, как он на это рассчитывает. Флэндри выругался и попытался заснуть — он так устал за последние дни, что даже лицо стало серым.

Когда дверь его кельи открылась, он вскочил так резко, что стало ясно, насколько сдали у него нервы.

В дверях стоял Свантозик, за спиной его виднелись четыре охранника. Зубы ардазирца сверкнули в оскале.

— Доброй охоты, капитан, — приветствовал он Флэндри. — Удобна ли твоя пещера?

— Сойдет, — ответил Флэндри, — если нет другой, в которой был бы ящичек сигар, бутылка виски и женщина.

— Женщину, по крайней мере, я постарался вам предоставить, — возразил Свантозик.

— О да, мне б еще подстилку из шкуры ардазирхо, — самым учтивым тоном добавил Флэндри.

Один из охранников сердито заворчал. Свантозик прищелкнул языком.

— Я тоже, капитан, хотел бы попросить вас об одном одолжении, — сказал он. — Мои братья из инженерной службы весьма заинтересованы в том, чтобы переоборудовать несколько наших космических кораблей, с тем чтобы ими со всеми удобствами могли управлять люди. Вы понимаете, что на конструкцию наших пультов управления повлияло и расположение большого пальца на руке, и то, что нам удобнее лежать, опершись на локти, чем сидеть. Так что при вождении ардазирских кораблей у людей могут возникнуть трудности, а необходимость в этом со временем так и так появится, если Великая Охота будет продолжаться и у нас появятся подданные из людей... и тогда, возможно, им придется водить некоторые наши корабли. Да и у женщины Киттридж, скажем, мог бы быть с пользой для дела свой корабль, поскольку мы уже сейчас видим, насколько полезной она может оказаться в качестве посредника между нами и местными людьми, колонистами. Если бы вы согласились помочь ей, просто осмотреть один из наших кораблей и высказать свои предложения...

Флэндри напрягся всем телом.

— А с какой стати должен я вам вообще помогать? — спросил он сквозь сжатые зубы.

— От вас же многого не просят, — пожал плечами Свантозик. — Мы и сами могли бы все сделать, а вам это поможет хоть как-то скоротать время. — И продолжил с ехидцей в голосе: — Я вовсе не исключаю возможность, что именно доброе отношение, а не принуждение, и есть тот способ, которым можно уломать человека. А кроме того, капитан, поскольку вы человек мыслящий, подумайте вот над чем: вам представляется случай как следует осмотреть один из наших кораблей. Если позже вам удастся каким-то образом бежать, то вашим службам интересно будет узнать, что вы видели.

Уже совершенно успокоившийся Флэндри стоял молча какое-то время. Его пронзила мысль: «Значит, Кит уже все рассказала ему, но Свантозик, естественно, предпочитает не разглашать этого, а потому придумал эту историю, предлагает мне то, что я должен принять как Богом посланную возможность организовать побег Кит...»

А вслух вежливо ответил:

— Вы очень добры, друг мой из Джанир Йа, но мисс Киттридж и я, мы не можем чувствовать себя спокойно, когда отворачи-

тельные охранники, вроде ваших, заглядывают через плечо, а у них с морд капает слюна.

На этот раз в ответ ему раздалось злобное ворчание уже двух воинов. Свантозик велел им затихнуть.

— Это легко устроится, — сказал он. — Охранники могут и не заходить в рубку управления.

— Прекрасно. Потом, есть ли у вас какие-то инструменты, сделанные людьми и для людей...

Они шли по пробитым в скалах коридорам мимо огневых позиций, на которых покоились, словно динозавры на кладке, артиллерийские орудия, сквозь разбушевавшуюся стихию приполярья за внешнюю стену к стоявшему там какому-то кораблю. Надев солнечные очки, терранин всмотрелся в его неистово сверкающие очертания — что-то вроде земного корабля класса «Комета». Быстроходный, с легким вооружением, штатный экипаж из пятнадцати человек, но в случае необходимости и десятка хватит.

Голые горы позади корабля дымились от жара. Когда он вошел в тамбур, то почувствовал, как у него после столь краткого пребывания на солнце кружится голова.

Свантозик остановился у прохода, ведущего в рубку управления.

— Проходите, — сердечно пригласил он. — Мои воины будут ждать вас здесь до тех пор, пока вы не захотите уйти, то есть до тех пор, когда вы и женщина придете пообедать со мной, а я вам выставлю принятые на Терре угощения. — Весельем блеснули его глаза. — Конечно же, двигатели временно отсоединены.

— Конечно же, — поклонился Флэндри.

Как только он закрыл за собой дверцу рубки, навстречу шагнула Кит и холодными пальцами схватила его за руку.

— Что теперь будем делать? — с трудом вымолвила она.

— Спокойно, юная девица. — Он высвободил руку. — «Жучков» здесь вроде не видно. — *«Не забывай, что Свантозик полагает, что я думаю, что ты меня еще не выдала. Играй в этом духе, Кит, помни об этом, иначе мы оба пропади!»* — Там внизу четверо слоняются, — сказал он. — Не думаю, что Свантозик будет терять свое драгоценное время в их обществе, да и надежнее передача с какого-нибудь «жучка» прямо в кабинет для того, кто знает англик. Тебе, о великий неведомый зритель, шлю я свой скабрзный жест. Не знаешь, есть еще кто на борту?

— Н-не-ту. — Сквозь страх в ее глазах читался вопрос: «Ты что, забылся? Решил поведать им о своем плане?»

Флэндри прошелся мимо стола штурмана к радиостанции.

— Я не могу допустить, чтобы кто-то сунул нос не в свои дела, — пробормотал он. — Понимаешь, для начала я хочу разобраться в

их системе связи, так ее проще всего изменить — если вообще здесь требуется что-нибудь менять. Некрасиво получилось бы, незримый зритель, если бы нас застали врасплох, когда мы ничего плохого не делаем, а просто проверяем. «Я уверен, — подумал он, сатанински смеясь про себя, — что они не знают, что я знаю, что они знают, что на самом-то деле я собираюсь установить схему передачи ответного пароля для Кит».

Любил Флэндри такие переделки, но тут он вспомнил, и это действовало как ледяной душ, что пуля элементарно просто разрывает все тонко сплетенные сети.

Он снял корпус и принялся за осмотр. Он не мог просто так дать Кит частоту диапазона и вид волны сигнала опознавания и потому, что ардазирское оборудование конструктивно отличается от сделанного на Терре, и потому, что оно откалибровано не в метрических единицах. Он должен был изучить комплект аппаратуры, размонтировать блоки, снять осциллограммы, измерить статические параметры и незаметно изменить схему так, чтобы нужный сигнал передавался бы при замыкании одной-единственной детали, введенной в схему.

Она следила за ним с таким видом, будто и правда считала, что он верит — в этом ее путь к спасению. Несомненно и ардазирский согладатый наблюдал на экране передаваемое «жучком» изображение происходящего. Ведь когда Флэндри сделает все, что надо, то на корабле полетит к Огру Свантозик посмотреть, что из этого получится, ибо вопрос о том, на чьей стороне Имирское Рассеяние, на самом деле перевешивал все остальные. И если правда то, что Флэндри поведал Кит, надо немедленно известить об этом урдахских правителей.

А человек продолжал менять схему и устанавливать детальку, размышляя, как было бы здорово, если бы Имир действительно благоволил Терре. Через полчаса он установил корпус на место, еще с час нарочито разгуливал по рубке, изучая все системы управления.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — мы вполне можем, Кит, пойти домой.

Он увидел, как побледнела она, зная, что означает эта фраза, но кивнула в знак согласия.

— Идем, — прошептала она.

Флэндри пропустил ее вперед. Когда она сходила по трапу, сидевшая у входа охрана встала и направила оружие не на нее, а на шедшего не спеша кошачьей походкой Флэндри.

Кит прошла мимо охранников, а Флэндри, который еще шел по трапу, сунул руку в карман, и тут же четыре ствола уставились на него. Он рассмеялся и поднял руки — мол, ничего нет.

— Просто поскрестись захотелось, а то чешется, — крикнул он.

Кит выдернула нож из ножен на португее одного из охранников и вонзила его ему под ребро.

Флэндри подпрыгнул, и заряд, опалив его куртку, прошел мимо. Флэндри приземлился на полусогнутые ноги и прыгнул вперед, Кит уже выхватила оружие у вопящего, раненного ею воина, и оно загрохотало в ее руках — она стреляла в упор, и еще один ардазирец упал. Флэндри отбил ствол в руках третьего охранника, а четвертый резко повернулся к Кит и оказался спиной к Флэндри. Человек размахнулся и изо всех сил ударил его ребром ладони по шее и услышал, как хрустнули шейные позвонки. Третий охранник отпрыгнул назад, чтобы ловчее было стрелять, но его пристрелила Кит. Раненый потянулся за валявшимся на полу оружием, и Флэндри ударил его ногой в горло.

— К спасательной шлюпке по правому борту! — прохрипел он, а сам бросился назад, в рубку. Если ардазирский соглядатай уже отошел от экрана, то в его распоряжении еще несколько минут. В противном случае атомный снаряд, возможно, объявит ему приговор. Он схватил наставление для штурмана и выскочил из рубки.

Кит уже сидела в шлюпке, небольшой двигатель ровно гудел, прогреваясь. Флэндри пролез в люк, задрал его за собой.

— Поведу я, — проговорил он, тяжело дыша. — Я лучше знаком со всеми чужими пультами управления. Посмотри, нет ли там где спасательных средств, они нам понадобятся.

Где, черт возьми, кнопка расщепления? «Жучок» явно работал впустую — никто уже не смотрел на экран, но в любой момент соглядатай начнет недоумевать, почему это Флэндри и охрана все еще не вышли из корабля...

Вот он! Он резким движением подал рычаг вниз. В корпусе корабля откинулась панель, и резкий солнечный свет полился с обзорного экрана шлюпки. Флэндри окинул взглядом органы управления — в принципе то же, что он только что изучал. Он нажал кнопку пуска, пронзительно взревел двигатель, и шлюпка выскочила из корабля в небо.

Флэндри взял курс на юг. С головокружительной скоростью скрылась за линией горизонта цитадель. Их все еще никто не преследует, ни одной самонаводящейся ракеты. Они, должно быть, совсем ошеломлены, но долго так продолжаться не может. Он откинул голову и разразился уже не вмещавшимся в него смехом такой силы, что его раскаты заполнили кабину, заглушили свист рассекаемого воздуха.

— Что ты делаешь? — донесся слабый и отчаянный голос Кит. — Так нам не уйти. Давай в космос, пока они не перехватили нас.

— Извини, — сказал Флэндри, вытирая глаза. — Хоть посмеяться, пока можно. — И добавил уже спокойным голосом: — При

такой блокаде и на таком тихоходном аппарате, который не приспособлен для управления человеком, мы не пролетим и десяти тысяч километров, как они накроют нас. Нам придется катапультироваться, а шлюпка полетит дальше сама на автопилоте. Если получится, они будут гнаться за ней, пока не поймают, а тогда у них уже не будет никаких шансов установить, где мы. А если еще больше повезет, то они взорвут шлюпку и решат, что мы погибли вместе с нею.

— Катапультироваться? — Кит взглянула вниз на каменистую землю и несущийся по воздуху пепел. Небо над головой выглядело расплавленным металлом. — Туда? — прошептала она.

— Если они даже сообразят, что мы выпрыгнули, — сказал Флэндри, — то, думаю, решат, что мы сгнули в этой пустыне. Вполне естественное заключение, поскольку наши ноги так устроены, что мы не можем ходить в космических скафандрах ардазирхо. — Лицо у него стало таким мрачным, каким она никогда раньше не видела. — Мне пришлось все придумывать на ходу, и вполне возможно, что я наделал ошибок, Кит, которые будут стоить нам мучительной смерти. Но даже если так и случится, надеюсь, умрем недаром.

14

Еще спускаясь на гравитационном поясе, Флэндри почувствовал, насколько раскален нещадно хлеставший его воздух, а когда он прокатился по земле после приземления, то обжег кожу.

Он поднялся на ноги совершенно разбитым. Надев защитные очки, он увидел сквозь пелену взметенной ветром пыли вставшую на ноги Кит, а за нею на многие километры тянулась пустыней выгоревшая земля и чудосочные утесы, а дальше ничего не было видно из-за марева. Казалось, северная кромка горизонта раскалилась добела, и на нее невозможно было смотреть.

Громовые раскаты прогрохотали в кильватере брошенной шлюпки. Флэндри заковылял к Кит. Она ухватила за него.

— Извини, — сказала Кит, — я, похоже, потянула лодыжку.

— Да еще, как вижу, и обожгла ее. Пойдем, девочка, теперь уже недалеко.

И они побрели меж разбросанных в беспорядке серых валунов. Вышка метеостанции маячила перед ними зыбкими очертаниями, словно скелет сквозь толщу бегущей воды. С завываниями налетел ветер. Флэндри чувствовал, как ультрафиолетовые лучи впиваются в кожу, и с каждым сделанным им шагом она все больше поджаривается и ссыхается. Поджаривало даже сквозь подметки.

Они уже почти дошли до станции, когда в воздухе раздался свист. Флэндри поднял натруженные до боли глаза и увидел

четыре похожих на торпеды силуэта, которые промчались, за несколько секунд покрыв расстояние от одного горизонта до противоположного. Ардазирхо гнались за пустой спасательной шлюпкой. Если они заметят людей на земле... Нет, не заметили. Ушли. Флэндри хотел улыбнуться, но не мог из-за боли в растрескавшихся губах.

Оборудование станции было установлено в бетонной будке под вышкой. Когда они, пошатываясь, ввалились в дверь, царившая там тень показала им превыше всех даров небес. Флэндри откупорил бутылку с водой — только воду рискнул он взять из корабельных запасов, поскольку в продуктах инопланетян могли оказаться чужеродные для человека белки. В горле у него было сухо, как у мумии, тут уж было не до слов, и он просто протянул бутылку Кит, которая жадно припала к ней. Когда и он глотнул воды, то почувствовал себя гораздо лучше.

— За работу, девочка, — сказал он. — Разве нам не повезло, что ты состоишь в метеослужбе Виксена и знаешь, где найти станцию и что делать, попав на нее?

— Болтун, — она пыталась засмеяться, но получился какой-то хрип. — Подвел теорию под факт. Постой-ка, а ведь на каждой станции в отдельном шкафчике хранится всякий инструмент... — Она замолчала. По сравнению с бушующей за окном стихией в будке было так темно, что он едва мог различить ее. — Я легко налажу передающее устройство, — сказала она, и тихий ужас слышался в ее голосе. — Да, конечно, вместо телеметрических данных о погоде я могу передать твоё сообщение. Но... меня вдруг осенило... А что, если кто-нибудь из ардазирхо прочтет его? Или, предположим, вообще никто его читать не будет? Я даже не знаю, ходит ли еще кто на службу. Можно, конечно, сидеть тут и ждать, ждать и...

— Спокойно, — Флэндри подошел к ней со спины, положил ей руки на плечи и сжал их. — Все возможно, но, как мне кажется, больше шансов в нашу пользу. Едва ли ардазирхо посылают своих заниматься такой бессмысленной для них рутинной, как наблюдение за погодой. А с другой стороны, вполне вероятно, что метеорологи, люди, все еще ходят на работу. Человечество вообще всегда, пока это возможно, старается жить по заведенному порядку, заниматься привычным делом, и все может провалиться в тартарары, но город будет следить за тем, чтобы газоны были подстрижены... И теперь наш жребий зависит от того, хватит ли у принявшего наше сообщение ума, мужества, чувства долга, чтобы поступить как надо.

Кит прижалась к нему на мгновение.

— Думаешь, есть хоть какая-то возможность забрать нас отсюда прямо под носом у врага?

На душе у него защемило от какой-то неясной боли.

— Я знаю, так нечестно, Кит, — сказал он. — Сам-то я закоренелый грешник, такая у меня работа и так далее, но негоже ставить в зависимость от случая все те радости, ту любовь, те свершения, которые ждут тебя. И все же приходится идти на это. Больше всего я надеялся все это время, что мне удастся стащить наставление по навигации. Понимаешь, ведь из него мы узнаем, где лежит Ардазир!

— Мне это ясно. — Она вздохнула так тихо, что и вдоха почти не было слышно в том шуме, с каким несся за стенами сухой и знойный ветер. — Давай-ка лучше поработаем.

Пока она вскрывала передатчик и отсоединяла измерительные устройства, Флэндри набросал текст сообщения: просьба просто сообщить Эмилу Брайсу, чтобы он вызволил со станции номер 938 двух человек с жизненно важными материалами для адмирала Уолтона. Как это сделать, об этом он сам не имел ни малейшего представления. Шансов на то, что какому-нибудь летательному аппарату виксенитов удастся забраться так далеко на север, и чтобы его при этом не засекли и не уничтожили ардазирхо, было мало. Послать радиограмму... Нет, если нет под рукой специального устройства, ее легко могут перехватить. Послать на флот нарочного, а если он погибнет, то еще одного, и еще...

Закончив работу, Кит потянулась ко второй бутылке с водой.

— Лучше не надо, — сказал Флэндри. — Нам еще долго ждать.

— У меня обезвожен организм, — хриплым голосом сказала Кит.

— У меня тоже. Но у нас нет соли, а потому вполне можно получить тепловой удар. Если пить как можно реже, то дольше протянем. А какого черта нет кондиционеров и запасов продовольствия на таких станциях?

— Нет нужды. На них прилетают обычно только для проверки. В этих местах — в середине зимы. — Кит села на единственную в будке скамеечку, Флэндри присел рядом, и она припала к его плечу.

Ветер дикими порывами обрушивался на стены будки, ненадолго в окошке потемнело от взметенного песка.

— Неужели и на Ардазире так? — поинтересовалась Кит. — Тогда там настоящий ад, вот эти дьяволы и сбежали.

— Там совсем даже не так, — ответил Флэндри. — Темулак рассказывал, что у их планеты нормальная круговая орбита. Конечно же, там жарче, чем на Терре, но, думаю, мы бы выдержали там в большинстве климатических зон. Горячая звезда с сильным ультрафиолетовым излучением способна разлагать молекулы воды, и водород, прежде чем он снова успеет вступить в

реакцию, выбросить в космическое пространство. Озоновый слой в какой-то мере защищает гидросферу, но недостаточно. Так что на Ардазире должно быть суше, чем на Терре, и там скорее не океаны, а моря. А с другой стороны, судя по физической силе тамошних аборигенов, а также по тому, что им нипочем сила притяжения на Вискене, Ардазир должен быть размерами побольше Терры. Там сила тяжести на поверхности выше раза в полтора. Так что, несмотря на их солнце, атмосфера там должна быть похожей на нашу.

Он помолчал, а потом продолжил:

— Никакие они, Кит, не враги рода человеческого, а просто бойцы и охотники. Может быть, в них меньше врожденной доброты, чем в нас, но в этом у меня нет полной уверенности. Всего несколько столетий назад и мы тоже были буйным племенем. Вполне возможно, что снова станем такими, когда грянет Долгая Ночь, когда — или пан, или пропал. Дело еще и в том, что ардазирхо — это даже не один народ. На этой планете уйма всяких рас и культур. Урдаху завоевали другие народы всего несколько лет тому назад. Вот откуда такое множество форм у военных — уступка местным обычаям, как было в старину с Шотландским полком. И готов спорить, что, несмотря на все успехи урдаху, их не очень-то любят на родной планете. Так что у них еще юная империя, навязанная силой, и она может распасться, если мы воспользуемся для этого нужными средствами. Мне их почти что жалко, Кит, потому что они стали жертвой обмана, орудием у кого-то в руках. Боже, какой же гений этот кто-то!

Он умолк, потому что от неумолимой жары, от жажды в горле совсем пересохло.

— Давай дальше, — тихо и горько проговорила Кит. — Сочувствуй Ардазиру и восхищайся артистизмом господина Икс, стоящего за всем этим, — ты ведь тоже профессионал. А людям вроде меня остается только одно — умирать.

— Извини. — Он взъерошил ей волосы.

— Ты мне так и не сказал, действительно ли ты веришь, что нас спасут, не дадут умереть.

— Не знаю. — Он весь напрягся и сидел так, пока не смог добавить: — Сомневаюсь в этом. На это, как мне представляется, уйдет несколько суток, а мы сможем продержаться лишь часы. Но если корабль прилетит... Нет, черт возьми, когда корабль прилетит, здесь его будет ждать наставление для штурмана.

— Спасибо за откровенность, Доминик, — сказала Кит. — Спасибо тебе за все.

С большой нежностью Флэндри поцеловал ее.

А потом они сидели и ждали.

Солнце село, наступила недолгая ночь, но она почти не принесла облегчения. По-прежнему сжигал все на своем пути ветер.

По-прежнему полыхало северное небо. Рядом с Флэндри металась в лихорадочном бреде Кит. Да и у него самого уже не было ясности в мыслях. Зримо всплывали воспоминания о другой белой ночи заполярного лета, вот только было это на Терре, на прохладном горном лугу в Норвегии, и рядом была другая блондинка, и губы ее были подобны лепесткам розы.

До его погрузившегося в угольный мрак сознания едва дошли и прорезавший небо сверху донизу свист, и тяжелый удар, так что земля задрожала, при безрассудно быстрой посадке, и торопливый топот ног по жгучим камням, и гул ударов в дверь. Но когда упала выбитая дверь и в будку ворвался ветер, Флэндри вынырнул из накатывавшихся волн боли туда, где его ждало тонкое лицо Чайвза.

— Вот и хорошо, сэр. Давайте сядем. Если мне будет позволено...

— Ты, гад зеленый, — забрюзжал Флэндри, еще не освободившись от кошмарных видений, — я ж тебе приказал...

— Так точно, сэр. Я доставил ту ленту. А потом решил, что стоит спуститься сюда и действовать в контакте с мистером Брайсом. Знаете, здесь все это так просто. Мы сможем преодолеть заставу с минимальными издержками. Да неужели вы, сэр, думаете, что дикари могут помешать летать вашему личному кораблю? Сейчас я приготовлю отвар для юной госпожи, а вас ждет чай в вашей каюте.

15

Сэр Томас Уолтон, адмирал флота, был крупным мужчиной, седой, лысый, с бесцветными, поблекшими глазами. Награды свои надевал редко, а на Терре бывал только по делам. И никакое не ваяние, а гены, войны и непролитые слезы по тем, кто погиб у него на глазах в бою, а также из-за того, что не могла удержать в своих руках Империя то, что для нее приобреталось, избородили его лицо. Кит вообще считала его самым красивым из всех виденных ею в жизни мужчин, а он в ее присутствии язык крепко держал за зубами с застенчивостью закоренелого холостяка. Он обращался к ней не иначе, как «мисс Киттридж», выделил ей каюту на флагманском корабле и находил оправдания не появляться в офицерской кают-компании, где питалась и она.

Работы ей никакой не придумали — лишь бы не мешалась под ногами. Одинокие молодые лейтенанты кружились вокруг нее, вовсю стараясь очаровать и поразить ее. А вот Флэндри редко появлялся на борту дредноута.

Флот кружил во мраке, пронизанном холодными лучами звезд, по сути дела не предпринимая особо активных действий. Нужен был глаз да глаз за Огром, поскольку гигантская планета так и

оставалась загадкой, а силы ардазирхо не стремились к столкновению и оставались вблизи Висксена, где они могли получить поддержку и на котором захваченные заводы-автоматы с каждым днем увеличивали военную мощь пришельцев. Время от времени терране совершали рейды, но Уолтон все никак не мог решиться на пробу сил. У него еще были шансы победить, при условии, что введет в действие все свои силы, а Огр останется нейтральным. Однако приз, Висксен, станет тогда могилой.

На кораблях начали потихоньку роптать недовольные Уолтонского воинства.

По прошествии трех недель капитана Флэндри вызвали к адмиралу. Он присвистнул с облегчением.

— Должно быть, вернулись с докладом наши разведчики, — сказал он своему помощнику. — Может, хоть теперь избавят меня от этой проклятой вшивой команды.

Все началось с того, что он оказался единственным среди людей, кто говорил на урдаху, а на кораблях было несколько сот пленных, захваченных на выведенных из строя летательных аппаратах абордажными командами. Офицеры умерли с ужасающим мужеством запрограммированных существ, уничтожив предварительно все навигационные документы, а никто из оставшихся в живых рядовых англика не знал и с земными филологами сотрудничать не желал. С помощью электроники Флэндри передавал другим свое знание родного языка пленников, но, не желая больше подрывать свое здоровье, делал это в общепринятом темпе, а конец каждого дня уходил у него на допросы, так как, разговаривая с ними на их родном языке, удавалось добиться кое-какого сотрудничества с их стороны. Два человека уже выучили урдаху — хватит пока на рассаду. Однако до возвращения отправленных к Ардазиру разведчиков Флэндри по-прежнему занимался допросами. Работа, приносящая осязаемые результаты, но выматывающая и отупляющая.

Он с готовностью вскочил в гравитационный скутер и помчался на дредноут, корабль класса «Нова», высившийся как округлая гора с обращенными в сторону Млечного Пути орудиями. Впрочем, других целей и не было видно — только звезды, далекое солнце Черулия и темная туманность. Трудно было поверить, что сотни кораблей на высвобожденной атомной энергии рыскали в пространстве на миллион километров вокруг. Он вошел через седьмой тамбур и быстро зашагал к адмиральскому кабинету. Алый плащ полоскался у него за спиной, на нем была переливающаяся синяя блуза, белоснежные брюки, заправленные в полусапожки настоящей кордовской кожи, и фуражка, заломленная наперекор всем предписаниям. Чувствовал он себя как отпущенный с уроков школьник.

— Доминик!

Флэндри остановился и завопил:

— Кит!

Она бежала ему навстречу по коридору — маленькая и одинокая, в своем коротком, еще с Терры, платье. Все тот же золотистый шлем волос, но, заметил он, она похудела. Флэндри положил ей вытянутые руки на плечи, не подпуская ближе.

— Дай получше разглядеть тебя, — смеялся он и серьезно добавил: — Тяжко?

— Одиноко, — ответила она. — Пусто. Дела нет, остается одно — маяться. — Она отшатнулась от него. — Нет, к чертям все это, терпеть не могу, когда сами себя жалеют. У меня все в порядке, Доминик. — И она уставилась в пол, потирая один глаз костяшкой пальца.

— Идем! — сказал он.

— Как идем? Куда ты, Доминик? Я не могу... я хочу сказать...

Флэндри шлепнул ее по самому подходящему месту и быстро потащил ее за собой через холл.

— Послушаешь, что скажут, вот надежда и оживет! Топай!

Часовой у дверей кабинета Уолтона был поражен:

— Сэр, мне было приказано впустить только вас...

— Посторонись, салага. — Флэндри ухватил молодого пехотинца за ремень и переставил его на метр в сторону. — Юная госпожа мой оперативный эксперт по гиперскидгеронике. К тому же симпатичная. — И он закрыл дверь перед носом часового.

— Что все это значит, капитан? — вздрогнул сидевший за столом адмирал Уолтон.

— Да вот я подумал, может, она нам пиво будет наливать, — пробормотал Флэндри.

— Я не... — беспомощно начала Кит. — Я вовсе и не...

— Присядь, — Флэндри толкнул ее к креслу в углу. — В конце концов, сэр, нам может понадобится информация о Виксене из первых рук. — Взгляды Флэндри и Уолтона встретились. — Думаю, она заработала себе право на место у самого ринга.

Какое-то время адмирал сидел не шелохнувшись, потом скриivil губы.

— Вы неисправимы, — сказал он. — И избавьте меня от своего дежурного ответа «никак нет, меня зовут Флэндри». Порядок, мисс Киттридж, но помните — все совершенно секретно. А командора Сугимото вам, капитан Флэндри, представлять не надо.

Флэндри обменялся рукопожатием с терранином, возглавившим первую вылазку к Ардазиру. Все сели. Флэндри закурил сигарету.

— Сразу нашли местечко? — спросил он.

— Без труда, — ответил Сугимото. — С поправками, обеспечивающими сочетаемость их астрономических таблиц и наших, которые вы мне передали, а также после ваших объяснений их системы счисления это было элементарно просто. Их солнца нет в наших звездных каталогах, потому что они находятся по ту сторону темной туманности, а нами в том направлении никогда не проводилось исследований. Так что вы позволили нам выиграть не меньше года на поиски. Кстати, после окончания войны ученым предоставится интересная возможность заняться этой туманностью. Если смотреть на нее с противоположной стороны, то она слегка светится — там протосолнце. Никогда и не подумаешь, что популяция один, такая юная, находится в одной и той же Галактике, что и Сол, совсем по соседству. Похоже на каприз природы.

Флэндри напрягся.

— В чем дело? — резко спросил Уолтон.

— Так, ничего, сэр. А может быть, и есть что-то. Не знаю. Продолжайте, командор.

— Нет смысла повторять все подробно, — сказал Уолтон. — Посмотрите потом полный отчет. Ваша общая оценка условий существования ардазирхо, полученная в результате допросов, полностью верна. Солнце — карлик класса А4 — действительно находится на расстоянии не более двенадцати парсеков отсюда. Планета — земного типа, но покрупнее, довольно засушливая и гористая, с тремя спутниками. По всем данным, а как они добываются, вам известно, здесь и тайные высадки на планету, и дальнее слежение с помощью телескопов, использование скрытых камер и допрос случайных представителей населения, гегемония урдаку установлена недавно, и их господство далеко от стабильного, непрочное.

— Один из наших ксенологов установил, что там произошло типичное восстание, — сказал Сугимото. — На мой-то взгляд, во всех его фильмах можно видеть просто скопища рыжих волосатых созданий в одного вида наряде, стреляющее из огнестрельного оружия по вполне современного вида крепости, защитники которой ходят совсем в другом наряде. Звуковая дорожка пока ничего не говорит, пока ваши ребята не переведут, что на ней записано. Но ксенолог говорит, что есть масса признаков, доказывающих, что речь идет о восстании какого-то более отсталого племени против более цивилизованных завоевателей.

— Значит, есть шанс натравить их друг на друга, — согласился Флэндри. — Конечно, чтобы добиться при этом успеха, разведслужбам сначала надо собрать как можно больше информации.

— У вас есть что-то еще добавить, капитан? — спросил Уолтон. — Из того, что вы еще узнали после представления вашего последнего отчета?

— Нет, сэр, — ответил Флэндри. — Все прекрасно стыкуется одно с другим. Особняком стоит только главный вопрос. Ведь урдаку не могли изобретать столько всяких современных штуковин, которые обеспечили бы им власть над всем Ардазиром. Слишком уж быстро. Пару десятилетий назад они находились на начальном этапе освоения атомной энергии, значит, кто-то передал им знания, обучил их и отправил покорять мир. Кто?

— Имир, — решительно сказал Уолтон. — Для нас вопрос стоит так: действует ли Имир самостоятельно или в качестве союзника Мерсейи?

— Если он вообще тут при чем-то, — пробормотал Флэндри.

— Да черт возьми! У кораблей ардазирхо и их тяжелого вооружения типично имирская конструкция. Правитель Огра связывает действия половины нашего флота только своим нежеланием говорить с нами. Юпитерский колонист пытался погубить вас, когда вы были там в служебной командировке. Было дело?

— Кораблям можно намеренно придать тот или иной вид, чтобы сбить нас с толку, — возразил Флэндри. — Вы же знаете, что имирцы — народ не очень-то вежливый, да и будь они вежливыми, какая нам разница, если мы все равно не в состоянии проверить их? А что до моего легкого столкновения с Хорксом... — Он замолчал. — Коммандор, — медленно, растягивая слова, произнес Флэндри погодя, — мне сообщили, что в той солнечной системе, где и Ардазир, есть планеты типа Юпитера. Какие-нибудь из них заселены?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Сугимото. — Конечно, при таком горячем солнце... Я хочу сказать, что мы бы не стали заселять Ардазир, так что Имир...

— Какое солнце — не так уж и важно при столь плотной атмосфере, — возразил Флэндри. — Мои собственные расспросы приводят меня к уверенности, что в том районе, на который распространяется власть Ардазира, нет имирских поселений. А вам не кажется, что если бы у них вообще был интерес к этому району, то они жили бы там?

— Не обязательно, — Уолтон стукнул кулаком по столу. — Здесь все «не обязательно»! — взревел он, словно ужаленный лев. — Мы ведем бой в тумане. Если мы где-нибудь предпримем генеральное наступление, мы открываемся для возможных действий со стороны Имира. У меня флот мощнее, чем флот ардазирхо у Виксена, но слабее всего флота ардазирского королевства, а стоит нам подтянуть подкрепления из Сиракса, Мерсейя тут же приберет звездное скопление к рукам. Но мы не можем и топтаться тут на месте, в выжидании, кто сделает следующий ход! — Он уставился на свои огромные узловатые руки. — Мы еще будем посылать разведчиков к Ардазиру, — прогрохотал он, — кое-кого

схватят, и тогда Ардазиру станет известно, что мы знаем, где лежит планета, и вот тут-то они ополчатся против нас. Господи, может, и впрямь, не мешкая, разбить их на Виксене, а потом пойти прямо на Ардазир, рассчитывая только на то, что наши корабли смогут продержаться, пока не стерилизуют эту чертову планету полностью.

Кит вскочила на ноги.

— Нет! — пронзительно закричала она.

Флэндри силой усадил ее. Посмотрел на нее и Уолтон, и его взгляд был наполнен страдания.

— Извините, — пробормотал он. — Знаю, что Виксену непременно придет конец, но и палачом Ардазира не хочу быть — ведь там их шенята, которые и слыхом не слыхивали ни о какой войне... А что тогда мне прикажете делать?

— Ждать, — сказал Флэндри. — Какое-то у меня предчувствие.

Молчание тяжело ложилось на них слой за слоем, пока гнет его стал невыносим. И тогда наконец Уолтон спросил совсем-совсем тихо:

— Какое?

— Может, все это ерунда, — сказал Флэндри, не глядя ни на кого в отдельности, — а может, вся суть в этом. Некоторые ардазирхо в речи используют такое вот словосочетание — «небесная пещера». Что-то вроде черной дыры. В некоторых верованиях ардазирхо эта пещера — врата ада. Может быть... Тут я вспоминаю моего друга, Свантозика. Я ему кое-что сказал, а он от удивления чертыхнулся, но вот ругательство это не совсем расхожее — «грядущие планеты»!

Свантозик занимал высокий пост, и ему известно гораздо больше других ардазирхо, с которыми мы имели дело. Конечно, маловато, чтобы от этого танцевать дальше, но... Адмирал, вы не могли бы дать мне отряд кораблей?

— По всей вероятности, нет, — ответил Уолтон. — Да отряды втихую и не пробраться. Вот корабль зараз, это да, мы можем провести незаметным. А когда несколько кораблей... Противник тут же засечет их кильватерный след, определит, каким курсом пришли, и захочет выяснить, куда это они идут. Или в данном случае это неважно?

— Боюсь, что важно. — Флэндри помолчал. — Хорошо, сэр, а вы не смогли бы дать мне несколько бойцов? Я полечу на своем флиттере. Если я вскоре не вернусь, поступайте так, как вы сочтете нужным.

Ему не хотелось лететь туда. Очень походило на правду то, о чем гласил миф, — Небесная Пещера вела в ад. Но вот сидит перед ним Уолтон и выжидающе смотрит, тот Уолтон, один из последних мужественных и ничем не запятнавших чести людей во всей Терранской Империи. И Кит смотрит на него.

Он бы сразу полетел, но счастливый случай («Давно пора», — неблагодарно подумал он) заставил его подождать еще пару дней, которые он провел на «Хулигане», не извещая Кит о том, что он все еще при флоте. Узнай она, что он бездельничает, ему так и не удалось бы отоспаться, а отоспаться надо было.

А произошло вот что. Ардазирхо по-прежнему считали, что люди, за исключением нескольких пленных да покойного Флэндри, их языка не знают, а потому передавали все свои сообщения открытым текстом. К этому времени агенты Уолтона, снабженные аппаратурой для тайной связи с флотом, уже работали на Виксене во взаимодействии с местным подпольем, и переговоры противника по радио прослушивались все тщательнее. Флэндри помнил, что Свантозик собирался в скором времени покинуть Виксен, и попросил особо заняться сбором информации об этом. Установили сканирующее устройство, настроенное на выявление его имени, и оно сработало. В космос тотчас же передали содержание перехваченного сообщения, и Флэндри с живым интересом прослушал запись.

Речь шла о довольно рядовом приказе о проведении одного мероприятия. Охотник за умами, Свантозик получил приказ убыть на родную планету. Ему следовало позаботиться о том, чтобы терране ни в коем случае не засекли его и не проследили его пути на Ардазир, а потому ему надлежало воспользоваться небольшим сверхскоростным флиттером. (Флэндри оставалось только восхищаться решимостью Свантозика — будь на его месте человек, он почти наверняка выбрал бы корабль по крайней мере класса «Метеор».) Приводились дата и время убытия — по принятой у урдаху системе счисления времени.

— Свистать всех наверх! — сказал Флэндри, и «Хулиган» пошел в бой.

Флэндри не стал приближаться к Виксену, это было бы рискованной затеей для корабля связи, тем более что Флэндри мог точно предсказать, как будет уходить Свантозик, поскольку было только одно логически обоснованное решение. Его флиттер пойдет вместе с какой-нибудь эскадрой, которая с большим шумом отправится в открытый космос на свободную охоту. В нужный момент Свантозик, все еще идя на первичной тяге, бросит на большой скорости свой корабль в сторону от курса остальных кораблей и полетит дальше с выключенными двигателями, увеличивая разрыв между собой и эскадрой. Когда он удостоверится в том, что терране не следят за ним, он осторожно пойдет на первичной тяге, чтобы проверить, не проявит ли себя противник, а потом перейдет на вторичную тягу. Навряд ли обнаружат такой маленький аппарат, да еще на таком удалении от баз Уолтона,

особенно когда внимание противника отвлечено вышедшей в открытый космос эскадрой.

Конечно же, такой маневр сулит успех лишь при условии, что противник не знает о намерении Свантозика и его детекторы импульсов не работают на полную мощность во всем диапазоне.

Когда раздался предупреждающий сигнал и стрелки приборов дрогнули, Флэндри не выдержал и закричал: «Свой парень!», нажал на кнопку, и «Хулиган» под вой конверторов, с которыми обошлись не по инструкции, перешел на сверхсветовую скорость. Когда изображение на обзорных экранах устоялось, то стало видно, как оставшаяся за кормой Черулия прямо на глазах теряет свою яркость. Прямо по курсу, среди алмазных созвездий вырисовывались очертания черной размытой туманности с рваными краями.

— У него корабль поменьше нашего, — сказал Флэндри, взглянув на приборы, — но идет ходко. Думаешь, сможем нагнать его до Ардазира?

— Сможем, сэр, — ответил Чайвз. — В ближайших космических просторах, где величина запыленности выше среднего значения, и при таких псевдоскоростях сила трения становится значительной. А аэродинамические характеристики нашего аппарата лучше. Теперь же, если мне будет позволено уйти, я займусь ужином.

— Ну-ну, — многозначительно протянул Флэндри. — Даже если он еще не засек нас, то просто по привычке может пойти на какой-нибудь маневр, чтобы уйти от «хвоста». В автопилоте есть устройство для определения такой «случайности», но в нем нет поэтической жилки.

— Не понял, сэр. — Чайвз поднял отсутствующие брови.

— Нет предчувствия, нет интуиции... Называй это как хочешь. В том, что касается разведки, Свантозик — артист. Но может стать, что он и за пультом управления артист. Вроде тебя, приятель. Так что нам стоять и стоять тут на вахте. И я распорядился приготовить нам огромный вкуснейший летный паск.

— Но, сэр! — проямил Чайвз.

— Знаю, знаю, — поморщился Флэндри. — Флотский камбуз. Жертвы, которые мы, невоспетые герои, приносим ради Терры!..

Он прошел в кормовую часть познакомиться со своей командой. Уолтон сам отобрал дюжину для выполнения этого задания: восемь человек, один шотлан с почти человеческой внешностью, не торчи у него рога среди соломенных волос, пара огромных четвероруких, покрытых серой шерстью и с волосатыми лицами горзуни и алого с синим гиганта с Донорра, своего рода кентавра с торсом гориллы, сидящим на теле носорога. Все они были гражданами Империи, профессиональными военными и умели

обращаться с любым видом оружия — от боевого топорика до анализатора военных действий. Лучше команды было просто не сыскать во всей Галактике — да и в ее окрестностях тоже. Опечалило Флэндри лишь то, что никто из людей, за исключением его самого, не был уроженцем Терры.

Время шло час за часом. Он поел, вздремнул, отстоял вахты. Наконец они оказались вблизи корабля ардазирхо, Флэндри приказал установить круговую боевую защиту, а сам прошел в рубку к Чайвзу.

Дичь, за которой они охотились, приплюснутым уродом чернела на фоне далеких звездных облаков. На экране было видно, что корабль оснащен легкой лучевой пушкой и торпедной установкой, более мощной, чем те, которые обычно устанавливаются на кораблях таких размеров. Выпускаемые из таких установок ракеты достаточно мощные, чтобы пробить силовую защиту «Хулигана», поразить и взрывом одного только ядерного заряда обратить его в ничто.

Флэндри нажал кнопку пуска, и трассирующий сигнал, полыхая, прочертил огненной чертой корабль Свантозика — вернее, то пространство, в котором и снаряд, и корабль сосуществовали, каждый на своей частоте. Общепринятому сигналу остановиться корабль не подчинился.

— Идем на сближение, — сказал Флэндри. — Сможешь нас синхронизировать?

— Смогу, сэр. — Гибкие трехпалые руки Чайвза запорхали над пультом. «Хулиган» нырнул, словно скопа упала на добычу, и прошел так, что на какое-то время Флэндри оказался в рубке управления корабля противника. Он узнал сидящего за пультом — Свантозик собственной персоной — и радостно засмеялся. Ардазирец бросил свой корабль в псевдоторможение. Менее опытный пилот пропустил бы этот момент и, прежде чем сообразил бы, что произошло, оказался бы за миллион километров отсюда. Слаженными действиями Флэндри и Чайвз сумели провести нужный маневр. Несколько минут они неотступно следовали каждому финту, каждой увертке корабля противника. Затем Свантозик, мрачно смирившись, продолжил полет по прямой. «Хулиган» начал понемногу сдвигаться вбок и наконец лег на параллельный курс в двадцати метрах от корабля ардазирхо.

Чайвз включил регулятор синхронизации. На какое-то мгновение, пока тяга второго порядка подстраивалась к одному из тысячи отдельных наборов частот, им стало плохо, но тут временные и пространственные параметры совпали. За доли секунд анализатор массы известил об этом автоматические системы управления, и регулятор синхронизации выключился. Тут же луч захвата впился в ставшую твердой обшивку вражеского корабля.

Свантозик попытался было перейти в другую фазу, но «Хулиган», не теряя его из виду, успел синхронизироваться снова.

— Пойдем рядом с ним, сэр? — спросил Чайвз.

— Сделаем лучше по-другому, — ответил Флэндри. — Они вполне могут взорвать себя, а заодно и нас. Абордажную трубу.

Уложенная кольцами абордажная труба полетела из боевого люка к корпусу другого корабля, намертво присосалась к нему, как пиявка, своими магнетронными присосками. Из энергетической пушки ардазирского корабля невозможно было стрелять по «Хулигану» под таким углом, а вот из торпедной установки, полыхая огнем, вылетела ракета, которую с корабля терран распылили лучом бортового орудия. Донарриец, огромный в своих доспехах, пустил по абордажной трубе «червяка», энергетическое сопло которого принялось выгрызать металл обшивки ардазирского корабля.

Флэндри скорее ощутил, чем увидел легкую рябь, которой был отмечен переход на первичную тягу, и нажал у себя на пульте переключатель режимов скоростей. Оба корабля одновременно перешли на привычные околосветовые скорости. Разница в скорости в 50 километров в секунду чуть было не разъединила их, но луч захвата продолжал держать, работали и компенсационные поля. Так бок о бок и продолжали свой полет корабли.

— Он на крючке! — кричал Флэндри.

Но все же добыча могла выкинуть какой-нибудь трюк, а потому ему надо оставаться рядом с Чайвзом, парируя возможные выпады, а удовольствие взять корабль на абордаж предоставить команде. Тело Флэндри даже зануло от жажды боя. А по внутренней связи доносились голоса: «“Червяк” прошел обшивку, сэр. Отряд входит в брешь. Со стороны противника четверо в доспехах и с переносным оружием...»

И начался крошечный ад. Энергетические лучи полыхали на неподатливой стали. Разрывные пули рвались, заставляя людей замирать в нерешительности и со свистом выбивая куски переборок. Команда терран беспощадно смела заставу, прежде чем та успела попортить им доспехи. Они сошлись в рукопашной схватке, неравной по силам — шестеро против четверых, поскольку половина команды Флэндри осталась на борту «Хулигана» за орудиями на случай обстрела ракетами.

Физически ардазирхо были крепче людей, но не это было главным, когда в ход пошли кулаки, так как именно огромные горзуни, дико вопящий шотлан со своим разящим ломом из несокрушимого сплава, успешно беснующийся донарриец, наносивший удары, которые оглушали, несмотря ни на какую броню, и решили исход боя. Запрограммированный штурман ардазирхо

умер. С остальных снимали доспехи и отправили в трюм «Хулигана».

Флэндри совсем даже не был уверен в том, что Свантозик не запрограммирован таким образом, что пленение для него равнозначно смерти. Хотя кое-какие сомнения в этом у него появились уже давно, поскольку похоже было, что урдаку так разбрасывались своими лучшими офицерами, которых, в случае чего, можно было выменять на пленных терран или вызволить как-то иначе. Возможно, у Свантозика были блокированы в памяти сведения о координатах родного солнца, и он не мог их вспомнить без наставления по навигации.

Терранин вздохнул и сказал устало:

— Чайвз, побережь в каюте, приведешь ко мне Свантозика, поставишь часового у дверей и принесешь нам что-нибудь попить.

Когда он проходил мимо абордажной команды, один из людей, завидев его, расплылся в улыбке и шумно его приветствовал. «Тоже мне, герои», — пробормотал Флэндри.

Настроение у него немного улучшилось, когда вошел Свантозик. Ардазирец ступал горделиво, вскинув свою рыжую башку. Юбка на нем каким-то образом опять стала опрятной. Но в его волчьем взгляде таилась внутренняя дрожь. Когда он увидел, кто сидит за столом, то весь напрягся, шерсть на его поджаром теле встала дыбом, и послышалось утробное рычание.

— Да, это я, — сказал человек. — Но все еще не побывал в Небесной Пещере. Располагайтесь. — Он махнул рукой в сторону стоявшего напротив его кресла диванчика.

Медленно, как бы по частям, Свантозик опустился на диванчик и наконец промолвил:

— Пословица гласит: «И подумать не успеешь, рогаца уж след простыл». Я касаюсь носа в вашу честь, капитан Флэндри.

— Я рад, что вам не перепало от моих людей. Им было отдано распоряжение доставить вас непременно живым. Ведь вся суть в этом.

— Разве уж так я допекал вам в Пещере? — с горечью в голосе спросил Свантозик.

— Наоборот, вы были столь радушным хозяином, каким мне быть не удастся, но, может быть, я сумею отблагодарить вас за все хорошее. — Флэндри достал сигарету. — Вы уж меня простите, но вентиляцию я включил, а мозги у меня работают только на никотине.

— Я так полагаю, — взгляд Свантозика обратился к черноте галактического мрака на обзорных экранах, — что вам уже известно, какая из этих звезд наша.

— Известно.

— Мы ее будем защищать до последнего корабля. Чтобы сломить нас, вам потребуется намного больше сил, чем вы можете отозвать со своих границ.

— Значит, вам известно о положении дел в Сираксе. — Флэндри выпустил струйку дыма через нос. — Скажите мне, если у меня сложилось правильное представление, ведь вас высоко ценят в космической службе Ардазира и в самом орбехе урдаху?

— Скорее в первом, чем во втором, — угрюмо сказал Свантозик. — Вожаки стай и старые самки меня выслушают, но влияния я на них не имею.

— И все же... Взгляните еще разок на Небесную Пещеру. Что вы видите?

Они уже так близко подошли к туманности, что могли различить и менее плотные участки, сквозь которые откуда-то сбоку пробивалось внутреннее свечение. Словно зловещая черная башня высилась среди созвездий. В тусклом красном свечении по краям туманности вырисовывались валуны и нити, словно утасаживающий костер тлел в затянутом паутиной гроте. В нескольких градусах вбок от туманности синевой булатной стали отливало солнце Ардазира.

— Конечно же, саму Небесную Пещеру, — недоумевая ответил Свантозик, — Великую Черноту. Врата Смерти, как называют ее люди верующие... — Его голос, в котором звучала издевка, дрогнул.

— Значит, никакого просвета? Она для вас совсем черная? — Флэндри медленно покивал головой. — Так я и думал. Ваша раса не видит красной части спектра. Вы глубже нас воспринимаете фиолетовую. Вот почему я в ваших глазах серый, а сами вы — черный. Вот взять эти отвратительные сочетания разных оттенков красного на вашей юбке... Ведь все они представляются вам черными. — Для обозначения красного он употребил слово на урдаху, на самом деле значившее желто-оранжевый цвет, но Свантозик понял его.

— Нашим астрономам давно известно о невидимом излучении из Небесной Пещеры на длинах радиоволн и еще более коротких волн, — сказал он. — Ну и что из этого?

— Только то, — сказал Флэндри, — что вы живете по приказам, которые получаете из туманности.

Ни один мускул не дрогнув на лице Свантозика, но Флэндри видел, как совершенно произвольно снова вздыбилась шерсть и прижались уши.

Человек сидел и глядел на сигарету, которую вертел в пальцах.

— Вы думаете, что бросились вдруг завоевывать миры потому, что за вами стоит Имирское Рассеяние, — сказал он. — Вполне можно предположить, что они снабдили вас оружием, роботами, научными знаниями, всем, в чем вы нуждались, и поставили вас

на путь завоеваний. На этот раз, чтобы уничтожить в нашей Галактике Терранскую Империю и сделать вас главенствующей нацией среди кислорододышащих. Вам дали понять, что люди и имирцы не ладят между собой. А те технические специалисты, что прибывали на Ардазир помочь вам подготовиться к завоеваниям, они были имирцами?

— Некоторые из них, — ответил Свантозик. — Правда, главным образом там были кислорододышащие. С ними нам много удобнее работать.

— И вы считали, что они просто клиенты имирцев, так? — продолжил Флэндри. — А вот вы подумайте: откуда вы знаете, что кто-то из имирцев действительно бывал на Ардазире? Им бы все время пришлось сидеть в своих кораблях под силовой оболочкой. А был ли кто на тех кораблях вообще, или там были только пульты дистанционного управления? Или какое-нибудь чучело имирца? Таким образом, не так уж трудно им было надуть вас. Нет ничего загадочного в кораблях такого типа. Их нетрудно построить. Здесь все дело в том, что похожие на нас расы не прибегают к такому сложному дополнительному обустройству, поскольку поля отрицательной гравитации обеспечивают вполне надежную защиту от воздействия материальных частиц, но ничто не защитит при попадании ядерного боеприпаса в корабль.

А если даже кто-то из имирцев и бывал на Ардазире... Откуда у вас уверенность в том, что именно они стоят за всем происходящим? Насколько вы можете быть уверенными в том, что настоящими хозяевами положения не являются как раз их «вассалы»?

Свантозик оскалился и процедил сквозь зубы:

— Вы резво бьетесь в сетях, капитан, но само предположение...

— Конечно, я строю предположения. — Флэндри закурил, и его взгляд с такой силой столкнулся со взглядом Свантозика — серый кремнь с серой сталью, — что искры полетели. — Вы обладаете научной культурой, так что знаете — чем проще гипотеза, тем она предпочтительнее. Так вот, я могу объяснить факты намного проще, чем несуразными предположениями о том, что Имир решил сунуть свой нос в дела карликовых и ненужных самому Имиру планет. Ведь у Имира и Терры никогда не было серьезных трений. Нам ничего не надо друг от друга. Им известно, что никогда и никакая раса терранского типа не представит для них серьезной угрозы. Они едва ли в состоянии отличить терранина от мерсейца, будь то по внешнему виду или образу мышления. Так какое им дело, кто победит?

— Я и не пытаюсь этого понять, — упрямо отвечал Свантозик. — У меня мозг не из соединений аммиака. Дело, однако, в том...

— ...что иной раз отдельные имирцы совершают враждебные действия, — закончил Флэндри. — Я сам оказался объектом

подобных действий. Поскольку нет никакой ясности, с чего ради, кроме как по распоряжению своего правительства, то и было принято это объяснение. А между тем у нас все это время перед глазами маячила другая причина. Я знаю ее. Она из того десятка, что мне пришлось самого себя заставить ее принять, потому что у меня просто не было доказательств. Но я надеюсь вскоре получить подтверждение этому.

— Когда купить не можешь, черни его!

Опиравшийся до того на согнутые в локтях руки, Свантозик дернулся, уперся ладонями в диванчик, ноздри у него задрожали, и он резко спросил:

— Откуда все это? Разве вы можете знать низменные побуждения личной жизни водорододышащего? Я даже не поверю, будто вы знаете, что у этой расы считается преступлением.

— Не знаю, — ответил Флэндри. — Да это и не важно. Но вот есть кое-кто, способный выведать, что у них на уме. Он может это сделать, оказавшись рядом, без всякого предварительного изучения, и не важно, податлив ли от природы этот другой телепатическому воздействию или нет. Как я полагаю, он, должно быть, воспринимает какую-то основополагающую энергию, о существовании которой наша наука даже не подозревает. Только из-за него мы на Терре придумали экранирующий шлем для защиты мыслей. Он несколько недель провел в Солнечной системе — бывал и на Терре, и на Юпитере. Он мог прозондировать самые сокровенные мысли имирского сопровождающего. А ведь Айхарайх, этот самый телепат, кислорододышащий. У меня мурашки по коже, как только представлю, какое должно быть ощущение, когда воспринимаешь имирские мысли, порожденные протоплазменным мозгом. А он их воспринимал. В каких местах еще он бывал? Сколько лет? Как крепко он держит в руках правителей урдаху?

Свантозик лежал совершенно неподвижно, а за спиной у него светились миллионы леденистых звезд.

— Я так скажу, — закончил Флэндри, — ваш народ стал простым орудием Мерсейи. Все это они провернули за пятнадцать лет, может, чуть больше времени ушло у них на это — я не знаю, насколько стар Айхарайх. Вас натравили на Терру в точно выбранный момент, когда вы поставили нас перед выбором: или потерять жизненно важное звездное скопление Сиракс, или дать себя погубить и ограбить в сфере собственных владений. Вот вы лично, будучи разумным охотником, будете сотрудничать с Имиром, который, как вы понимаете, никогда напрямую не будет угрожать Ардазиру и который, надо полагать, останется вашим союзником и после окончания войны и, таким образом, окажет вам защиту во все грядущие времена. Но решитесь ли вы на сотрудничество с Мерсейей? Вам должно быть ясно, что мер-

сейцы вам такие же соперники, как и Терра. А после распада Терранской Империи Мерсейя быстро покончит с вашей сколоченной на скорую руку империей. Скажу я вам, Свантозик, что вы стали игрушкой в руках ваших сюзеренов и что они все это время были орудиями в руках Айхарайха. Думаю, они тайком летают в космос получать приказы от мерсейской банды, которую, как мне кажется, я сумею накрыть.

17

На подходе флиттеров к туманности Флэндри услышал, как завывли пленные ардазирхо. Даже у Свантозика, который бывал здесь и раньше и выказывал стойкий агностицизм, шерсть на загривке встала дыбом, и он облизывал пересохшие губы. Лишенных способности видеть красную часть спектра, должно быть, охватил ужас при виде того, как разрастается огромная чернота. Вот она поглотила все звезды, и только приборы показывают, что есть еще что-то внутри этого абсолютного мрака. И пребудет древний миф, поскольку в подсознании каждого урдаху здесь — Врата Смерти. Несомненно, это было одной из причин того, почему мерсейцы выбрали именно эту туманность для своего логовища, из которого они направляли судьбу Ардазира. Лишающий воли страх должен был низвести Вожаков стай до роли жалких марионеток.

И потом, с житейской точки зрения, те, кого вызывали сюда, чтобы выслушать, как идут дела, и отдать распоряжения по дальнейшим действиям, практически были слепыми. И чего сами не видели, о том не рассказывали и другим — откуда тут взяться сомнениям?

Сам-то Флэндри видел зловещее великолепие: справа и слева вырисовывались уступы и поля, погруженные в полнейшее безмолвие, каньоны и крутые кручи, вырванные из мрака красной подсветкой. Если судить беспристрастно, то, как он знал, туманность представляла собой почти полный вакуум даже в самых плотных на вид местах и что картина сменяющих друг друга пещер порождена исключительно размерами и расстояниями, а вот глаза говорили ему, что он плывет в глубь Страны Теней, где стены и крыши подобно солнечным системам необозримо велики, и ощущение собственной малости потрясло его.

По мере того как корабли уходили все дальше в глубь туманности, мгла сгущалась, насыщеннее становилось и свечение, пока наконец Флэндри не увидел прямо по курсу лик инфрасолнца — большой размытый диск насыщенного малинового цвета, испещренный траурными пятнами и полосами и окаймленный невероятными арабесками протуберанцев. Здесь, в сердце туманности, пыль и газ сгущались, и новая звезда приобретала свои очертания.

Пока что она светилась просто за счет гравитационной энергии, по мере сжатия испуская тепло. В большей своей части эта титаническая масса все еще была прозрачно разреженной, но вот плотность ее ядра, должно быть, уже приближалась к величине квантового коллапса, а температура в центре достигала нескольких миллионов градусов. В скором времени — через несколько миллионов лет, когда человек станет ископаемым и даже ветер не сохранит памяти о нем — разгорятся атомные костры, и новым сиянием разгорится этот уголок небес.

Свантозик взглянул на приборы своего корабля.

— Мы ориентируемся по этим трем космическим источникам излучения, — сказал Свантозик, показывая на приборы, но его слова потонули в напряженной тишине. — Когда мы подходим ближе к... штабу... мы передаем свои позывные, и нас ведут до места по приводному лучу.

— Хорошо. — На испуганно-сердитый взгляд инопланетянина Флэндри ответил ровным сочувствующим взглядом. — А что делать после посадки, сами знаете.

— Знаю. — Свантозик поднял свою худую, погасшего вида морду. — Больше я никого не предам — вот вам мое слово, капитан. Я бы остался верным и Вожакам стай, если бы не счел, что вы правы и что они запродали урдаху.

Флэндри кивнул и положил руку на плечо ардазирца — оно слегка подрагивало под его ладонью. Хотя он чувствовал, что Свантозик и впрямь говорит искренне, он все же оставил двух человек на призовом корабле, чтобы те проследили, не преходящая ли эта искренность. Конечно, Свантозик мог принести себя в жертву и передать предупреждение, а то и солгать насчет того, что во всей туманности только один пост, но приходилось идти на определенный риск.

Флэндри прошел по абордажной трубе на свой корабль, трубу убрали, и оба аппарата какое-то время шли на параллельных курсах.

«Несотворенные миры!» Такая малюсенькая зацепка, что Флэндри ничуть не удивился бы, выйди он на ложный след. Но... уже не одно столетие известно, что когда вращающаяся масса уплотнится в достаточной степени, то начинают приобретать форму и вращающиеся вокруг центрального ядра планеты.

В тусклом сиянии разбухшего солнца Флэндри увидел цель своего полета, казавшуюся пока чем-то вроде пылегазового пояса, вобравшего в себя каменные обломки, громадные и вытянувшиеся по концентрической орбите бусинами местных очагов концентрации. Постепенно силы притяжения и спин сводят их вместе. Лед и первичные углеводороды, осевшие в условиях жесточайшего холода на твердых частицах, при столкновении их соединят.

а не дадут разбиться друг о друга, разлететься в стороны при ударе. В зародыше нового мира не было видно ничего интересного — вот разве что самый большой нуклеус — темное, все изрубцованное и испещренное льдом, безумно перекрученное астероидное тело, словно окруженное роем танцующих светляков — метеоритов размерами поменьше самого тела, от скалы до пылинки, которые медленно оседали на астероид.

Флэндри прошел в рубку и сел рядом с Чайвзом.

— Насколько я могу судить, — сказал он, — это будет планета типа Терры.

— Не оставить ли нам записку будущим ее обитателям, сэр? — с невозмутимым видом спросил шалмунец.

Флэндри расхохотался просто от напряжения и с расстановкой добавил:

— Кстати, можешь представить, что могло произойти на Терре до того, как она образовалась.

Чайвз вытянул руку. От льющегося на них красного света его зеленая кожа приобрела какой-то отвратительный оттенок.

— Думаю, это мерсейский маяк, сэр.

Флэндри посмотрел на приборы:

— Готовьсь. Разбежались.

Он не хотел, чтобы вражеский радар показал на своем экране, что подходят два корабля, и потому дал Свантозику уйти вперед, потеряв его из виду, а сам послал «Хулигана» окольным путем.

— Нам лучше выйти где-нибудь километрах в десяти от их базы, чтобы наверняка оказаться вне поля их видимости, — сказал он. — Ты засек их координаты, Чайвз?

— Вроде бы да, сэр. Неравномерность вращения центрального астероида затрудняет точное определение, но... Позвольте мне, сэр, проложить курс, пока вы выходите в этот район.

Флэндри взял управление кораблем на себя, если так можно выразиться при полетах в космосе. Приборы и средства автоматики с быстродействием и точностью совершения операций, о которых человеку остается только мечтать, все равно будут выполнять большую часть работы, но в незнакомой, все время меняющейся обстановке главные решения принимает человеческий мозг. *«Если пройти сквозь вон то ледяное облако, удастся ли уклониться от столкновения с этим каменным роем?»*

Даже простой удар по упругому защитному силовому полю мог поставить космический корабль на грань гибели, вызвав опасные напряжения в металле аппарата.

На фоне неясно вырисовывающихся картин туманности Флэндри увидел, как два источенных метеорита идут прямо на него, кувыряясь в полете, словно железные кубики. Он сбросил скорость и включил ускоренный «спуск» — метеориты прошли мимо.

Иззубренный вращающийся конус длиной километров пять шел прямо в лоб, но Флэндри удалось проскользнуть в нескольких метрах от его поверхности. Что-то промчалось мимо так быстро, что глаз отметил только загадочную огненную вспышку. Еще что-то стукнуло у миделя, и от удара Флэндри лязгнул зубами. Маленькая круговерть замерзших газов — комета — высветилась на экране красноватым бураном.

И тут перед ним вырос основной астероид. Чайвз выкрикнул цифровые данные, и «Хулиган» заскользил над суровым ландшафтом.

— Приехали, — закричал Чайвз, и Флэндри нажал на «стоп». — ...Сэр, — добавил шалмуанец.

Флэндри осторожно повел корабль вниз. Наступила полная тишина. За бортом царил мрак. Сели.

— Останешься на корабле, — сказал Флэндри, и на зеленом лице Чайвза проступило возмущение. — Это приказ, — добавил он, зная, как ранит напарника, но выбора у него не было. — Может так случиться, что придется деру давать, если дела пойдут неважно, кому-то надо будет доложить Уолтону.

— Слушаюсь, сэр, — произнес Чайвз чуть слышно, и, когда Флэндри пошел к выходу, он так и сидел, склонившись над пультом.

Вся команда, за исключением тех двоих, что остались при Свантозике, уже была облачена в боевые доспехи. На кентавроподобной спине донаррийца была установлена атомная гаубица, а при ней готовый открыть огонь человек. Узлы ракетной пусковой установки несли на своих спинах два горзуни. Шотлан распевал боевую песню, размахивая своим любимым всесокрушающим ломом. Находившиеся при нем пять человек, бряцая металлом, построились в шеренгу. Флэндри, тоже надев скафандр, повел отряд.

Они вышли в беззвездную темень, и только светящиеся циферблаты детекторов да проблесковый луч маяка, мутной лужицей видимый в вакууме, подтверждали, что со зрением все в порядке. По мере того как они привыкали к темноте, Флэндри начал различать слабенькое, словно отраженное от облаков свечение над головой, и кровавые капли, когда на кружащие вокруг астероида метеориты падали отсветы солнца. Сила тяжести была столь незначительной, что даже в бронированном скафандре он чувствовал себя почти что невесомым. А сила инерции осталась прежней, и было такое ощущение, словно идешь по дну какого-то бесконечного океана.

Он проверил, работает ли переносной трассер для обнаружения нейтрино. В этой круговерти материи, присущей всякой туманности, все приборы давали искаженные данные, в каждом

спектре заявляла о себе пыль растянувшимся на миллион лет криком входящего в жизнь новорожденного. Но явно впереди была атомная электростанция, и быть она могла только в одном месте.

— Действовать сообща, — приказал Флэндри, — не разбредаться и в эфир, конечно, не выходить. Вперед.

И они вприпрыжку понеслись по невидимой поверхности — изрытой, иногда скользкой от покрывших ее замерзших газов. Вот она задрожала, и гул передался через подошвы по всему телу — развалился какой-то валун.

Тут поднялось солнце, громадное и расплывчатое, во всем своем великолепии, над линией горизонта, и его янтарный свет полился на лед и железо. Оно ползло вверх прямо на глазах. Отряд Флэндри рассыпался, перейдя к другой тактике: они перебежали от укрытия к укрытию, от скалистого выступа к неглубокому кратеру, пережидали и снова совершали перебежку по ровному участку. В своих темных бронескафандрах они были подобны движущимся теням среди множества других теней.

Показался мерсейский купол — синяя полусфера, окрасившаяся в пурпурные тона при царившем освещении и приютившаяся в неглубоком, широком кратере. На высотках вокруг кратера были установлены генераторы антиполя для создания силового навеса от метеоритного дождя. На короткое время его отключили, чтобы дать сесть Свантозику — его приземистый черный флиттер сел у крутого откоса в двух километрах от купола. Небольшой быстроходный боевой корабль, чисто мерсейский — еще одно последнее доказательство, — рассчитанный душ на двадцать, стоял рядом с куполом. Носовое орудие корабля было нацелено на корабль ардазирхо. Обычная предосторожность, ведь других средств защиты не было. А чего мерсейцам здесь бояться?

Флэндри присел на корточки и настроил свою радиостанцию. Радиус действия радиостанции Свантозика был достаточен для того, чтобы и он смог слышать переговоры между кораблем и куполом. «...Нет, милорды, я прибыл сюда не по собственной инициативе. Я счел, что положение на Виксене не терпит промедления, и решил, что необходимо немедленно поставить вас об этом в известность, а не терять время на полеты на Ардазир...» Так, просто лепет, обман наобум, чтобы выиграть время и дать Флэндри напасть.

Флэндри устроил переключку своей команды, они по очереди дали знак, что здесь и слышат его, и он повел всех вперед. Силовое защитное поле не доходило до земли, и они, проскочив под ним, поползли к куполу. Неровная, закрытая плотными тенями скалистая поверхность служила отличнейшим прикрытием.

План Флэндри был прост: он прокрадется прямо к куполу и бросит в него взрывное устройство небольшой мощности. Воздух вырвется наружу, мерсейцы погибнут, и он сможет потом на досуге изучать их документы. При таком малочисленном отряде и спешке он не мог позволить себе роскошь рыцарского поведения.

«...таким образом, вы видите, милорды, мне стало ясно, что терране...»

«Всем надеть скафандры! Мы подвергаемся нападению!»

Громкий звук отозвался в наушниках Флэндри — на мерсейском языке, но кричал явно не мерсеец, судя по голосу. Невероятно, но каким-то образом они обнаружили его приближение.

«Ардазирхо против нас! Уничтожить их!»

Флэндри пустился бегом к куполу, а в следующее мгновение земля закачалась под ногами. Несмотря на всю защиту, которую давал скафандр, он почувствовал удар в солнечное сплетение. Ему показалось, будто и с закрытыми глазами, прикрыв их рукой, он все равно увидел мгновенную термоядерную вспышку.

Ударной волны не последовало — из-за отсутствия атмосферы, и выстрелом только стерло с поверхности корабль Свантозика. Распыленный металл взвился в вихре, сгустился и стальным крошечным обрушился на астероид, который вздрогнул и замер. Флэндри прыгнул вперед. В горле у него застрял сухой комок. Он понимал, испытывая при этом легкое чувство вины, что больше скорбит по Свантозику из Джанир Йа, чем по двум людям.

«...атакующие примерно в 60 градусах севернее точки восхода солнца, в 300 метрах от купола...»

Орудийная башня мерсейского корабля развернулась в его сторону. Уже мчался во весь опор донарриец, и облаченный в защитный скафандр человек на его спине, крепко вцепившись в оружие, готовился к выстрелу. И когда оружие противника нашло себе цель, заговорила атомная гаубица.

На этот раз взрыв был не таким сильным, но солнце померкло в этом безмолвном голубовато-белом адском сиянии. Верхняя половина корабля взметнулась огненным облаком, обратилась в шар, сначала белый, потом лиловый и, наконец, розовато-красный, который затем расплозся и пропал в небе туманности.

Корма корабля покачалась из стороны в сторону, обрубок заливао расплавленной сталью, затем он медленно накренился, ударился о дно кратера и покатился, сотрясая почву, к скалам, ударился о них, покачался и замер.

Когда Флэндри открыл глаза, снова лился холодный тусклый свет. — В атаку! — закричал он во все горло.

Донарриец вприпрыжку неся назад. Горзунни, присев на корточки, в считанные секунды собрали пусковую установку и нацелили ракету с химическим зарядом на купол.

— Огонь! — крикнул Флэндри, и команда эхом отозвалась у него в скафандре, заглушая космические шумы и гул.

Полыхнул огонь в точке попадания ракеты и повалил дым — в куполе зияла дыра, из которой вырывался воздух, и содержащаяся в нем вода замерзала и тонким слоем тумана повисала над кратером. Очень медленно при притяжении на астероиде он стал оседать, так что, когда команда бросилась в атаку, каждого окружала легкая дымка.

Мерсейцы выскочили из купола. Их было около двух десятков, как показалось Флэндри, тех, кто успел после предупреждения натянуть на себя скафандр. Мерсейцы, большие и черные, с сочлененными пластинами на хвостах, неслись, пригибаясь к земле, яростно топя на ходу. Под близкими скафандрами, должно быть, разверстые в реве тяжелые пасти — их хриплые крики гремели в его шлемофоне.

Он бегом бросился вперед, разрывы выпущенных противником зарядов накрыли его светящейся простыней, и, несмотря на всю защиту, которую давал ему скафандр, он чувствовал жар этого сияния и нервная дрожь охватила его. И тут он выскочил на линию обороны мерсейцев.

И оказался один на один с похожим на динозавра существом. Пламя из бластера мерсейца, сведенное в тонкий луч, вьелось в кирасу Флэндри, который выстрелил из своего энергетического пистолета и попал прямо в оружие противника. Мерсеец заревел и попытался прикрыть свое оружие бронированной перчаткой. Но Флэндри продолжал держать луч, и боевая перчатка засияла ярким светом. Мерсеец выпустил из рук бластер, вскричав от боли, резко, при такой-то силе тяжести, прыгнул вперед, развернулся и рубанул хвостом.

Удар свалил Флэндри с ног, его протащило по земле, и он с такой силой ударился о купол, что его оглушило, и он бессильно замер. Мерсеец подался к нему, потянулся могучими руками за оружием терранина, и Флэндри пустил в ход прием дзюдо: он с силой ударил запястьем руки между большим и указательным пальцами мерсейца, а другой рукой все тыкал пистолетом в мерсейца, пока ему не удалось попасть в смотровую щель, и тогда он нажал на спусковой крючок. Мерсеец подался назад, Флэндри вслед за ним, вплотную, не давая обезумевшему противнику высвободиться. Секунда, две, три, четыре — и наконец луч его пистолета прорезал суперстекло. Отвратительно медленно мерсеец упал.

В горле у Флэндри ужасно першило. Он вгляделся в длинные красные полосы дымки, пытаясь понять, что происходит. Его люди все еще были в меньшинстве, но разрыв этот быстро сокращался. Донарриец с силой сшибал мерсейцев с ног, швырял их о скалы, тряс и молотил их с такой силой, что они погибали просто

от сотрясения мозга. Стоя плечом к плечу, горзуни палили из бластеров всеми своими руками, так что никакой металл не мог выдержать такого концентрированного огня. Шотлан нечеловечески быстро прыгал, и его всесокрушающий лом летал по воздуху подобно боевому топору — удар, еще удар по уязвимым сочленениям, молотить до тех пор, пока что-нибудь не поддастся и воздух не вырвется из скафандра. А терране работали как заводные, мрачно поливая все из бластеров и пулевых ружей, меча гранаты и вырывая оружие из рук мерсейцев приемами каратэ. На земле лежали тела двух убитых человек. Еще одного с силой ударило о купол, и Флэндри услышал в шлемофон, как тот закричал от боли. Но куда больше по кратеру было разбросано вражеских трупов. Терране побеждали. Несмотря ни на что, они побеждали.

Но...

Флэндри обежал взглядом все вокруг. Кто-то неведомо как вдрут понял, что отряд опытных космических бойцов продвигается под превосходным прикрытием к куполу. Флэндри не знал такого способа, чтобы узнать об этом без помощи приборов, а он их не обнаружил. Разве что...

Конечно же. Он увидел, как кто-то высокий и худощавый взбирается по склону. На короткое время он вырисовался на фоне кровавого солнца, а затем пропал из виду.

Так, значит, Айхарайх сидел в куполе.

Никого из людей ему из боя брать нельзя, даже если бы это было возможно, и Флэндри помчался за Айхарайхом сам.

В три прыжка он выскочил на кромку кратера, и его взору открылось нагромождение черных валунов. Не было заметно никакого движения, но в этой Стране Теней невооруженным глазом на расстоянии трудно было хоть что-то разглядеть. Однако он знал, в какую сторону направился Айхарайх — сейчас был только один путь выбраться из туманности, а нужную ему информацию херейонит добыл из людских голов.

И Флэндри пустился в путь. Прыжок, но не высоко, а то неизвестно, опустишься ли вообще, прыгать надо в длину и низко над поверхностью — и черный железный мир летит под тобой, а антрацитовое солнце снова заходит, и мир погружается во мрак безмолвия, смерти, неприкаянности. Умрешь здесь, и твоё тело будет погребено под низвергающимся материком, частицы твоего существа навечно будут заточены в ядре какой-нибудь планеты.

Вспыхнул луч, резанул по его скафандру, и, еще не успев сообразить, он упал на землю. Флэндри лежал в небольшом, укрытом тенью кратере и вглядывался в непроглядную тьму на поверхности гигантского метеорита; и солнце было где-то сзади. И вот на этом склоне...

«Ты можешь идти быстрее меня, — пришли к нему слова Айхарайха. — Ты мог бы добраться до своего корабля и предупредить своего подчиненного. А я, конечно, смогу попасть на корабль только хитростью. Он услышит, как я говорю по радио твоим голосом о том, что известно только вам двоим, а увидит меня, лишь впустив меня в корабль, и это будет слишком поздно для него. Но сначала я должен дать завершение твоей жизни, капитан Флэндри».

Человек еще крепче вжался в темноту и почувствовал, как почти абсолютный холод породы пробивается сквозь скафандр и бежит по коже.

— Ты уже не раз пытался сделать это, — ответил Флэндри.

— Да, я действительно думал, что тем вечером в «Хрустальной Луне» я попрощался с тобой навсегда. — Смешок Айхарайха прозвучал чистой музыкой. — Мне представлялось, что тебя, по всей вероятности, пошлют на Юпитер — я тщательно изучил мысли адмирала Фенросса, — а Хорксу были даны указания погубить ближайшего посланца с Терры. Но на празднество я пришел в большей степени потому, что я сентиментален, а ведь ты был украшением моей действительности, и я не мог отказать себе в удовольствии в последний раз переговорить с тобой...

— Друг мой, — проскрипел в ответ Флэндри, — ты сентиментален как глыба замерзшего гелия. Ты просто хотел известить нас о своем присутствии. Ты заранее знал, что твое присутствие встревожит нас настолько, что мы сосредоточим все свое внимание на Сираксе, куда, как ты намекнул, ты вроде бы собирался отправиться, оставшееся — на Имире, куда оно было направлено твоей превосходной отвлекающей операцией. Ты заставил наших людей из разведки крутиться вокруг Юпитера, мчаться в звездное скопление Сиракс в лихорадочных поисках дел рук твоих, и все для того, чтобы без помех манипулировать Ардазиром.

— Моему эгоизму очень будет не хватать тебя, — холодно проговорил Айхарайх. — В этот век упадка только ты можешь в полной мере оценить мои усилия или по-умному осудить их, если я провалюсь. На этот раз никак нельзя было предвидеть, что ты выживешь на Юпитере. Последовавшее за этим твое назначение на Виксен, естественно, обернулось для нас катастрофой, но... — Пробудился философ, и Флэндри ясно представил себе, как затуманились красненькие глазки Айхарайха видением тех беспредельных далей, которые людям и представить себе невозможно. — Нет в этом бесспорности. Жизнь во всей своей совокупности все время не дается нам, ускользает, и в этой таинственности покоится сама ее суть. Как мне жалко бессмертного Бога!

Флэндри выскочил из кратера.

Оружие Айхарайха полыхнуло огнем, но луч, рассыпавшись искрами, отразился от брони. Поддался рефлексу — совершил промах. Теперь Флэндри знал, где Айхарайх, херейониту некуда было деваться. Как приятно сознавать в этой мясорубке миров, что противник, который видел на двадцать лет вперед и управлял, словно невидимый рок, целыми народами, тоже иногда делает ошибки.

Флэндри прыгнул и обрушился на Айхарайха.

В упор полыхнул заряд из бластера. Флэндри рубанул ребром ладони по запястью Айхарайха, и хотя оно не треснуло — защитил скафандр, — зато оружие полетело в темноту. Флэндри схватился за свой пистолет, но Айхарайх разгадал его намерение и бросился в рукопашную схватку. Заходящее солнце поливало его своим зловещим светом, и в этом свете Айхарайх видел лучше, чем Флэндри, а через несколько секунд, когда наступит мрак, человек и вовсе ослепнет, а херейонит сможет одержать верх.

Айхарайх поставил человеку подножку и толкнул его. Флэндри повалился на землю, а его противник подался назад, но Флэндри падал довольно медленно и успел схватить Айхарайха за пояс, и они вместе покатались по склону. В шлемофоне слышалось свистящее дыхание Айхарайха — соколиный свист. Даже в своем громоздком скафандре он казался каким-то текучим, только с трудом его можно было удержать руками.

Они упали на дно кратера. Флэндри обхватил ногами ноги Айхарайха, изловчившись, оказался на спине противника, схватил его руки, просунул одну руку под скафандром — задушить, конечно, не мог, но мог не дать ему двигаться, обеими руками ухватился за запястье одной из рук Айхарайха — и с силой дернул.

В шлемофоне раздалась трель, и сопротивление прекратилось. Флэндри лежал на противнике и ловил воздух ртом. Солнце село, и темнота сомкнулась вокруг них.

— Боюсь, ты сломал мне локтевой сустав, — сказал Айхарайх. — Я вынужден признать себя побежденным.

— Извини, — сказал Флэндри, и он сказал это совершенно искренне. — Я не хотел.

— В конце концов, — вздохнул Айхарайх, и такой душевной усталости еще никогда не доводилось слышать Флэндри, — я проиграл не лучшему уму, и не в высшем суде, а в результате того неизменного факта, что твоя планета крупнее моей, а потому и мускулы у тебя крепче. Нелегко будет ввести это в гармоничную действительность.

Флэндри достал из кобуры свой бластер и принялся сваривать вместе рукава их скафандров. Сломана рука или нет, он не собирается рисковать. Не очень-то хорошо, что этот великий недремлющий ум какое-то время, необходимое для того, чтобы

добраться до корабля, будет в непосредственной близости от его мозга.

Айхарайх заговорил снова легко, словно забавляясь:

— Я тут кое о чем вспомнил, что придется вам по душе. Так вот, поскольку вы все равно вычитаете это в наших бумагах, скажу тебе сейчас же, что правители урдаху придут сюда на встречу через пять земных суток.

Флэндри весь напрягся, проникшись гордостью за самого себя. Один выстрел из пушки — и Ардазир обезглавлен!

Постепенно напряжение и горделивость пропали. Он наконец надежно прикрепил к себе пленника, и они помогли друг другу встать.

— Пойдем, — сказал терранин, — мне еще работать надо.

18

Черулия не лежит на пути из звездного скопления Сиракс в Солнечную систему, но Флэндри возвращался на родную планету через нее. Он сам толком не знал, почему он так решил, и, по правде говоря, делал это без особого желания.

Он приземлился в главном космическом порту Висксена.

— Чайвз, сдастся мне, что долго я не задержусь, — сказал он. — Так что займись пищей.

Упругой походкой он сошел по трапу, в крутоверти золотого и алого прошел санитарный кордон и взял аэротакси до Гарта.

В мирном городе царило лето. Сейчас, в период апострона, когда атмосфера поглощала ультрафиолетовые лучи, солнце Висксена вполне могло сойти и за терранское, вот только было оно поменьше, поярче, но такое же ласковое на голубом небе, в выси которого плыли белые облака. Зелень полей протянулась до самой Пустыни, мерцала на солнце река, где-то на краю света мечтательно парили снежные вершины Кряжа.

Флэндри отыскал нужный адрес в будке телесвязи, но не стал звонком предупреждать о своем приходе, а пошел по оживленным улицам к маленькому домику, над заросшими виноградом стенами которого золотилась островерхая крыша.

Дверь ему открыла Кит и долго стояла, замерев, пока наконец не проронила:

— А я уж было испугалась, что ты погиб.

— Пару раз был близок к тому, — смутившись сказал Флэндри.

Она схватила его за рукав трепещущими руками.

— Нет, — сказала она, — тебя-я-я, такого живучего, никогда не убьют. Ой, дорогой, заходи же! — Она прикрыла за ним дверь.

Он прошел за ней в гостиную, сел. Над кустами роз сквозь забранное решетками окно лилось солнце, и синие тени ложились

на уютную, заботливо подобранную обстановку. Ему было приятно смотреть, как девушка набирает номер пневмодоставки, чтобы заказать напитки, как она щебечет с отчаянным весельем.

— Мог бы и написать, — сказала она, широко улыбаясь, чтобы он не подумал, будто ему выговаривают. — Когда ардазирхо убралась с Виксена, мы здесь быстро все наладили, так что уж через несколько часов пневмопочта всюю работала.

— Занят был, — сказал он.

— А теперь свободен? — Она протянула ему виски, сама села напротив, поставив бокал себе на обнаженную загорелую коленку.

— Похоже, что так. — Флэндри достал сигарету. — До новой заварушки.

— Я так и не поняла, что произошло на самом деле, — сказала Кит. — Все темнят.

— В таких делах обычно темнят, — сказал Флэндри, обрадовавшись, что можно поговорить о чем-то неличном. — Поскольку имперские власти умаляли степень опасности в сознании людей, то им едва ли пристало сообщать о славной победе во всех подробностях. А все было очень просто. Стоило нам только покончить с верхушкой ардазирхо там, в туманности, как у них на планете начался сплошной развал. Бывшие в то время на Виксене силы пошли на подмогу родной планете, так как мятежи полыхали по всей их крохотной империи. Следом за ними пошел и Уолтон. Он не искал решительного сражения, так как флот у него был послабее, чем у противника, но он все время висел над ними потенциальной угрозой, а в это время наши подразделения по психологической обработке населения раскалывали Ардазир. Еще одной причиной, почему так старательно избегали открытого столкновения, было то, что нам хотелось заполучить их прекрасный флот. Когда они наконец образовали на своей планете слабо скрепленную федерацию равноправных орбеков, кланов, племен и всего такого прочего, они уже вполне созрели для того, чтобы признать превосходство Терры — Пакс Террана призван был защищать их друг от друга!

— Как все просто! — бросила на него Кит хмурый взгляд из-под прекрасных волос. — За все, что они у нас тут натворили, они не заплатили и тысячной доли. Не о том речь, будто репарациями можно вернуть наших убитых, но... Их так и не обложили данью?

— Ну, они уже сполна искупили свою вину, — мрачно сказал Флэндри и посмотрел сквозь окутавшую его пелену дыма на розы, покачивающиеся под теплым летним ветерком. — Они десяти-

кратно заплатили за все, что наделали на Висксене — кровью, сталью, жизнями своими. Они сражались, как никто, не за свое дело. Мы разбрасывались ими направо и налево, так что домой вернулся едва ли один корабль из дюжины. И все же эти несчастные и гордые дьяволы считают, что одержали победу.

— Как? Ты хочешь сказать...

— Вот именно. Мы присоединили их флот к нашему в скоплении Сиракс, и они были авангардом в наступлении. Видишь ли, все по правилам. Формально-юридически Терра не предприняла развернутого наступления на мерсейские базы. Это сделал Ардазир, зависящий от нас в рамках конфедеративных отношений! Но наш флот шел следом за их флотом. Мерсейцы дали деру, начались переговоры, и Сиракс теперь наш. — Флэндри пожал плечами. — Мерсейя может это пережить, так как Терра обязалась не использовать это звездное скопление в качестве базы для своего дальнейшего продвижения. Там будет проходить один из оборонительных рубежей. У нас не хватает смелости поступать по уму, так что теперь будем сохранять мир — и черт с ними, с нашими внуками. — Он курил частыми, сильными затяжками. — Одним из условий был обмен пленными. Всеми пленными, мерсейцы так и настаивали — всеми. Проще говоря, если они не получат назад Айхарайха, то не уйдут из Сиракса. Они его получили.

В ее широко раскрытых глазах читался вопрос.

— Ерунда все это, — насмешливо произнес Флэндри. — Так, пустячок. Я не считаю, что зря поработал. Я помог положить конец войне с Ардазиром и вывести из тупика вопрос о Сираксе. И Айхарайха для торга представил лично я. Вроде большего и желать не приходится? — Он уткнулся лицом в ладонь. — О Боже, Кит, как я устал!

Она встала, подошла к нему, села на подлокотник кресла и положила ему руку на голову.

— Ты можешь остаться здесь и отдохнуть? — мягко спросила она.

Он посмотрел на нее и какое-то время, словно сам сомневаясь, молчал, а потом с сожалением наморщил нос:

— Извини, но я заскочил, только чтобы попрощаться.

— Как? — прошептала она с болью в голосе, словно он ранил ее. — Но, Доминик...

— Нет, — прервал он ее, покачав головой. — Ничего, девочка, не получится. Ты должна получить все сполна, иначе будет нечестно по отношению к тебе, а я не из тех, кто «раз и навсегда». Такие вот дела.

Он залпом выпил и встал. Сейчас, даже раньше намеченного часа, он уйдет, кляня себя за то, что вернулся сюда, не подумав,

каково будет им обоим. Он приподнял ее голову за подбородок и, глядя в ее светло-карие глаза, улыбнулся.

— О твоих делах, Кит, — сказал он, — твои дети и дети твоих детей будут вспоминать с гордостью, но самое главное... Ведь мы позабавились, правда?

Он коснулся губами ее губ и почувствовал на них слезы. Он вышел из дома и, не оглядываясь, пошел прочь по улице.

Насмешливый внутренний голос напомнил ему о том, что он еще не рассчитался с Иваром дель Бруно за пари. А чего ради он должен отдавать? Вот вернется на Терру и пойдет на новую попытку. Будет хоть чем заняться.

ВОИНЫ ИЗ НИОТКУДА

— Преступление, — сказал капитан Доминик Флэндри из службы разведки космического флота Империи, — целиком и полностью определяется масштабом. Если ты застрелишь своего соседа с целью завладеть его имуществом, то тебя назовут убийцей и вором и отправят на психокоррекцию, а затем на принудительные работы. Однако если ты решишь собрать банду здоровых парней, отправить на тот свет пару миллионов людей и захватить их планету, то тебя ждет титул великого завоевателя, героя Вселенной, не говоря уже о почетном месте в учебниках истории. Раньше или позже этот парадокс доходит до сознания народа и вызывает стремление к всеобщему миру. Это и называется упадком, особенно среди философов истории, которым никогда не приходилось воевать. Сейчас Империя находится на ранних стадиях упадка, когда жить, в общем-то, можно: мир и спокойствие царят в обществе, еще недостаточно прогнившем, чтобы ощущать надвигающийся хаос. Можно сказать, что Империя сейчас походит на банан, только-только начинающий покрываться коричневыми пятнышками.

Тюрьма за такие высказывания ему не грозила, так как он вел частную беседу, сидя на балконе своего загородного дома на южном континенте Варрака и наслаждаясь привычным поздним завтраком. Его ноги в цветастых пижамных брюках покоились на перилах. Поверх кофейной чашки он любовался открывавшимся между ступнями видом горного склона, ближе резко переходившего в зеленую, залитую солнцем степь. Свет ласкал тонкое, с правильными чертами лицо и стройное сильное тело, явно противоречащее образу и свидетельствовавшее о том, что его обладатель

не принадлежит к типу мелкого аристократа пресыщенной империи. Но род его занятий — поддержание статус-кво в государстве, которому угрожало внутреннее разложение и внешняя агрессия, — требовал подтянутости.

Элла, его нынешняя возлюбленная, предложила ему сигарету, и он с удовольствием затянулся. Эту сногшибательную блондинку он купил пару недель назад в единственном городе этой планеты, Форт-Лоуне. Судя по всему, она вела свое происхождение от первых поселенцев, полуаристократов, в свое время разорившихся и проданных за долги. Такие люди вызывали у него сочувствие, но с системой ничего не поделаешь; кроме того, у нее, вероятно, бывали хозяева и похуже.

Сделав очередной глоток кофе и пригладив усы, он уже открыл рот, чтобы продолжить разглагольствования. Его остановило извиняющееся покашливание слуги, единственного, кроме них, человека в доме. Стройный гуманоид с Шалму имел гладкую зеленую кожу, цепкий хвост и безупречные манеры. Флэндри окрестил его Чайвзом и обучил некоторым полезным вещам помимо ухода за своим парадным костюмом.

— Извините, сэр, адмирал Фенросс вызывает из города.

Флэндри выругался и поднялся с места.

— Фенросс! Что ему тут делать, на этой планете? Скажи ему... а впрочем, это анатомически невозможно. — Он, нахмурившись, поплелся в кабинет. Между ним и начальником не было особенной любви, но Фенросс не стал бы беспокоить человека в отпуске, не будь это действительно срочно.

С экрана на него смотрело вытянутое, суровое лицо в темных очках. Из-под рыжих волос стекали капли пота.

— Наконец-то! Подключи устройство засекречивания, шифр 770. — Когда Флэндри настроился, адмирал резко сказал: — Отпуск отменяется. Приступай к делу немедленно, — и неожиданно добавил другим голосом: — Хотя Бог знает, удается ли тебе что-нибудь изменить. Если нет, полетят наши головы.

Флэндри сделал глубокую затяжку:

— О чем идет речь, сэр?

— Разорение Форт-Лоуна было не просто набегом...

— Какое разорение?

— Ты не знаешь?

— Я неделю не включал телеком, сэр. Хотел отдохнуть.

Фенросс что-то сердито пробормотал, а затем заговорил хриплым голосом:

— Значит, так: вчера налетела орда варваров, смела все оборонительные посты, приземлилась, и через три часа все было обчищено, а город пылал факелом. Захвачено также около тысячи граждан, в основном женщины. Грабителям удалось унести ноги,

прежде чем ближайшая военная база успела получить сигнал тревоги. Откуда они и куда делись — сказать невозможно.

Флэндри еще раз откровенно выругался. Ситуация была ему знакома. Таврийский сектор Империи выполнял роль буферной зоны: по ту сторону простирались звездные дебри, кишашие ордами варваров, заполучивших космические корабли и атомные бластеры и использовавших их исключительно для разбоя. Набеги и карательные экспедиции были здесь обычным делом. Но нападение на Варрак! Это не укладывалось в голове.

— Но это не по нашей части, сэр, мы, конечно, можем выяснять, кто это сделал, — попытался возразить он. — Но боевыми действиями, как я понимаю, занимается флот. Зачем тогда дергать меня?

— Дело касается не только тебя, нам нужен каждый человек в этом секторе. Послушай, Флэндри, варвары прихватили с собой ее высочество, леди Меган с Луны, наследную принцессу и любимую внучку императора!

— Хм-м... вот как... — На лице Флэндри не дрогнул ни один мускул, но внутри все сжалось и похолодело. — Понял... Что о них известно?

— Немного. Одному офицеру удалось спрятаться в развалинах и заснять стереофильм — всего на несколько минут. Это может дать нам зацепку; не исключено, что ксенологическому отделу удастся по нему идентифицировать налетчиков. Но в любом случае... — Фенросс замялся, ему явно трудно дались следующие слова, — ты нам нужен.

— Похоже на то, дорогой шеф, — от излишней скромности Флэндри никогда не страдал. — Ладно, я сейчас прилечу. Пока. — Прервав связь, он вернулся на балкон. Чайвз убирал посуду после завтрака, а Элла курила в кресле. — Прощайте, дети мои. Я вас покидаю.

Девушка пристально посмотрела на него своими серебристо-голубыми глазами.

— Что случилось, Ник? — тихо спросила она.

Флэндри поморщился:

— Точно не знаю, но кажется, меня только что приговорили к смерти.

Картина была адская.

На фоне падающих и пылающих развалин бесновались вооруженные варвары: дюжие гиганты в шлемах и латах, некоторые с архаичными мечами. В кадре появился помост, на котором сбилась в кучу дюжина молодых женщин, лишенных как одежды, так и надежды, их дикий ужас отступал перед отчаянием. Нескольких из них унесли к дискообразному кораблю, в то время как

оставшиеся жались друг к другу, окруженные ордами дикарей. Их продавали. Крупные драгоценные камни, серебро и золото, награбленные в городе, переходили к похожему на гнома безобразному существу, сидевшему на корточках. Взамен он передавал ухмыляющимся воинам приобретенный ими живой «товар».

Фильм кончился. Флэндри посмотрел сквозь разрушенные стены здания, в котором он находился, на дымившиеся останки Форт-Лоуна. Имперские десантники стояли на страже, работал пункт помощи пострадавшим, в небе висел тяжелый штурмовик — но все это безнадежно запоздало.

— Ну, — резко спросил Фенросс, — что ты об этом думаешь?

Флэндри стал увеличивать изображение, пока одна из казавшихся объемными фигур не выросла перед ним до гигантских размеров.

— Определенно, это люди, — произнес он. — За исключением той карликовой твари, я бы всех их отнес к человеческой расе.

— Конечно! Это я и сам знаю, идиот. Должно быть, они потомки ранних колонистов, затерявшихся где-то здесь и вернувшихся на стадию варварства. Такие случаи уже бывали. Но откуда именно? Может, их планета вообще не зарегистрирована?

— Корабль у них странной конструкции. По-моему, в мерсейской гегемонии еще строят нечто подобное, но от варваров, обычно имитирующих наши модели, этого трудно ожидать.

Фенросс судорожно слотнул и крепко стиснул пальцами край стола.

— Если за этим стоят мерсейцы...

Флэндри показал на карлика.

— Высокие, смуглые и красивые — о происхождении этих можно строить правдоподобные гипотезы. Не знаю, нужно покопаться в банках данных. Но должен сказать, что этот набег проходил довольно необычно. Варрак отстоит от границы на несколько световых лет. Существует множество соблазнительных мест гораздо ближе к внешнему космосу. Кроме того, налетчики прекрасно знали, куда именно нужно стрелять, чтобы обезвредить все средства обороны. И самое главное, конечно, то, что случилось с принцессой. Очень похоже, что им помогал кто-то изнутри, не правда ли?

— Я тоже об этом подумал. Сейчас всех оставшихся в живых из местного гарнизона гипнопробируют, но пока никаких сведений получить не удалось.

— Сомневаюсь, что удастся. Наш противник слишком искусен, чтобы оставлять такие улики. Если у него и были сообщники в форте, то они умчались вместе с налетчиками и оказались в

разряде пропавших без вести. А что конкретно произошло с ее высочеством?

У Фенросса вырвался стон.

— Она совершала поездку по пограничным секторам. Эти болваны там, на Терре, должны были подумать, прежде чем ее устраивать! Или же они ничего не могли поделать с имперскими капризами. Леди Меган вертит императором, как хочет. Как бы то ни было, она отправилась инкогнито, конечно, под охраной отряда службы безопасности. Но налетчики просто снесли стены здания, в котором она находилась, перестреляли всю охрану и похитили ее саму вместе со слугами.

— Это тоже, — сказал Флэндри, — свидетельствует о том, что действовали по наводке. Зачем еще им нападать на Варрак, если не для того, чтобы захватить принцессу? Грабеж служил лишь для отвода глаз. Они точно знали, где она поселилась, — он достал сигарету и нервно затянулся. — Какие цели они, по-вашему, преследуют? Выкуп?

— Молю Бога, чтобы дело было только в деньгах. Но боюсь, что... Эти варварские короли отнюдь не глупцы. Боюсь, что в качестве выкупа они потребуют чрезвычайно болезненных для нас военных и политических уступок. Особенно если налетчики, как ты предполагаешь, являются мерсейскими агентами. Император отдаст им все, что бы они ни потребовали. — Фенросс опустил голову на сжатые кулаки. — Для Терры это может оказаться началом конца.

— Я полагаю, что его величеству еще не сообщили?

— Конечно, нет! Я его знаю. Первым делом он казнит всех, кто так или иначе несет за это ответственность. Что, как тебе известно, касается и нас с тобой. Я думаю, мы сможем придерживать информацию пару недель, может быть месяц, но не дольше, это уж точно. Если к этому времени мы ее не вернем... — Фенросс резко провел пальцем по горлу.

Флэндри нахмурился. Ему совсем не хотелось расставаться с жизнью.

— Что вы предпринимаете? — спросил он.

— Поднимаю по тревоге всех наших агентов. Будем прочесывать внешний космос. Наводним всю проклятую Мерсейскую империю шпионами. Но... боюсь, у нас мало времени. Космос слишком необъятен... — Фенросс бросил гневный взгляд на своего подчиненного: — Ладно, чего расселся! За дело!

— Не вижу смысла в том, чтобы дублировать чью-то работу, дорогой сэр, — произнес Флэндри с тщательно дозированной дерзостью. — У меня есть некоторые собственные идеи, если только вы позволите мне действовать самостоятельно. Мне нужен доступ ко всем файлам, включая самые секретные.

— Действуй, — проворчал Фенросс. — Живи, пока дают.
Флэндри поднялся.

— Мой мозг работает лучше, когда есть надежда на небольшое вознаграждение, — ненавязчиво заметил он.

Начинать работу можно было и в загородном доме. По засекреченному каналу из центральных файлов телексы поступали прямо туда. Терминал в режиме «секретная информация» фиксировал все входящие сообщения на специальной пленке, полностью самоуничтожившейся через час. Флэндри сидел в халате и тапочках, перерывая горы информации, в которой кое-что стоило целой империи и было добыто ценой чьих-то жизней. Разведка для того и существует, чтобы располагать полными сведениями обо всем, что творится в доступных областях Галактики. Чайвз обеспечивал его кофе и сигаретами.

Под утро к нему сзади подкралась Элла.

— Ты когда-нибудь собираешься ложиться, Ник? — спросила она, положив руку ему на голову.

— Некогда, — проворчал он. — Кажется, я напал на след. И если моя догадка верна, времени у нас в обрез; двух недель, на которые рассчитывает обожаемый Фенросс, чтоб он провалился, у нас не будет. Наш противник позаботится о том, чтобы его августейшее высочество узнал эту новость гораздо раньше.

Она кивнула, тряхнув длинными золотистыми волосами, и села у его ног. Медленно вставало солнце.

— Клянусь звездами, планетами и маленькими розовыми астероидами, — наконец пробормотал Флэндри, — похоже, нашел. Электронная система перекрестной регистрации все-таки отличное изобретение.

Она внимательно смотрела на него, не говоря ни слова. Он потер рукой подбородок, чувствуя, как отросшая щетина царапает ладонь.

— Но что мне делать с этой находкой, не знаю. Это все равно что засунуть голову в пасть льва...

Он беспокойно зашагал по комнате.

— Чайвз весьма полезный малый, когда нужно управляться с оружием или набором отмычек, — сказал он, — но мне нужен кто-то еще.

— Могу я чем-то помочь, Ник? — спросила Элла. — Мне бы очень хотелось. Ты так хорошо ко мне относишься.

Его взгляд остановился на ней: высокая, гибкая, стройная, сохранившая что-то от силы первопроходцев, отвоевавших у джунглей этот мир...

— Элла, — поинтересовался он вдруг, — ты умеешь стрелять?

— Я когда-то охотилась в горах на фераззов, — сказала она.

— Послушай, что ты скажешь, если я дам тебе вольную? Да в придачу разыщу остальную твою семью и выкуплю их вместе с земельной собственностью. Премии на это хватит, даже для следующей игры в покер кое-что останется.

У нее в глазах неожиданно заблестели слезы.

— У меня нет слов, — только и смогла выговорить она.

— Но ты готова пойти на риск, готова к смерти, пыткам, унижениям — всем возможным карам, к которым может прибегнуть всесильный извращенный ум в случае нашего провала? Сейчас ты не в самом плохом положении. Готова ли ты поставить все на кон?

— Конечно, — тихо произнесла она, вставая.

Он засмеялся и шлепнул ее не совсем по-братски.

— Ладно! Можешь пока зайти в тир и подтвердить свою квалификацию в стрельбе, пока Чайвз собирает вещи.

На частном катере Флэндри до Во было три дня лету. Еще раз продумав все, что предстояло сделать, он позволил себе провести остаток времени, развлекая себя и своих спутников. Другого случая могло не представиться.

Во был заселен в первые годы космической экспансии Империи и в итоге стал процветающей планетой, лучшего места для столицы сектора Тельца и для резиденции его наместника было не найти. Он был похож на Терру — не такой величественный, но более суетливый и деловитый. Да и весь сектор представлял собой империю в рамках Империи, могущественное межзвездное государство, чей правитель занимал одно из самых высоких мест в имперской иерархии.

Флэндри оставил Чайвза на корабле в главном космопорте, дав солидную взятку начальнику охраны за невнимание к тому факту, что его летательное средство имело на борту гораздо больше вооружения, чем подобало гражданскому космоплану. Вместе с Эллой они поймали таксоплан до центра города и сняли особняк на крыше одного из лучших отелей. Флэндри никогда не ограничивал себя, имея в кармане казенные деньги, однако на этот раз дом на крыше был выбран по практическим соображениям. На крышу можно посадить космоплан, если потребуеться быстро уносить ноги.

В тот же вечер он связался с дворцом герцога и имел разговор с главным секретарем по социальным вопросам.

— Капитан Доминик Флэндри из службы разведки его величества, — важно представился он перед появившимся на экране женоподобным лицом. — Я бы хотел получить аудиенцию у его светлости. Нужно обсудить одно дело.

— Очень жаль, сэр, но боюсь, что...

Под боком у секретаря запищал телеком.

— Прошу прощения, — он заговорил в сторону и обратно повернулся уже с подобострастным выражением лица. — Конечно, сэр. Его светлость будет рад видеть вас завтра в четырнадцать ноль-ноль.

— Отлично, — сказал Флэндри. — С меня леденец, юноша. — Он отключился и рассмеялся при виде изумленного лица Эллы.

— Все решилось само собой, — объяснил он ей. — Кто-то наблюдал за секретарем и, когда всплыло мое имя, дал ему недвусмысленно понять, что мое присутствие во дворце совершенно необходимо — или, по крайней мере, что приглашение на какое-то время усыпит мои подозрения.

В сиянии единственной большой луны Во даже без света было видно, как она кусает губы.

— Не нравится мне это, — сказала Элла.

— Это отлично подтверждает мои предположения. Послушай, — Флэндри уже десятки раз анализировал ситуацию, но ему нравилось себя слушать. — Служба разведки — чрезвычайно эффективное орудие, если направить его в нужную сторону. В данном случае похищение было спланировано так, чтобы Фенросс бросился искать в сотнях разных направлений, причем ни одно из них не является верным. Он взялся за безнадежную работу — прочесать миллион варварских звезд и враждебную империю Мерсейи. Я же, со своей извращенной подозрительностью, представил, что на нашей собственной территории имеются элементы, не отказавшиеся бы пригласить к себе в гости любимую внучку императора.

Тот космический корабль чудной конструкции явно должен был намекать на империю Мерсейи, но мне эта версия показалась не очень-то убедительной. Мерсейя слишком далеко отсюда, чтобы варвары из внешнего космоса подражали им; а если нападение было их собственных рук делом, то зачем так откровенно себя выдавать? К тому же обычные дикари-мародеры никогда бы не заявили на Варрак, не говоря уже о том, что у них не могло быть такой точной информации. Даже в Мерсейе вряд ли знали о путешествии принцессы. Конечно, это были вполне натуральные пришельцы — но кто их нанял и кто осуществлял общее руководство?

К догадке меня подтолкнула та карликовая тварь. Этот тип явно имел определенную власть, иначе кто бы стал отдавать ему добычу в обмен на девушек — налетчики бы сами их прекрасно поделили. В архиве не оказалось информации о расе, имеющей такие внешние данные, но зато я обнаружил подобных пришельцев при дворе его светлости герцога Альфреда с Таврии, причем

некоторые из них были привезены из весьма отдаленных районов, куда редко забираются корабли людей.

Так что все выглядит вполне логично. В ближайшее время какой-нибудь варварский король потребует солидный кусок этого сектора в качестве выкупа за Меган. Тогда ее, вероятно, вернут, стерев из памяти все воспоминания, а может быть, так и не вернут. Самое главное, что король получит требуемую территорию. Император решит, что мы сможем впоследствии отвоевать ее назад, но король окажется марионеткой Альфреда, и именно армия Альфреда возьмет на себя тяжесть войны. Герцог, притворявшийся все это время нашим союзником, позаботится об отражении атаки, да еще и отвоеует в придачу оставшуюся часть Таврии. Тогда он сможет стать единовластным правителем, а может, заключит договор с какой-нибудь враждебной империей вроде Мерсейи. Так или иначе мы потеряем один из наших ключевых форпостов. По крайней мере, — закончил Флэндри, — так бы повел это дело я.

Элла задрожала, и в глазах ее появилась тревога.

— Война, — прошептала она, — убийства, поджоги, грабеж, обращение в рабство — нет!

— Мы здесь для того, чтобы этому помешать, — сказал Флэндри. — Пока что я не могу поделиться своими подозрениями с Фенроссом; даже если он поверит мне, что очень сомнительно, таврийский отдел службы разведки, вероятно, полон агентов Альфреда. Ему обо всем доложат, и он примет меры, чтобы остановить нас. Не исключено, что всех нас арестуют по обвинению в измене. Теперь я, должно быть, встревожил Альфреда, явившись сюда. Ему захочется узнать, действительно ли я попал на его след...

Что-то на секунду заслонило лунный свет, и по полу промелькнула тень. Флэндри осторожно выглянул в окно. Далеко внизу ночной город сверкал миллионами разноцветных огней, поднимавшихся к огромному, похожему на крепость замку на холме. Но на крышу отеля приземлился флиттер.

— Быстро сработали, — процедил Флэндри сквозь зубы, расчехляя бластер. — Я думал, герцог дождется встречи со мной, но, по всей видимости, ему невтерпех.

Элла сжимала в руках многозарядную винтовку. В темной комнате луч лунного света превращал ее лицо в призрачную белую маску.

— Может быть, у них нет плохих намерений, — сказала она.

— В таком случае они бы не приземлились здесь без разрешения. — Флэндри увидел, как полдюжины темных фигур спрыгнули на крышу и направились к дому. При свете луны сверкнул

металл. — Местные головорезы, надо полагать, нанятые, чтобы схватить нас. Посмотрим, как у них это получится!

Его бластер грохнул, и разряд, пробив оконную раму, окутал одного из нападавших языками пламени. Остальные завопили и бросились врассыпную. Раздался выстрел из винтовки, кто-то, покотившись к краю крыши, свалился в жуткую пропасть. Град пуль осыпал стены дома.

— Будь это обычное бесхитростное ограбление, полиция бы уже налетела как коршун, — заметил Флэндри. — Но сегодня ночью им посоветовали сюда не соваться. — Он повел носом. — Усыпляющий газ! Надень маску!

Бой продолжался всего несколько минут. Двое нападавших зашли с задней стороны дома, взорвали дверь гранатой и ворвались в гостиную. Элла аккуратно уложила их, в то время как Флэндри вел огонь из окна. Наступила тишина.

— Вот и все, — глухо сказал Флэндри из-под маски. — Грубо сработано. Дружище Альфред будет вне себя от злости. Ладно, мы дадим ему время придумать что-нибудь по-настоящему коварное, — он подошел к местному монитору и нажал кнопку. — Полагаю, что менеджеру сегодня тоже посоветовали не соваться куда не следует... Алло, администрация? Боюсь, у нас здесь небольшой беспорядок, не могли бы вы прислать кого-нибудь сделать уборку?

Огромный аудиенц-зал стараниями предыдущих герцогов лохмился от роскошных ковров и золотых украшений. У нынешнего хозяина руки не доходили убрать все это, но суровость его характера проявлялась в неуютной мебелировке и молчаливом присутствии охранников, выстроившихся по обеим сторонам. Флэндри на мгновение стало не по себе, но он решительным шагом подошел к трону и церемонно поклонился. В цветастых одеждах и при мече, полагавшемся по этикету, он затмевал собой того, кто сидел перед ним.

Герцог Альфред был внушительным мужчиной средних лет, с брюшком, но и с железной твердостью на тяжелом, окаймленном седой бородой лице. Флэндри встречался с ним раньше мимоходом, и тот произвел на него впечатление опасного человека.

— Чувствуйте себя как дома, — произнес он. Доброжелательные слова никак не вязались с его голосом и каменным лицом. — Кто это с вами? — он кивком показал на Эллу, униженно съежившуюся на ковре.

— Небольшой подарок для вашей светлости, — сказал Флэндри. — Она доставит вам удовольствие. — В этом не было ничего подозрительного; при визите к вельможе полагалось преподно-

сильные дары, к тому же при входе их обоих просветили рентгеновскими лучами на предмет наличия оружия.

— Хм, — в оценивающем взгляде герцога промелькнула искорка интереса и любопытства. — Посмотри на меня, девка. — Элла робко подняла лицо. Актерских качеств, как Флэндри уже смог убедиться, ей было не занимать. — Хорошо. Отведите ее в гарем. — Гигантский четырехрукий горзунианский раб низко поклонился и увел ее.

— Ну, — сказал Альфред, — по какому поводу вы хотели меня видеть?

— Сущий пустяк, ваша светлость, но ваша информация может оказаться полезной для моей организации. — Флэндри начал вполне правдоподобный рассказ о преследовании мерсейских агентов, посланных провоцировать беспорядки в пограничных провинциях. При этом он ненавязчиво упомянул о произошедшем накануне нападении и выразил уверенность в том, что враг пронюхал о том, кто его преследует, и решил нанести упреждающий удар. Может быть, у герцога были какие-нибудь сведения об их деятельности? Пока что не было никаких признаков их активности в Таврии, но лишний раз убедиться никогда не мешает.

Нет, никто ничего не слышал. Если бы подобная информация дошла до герцога, он бы незамедлительно передал ее соответствующим службам. Сейчас, однако, у него много дел. Всего хорошего, капитан.

Флэндри направился к двери. Выходя из ворот замка, он почувствовал, как у него забегали мурашки по коже. Альфред так легко не отвяжется. Неизбежна очередная попытка захватить и гипнопробировать его с целью выяснить, нет ли у него каких-либо подозрений. И на этот раз герцог не доверит дело наемным головорезам.

Флэндри отправился в центр города, в местное отделение службы разведки, где для отвода глаз составил и отправил отчет о своей деятельности. Люди Альфреда потратят некоторое время на его проверку. Затем, не афишируя своих действий, он забрал из шкафа штатный маскировочный комплект и оружие.

В одиночестве ужиная в ресторане, он вертел в пальцах рюмку с ликером, со смутной тоской думая об Элле. Двое вошедших вскоре после него посетителей за соседним столиком тоже томилась, но довольно неловко.

Флэндри незаметно рассмотрел их. Один был невысок, умное лицо, а другой — здоровенный громила. Похоже, один из придворных охранников, только без униформы по такому случаю. Незаменимый тип.

Флэндри встал и не спеша вышел на улицу. Шпики последовали за ним, затерявшись в толпе. Оторваться от них не составило

бы для него особого труда, но это не входило в его планы. Наоборот, он сознательно вел игру в поддавки; усердные ребята, почему бы им не помочь.

Он поймал таксоплан.

— Знаешь клевые места? — тупо улыбаясь, спросил он. — Ну, где музыка, девочки, в общем, на твой вкус, но не слишком дорого.

— Нет проблем, сэр. — Таксист осклабился и рванул к трущобам на окраине города. Они приземлились на площадку двадцать пятого этажа высотного здания, сверкавшего безвкусыми зазывающими огнями. За ними спикировал другой таксоплан.

Флэндри посидел в баре, наслаждаясь смущением шпиков, а затем выбрал девочку, стройную, с вызывающе накрашенными губами. Она начала прижиматься к нему еще в коридоре. Открылась дверь, и они прошли внутрь.

— Прости, сестренка. — Флэндри достал свой станнер и выдал ей луч средней мощности. Отрубится на несколько часов. Уложив ее на кровать, он застыл в ожидании, держа оружие наготове.

Долго ждать не пришлось. Дверь открылась, и его преследователи показались на пороге. Подкупили или запугали хозяйку? Станнер Флэндри повалил меньшего из них.

Громила же прыгнул на него как тигр — мастерский прием, и оружие с грохотом полетело к стене. Флэндри выставил вперед колено, но туша в бронежилете до боли придавила его сверху. Захват был практически мертвый. Флэндри выскользнул, используя свой фирменный трюк, перекатился и нанес удар, вложив в него весь свой вес. Шпик обмяк.

Несколько секунд Флэндри колебался, отдуваясь и приходя в себя. Надежнее всего было бы пришить этих двоих, но... Он решил заморозить свои жертвы, от этого они не скоро очухаются. Затем он вылез через окно на аварийную площадку и вызвал по наручному радиотелефону таксоплан. Прибывший водитель встретился с дулом бластера.

— Нужно избавиться от трех любителей поспать, — весело заявил Флэндри. — Живее, дружище, а то к ним в компанию может попасть труп. Грузи их.

Они оставили город далеко позади и присмотрели для посадки лесистый район, где и приземлились. Флэндри оглушил и заморозил водителя, а затем сложил всех четверых рядышком под деревом. Напоследок он не удержался и, сложив каждому руки на груди, вставил в них белые цветочки.

Теперь за работу! Сняв с лежавших одежду, он достал из маскировочного набора компьютер с камерой, который детально зафиксировал внешность шпика. Покончив с этим, он побросал вещи в таксоплан и взлетел. Проснутся они не раньше завтрашнего

дня, да еще пара дней у них уйдет на то, чтобы без денег и одежды добраться до населенной местности и сообщить о происшедшем. К тому времени все будет кончено, так или иначе.

Доверив обратную дорогу автопилоту, Флэндри изучил документы шпика. На окраине города он пересел в другой таксоплан и направился в космопорт. Там наверняка торчали агенты герцога. Они видели, как он забрался в свой корабль, получил разрешение на выход в межзвездное пространство и взлетел. Логично было предположить, что либо его миссия закончена, либо он испугался и решил дать задний ход. В любом случае противник, вероятно, спишет его со счетов, что сильно облегчит дело.

Агенты не видели, однако, как Флэндри усиленно гримировался с помощью Чайвза. Имея в распоряжении пластиковые маски, фальшивые отпечатки пальцев и прочие штуки, можно творить чудеса. Конечно, при дотошном осмотре к нему можно было придаться, но Флэндри надеялся, что до этого не дойдет. Закончив манипуляции, он превратился в лейтенанта Роджера Баргена из личной охраны герцога. Корабль приземлился у какой-то деревни километрах в пятидесяти от города. Обрато Флэндри добрался на утреннем монорельсе.

Войдя в замок, он не доложил о своем прибытии полковнику. Не стоило напрашиваться на гипнозод. Секретность работы Баргена была очевидна, никто из его сослуживцев не должен был ею интересоваться — так что, если они увидят его деловито шныряющим по зданию и не теряющем ни секунды на разговоры, это не вызовет подозрений. Конечно, через несколько часов обман откроется, но Флэндри делал ставку на то, что со своими делами он управится быстрее.

«По большому счету, — мрачно подумал он, — ставкой является моя жизнь».

Рабыне Элле, которая когда-то была Эллой Макинтайр, свободной женщиной с холмов Варрака, в гареме не понравилось. В его благоуханной атмосфере было что-то гнусное, и она надеялась, что этой ночью герцог не придет за ней. А если все-таки придет... что же, это входит в условия договора. Но ее оставили в покое. Наложницы низкого ранга обитали в общежитии, имевшем вид роскошных барачков, с просторными покоями и с немой прислужкой из инопланетян. Элла бесцельно бродила по помещению, пока таял день. Другие женщины бросали на нее взгляды, но говорили мало; видимо, новенькие были достаточно обычным явлением.

Но ей срочно нужно было найти друзей. Логично было предположить, что пленницу содержали именно в гареме, покров

тайны и изоляция были здесь в порядке вещей. В этом маленьком мирке явно должны процветать сплетни. Элла выбрала опасливую девушку с большими ясными глазами и подошла к ней с робкой улыбкой:

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Элла.

— Ты новенькая, да?

— Да. Меня подарили. Хм-м... э-э... ну и как здесь живется?

— Не так уж плохо. Только делать нечего. Скучновато... — Элли передернуло при мысли о жизни, проведенной целиком в этих стенах, но она не подала виду, лишь кротко кивнула. Ее собеседница хотела знать, что происходит снаружи, и Элла потратила на рассказ об этом несколько часов.

Разговор в конце концов удалось направить в нужное ей русло. Да — нечто странное происходит. Вся восточная анфилада отгорожена и находится под охраной личной гвардии герцога. Должно быть, там поселили кого-то, по этому поводу строились самые невероятные предположения.

Элла изо всех сил скрывала волнение.

— Ты не догадываешься, кто бы это мог быть? — спросила она непринужденно.

— Не знаю. Может быть, инопланетянка. Его светлость имеет причудливые вкусы. Ты в этом сама скоро убедишься, дорогая.

Элла закусила губу.

Ночью она не сомкнула глаз. Было совершенно темно, тяжелая бархатистая, насыщенная ароматом благовоний чернота, казалось, душила ее. Ей хотелось закричать что есть силы, броситься бежать среди звезд и не останавливаться, пока не окажешься опять среди родных холмов Варрака. Закончить свои дни, так и не увидев солнца, так и не почувствовав на лице дуновения свежего ветра! Она устало повернулась, спрашивая себя, зачем вообще согласилась помогать Флэндри.

Но если он жив и придет к ней, она сможет рассказать то, что он хотел узнать. *Если только он жив!* И даже в этом случае — все равно они в крепости. С него живьем сдерут кожу, а ее... «*О Боже, помоги мне заснуть. Помоги мне заснуть и не думать ни о чем*».

Лампы дневного света снова включились, сигнализируя, что наступило утро. Угрюмый рассвет. Она искупалась в бассейне и съела завтрак, не чувствуя вкуса пищи. Интересно, она выглядит такой же усталой и измученной, какой себя чувствует?

Ее плеча коснулась чешуйчатая рука. Взвизгнув, она обернулась и оказалась лицом к лицу с рептилией. Из клюва вырвалось шипение:

— Ты — новая наложница?

Она попыталась ответить, но в горле пересохло.

— Пошли, — охранник повернулся и зашагал прочь. Она тупо последовала за ним. Вся болтовня в гареме прекратилась, когда она проходила мимо, и взгляды, провожавшие ее, были испуганными. Вооруженные охранники не вызывали девушек для развлечений.

Они прошли длинную анфиладу комнат, в конце которой была дверь. По мановению руки охранника она открылась, и тот знаком велел Элле войти. Охранник тоже вошел. Дверь за ним закрылась.

Комната была маленькая и без мебели. Зато в ней стояло кресло с ремнями и проводами, тянувшимися к панели управления; она узнала электронную машину пыток, не оставлявшую следов на теле. В другом кресле устроилось существо явно не человеческой расы. Его маленькое сгорбленное тело было скрыто складками роскошного одеяния, а огромные тусклые глаза на выпуклом безволосом черепе наблюдали за ней.

— Садись, — тонкая рука указала на электронное кресло, и она беспомощно подчинилась. — Я хочу с тобой поговорить. Лучше отвечай без обмана, — голос был высоким и визгливым, но в гоблине, которому он принадлежал, не было ничего забавного. — К твоему сведению, я Сарлиш из Джаграната, лежащего за пределами Империи; я шеф разведки его высочества, так что, как ты видишь, речь идет о необычном деле. Тебя привез сюда человек, вызывающий у меня подозрения. Зачем?

— В качестве... подарка... сэр, — прошептала она.

— *Timeo Danaos et dona ferentes**, — неожиданно произнес Сарлиш. — Я узнал об этом только сегодня утром, иначе я бы занялся расследованием раньше. Ты всего лишь простая рабыня?

— Да... сэр... он купил меня на Варраке, прежде чем отправиться сюда...

— На Варраке, говоришь? Я бы с удовольствием прогипнозировал тебя, но, если ты невиновна, тогда ты будешь не в форме для его светлости сегодня ночью. Я думаю... — Сарлиш задумчиво погладил свой острый подбородок. — Да. Небольшой болевой шок дезорганизует сознание достаточно, чтобы искусные вопросы поставили тебя в тупик, если ты лжешь. После этого решим насчет зонда. Прошу прощения. — Он сделал знак охраннику.

Элла с воплем вскочила. Охранник бросился к ней, но получил пинок в живот и на секунду отступил. Воспользовавшись этим, она метнулась к двери. Не успела дверь открыться, как длинные пальцы рептилии сомкнулись на ее руке. Извернувшись,

---

* Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

она вонзила ему в глаза вытянутые пальцы свободной руки. Раздался жуткий крик, и хватка ослабла.

— Ах так, — пробормотал Сарлиш. Он взял станнер и не спеша прицелился в дерущихся.

— Я бы не советовал этого делать, Долли, — послышался голос с порога.

Сарлиш обернулся и увидел нацеленное на него дуло бластера.

— Барген! — вскричал он, выронив оружие, а затем медленно произнес: — Нет, капитан Флэндри, так ведь?

— Собственной персоной и, как всегда, вовремя. — Ослепленный охранник двинулся к нему. Флэндри всадил в него узкий луч. Сарлиш с фантастическим проворством выпрыгнул из кресла и, бросившись в ноги, повалил его на пол. Элла перепрыгнула через терранина и поставила гоблину подножку. Сарлиш зашипел и выставил вперед когти, но, когда она чисто из инстинкта самосохранения сжала его шею, тонкие позвонки вдруг хрустнули, Сарлиш дернулся в последний раз и замер навсегда.

— Неплохо сработано! — Флэндри поднялся на ноги и быстрым движением сорвал маску. — Чертовски жарко в этой штучке. Ну что, нашла нашу принцессу?

— Иди за мной. — В голосе девушки звучало холодное торжество. Она наклонилась и взяла бластер мертвого охранника. — Я покажу. Но справимся ли мы?..

— Своими силами — нет. Но я дал знать Чайвзу. Только что, перед приходом сюда, удалось подобраться к радиопередатчику. Хотя не знаю, как он определит наше точное местонахождение. Мне с самого начала приходилось рассчитывать на твой успех... — Флэндри увернулся от стайки визжащих девушек: — Ого! Неудивительно, что герцог держит здесь прислугу из инопланетян!

— Вот, за этой стеной. Нам придется идти в обход через коридор, — выдохнула Элла.

— И подставить себя под выстрелы? Нет уж, спасибо! — Флэндри стал громоздить кресла и диваны в импровизированную баррикаду перед стеной. — Проложим себе дорогу, как ты думаешь?

Пластик запузырился и задымился под огнем бластера Эллы. Флэндри продолжал говорить:

— Я проник сюда, соврав, что должен кое-кого привести к герцогу. Одна из девушек рассказала, куда тебя забрали. Представь себе, я смог попасть сюда только благодаря тому, что ни один мужчина не осмеливается зайти в гарем без непосредственного распоряжения самого Альфреда. Теперь придется расхлебывать всю эту заваруху. Остается надеяться только на то, что Чайвз вовремя нас найдет и не подставится под зенитный огонь. — Он посмотрел через прицел бластера в арочный проем комнаты, за которой виднелись остальные покои: — Вот они идут!

В поле зрения появился отряд охранников. Флэндри настроил бластер на самый тонкий луч, что давало максимальную дальность, но стрельба на таком расстоянии требовала особого мастерства. Вот один сразу готов. Перед остальными выросла огненная завеса. Жар опалил лицо Флэндри. Он подстрелил еще одного, потом еще. Но остальные заходили с флангов, подбираясь на дистанцию широкого луча, и один выстрел уже чуть не поджарил его.

— Да сноси же к черту эту стену!

— Готово! — Элла отпрыгнула назад, в то время как выжженный ею круг провалился внутрь. Кожу обожгли капли раскаленной пластмассы. Баррикада окуталась языками пламени от прямого попадания из бластера. Не обращая внимания на раскаленные края, она полезла в отверстие, и Флэндри не мешкая последовал ее примеру.

Девушка, находившаяся внутри, вжалась в стену, открыв рот от ужаса. Она была смуглая, с красивым глупым лицом, характерным для императорской семьи.

— Леди Меган? — вскричал Флэндри.

— Да, — проскулила она. — Кто вы?

— Подданные вашего высочества — смею надеяться, — Флэндри направил широкий луч сквозь отверстие в стене. Оттуда донесся истощный вопль. Агент с горечью подумал, как много отважных ребят — возможно, включая его с Эллой — погибли из-за прихотей какого-то извращенца.

Дверь распахнулась внутрь, но Элла тут же разнесла в клочья тех, кто был за ней. Запахло паленым мясом. Флэндри припер дверь диваном. Слабая защита — хватит на несколько минут.

Он обратил потное чумазое лицо к принцессе.

— Я полагаю, вашему высочеству известно, что вас похитил герцог? — спросил он.

— Да, — выдавила она, — но он не собирался меня трогать...

— Вы так считаете! Мне стало известно, что он собирается вас убить.

Это было не совсем правдиво, но служило определенной цели. Если они выживут, Меган не станет разбираться, почему он посмел подвергнуть ее жизни опасности. Она даже начала говорить что-то невнятное про вознаграждение, и Флэндри от души пожелал, чтобы она потом не забыла о своем обещании. Если будет это «потом».

У него было одно преимущество. Герцог не имел возможности использовать тяжелое вооружение, чтобы взорвать их — могла пострадать пленница. Но... Он раздал три противогАЗа.

Наружная стена раскалилась. В ней вырезали круг такой величины, что дюжина солдат сможет ворваться в комнату одновре-

менно. Флэндри с Эллой могли остановить первую волну, но вторая их сметет.

Комната наполнилась едким дымом. Было жарко, пахло потом и кровью. Флэндри криво усмехнулся.

— Ну что же, дорогая, — сказал он, — попытка была достойная. — Рука Эллы на мгновение коснулась его волос.

Снаружи что-то грохнуло. Стены задрожали, и послышался звук падающих кирпичей, одновременно с ураганом выстрелов из винтовок и бластеров.

— Чайвз! — ликующе вскричал Флэндри.

— Что? — слабым голосом переспросила Меган.

— Салат из Альфреда в собственном соку, с Чайвзом, — буркнул про себя Флэндри. — Вы должны познакомиться с Чайвзом, ваше высочество. Он прирожденный аристократ. Он... как, черт возьми, ему это удалось?

Снаружи началось нечто вроде извержения вулкана, стены раскалились докрасна, а затем наступила тишина.

Флэндри отодвинул горящий диван и рискнул выглянуть в коридор. Вокруг не было ничего, кроме развалин, являвших собой наглядную картину действия мощного корабельного бластера. От осаждавших не осталось и следа. Сквозь остатки стен проглядывало ясное небо. Среди обломков парил его собственный скоростной спидстер.

— Чайвз, — с изумлением произнес Флэндри, — просто спикировал на крепость на полной скорости, проложил себе путь пушками и бомбами и оставил от людей герцога мокрое место.

Фонарь кабины откинулся, и показалась зеленая голова.

— Советую не задерживаться, сэр, — сказал Чайвз. — Сигнал тревоги подан, и у них есть боевые корабли.

Он спустил лестницу. Флэндри с девушками вскарабкались наверх, колпак захлопнулся, и спидстер с ревом сорвался с места. Ему на хвост тут же сел небольшой линейный корабль, поднимающийся с военного космодрома.

— Как ты нашел нас? — восхищенно спросил Флэндри. — Даже я не знал, где находится гарем, когда посылая тебе сообщение.

— Я предположил, что будет бой, сэр, — скромно сказал Чайвз. — Бластеры ионизируют воздух. Я использовал детекторы радиации, чтобы определить нужное направление, — он поставил корабль на автопилот и перешел на крошечный камбуз.

Флэндри смотрел в монитор на стремительно уходившую вниз планету.

— Этот военный корабль... — пробормотал он, — а впрочем — посмотри на радар — мы отрываемся от него. У нашего корыта есть еще порох в пороховницах. Скоро будем на Варраке.

Он оглядел кабину. Элла старалась успокоить впавшую в истерику Меган. Она на секунду встретилась с ним глазами, полными триумфа.

— Единственное, о чем теперь стоит беспокоиться, — сказал он, — это то, что дорогой Альфред, будучи уличен, может начать открытое восстание. В таком случае может вмешаться Мерсейя, что приведет к крупномасштабной войне.

Чайвз оторвал взгляд от плиты.

— Его светлость руководил осадой вашего укрепления, сэр, — сказал он. — Боюсь, что, открыв огонь по солдатам, я позволил себе заодно стереть в порошок и герцога. Ее высочество будет чай с сахаром или с лимоном?

Содержание

От издательства	7
К тигру в клетку, <i>перевод с английского С. Парижского</i>	11
Честные враги, <i>перевод с английского Т. Голубевой</i>	40
Ловушка чести, <i>перевод с английского Г. Ивашевской</i>	65
По секрету всему свету, <i>перевод с английского А. Юринова</i>	105
Бич властителей, <i>перевод с английского С. Кассирова</i>	168
Охотники из Небесной Пещеры, <i>перевод с английского Ю. Федорова</i>	268
Воины из ниоткуда, <i>перевод с английского С. Парижского</i>	379

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том шестнадцатый

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Е. Барина*, *А. Варковецкая*,
А. Ефемов, *Л. Шилова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева*, *Н. Дундина*, *А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 3.04.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 8000 экз.

Заказ № 473.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного Комитета Российской Федерации по печати

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Повести и рассказы

Беликопепный Доминик Флэндри вновъ спасает чеповечество от происков ящеро-подобных инопланетных завоевателей-мерсейцев и их таинственного союзника, могучего телепата Айхарайха, наследника погибшего народа с затерянной планеты Херейон. В жарких океанах Ньянзы и ледяных пустынях Алтая, на звездолетах кровожадных налетчиков-шотлан и в кромешной черноте туманности Небесной Пещеры, не щадя себя, сражается гениальный агент ради сохранения галактической цивилизации, против варварства, которое несет с собой Долгую Ночь Вселенной.

